

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.10.2024

Цена свободная

Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Цифровой мир и приоритет общественных ценностей. Ван Чао	4
Теоретические основы формирования экологической безопасности в учебно-воспитательном процессе в условиях современности. Проходимова Е.М., Губанова О.А.	8
Сравнительный анализ подходов к анализу оборонного потенциала государства. Иванов П.П.	11
Проблемные аспекты в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации. Иванов В.А.	14

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Сотрудничество Ирана и России в урегулировании сирийского кризиса в целях обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке. Ладжеварди Сейедерфан, Федоряк Д.Р.	19
Политические последствия обострения территориального спора Венесуэлы и Гайаны по вопросу принадлежности района Эссекибо. Торо Нестеренко Ярослав Себастьян	26
Политические последствия венесуэльского кризиса в Южной Америке. Торо Нестеренко Ярослав Себастьян	33
Особенности развития внешней политики Узбекистана в отношении Российской Федерации в постсоветский период. Стройков С.П.	39

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

К вопросу о статусе государственного совета в системе публичной власти. Баскаков А.С.	45
Влияние общественно-политической мысли XIX в. на становление института политических прав и свобод подданного в Российской империи. Ермаков Е.Г.	51
Вина в смысле, придаваемом ей судами. Севостьянова А.А.	54

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовое регулирование цифровых валют в Российской Федерации. Арманд Я.А.	61
Цифровизация как ключевой фактор модернизации финансового и налогового законодательства. Голубев С.А.	65
Реализация принципа добросовестности корпорацией. Закабуня Ф.Р.	70
Порядок определения действительных налоговых обязательств при переqualификации ученических договоров в трудовые. Клоникская А.Ю.	75
Статус участника юридического лица – банкрота при оспаривании сделок должника. Коляда З.Н.	80
Проблемы и перспективы правового регулирования криптовалют в России. Михайлинский Г.О.	86
Правовые проблемы при заключении прямых договоров ресурсоснабжения с собственниками нежилых помещений. Перепечай А.П.	89
Понятие и правовая природа цифровой платформы. Плохих С.А.	93

Практические аспекты охраны авторских прав в сети интернет. Смольников Д.А.	97
Эффективные стратегии антикризисного управления для предотвращения банкротства юридических лиц. Срапян К.О.	102

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Актуальные проблемы при направлении судебных поручений за границу. Карандашева Н.Н.	107
Проблемы применения юристами и судами сроков исковой давности. Милосердов А.С.	113
Связь антидопинговой политики государства с международным регулированием борьбы против допинга в спорте. Орлов А.А.	118
Использование глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера: правовые и экономические аспекты. Тарасова Н.К., Пром Н.А., Ломакин Н.И., Ломакин И.Н., Юрова О.В.	123

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Цифровизация лесной отрасли как элемент борьбы с незаконной рубкой лесов в Российской Федерации. Дмитриев Р.С.	132
Профилактика коррупционного поведения у военнослужащих войск Национальной гвардии Российской Федерации. Суховецкая Е.Ю.	136

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Проблемы конкуренции мотивов и целей при квалификации преступлений. Борисевич М.М., Пяткевич И.Н., Ильина Т.М.	141
Влияние реформ, проведенных в период с 2007 по 2011 годы, на систему правоохранительных органов и полномочия прокурора в уголовном процессе. Жохова Н.А.	146
Гарантии прав участников уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях. Михайлов П.И.	150
Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы сбора и оценки. Облаков А.А.	155

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Опыт ввода документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации, и перспективы введения таких документов в Российской Федерации. Борисов-Потоцкий А.С.	160
Профессиограмма эксперта-оценщика. Бубякин Н.А.	164

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Особенности гражданско-правового положения муниципальных образований на территории запорожской области в период СВО. Левадная К.И.	167
---	-----

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

The digital world and the priority of public values. Wang Chao	4
Theoretical foundations of the formation of environmental safety in the educational process in modern conditions. Prokhorimova E.M., Gubanov O.A.	8
Comparative analysis of approaches to the analysis of the defense potential of the state. Ivanov P.P.	11
Problematic aspects in ensuring food security of the Russian Federation. Ivanov V.A.	14

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Cooperation between Iran and Russia in resolving the Syrian crisis in order to ensure regional security in the Middle East. Lajevardi Seyederfan, Fedoryak D.R.	19
Political consequences of the aggravation of the territorial dispute between Venezuela and Guyana over the ownership of the Essequibo region. Toro Nesterenko Yaroslav Sebastian	26
Political consequences of the Venezuelan crisis in South America. Toro Nesterenko Yaroslav Sebastian	33
Features of the development of Uzbekistan's foreign policy towards the Russian Federation in the post-Soviet period. Stroykov S.P.	39

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

On the issue of the status of the state council in the system of public authority. Baskakov A.S.	45
The influence of socio-political thought of the 19th century on the formation of the institution of political rights and freedoms of a subject in the Russian Empire. Ermakov E.G.	51
Guilt in the sense given to it by the courts. Sevostyanova A.A.	54

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Legal regulation of digital currencies in the Russian Federation. Armand Ya.A.	61
Digitalization as a key factor in the modernization of financial and tax legislation. Golubev S.A.	65
Implementation of the principle of good faith by a corporation. Zakabunya F.R.	70
The procedure for determining actual tax liabilities when reclassifying apprenticeship contracts into employment contracts. Klonitskaya A.Yu.	75
The status of a participant in a legal entity - bankrupt when challenging the debtor's transactions. Kolyada Z.N. 80	
Problems and prospects for legal regulation of cryptocurrencies in Russia. Mikhailinsky G.O.	86
Legal problems when concluding direct resource supply contracts with owners of non-residential premises. Perepechay A.P.	89

The concept and legal nature of a digital platform. Plokhikh S.A.	93
Practical aspects of copyright protection on the Internet. Smolnikov D.A.	97
Efficient strategies of anti-crisis management to prevent bankruptcy of legal entities. Srapiyan K.O.	102

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Current issues when sending judicial letters rogatory abroad. Karandasheva N.N.	107
Problems of applying limitation periods by lawyers and courts. Miloserdov A.S.	113
The relationship between the state's anti-doping policy and international regulation of the fight against doping in sports. Orlov A.A.	118
Using deep recurrent neural networks to predict the profits and losses of a strategic partner: legal and economic aspects. Tarasova N.K., Prom N.A., Lomakin N.I., Lomakin I.N., Yurova O.V.	123

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Digitalization of the forestry industry as an element of the fight against illegal logging in the Russian Federation. Dmitriev R.S.	132
Prevention of corrupt behavior among servicemen of the National Guard of the Russian Federation. Sukhovetskaya E.Yu.	136

CRIMINAL PROCEEDINGS

Problems of competition of motives and goals in the qualification of crimes. Borisevich M.M., Pyatkevich I.N., Ilyina T.M.	141
The impact of reforms carried out in the period from 2007 to 2011 on the system of law enforcement agencies and the powers of the prosecutor in criminal proceedings. Zhokhova N.A.	146
Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings in emergency situations. Mikhailov P.I.	150
Digital evidence in criminal proceedings: problems of collection and evaluation. Oblakov A.A.	155

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Experience in entering documents certifying the identity of foreign citizens containing an electronic data carrier, and prospects for introducing such documents in the Russian Federation. Borisov-Potockiy A.S.	160
Professionogram of an expert appraiser. Bubyakin N.A.	164

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL MANAGEMENT

Features of the civil-legal status of municipalities in the territory of the Zaporizhzhya region during the SVO. Levadnaya K.I.	167
--	-----

Цифровой мир и приоритет общественных ценностей

Ван Чао

редактор, Бохайский университет, patience22@yeah.net

В эпоху глобальной цифровой революции, достижение "digital well-being", или так называемого цифрового благополучия стало новой мечтой человечества в стремлении к более счастливой жизни. Как его обеспечить, чтобы развитие цифровых технологий действительно служило этой благородной цели и не было вытеснено или заменено исключительно технологиями – этот вопрос стал одной из важнейших проблем на современном этапе. Общественные ценности, стремления и убеждения социума подразумевают гармоничное сосуществование индивида и коллектива, эффективное продвижение цифровых гуманитарных наук становится позитивной перспективой в решении этого актуального вопроса. В данной статье рассматривается роль общественных ценностей как основы для достижения цифрового благополучия, дан анализ практического аспекта общественных ценностей в цифровую эпоху и предлагаются пути восстановления общественных ценностей в цифровой среде. Основные меры – это создание соответствующей среды, установление институциональных норм и формирование цифровой грамотности, переориентация пользователей от индивидуалистических ценностей цифрового пространства к общественным.

Ключевые слова: цифровые технологии, общественное благо, качество жизни, общественная ценность.

В эпоху глобальной цифровой революции, достижение "digital well-being", или так называемого цифрового благополучия стало новой мечтой человечества в стремлении к более счастливой жизни.^[1] Глобальная сеть и интернет вещей, облачные вычисления и большие данные, искусственный интеллект – все это в значительной мере расширило наши возможности и практику, радикально изменив образ жизни человека и его опыт. Цифровая жизнь становится основным способом существования человечества. Как при необратимом нарастании цифровой волны удержать курс, который обеспечит развитие цифровых технологий во благо человечества и исключительно в целях его благополучия? Безусловно, это сегодня одна из важнейших задач. Возможно, ответ на поставленный нами вопрос кроется в «концепции общественной ценности», в общем стремлении и вере человеческого общества. Приоритетами в этой концепции остаются гармоничное сосуществование индивида и коллектива, современных технологий и гуманитарных наук. В эпоху неизбежной цифровизации значение общественных ценностей резко возрастает. Поэтому цель нашей статьи – рассмотреть вопрос о том, как вернуть приоритет общественных ценностей в процесс формирования так называемого «цифрового благополучия». Как меняются поведенческие модели, основанные на общественной ценности, в цифровую эпоху и насколько велика в связи с этим актуальность восстановления и сохранения общественных ценностей в процессе формирования цифрового благополучия для всего человечества.

Основа цифрового благополучия жизни – это общественная ценность

Общественные ценности как необходимое условие достижения качественной жизни – это постоянно развивающаяся тема политической философии. Она отражает глубокое понимание взаимозависимости общего блага и индивидуального счастья в человеческом обществе. Интерес к общественным ценностям – это один из самых древних вопросов политической мысли и административной практики.^[2] Глубокие размышления о хорошей жизни", начиная с размышлений о путях «к совершенству» и «идеальному государству» древнегреческих мыслителей, философов эпохи Просвещения, с «Утопией» Мора и «Городом солнца» Кампанеллы, до современного "великого общества".^[3] Конкретные формы и стандарты «хорошей жизни» со сменой эпох меняются, но ее основа остается неизменной: человек может осуществить свое представление о

При поддержке

– Специальный исследовательский проект по международному обмену в области образования "Один пояс и один путь" (2022 г.) и Исследования многостороннего сотрудничества в области образования между Китаем и странами Евразийского региона "Один пояс и один путь" /BREC2022-010/.

– Проект исследований по вопросам реформы вузовского образования и обучения на уровне бакалавриата /2022 г./ ("Исследование путей развития международного образования в области инноваций и предпринимательства в рамках механизмов сотрудничества между промышленностью, учебными заведениями и научными учреждениями") /SJGY20220198/.

– Проект, финансируемый Механизмом сотрудничества по китайскому международному образованию /2023-2024 учебный год/. ("Модель и пути интеграции китайского образования в национальную образовательную систему в рамках строительства новых высот на севере") /23YHXZ;029/.

хорошей жизни только в общности с другими людьми. В цифровую эпоху общественные ценности становятся ключом к пониманию и формированию «хорошей жизни». С технологической точки зрения внутренние, общественные скрепы при развитии науки и техники будут обязательно влиять на развитие «цифровой жизни», повышая значимость общественных ценностей. Ведь ни наука, ни техника не принадлежат отдельному индивиду, являясь продуктом коллективного интеллектуального развития и сотрудничества. ^[4] На первый взгляд развитие науки и техники иногда представляется результатом умственного труда лишь некоторых отдельных ученых. Но ведь общество не состоит из изолированных индивидов, а является тесно связанным, органическим образованием. Хотя с момента вступления человечества в цивилизованную эпоху существует разделение между умственным и физическим трудом, но в масштабах развития цивилизации они всегда неразрывно связаны. Для создания любой научно-технической продукции необходимы широкая поддержка и стимулирование общества, требуются общее участие и усилия человечества. По сути, наука и техника – плод коллективного человеческого разума и трудового сотрудничества, а их внутренним стержнем остается общество.

Развитие технологий отражает глубокие эпохальные ожидания по изменению судьбы человечества и улучшению условий существования. Как сказано в начале «Никомаховой этики» Аристотеля: "Каждое искусство и каждое исследование, а также каждое действие и стремление направлены на какое-то благо, и по этой причине благом считается то, к чему стремятся все вещи." ^[5] Еще у Аристотеля внутренняя связь между искусством и добром подразумевала взаимозависимость благополучия и технологии. Таким образом, социализация технологий всегда следует общим общественным законам. С точки зрения социализации результатов каждый технологический прорыв существенно повышает качество жизни. Например, развитие металлургических технологий означало переход раннего человечества из дикости в цивилизацию, а изобретение паровой машины способствовало процветанию социальной экономики. В цифровую эпоху этот феномен особенно заметен, поскольку развитие цифровых технологий не только радикально меняет образ жизни современного человека, но и помогает создавать общественные ценности и осуществлять их обмен при широком участии. В процессе формирования качественной цифровой жизни цифровое общество не является традиционным физическим пространством. Это, скорее, голографический социум с признаками общества. Один из исследователей этого процесса немецкий философ и социолог Юрген Хабермас с его концепцией «публичной сферы», формируемой «общественным мнением». Цифровое пространство предоставляет открытую платформу для общения, где люди могут свободно высказывать свои мнения, делиться информацией и участвовать в дискуссиях, что соответствует основным особенностям и характеристикам социума. С

одной стороны, цифровое общество обладает невиданной синхронностью. В соцсетях каждый может общаться с другими на основе относительного равенства, независимо от своего социального статуса, экономического положения и образования. Особенно показателен пример этого для групп, которые могут не иметь голоса в реальном мире. Цифровое сообщество предоставляет платформу для выражения требований и голоса, в то же время люди могут участвовать в обсуждении различных общественно-значимых вопросов (защита экологии, доступность образования, качество медицины и т. д.). Все это и есть конкретные проявления активной жизни социума. С другой стороны, цифровые сообщества получили возможности мгновенной синхронизации, обладают мощной способностью связывать и интегрировать различные пространства. Человечество входит в цифровую эпоху, и взаимосвязь между людьми усиливается до высочайшей степени, а поведение каждого, его «след» навсегда сохраняется в общедоступных данных. Таким образом, значимость «цифрового общества» и осознание социумом его ответственности становятся особенно важными.

Ценностный контекст цифровизации на практике

Современное понимание концепта «общественная ценность» позволяет формировать его нормативное понимание, в частности, как фактора, обеспечивающего благополучие цифрового сообщества. Такое понимание подтверждает необходимость гуманного контроля в сфере социальной ответственности, что позволяет поддерживать справедливость и оправдывать ожидания в сфере межличностных и социальных отношений. Это также обеспечивает сохранение ценностных ориентиров в обществе. Для практической реализации качественной цифровой жизни "правительство предоставляет гражданам возможности самостоятельно создавать общественную ценность через так называемые «экосистемы», которые объединяют всевозможные цифровые данные, услуги, современные технологии и персонал".^[6] В этом процессе крайне важно помещать общественную ценность в центр. Именно она остается стержневым ориентиром в обеспечении качественной цифровой жизни, чрезвычайно важна ее миссия в формировании «прекрасной жизни», когда идеи воплощаются на практике. Отметим три основные задачи процесса: необходимость формирования ценностных установок и сохранения поведенческих норм, а также защиты общественных интересов. Как концепция общественная ценность устанавливает культурный минимум цифрового пространства, предоставляет этически ценностное направление для людей, обеспечивая духовные связи в сообществе, объединяя людей в их стремлении к общим идеалам справедливости, ответственности и т. д. Заданные нормы поведения побуждают каждого человека развивать свои интеллектуальные возможности, с вниманием и осторожностью воспринимать сложную информацию в сети,

уметь ее анализировать, прибегать в случаях необходимости к самоограничению, контролировать свое поведение с учетом нравственных стандартов и общепринятых норм этики и морали. Такая социальная ориентация акцентирует общественное внимание на социально-значимых вопросах, укрепляет активность людей в общественно-значимых делах с помощью цифровых технологий. Формирование такой цифровой жизни должно быть направлено на создание и укрепление сферы общественной ценности, чтобы позволить обеспечить эффективное взаимодействие технологий с обществом с учетом стремления людей к прекрасной жизни. В свою очередь на практике мы видим, что комфортная цифровая жизнь и новые технологии создают свои, новые общественные ценности. И это всегда позитивно влияет на реализацию генеральной общественной ценности.

В настоящее время новые цифровые технологии небывалыми темпами, масштабно меняют современное китайское общество. Как следствие, постепенно формируется цифровое пространство общества на основе микрофрагментации и дробления с индивидуальным лицом. Цифровизация потихоньку подламывает этическую ценностную систему общества. Вызванный этим индивидуализм и технические возможности заставляют людей погружаться в удовольствие, уходить в практику освобождения тела, потакать чувственным стимулам. Такой человек все меньше задумывается о ценностях и идеалах, все больше погружается в вихрь ценностного нигилизма. Примеров тому немало, это и "буддийский стиль", и установка "лежать на месте ровно" или "лежать плашмя", и другие субкультурные практики. В то же время цифровые технологии стали синонимом "рационального авторитета". Они обладают огромным объемом данных, «всесведующи», предоставляя человеку почти идеальный инструмент власти. Все больше людей начинают чрезмерно полагаться на технологии больших данных, теряя способность к самостоятельному мышлению и оценке ценностей. Цифровой капитализм через сбор информации, понимание предпочтений пользователей и точечную информационную рассылку незаметно подчиняет себе огромные массы людей, уводя их в сферу удовлетворения ложных потребностей, а огромное количество данных становится подобным древнегреческому "колесу Фортуны". Мнения, мысли, культурные взгляды, стереотипы, традиционные и современные, виртуальные и реальные, взаимодействуя и сливаясь, наследуя друг друга и, разрушаясь, погружают человека в ценностный хаос, ценностная идентичность разрывается и перестраивается, бесцельно дрейфуя в «океане» данных. Чтобы избежать таких негативных последствий от неограниченного применения современных технологий, необходимо объединить технологии и ценности, сформировать этическую основу для качественной цифровой жизни.

Восстановление общественных ценностей в цифровой жизни

Цифровой мир является временным продолжением реального, цифровая личность не может существовать независимо от реального человека. Поэтому необходимо возвращать людей из виртуального мира индивидуалистических ценностей к реальным общественным ценностям.

Ключевым фактором такой нормализации становится создание окружающей среды. "Взаимодействия между людьми и цифровыми системами посредством интерфейса могут быть изменены и подвержены влиянию культурных, политических и идеологических факторов и тенденций."^[7] В условиях нарастающих темпов цифрового развития качественная цифровая жизнь строится на основе взаимного слияния и совместного развития материального и цифрового. Общественная ценность в качественной цифровой жизни – это не только отражение реального мира, но и результат взаимодействия и построения мира реального и цифрового. Поэтому для формирования общественных ценностей необходимо установить эффективную связь между реальным и цифровым мирами, создать благоприятные условия для формирования обновленной общественной ценности. Необходимы включение цифровой этики в национальную систему образования, развитие цифровой грамотности и воспитание с детства устойчивых моральных принципов. При обучении цифровой этике необходимо учитывать степень подготовленности различных категорий и групп населения, информированность граждан о цифровых технологиях и моральные оценки. Также важно поощрять создание и распространение цифрового контента с позитивными ценностями. Важны духовное и культурное возрастание общества, пропаганда идей гуманизма и добра через технологии, гармония между человеком и машиной, устойчивое развитие позитивных концепций, внедрение их в дизайн, разработки и инструментарий цифровых технологий.

Нормативные системы остаются надежной гарантией. Формирование и поддержание общественных ценностей должны опираться на прочную правовую систему. Ведь правовая система – это механизм социального контроля. Он основан на установленных стандартах поведения, которые помогают не только вырабатывать, но и определять нормы общественного поведения. Необходимо постоянно совершенствовать законодательство и политические документы относительно цифрового пространства, повышать прозрачность действия алгоритма "создание-изменение-отмена". Следует поддерживать и развивать нормативность цифрового управления, четко определив ответственность и обязанности сторон в процессе цифрового производства и взаимодействия, развивать механизмы участия всех сторон, совместное управление и согласование процессов цифрового управления, обеспечивать законность разработки и реализации цифровой этики и политики, что обеспечит систему гарантий общественных ценностей. Всё вышеперечисленное позволит эффективно укрепить систему правового регулирования в сфере цифровой этики.

И, наконец, формирование согласия – это основа. Человеческие ценности формируются не только под воздействием внешних норм и моральных принципов, но и исходя из внутренних убеждений человека – согласия. Ценностное согласие достигается через социально-психологический процесс, когда складываются принятие и признание определенных ценностей и соответствующего поведения. Признание цифровой идентичности граждан – это ключевой аспект ценностного согласия в цифровом пространстве. Люди в цифровом пространстве – не просто виртуальные коды, они пользователи цифровых технологий, соучастники цифрового управления. Поэтому необходимо строго регулировать параметры доступа и аутентификации в цифровом пространстве, сбор и проверку информации о личности, а также осуществлять надзор за доступом, обеспечивая единообразие идентификации в цифровом и физическом мирах. Исходя из признания цифровой идентичности граждан как логической отправной точки, нужно четко определить их права и обязанности в "совместном создании, управлении и разделении" цифрового общественного пространства, а затем формировать согласие на общественные ценности цифрового пространства. Это поможет предотвратить факты мошенничества и иные преступные действия, обеспечит безопасную и надежную среду для взаимодействия участников, обеспечит гарантии в реализации общественных ценностей.

Заключение

В поисках направления к лучшей жизни в цифровую эпоху мы сталкиваемся не только с испытанием на цифровую грамотность, но и с вызовом нашему цифровому интеллекту. Сталкиваясь с динамичным развитием цифровых технологий, необходимо неуклонно придерживаться общественных ценностей, что позволит обеспечить подлинное благополучие людей благодаря развитию цифровых технологий. Постоянный критический анализ, саморефлексия и оптимизация цифрового образа жизни позволят сохранить объективность и достичь гармоничного сосуществования технологий и общественных интересов. При таком подходе "digital well-being" перестанет быть недостижимой идеей, станет счастливой реальностью, доступной каждому.

Литература

1. Burr, Christopher; Taddeo, Mariarosaria; Floridi, Luciano. The Ethics of Digital Well-Being: A Thematic Review. SCIENCE AND ENGINEERING ETHICS, 2020, 26(4), 2313-2343.

2. Jorgensen, Torben Beck; Rutgers, Mark R. Public Values: Core or Confusion? Introduction to the Centrality and Puzzlement of Public Values Research. AMERICAN REVIEW OF PUBLIC ADMINISTRATION, 2015, 45(1), 3-12.

3. Ван Чунлэй. Деятельность и жизнь М., Издательство по туризму Китая, 2019.02, стр. 338

4. Юань Цзушэ. Цифровое неравенство и его преодоление: практическая рациональность в перестройке технологической общностиJ.. Научные исследования, 2023, (04): 53-58.

5. Аристотель. Никомахова этика. Перевод с древнегреческого Ляо Шэня. Издательство Коммерсантъ, ноябрь 2003, 1-е издание, стр. 3.

6. Janowski, Tomasz; Estevez, Elsa; Baguma, Rehema. Platform governance for sustainable development: Reshaping citizen administration relationships in the digital age. GOVERNMENT INFORMATION QUARTERLY, 2018, 35(4), S1-S16.

7. Dufva, Tomi; Dufva, Mikko. Grasping the future of the digital society. FUTURES, 2019, 107, 17-28.

The Digital World and the Priority of Public Values

Wang Chao

Bohai University In the era of the global digital revolution, achieving "digital well-being" has become a new dream of mankind in the pursuit of a happier life. How to ensure that the development of digital technologies truly serves this noble goal and is not supplanted or replaced exclusively by technology - this issue has become one of the most important problems at the present stage. Public values, aspirations and beliefs of society imply the harmonious coexistence of the individual and the collective, the effective promotion of digital humanities is becoming a positive prospect in solving this pressing issue. This article examines the role of public values as the basis for achieving digital well-being, analyzes the practical aspect of public values in the digital era and suggests ways to restore public values in the digital environment. The main measures are the creation of an appropriate environment, the establishment of institutional norms and the formation of digital literacy, the reorientation of users from individualistic values of the digital space to public ones. Key words: digital technologies, public good, quality of life, social value.

References

1. Burr, Christopher; Taddeo, Mariarosaria; Floridi, Luciano. The Ethics of Digital Well-Being: A Thematic Review. SCIENCE AND ENGINEERING ETHICS, 2020, 26(4), 2313-2343.
2. Jorgensen, Torben Beck; Rutgers, Mark R. Public Values: Core or Confusion? Introduction to the Centrality and Puzzlement of Public Values Research. AMERICAN REVIEW OF PUBLIC ADMINISTRATION, 2015, 45(1), 3-12.
3. Wang Chonglei. Activity and Life M., China Tourism Publishing House, 2019.02, p. 338
4. Yuan Zushe. Digital Divide and Its Overcoming: Practical Rationality in Reshaping the Technological CommunityJ. Scientific Research, 2023, (04): 53-58.
5. Aristotle. Nicomachean Ethics. Translation from the ancient Greek by Liao Shen. Kommersant Publishing House, November 2003, 1st edition, p. 3.
6. Janowski, Tomasz; Estevez, Elsa; Baguma, Rehema. Platform governance for sustainable development: Reshaping citizen administration relationships in the digital age. Government information quarterly, 2018, 35(4), S1-S16.
7. Dufva, Tomi; Dufva, Mikko. Grasping the future of the digital society. FUTURES, 2019, 107, 17-28.

Теоретические основы формирования экологической безопасности в учебно-воспитательном процессе в условиях современности

Проходимова Елена Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры сервис безопасности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н.Зиничева, Lena_prohodimova@bk.ru

Губанова Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н.Зиничева, gubanova-olga@mail.ru

В данной статье рассматриваются теоретические основы формирования экологической безопасности в процессе обучения в образовательных организациях. Целенаправленное научение принято называть обучением. Обязательным условием качественного усвоения теоретических основ экологической безопасности обучающимися является встречная активность самих обучающихся, для чего профессорско-преподавательский состав должен уметь стимулировать, направлять и грамотно управлять этим процессом. Таким образом, теоретические основы формирования экологической безопасности в учебно-воспитательном процессе заключаются в интеграции экологических знаний, ценностей и навыков в образовательные программы. Это требует не только пересмотра существующих методик и подходов, но и активного вовлечения всех участников образовательного процесса. В конечном итоге, формирование экологической безопасности в образовательной среде является важным шагом к созданию устойчивого и гармоничного общества, способного заботиться о нашей планете и ее ресурсах для будущих поколений.

Ключевые слова: экологическая безопасность, учебно-воспитательный процесс, экологические изменения, теоретические основы, глобальные экологические изменения, концептуальные основы экологической безопасности.

В процессе учебно-воспитательной деятельности, важно не забывать, что научение может происходить, как стихийно (попутно), так и специально целенаправленным организованным способом. Целенаправленное научение принято называть обучением. Обязательным условием качественного усвоения теоретических основ экологической безопасности обучающимися является встречная активность самих обучающихся, для чего профессорско-преподавательский состав должен уметь стимулировать, направлять и грамотно управлять этим процессом [1, 2, 3]

Функциональная задача учебного педагогического процесса является развитие и формирование теоретических знаний экологии и экологической безопасности. Для этого необходимо воздействие на устойчивые компоненты психики, механизмы которой нуждаются в специальном точечном воздействии и умелом направлянии.

В условиях глобальных экологических изменений и растущих угроз, связанных с нарушением природной среды, формирование экологической безопасности становится ключевым аспектом образовательного процесса. Это не только позволяет подготовить будущие поколения к эффективному взаимодействию с природой, но и способствует развитию устойчивого мышления и ответственности за сохранение окружающей среды. В данной статье рассматриваем основы формирования теоретических и практических знаний в области экологической безопасности в учебно-воспитательном процессе. [4]

Концептуальные основы экологической безопасности.

Экологическая безопасность рассматривается как состояние защищенности окружающей среды, природы и жизни человека от негативных последствий антропогенной деятельности. Основные составляющие этой концепции включают профилактику и минимизацию экологических рисков, сохранение биологического разнообразия и устойчивое использование природных ресурсов. В образовательном контексте сегодняшних дней эти аспекты требуют интеграции экологических знаний в учебные планы и активного вовлечения обучающихся в процесс изучения экологии и природопользования, экологической безопасности, правовых основ экологической безопасности, экологии человека, вопросов охраны природы и других наук в блоке дисциплин экологии и экологической безопасности.

Роль образования в экологической безопасности.

Образование является мощным инструментом формирования экологической сознательности и ответственности. Оно должно включать:

1. Информирование – передача теоретических знаний о состоянии экологии, причинах и последствиях загрязнения окружающей среды, последствиях изменения климата.

2. Формирование навыков – умение применять полученные знания на практике, например, через реализацию проектов по охране окружающей среды или участие в волонтерских акциях.

3. Развитие ценностных ориентиров – создание у обучающихся уважительного отношения к окружающей нас природе, понимание важности сохранения экосистем и ресурсов для будущих поколений.

Методологические подходы к процессу обучения:

Для успешного формирования экологической безопасности в учебно-воспитательном процессе необходимо использовать разнообразные методологические подходы:

- Модульное обучение – позволяет рассматривать экопроблемы целостно, включая междисциплинарные связи между биологией, географией, физикой и социальными науками. [5,6,7]

- Проектная методика – обучающиеся вовлечены в создание проектов, направленных на решение экологических проблем, что развивает критическое мышление и практические навыки.

- Интерактивные технологии – использование современных технологий для изучения теоретических и практических основ экологии, включая симуляции, игры и виртуальные экскурсии, которые могут сделать обучение более увлекательным и наглядным. [8,9,10]

Взаимодействие образовательной организации и общества.

Формирование знаний по экологической безопасности и их применение зависит от сотрудничества образовательных организаций с местными сообществами, неправительственными организациями и государственными структурами. Такое взаимодействие может обеспечить практическую поддержку и ресурсы, необходимые для реализации экологических проектов и инициатив. Включение экологических сообществ в образовательные процессы способствует созданию единой экопросветительской среды, где каждый осознает свою ответственность за сохранение экологии. [11,12,13]

Экологически направленное воспитание личности обучающегося составляет одну из важнейших задач современного общества.

Как целостная программа формирования необходимых качеств, она включает в себя взаимосвязанные подсистемы: организм (физиология) и личность (эмоционально-психическая организация). Эти подсистемы взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены.

В учебно-воспитательном процессе в области теории экологической безопасности обучающиеся приобретают социальный и морально-этический опыт, который непосредственно влияет на дальнейшее развитие самосознания и самоосознания, то

есть происходит становление ориентированной личности, сформированной для современного экологически обусловленного общества в современном мире. [14,15,16]

Человек не рождается готовой сформированной с экологическими взглядами, личностью, но он ею становится, в процессе обучения и научения. В то же время, мы продолжаем совершенствовать учебно-воспитательный процесс, претерпевая личностные изменения у обучающихся и изменения, направленные на общественные взгляды на экологические вопросы.

В обучении и научении определяется личностная индивидуальность каждого обучающегося особенностями заложенных индивидуальных черт и качеств личности того микроклимата, в котором он воспитывался, где в различной и неравной степени, происходит влияние социального и биологического. На развитие одних качеств личности велико влияние роли биологического (темперамент, способности), а на формирование других влияет воспитательная функция (память, мышление, воображение). Но в процессе обучения доминирует то воспитание, обучение и социальные факторы, в которых находился обучающийся. На это оказывает огромное влияние воспитание, что и способствует процессу развития и формирования экологических взглядов на сегодняшний мир и мировосприятие самих обучающихся, в которых закладывают основу теоретических знаний в области экологической безопасности, а также профессионально-значимых умений, навыков и привычек.

Литература

1. Миронюк С. М. Экологическая безопасность: Учеб. Пособие / Шахтинский ин-т ЮРГТУ (НПИ). – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 2009. – 172 с.
2. Путилов А.В. Охрана окружающей среды. – М.: Химия, 2014
3. Хатунцев Ю.Л. Экология и экологическая безопасность. – М.: Академия, 2013г.;
4. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.
5. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1-1. С. 313–318.
6. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С.42-47.
7. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России: дис ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О.А. Губанова. – СПб., 2008. – 154 с.
8. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.:

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.

9. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России // Педагогический журнал, 2023, № 6-1. С.265-271

10. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.

11. Проходимова, Е.М. Структура и принципы концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания / Е.М. Проходимова // Апробация. – 2014. – № 9. – С. 83-84.

12. Проходимова, Е.М. Обоснование содержания воспитательного процесса в системе высшего профессионального образования МЧС России // Научно-аналитический журнал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России «Проблемы управления рисками в техносфере». – 2014. – № 3. – С. 116-121.

13. Проходимова Е.М., Зуев А.В., Кунах М.В. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций у курсантов вузов МЧС России // Научное мнение. – 2014. – № 6. – С. 212-215.

14. Экология. Учебник для вузов / В.И. Коробкин, Л.В. Передельский. Изд. 17-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д, Феникс, 2011 – 576 с.

15. Константинов В.М. Экологические основы природопользования. – М.: Академия, НМЦ СПО, 2012;

16. Акимов Т. А., Кузьмин А. П., Хаскин В. В. Экология, Природа-Человек-Техника: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2001. – 343 с.

Theoretical foundations of the formation of environmental safety in the educational process in modern conditions

Prokhodimova E.M., Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

This article examines the theoretical foundations of developing environmental safety in the learning process in educational institutions. Purposeful learning is commonly referred to as training. A prerequisite for the high-quality acquisition of the theoretical foundations of environmental safety by students is the students' own reciprocal activity, for which the teaching staff must skillfully stimulate, direct and competently manage this process. Thus, the theoretical foundations of developing environmental safety in the educational process consist of integrating environmental knowledge, values and skills into educational programs. This requires not only a revision of existing methods and approaches, but also the active involvement of all participants in the educational process. Ultimately, developing environmental safety in the educational environment is an important step towards creating a sustainable and harmonious society capable of caring for our planet and its resources for future generations.

Keywords: environmental safety, educational process, environmental changes, theoretical foundations, global environmental changes, conceptual foundations of environmental safety.

References:

1. Mironyuk S. M. Environmental Safety: Textbook / Shakhty In-t SRSTU (NPI). - Rostov-on-Don: Publishing House of NMC "Logos", 2009. - 172 p.
2. Putilov A. V. Environmental Protection. - M.: Chemistry, 2014
3. Khatuntsev Yu. L. Ecology and Environmental Safety. - M.: Academy, 2013;
4. Gubanova O. A. Demography in Russia // Psychological and Pedagogical Problems of Human and Society Safety. 2020. No. 3 (48). P. 53-56.
5. Gubanova O. A. Modular Training in the Educational Activities of the University // Pedagogical Journal. 2022. No. 1-1. P. 313-318.
6. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2022. No. 4. P.42-47.
7. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia: diss ... Cand. Ped. Sciences: 13.00.08 / O.A. Gubanova. – St. Petersburg, 2008. – 154 p.
8. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2023. 248 p.
9. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training of students of the EMERCOM of Russia" // Pedagogical journal, 2023, No. 6-1. Pp. 265-271
10. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the EMERCOM of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2022. 176 p.
11. Prokhodimova, E.M. Structure and principles of the concept of spiritual, moral and patriotic education / E.M. Prokhodimova // Aprrobation. - 2014. - No. 9. - Pp. 83-84.
12. Prokhodimova, E.M. Justification of the content of the educational process in the system of higher professional education of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Scientific and analytical journal of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia "Problems of Risk Management in the Technosphere". - 2014. - No. 3. - P. 116-121.
13. Prokhodimova E.M., Zuev A.V., Kunakh M.V. Pedagogical conditions for the formation of value orientations in cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Scientific opinion. - 2014. - No. 6. - P. 212-215.
14. Ecology. Textbook for universities / V.I. Korobkin, L.V. Peredelsky. Publ. 17th, add. and rev. – Rostov n/d, Phoenix, 2011 – 576 p.
15. Konstantinov V.M. Ecological foundations of environmental management. – M.: Academy, NMC SPO, 2012;
16. Akimova T. A., Kuzmin A. P., Haskin V. V. Ecology, Nature-Man-Technology: Textbook for universities. - M.: UNITY - DANA, 2001. – 343 p.

Сравнительный анализ подходов к анализу оборонного потенциала государства

Иванов Павел Петрович

аспирант, РЭУ им. Г.В. Плеханова, ivanov.pavel.1999@mail.ru

В статье приводятся основные методические подходы к анализу одной из сложных политико-экономических аспектов – оборонного потенциала государства. В контексте современных вызовов и обострения геополитических угроз изучение данного понятия приобретает особую актуальность, так как от точности оценки оборонного потенциала Российской Федерации и других государств зависит построение стратегий по экономическому, непосредственно военному, кадровому и другим направлениям. Сделан вывод об отсутствии единства подходов к определению оборонного потенциала. Выявлена необходимость формирования синтетического подхода, который объединяет выявленные ранее и учитывает не только современное состояние всех субъектов военно-промышленного комплекса и смежных отраслей, но и их будущее состояние. Данный подход также предполагает комбинацию качественных и количественных подходов и формирование композитных индексов.

Ключевые слова: оборонный потенциал, военно-промышленный комплекс, прогнозирование, стратегирование, планирование, политические вызовы, кадровое обеспечение.

Важнейшей задачей оценки оборонного потенциала страны является определение его элементов и направлений, а также проведение объективного анализа, который бы учитывал такую категорию, как устойчивость государства перед различными внешними и внутренними факторами, его стабильность не только на материально-техническом, но и на информационном уровне. Эта проблема представляется недостаточно разработанной в научной литературе, что связано с разнообразием подходов к оценке оборонного потенциала, а также методологической сложностью данной задачи.

Выделяется несколько методологических подходов к оценке оборонного потенциала страны по мере их распространения в стратегических документах и научной литературе [3]. Первый подход заключается в измерении основных параметров оцениваемых систем, что не позволяет при этом учесть качественные показатели, а также сформировать видение динамики развития отдельных направлений экономической и другой деятельности.

Второй подход – сравнительный, который направлен на сопоставление показателей динамики по одному государству, а также дает возможность сравнения оборонного потенциала нескольких государств. В качестве примера такой оценки возможно привести рейтинг государств по уровню оборонного потенциала, который был составлен Центром политической информации в 2020 году. В качестве недостатков других рейтингов были приведены сравнение только количественных показателей, отсутствие учета критериев наличия ядерного оружия, качества военного и политического руководства страны, качества проводимой внешней политики, в том числе с помощью инструментов «мягкой силы». Кроме того, в контексте анализа оборонного потенциала Российской Федерации исключительную роль играет учет санкционного давления, что сказывается на потенциале импорта и экспорта продукции военно-технического назначения. На основании выявленных показателей был подготовлен рейтинг, в котором Российская Федерация с учетом данных обстоятельств заняла первое место. После нее расположились США, Китай, Франция, Великобритания, Индия, Пакистан, Турция, Иран и Израиль [5].

Еще одним примером такого подхода, причем с использованием достаточно широких и абстрактных показателей, является исследование А.И. Буралева, который проводит сравнение стран по таким показателям, как национальное богатство, численность населения, материальные активы, основные фонды, материальные оборотные средства, домашнее имущество, финансовые активы, ВВП, среднедушевая величина национального богатства,

объем военных расходов, в том числе на душу населения и 1 кв. км территории [2]. Тем не менее, данный подход представляется достаточно абстрактным, учитывающим только экономические количественные метрики, которые могут не отражать сложностей и проблем, с которыми сталкивается государство. Использование такого показателя, как объем территории, также не всегда оправдан, так как сложность администрирования территории существенно зависит от степени ее освоения человеком, природно-климатических и других условий.

Третья группа методов основана на эквивалентировании посредством сведения к некоторому обобщенному параметру, который может заключаться в денежном эквиваленте или в какой-либо другой композитной величине. Четвертая группа методов – эволюционно-генетическая, которая уподобляет сложные социальные системы живым организмам. Пятая группа – это методы, основанные на сбалансированной системе норм и нормативов.

Е.Ю. Хрусталева на основании проведенной экспертной оценки отмечает, что предпочтительной по совокупности названных показателей оказывается методология, основанная на использовании сбалансированной системы норм и нормативов обеспечения и развития ВО и оборонного производства в целом кадровыми, материальными и финансовыми ресурсами [7]. Она оказывается лучше других приспособленной к интеграции как формализованных, так и экспертно-эвристических этапов и частных методов комплексного оценивания оборонного потенциала. Военными экономистами разработаны основные положения методологии, предназначенной для оценивания состояния и направлений развития вооруженных сил государства, являющихся компонентой ВО.

Анализ оборонного потенциала предполагает использование целого ряда методов количественного и качественного характера, в числе которых входят анализ стоимостных показателей, статистических и экономико-математических методов, экспертных оценок и так далее [3]. Кроме того, для Российской Федерации актуальным является анализ динамики численности населения, которую на данный момент нельзя назвать положительной. Ситуация с воспроизведением населения является достаточно сложной, что обусловлено низким уровнем рождаемости несмотря на различные программы материальной и нематериальной поддержки семей с детьми и матерей, а также высоким уровнем смертности в связи с хроническими и другими заболеваниями [6]. К другим показателям, которые необходимо учитывать при анализе оборонного потенциала страны, относятся уровень образования населения, его мораль и ценности, квалификационно-профессиональный состав населения.

В современных условиях оборонный потенциал в значительной степени зависит от промышленного потенциала страны. Для его количественной характеристики используются различные стоимостные и натуральные показатели, которые позволяют оценить максимальные производственные мощности страны по выпуску тех или иных видов продукции, в

том числе и военного назначения. В условиях активного инновационного развития военно-промышленной сферы также уделяется внимание и производительности труда, степени автоматизации производственного процесса, наукоемкости, энерговооруженности труда, степени соответствия различным нормативам, в том числе трудовому и экологическому законодательству.

В процессе оценки оборонного потенциала нельзя ограничиваться только исследованием текущего состояния его основных элементов. Это особенно справедливо для современной России, экономика которой на протяжении двух десятилетий находилась в глубоком кризисе. Поэтому текущие статистические показатели неадекватно отражают потенциальные возможности страны. После длительного и тяжелого спада в последнее время начался процесс выхода из кризиса, роста экономики, увеличения объемов ВВП и производства промышленной продукции [4]. Россия все еще располагает достаточными возможностями для быстрого развития экономики и укрепления оборонного потенциала.

Еще одним немаловажным элементом оценки оборонного потенциала страны является оценка обеспеченности кадрами и военно-экономических возможностей для решения задач обороны страны. В частности, выделяется показатель боевой готовности войск, которая заключается в способности в любых условиях обстановки начать военные действия в установленные сроки и успешно выполнить поставленные задачи. Уровень боевой готовности войск представляет собой системное единство технической оснащенности, воинского мастерства и состояния морального духа. Способность войск выполнять стоящие перед ними задачи в решающей мере зависит от того, как организована их деятельность, создание, модернизация, ремонт и содержание вооружения и военной техники, финансирование военных потребностей.

Нельзя не отметить, что оборонный потенциал страны имеет несколько уровней, и он может быть оценен и на уровне отдельного предприятия как элемента национального оборонного потенциала. Тем не менее, на каждом конкретном предприятии необходимо индивидуально подходить к оценке влияния на оборонный потенциал страны и к анализу потенциала самого предприятия, что связано с выполнением разных задач, различиями в масштабах деятельности, а также другими обстоятельствами. Как отмечает А.М. Батьковский с соавторами, «обеспечение своевременного и качественного выполнения заданий ГОЗ во многом определяется уровнем производственно-технологической готовности предприятий к производству новейших приоритетных образцов вооружения, военной и специальной техники, их техническим и технологическим оснащением, обеспеченностью необходимым сырьем, материалами и комплектующими изделиями, готовностью кадрового потенциала, а также уровнем развития как внутренней (в пределах интегрированной структуры), так и внешней (отраслевой, межотраслевой) кооперации» [1].

Таким образом, была отмечена сложность проблематики оценки оборонного потенциала, что особенно проявляется при оценке потенциала целого государства с его разветвленными связями между отраслями, а также участием в международных цепочках производства и сбыта различной продукции. Кроме того, возникает необходимость в разработке синтетического подхода к оценке оборонного потенциала государств, который смог бы учитывать весь спектр наиболее актуальных политических вызовов, выявить самые значимые факторы для формирования стратегических документов, а также мер поддержки для предприятий и других стейкхолдеров, вовлеченных в реализацию оборонного потенциала. В частности, необходимо уделять внимание проблеме кадрового дефицита и востребованности технических специалистов высокого уровня квалификации.

Литература

1. Батьковский М. А. и др. Оценка производственно-технологического потенциала специального производства предприятий оборонно-промышленного комплекса // Вопросы радиоэлектроники. – 2016. – №. 5. – С. 113-125.
2. Буравлев А. И. К вопросу об оценке военно-экономического потенциала государства // Вооружение и экономика. – 2017. – Т. 3. – С. 78.
3. Викулов С. Ф., Хрусталёв Е. Ю. Методология оценки оборонного и военно-экономического потенциалов государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – №. 29. – С. 2-11.
4. Качество и количество: с чем пришёл отечественный ВПК в 2024 год // Военное обозрение, 2024. URL: <https://topwar.ru/235584-kachestvo-i-kolichestvo-s-chem-prishel-otechestvennyj-vpk-v-2024-god.html> (дата обращения 20.09.2024)
5. Оборонный потенциал государств: проблемы оценок и новые подходы // Центр политической информации, 2020. URL: <https://www.polit-info.ru/analytics/reports/119.htm> (дата обращения 20.09.2024)
6. Росстат зафиксировал снижение численности населения России до 146,204 млн // Интерфакс, 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/942105> (дата обращения 20.09.2024)
7. Хрусталёв Е. Ю. Экономический анализ и методология измерения национального оборонного потенциала России и ведущих государств мира // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – №. 8. – С. 2-15.

Comparative analysis of approaches to the analysis of the state's defense potential

Ivanov P.P.

Plekhanov Russian University of Economics

The article presents the main methodological approaches to the analysis of one of the complex political and economic aspects – the defense potential of the state. In the context of modern challenges and aggravation of geopolitical threats, the study of this concept is particularly relevant, since the accuracy of the assessment of the defense potential of the Russian Federation and other states depends on the construction of strategies in economic, directly military, personnel and other areas. A conclusion is made about the lack of unity of approaches to determining the defense potential. The need for the formation of a synthetic approach that combines those identified earlier and considers not only the current state of all entities of the military-industrial complex and related industries, but also their future state is revealed. This approach also involves a combination of qualitative and quantitative approaches and the formation of composite indices.

Keywords: defense potential, military-industrial complex, forecasting, strategizing, planning, political challenges, personnel provision.

References

1. Batkovsky M. A. et al. Assessment of the production and technological potential of special production of enterprises of the defense industry complex // Issues of Radio Electronics. - 2016. - No. 5. - P. 113-125.
2. Buravlev A. I. On the issue of assessing the military-economic potential of the state // Armament and Economics. - 2017. - Vol. 3. - P. 78.
3. Vikulov S. F., Khrustalev E. Yu. Methodology for assessing the defense and military-economic potential of the state // National Interests: Priorities and Security. - 2013. - No. 29. - P. 2-11.
4. Quality and quantity: what the domestic military-industrial complex brought to 2024 // Military Review, 2024. URL: <https://topwar.ru/235584-kachestvo-i-kolichestvo-s-chem-prishel-otechestvennyj-vpk-v-2024-god.html> (date of access 09/20/2024)
4. Defense potential of states: problems of assessments and new approaches // Center for Political Information, 2020. URL: <https://www.polit-info.ru/analytics/reports/119.htm> (date of access 09/20/2024)
5. Rosstat recorded a decrease in the population of Russia to 146.204 million // Interfax, 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/942105> (date of access 20.09.2024)
6. Khrustalev E. Yu. Economic analysis and methodology for measuring the national defense potential of Russia and the leading states of the world // National interests: priorities and security. - 2012. - No. 8. - P. 2-15.

Проблемные аспекты в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации

Иванов Владимир Александрович

магистрант, кафедра «Управление бизнесом и сервисные технологии», Российский биотехнологический университет (РОСБИО-ТЕХ), vladimiriv679@gmail.com

В статье рассмотрена эволюция подходов к пониманию термина «продовольственная безопасность». Представлены дефиниции данной категории. Ключевыми документами в рассматриваемой нами прикладной области выступают Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 и пришедшая ей на смену Доктрина, утвержденная Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20. Представлен краткий сопоставительный анализ двух Доктрин; сделан вывод о том, что обновленная государственная стратегия в области продовольственной безопасности стала более комплексной и многоаспектной. Описаны риски в реализации стратегий продовольственной безопасности согласно положениям Доктрины 2020 г. Обозначена проблема продовольственной самообеспеченности как важного компонента продовольственной безопасности. Описана связь между самообеспеченностью государства продовольствием и продовольственной безопасностью. Сделан вывод о том, что основной задачей в области регулирования продовольственной ситуации в России выступает снижение зависимости от импорта продовольственных товаров. Описаны направления мероприятий, направленных на достижение продовольственной самообеспеченности России. Отмечается, что технологические угрозы выступают одним из важнейших рисков в обеспечении продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная самообеспеченность, доктрина продовольственной безопасности российской федерации, пищевая продукция, импортозамещение, сельское хозяйство

Вопрос о продовольственной безопасности не утрачивает своей актуальности. Несмотря на колоссальное число достижений человека в области медицины, науки, техники, генетики, универсального решения продовольственной проблемы все еще не выработано. Продовольственная проблема связана со множеством факторов политического, географического, религиозного, экологического характера. По мере роста численности населения проблемы голода, дороговизны продуктов питания и их безопасности становятся все более значимыми [11, с. 102]. В данной связи анализ проблемных аспектов продовольственной безопасности представляется нам весьма актуальным.

Впервые термин «продовольственная безопасность» (*food security*) был озвучен в рамках Всемирной конференции по проблемам продовольствия, организованной под эгидой Организации Объединенных наций (1974 г.) [17]. На данном этапе понятие продовольственной безопасности понималось достаточно узко – как состояние обеспеченности общества продуктами питания. Наличие продовольствия в середине 1970-х гг. стало доминирующим критерием при оценке уровня продовольственной безопасности. По прошествии 5 десятилетий данный критерий все еще остается одним из наиболее значимых, ведь проблема голода или, по крайней мере, экономическая недоступность здоровой еды все еще имеется во многих странах мира [16, с. 94].

Е. А. Якимович указывает: в попытках расширить подходы к определению категории «продовольственная безопасность» исследователи стали обращаться не только к количественным, но и к качественным критериям – калориям, полезным веществам, качеству пищи, ее безопасности [16, с. 97]. Позднее в фокус внимания ученых и политиков попал экономический критерий: представители интеллектуальной элиты пришли к осознанию того, что продовольственная безопасность напрямую связана с стоимостью продовольственных товаров и уровнем доходов.

В тексте Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности 1996 г. понятие продовольственной безопасности интерпретировалось гораздо более широко – посредством перечисления совокупности показателей: (1) физическая доступность безопасной и питательной пищи в достаточном количестве; (2) экономическая доступность продуктов питания для всех групп населения; (3) экономическая самостоятельность и автономность национальной продовольственной системы; (4) стабильность функционирования национальной продовольственной системы с точки зрения ее устойчивости под влиянием сезонных, погодных факторов; (5) ди-

намическое развитие национальной продовольственной системы, соответствующее темпам прироста населения [12].

В русскоязычной науке и в текстах официальных документов понятие «продовольственная безопасность» стало использоваться лишь в конце 1990-х гг. С тех пор научные и официальные дефиниции этого термина постоянно изменяются и дополняются [9, с. 9]. На сегодняшний день, указывает Н. М. Полянская, продовольственная безопасность понимается в качестве важнейшего компонента национальной безопасности страны и условия ее суверенитета [11, с. 102]. Продовольственную безопасность исследователь определяет следующим образом: «многоуровневое, сложное социально-экономическое явление, выступающее следствием продовольственного обеспечения», а также как такое состояние продовольственного обеспечения, при котором возможно решить многие государственные задачи и «обеспечить гармоничное, сбалансированное развитие экономики и социума» [11, с. 104].

Далеко не все авторы предлагают такие широкие определения. Так, П. М. Амирханова, в свою очередь, предлагает следовать политическому подходу к пониманию продовольственной безопасности и сузить дефиницию данной категории до безопасности страны с точки зрения «самообеспеченности продовольственных отечественных товарах первой необходимости» [2, с. 28].

В ряде научных публикаций акцент в дефиниции ставится на индивидуальном уровне обеспечения продовольственной безопасности. Так, А. Б. Лисицын с соавт. определяет данное понятие как «физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни» [9, с. 9].

Тем не менее, в большинстве современных научных источников продовольственная безопасность трактуется более широко: некоторые исследователи включают в данную категорию также качество и доступность общественного питания [15, с. 104], экологичность пищевых продуктов [14] и многие другие аспекты. Широкий подход, в частности, применяется отечественными органами власти. Ключевыми документами в рассматриваемой нами прикладной области выступают Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 [6] и пришедшая ей на смену Доктрина, утвержденная Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 [5].

В новой Доктрине продовольственная безопасность определяется следующим образом: «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и

здорового образа жизни» [5]. Доктрина, указывает Г. С. Беляева, ставит во главу угла экономическую подоплеку продовольственной безопасности, что позволяет считать ее одним из компонентов экономической безопасности или даже безопасности национальной [3, с. 208].

С. М. Курбатова с соавт., проводя сопоставительный анализ двух Доктрин, пишет о том, что обновленная государственная стратегия в области продовольственной безопасности стала более комплексной и многоаспектной; задач в области обеспечения продовольственной безопасности стало существенно больше, и эти задачи сегодня охватывают широкий спектр общественных отношений [8, с. 46].

Продовольственная безопасность, согласно положениям Доктрины, непосредственным образом связана со следующими аспектами деятельности органом государственной власти: (1) сохранение государственности и суверенитета; (2) формирование и развития демографической составляющей; (3) повышение качества жизни населения; (4) повышение стандартов жизнеобеспечения [5]. Новая Доктрина детально описывает риски, связанные с обеспечением продовольственной безопасности (Таблица 1):

Таблица 1
Риски в реализации положений Доктрины продовольственной безопасности от 2020 г.

Группа рисков	Риски
Экономические риски	Обеспечение продовольственной безопасности может быть осложнено по причине флуктуаций внутренней/или с внешней экономической конъюнктуры, снижения темпов развития мировой и/или национальной экономики; нестабильности финансового сектора, по причине валютных колебаний; по причине снижения инвестиционной привлекательности субъектов хозяйствования.
Технологические риски	Устаревание технологическо-производственной базы в сельском хозяйстве и в пищевой промышленности; низкие темпы инновационного развития.
Климатические и экологические риски	Серьезные изменения климата, аномальные природные явления; рост площадей сельскохозяйственных земель, непригодных для обработки и использования; последствия катастроф чрезвычайного характера.
Внешне-политические риски	Санкционное давление, разрыв логистических цепочек и прерывание партнерских отношений, внедрение другими странами протекционистских политик, снижающих экспортный потенциал российской продукции или затрудняющие импорт зарубежной.
Ветеринарные и фитосанитарные риски	Распространение массовых заразных болезней животных и вредителей растений в масштабах, негативно влияющих на производство сельскохозяйственной и пищевой продукции.
Эпидемиологические риски	Распространение массовых заболеваний населения и как следствие – снижение потребительской активности и уровня доходов населения.
Социальные риски	Увеличение разрыва между сельским и городским образом жизни, уход молодежи и трудоспособного населения в крупные города и кадровых дефицит отраслей, непосредственно обеспечивающих продовольственную безопасность.

Примечание: источник – собственная разработана на основе данных [5]

В новейших научных публикациях и СМИ все чаще можно услышать мнение о том, что обеспечение продовольственной самообеспеченности выступает ключевой задачей в реализации стратегий продовольственной безопасности. Без самообеспеченности государства продовольствием речи о продовольственной безопасности не может быть. Можно также сказать, что достижение высокого уровня продовольственной самообеспеченности позволяет во многом нейтрализовать риски, описанные в Таблице 1.

Продовольственную самообеспеченность в общем виде можно определить как способность страны или региона обеспечивать свое население продовольствием на уровне, необходимом для поддержания жизни, здоровья населения и полноценного развития без критической зависимости от внешних источников поставок. Данный термин охватывает, помимо прочего, различные аспекты устойчивости агропромышленного производства, способности адаптироваться к изменяющимся условиям, а также обеспечения доступности и качества продовольствия для всех слоев населения.

По мнению Е. А. Болотиной, основной задачей в области регулирования продовольственной ситуации в России выступает снижение зависимости от импорта тех продовольственных товаров, которые могут производиться внутри страны. Эта задача достижима посредством, во-первых, формирования стратегических запасов и, во-вторых, эффективного использования внутренних продовольственных ресурсов, развития производства и обновления материально-технической базы тех отраслей, которые задействованы в производстве пищевых продуктов [4, с. 16].

М. Абдиев с соавт. говорит о том, что усилия государства и субъектов хозяйствования в плане достижения продовольственной самообеспеченности должны быть приложены в нескольких ключевых направлениях – в том числе внутри страны, так и за ее пределами [1, с. 8]. Особенно актуальными данные тезисы представляются нам в текущих условиях политизации внешней экономики. Развивая данный тезис, мы можем представить следующие векторы в реализации стратегии продовольственной самообеспеченности (Рисунок 1):

Политический аспект в рассмотрении продовольственной безопасности становится одним из наиболее важных и обсуждаемых в отечественной научной литературе. Как отмечают В. М. Смирнов и В. А. Волконский, «в условиях современного обострения геополитической ситуации и углубления многополярности в рамках мировых социально-экономических отношений» самообеспеченность становится решающим условием достижения продовольственной безопасности страны. Ранее считалось, что глобализация логистических цепочек приводит к повышению эффективности распределения ресурсов, но как показывает практика последнего десятилетия, она сопряжена с таким «побочным» эффектом, как усиление продовольственной взаимозависимости [14, с. 180]. В кризисных ситуациях подобная взаи-

мозависимость влечет за собой формирование локальных диспропорций, приносящих ущерб всем участникам.

Рисунок 1 – Направления мероприятий, направленных на достижение продовольственной самообеспеченности России

Примечание: источник – собственная разработка

На сегодняшний день достижение продовольственной самообеспеченности является собой довольно непростую задачу, ведь население требуется не просто обеспечить необходимым минимумом продовольственных товаров, а предоставить доступ к разнообразным питательным, качественным продуктам, необходимых для обеспечения полноценного рациона. Как показывает пример некоторых стран, оскудение рациона вследствие разрыва внешних связей и недостаточности мощностей для производства собственного продовольствия, негативно сказывается на состоянии здоровья населения, дестабилизирует социальную обстановку, ухудшает демографию. Особенно актуальным данный тезис представляется в свете того, что Россия по многим позициям является не экспортером, а импортером продуктов питания [7, с. 116].

Безусловно, полный отказ от импорта пищевой продукции на сегодняшний день невозможен; в структуре импорта в ближайшей перспективе будет сохраняться значительная часть импортных товаров. Иностранные товары, при этом, более дороги, чем отечественные, что обусловлено логистико-транспортными издержками и пошлинами. Соответственно, при наличии физического доступа к продуктам, российское население испытывает трудности в экономическом доступе к ним.

Следовательно, можно сделать вывод о тесной взаимосвязи экономической составляющей национальной безопасности страны и ее продовольственной самообеспеченности (в таком контексте обновленные положения Доктрины, содержащие акцент на экономическом компоненте, представляются нам вполне последовательными). Продовольственная безопасность страны и регионов, указывают А. И.

Садыкова и Е. С. Патлань, напрямую связана с задачами повышения уровня жизни россиян, поддержкой малообеспеченных слоев населения, повышением уровня средней заработной платы, ростом уровня ВВП на душу населения, снижение дифференциации населения по уровню доходов [13, с. 794].

Как отмечено выше, продовольственная самообеспеченность не должна отождествляться с резким и полным отказом от иностранных товаров. А. И. Садыкова и Е. С. Патлань считают, что многие импортные товары опережают отечественные как по качеству, так и по цене. Для того, чтобы повысить конкурентоспособность отечественной продукции, требуется развивать агропромышленный комплекс, внедрять инновации, обеспечивать стратегически важные отрасли высококвалифицированными кадрами [13, с. 794]. П. М. Амирханова выражает аналогичный тезис: производство качественных продовольственных товаров и повышение уровня их конкурентоспособности возможно исключительно при условии модернизации производств [2, с. 30]. Субъекты хозяйствования, при поддержке государства, должны «восполнить «голод» сельскохозяйственной отрасли в техническом оснащении» [2, с. 31].

Как показано в Таблице 1, технологические угрозы выступают одним из важнейших рисков в обеспечении продовольственной безопасности, согласно обновленной Доктрине. Технологические риски взаимосвязаны с низкой инновационной и инвестиционной активностью в производстве сельскохозяйственной и пищевой продукции, сырья и продовольствия. Российские села сталкиваются с рядом технологических рисков: (1) они испытывают острый дефицит сельхозтехники и новых технологий, а также (2) квалифицированных кадров и рабочих, (3) зачастую им приходится арендовать сельхозтехнику при невозможности приобрести собственную; (4) уровень износа объектов и инфраструктуры во многих случаях является критическим; (5) уровень закупочных цен на производимую продукцию довольно низок и не продажи продукции не всегда способны покрыть расходы предприятия. П. И. Пигас с соавт. отмечает: в большей степени отставание наблюдается в мясомолочных отраслях, где доля устаревшего оборудования (срок эксплуатации более 25 лет) превышает 50% и в хлебопечкарной отрасли, где данный показатель составляет 67% [10, с. 54-55].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Продовольственная безопасность – физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия, а также состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям

2. В реализации положений Доктрины продовольственной безопасности от 2020 г. Наблюдается несколько групп рисков: экономические, технологические, климатические и экологические, внешнеполитические, ветеринарные и фитосанитарные риски, эпидемиологические, социальные риски.

3. Продовольственная самообеспеченность – способность страны или региона обеспечивать свое население продовольствием на уровне, необходимом для поддержания жизни, здоровья населения и полноценного развития без критической зависимости от внешних источников поставок. Основной задачей в области регулирования продовольственной ситуации в России выступает снижение зависимости от импорта продовольственных товаров. Эта задача достижима посредством развития производства.

4. Технологические угрозы выступают одним из важнейших рисков в обеспечении продовольственной безопасности. Технологические риски взаимосвязаны с низкой инновационной и инвестиционной активностью в производстве сельскохозяйственной и пищевой продукции, сырья и продовольствия.

Литература

1. Абдиев, М. Критерии и показатели продовольственной безопасности / М. Абдиев, О. Абдрахманов, Т. Зулпукарова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №2 (96). – С. 7-10.
2. Амирханова, П. М. Проблемы продовольственной безопасности России / П. М. Амирханова // Вестник науки. – 2020. – №5 (26). – С. 28-32.
3. Беляева, Г. С. Продовольственная безопасность в системе экономической безопасности / Г. С. Беляева, А. Г. Галицкая // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №5-2. – С. 207-209.
4. Болотина, Е. А. Исследование проблем продовольственной безопасности через призму устойчивого функционирования национальных продовольственных рынков / Е. А. Болотина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2016. – №4 (190). – С. 15-20.
5. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/. – Дата доступа: 4.06.2024.
6. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 (утратила силу) // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/. – Дата доступа: 4.06.2024.
7. Исакина, Н. А. К вопросу о продовольственной безопасности государства / Н. А. Исакина // Скиф. – 2021. – №6 (58). – С. 114-117.
8. Курбатова, С. М. О доктринах продовольственной безопасности РФ / С. М. Курбатова, В. Ю. Мазуров, Ю. В. Андреева // Аграрное и земельное право. – 2020. – №8 (188). – С. 45-46.

9. Лисицын, А. Б. От продовольственной безопасности к безопасности и качеству продовольствия / А. Б. Лисицын, И. М. Чернуха, О. И. Лунина // Пищевая промышленность. – 2021. – №2. – С. 8-14.

10. Пигас, П. И. Анализ актуальных проблем и рисков обеспечения продовольственной безопасности в условиях санкций в современной России / П. И. Пигас, С. А. Агамагомедова // Продовольственная политика и безопасность. – 2017. – №1. – С. 49-60.

11. Полянская, Н. М. Продовольственное обеспечение - основа продовольственной безопасности / Н.М. Полянская // Society and Security Insights. – 2021. – №1. – С. 101-110.

12. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности. 1996 г. // Аграрный центр МГУ. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecfs.msu.ru/resources/test/mezhdunarodnyie-dokumentyi/rimskaya-deklaraciya-o-vsemirnoj-prodovolstvennoj-bezopasnosti-1996-g>. – Дата доступа: 4.06.2024.

13. Садыкова, А. И. Анализ существующих проблем обеспечения продовольственной безопасности страны / А. И. Садыкова, Е. С. Патлань // Индустриальная экономика. – 2022. – №5. – С. 792-796.

14. Смирнов, В. М. Эволюция подходов к продовольственной безопасности в современном мире: стабильность, устойчивость и регионализация / В. М. Смирнов, В. А. Волконский // Экономические системы. – 2022. – №3. – С. 172-182.

15. Шайтура, С. В. Продовольственная безопасность и кейтеринг / С. В. Шайтура, Л. М. Тыгер, Ю. П. Кожаев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2020. – №9. – С. 103-112.

16. Якимович, Е. А. Трансформация трактовок продовольственной безопасности / Е. А. Якимович // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2023. – №1. – С. 91-106.

17. The state of food and agriculture. – Food and Agriculture Organization of the United Nations, 1974. – 207 p.

Challenging aspects in ensuring food security in the Russian Federation Ivanov V.A.

Russian Biotechnology University

The article describes the evolution of approaches to defining the term "food security". Definitions of this category are presented as well. The key documents in the applied area we are considering are the Doctrine of Food Security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2010 No. 120 and the Doctrine that replaced it, approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20. A brief comparative analysis of the two Doctrines is presented. ; it was concluded that the updated state strategy in the field of food security has become more comprehensive and multidimensional. The risks in implementing food security strategies in accordance with the provisions of the 2020 Doctrine are described. The problem of food self-sufficiency as an important component of food security is identified. The connection between the state's food self-sufficiency and food security is described. It is concluded that the main task in regulating the food situation in Russia is to reduce dependence on imports of food products. The directions of activities aimed at achieving food self-sufficiency in Russia are described. It is noted that technological threats are one of the most important risks in ensuring food security.

Keywords: food security, food self-sufficiency, doctrine of food security of the Russian Federation, food products, import substitution, agriculture

References

1. Abdiev, M. Criteria and indicators of food security / M. Abdiev, O. Abdrakhmanov, T. Zulpukarova // Economy and business: theory and practice. - 2023. - No. 2 (96). - P. 7-10.
2. Amirkhanova, P. M. Problems of food security of Russia / P. M. Amirkhanova // Bulletin of science. - 2020. - No. 5 (26). - P. 28-32.
3. Belyaeva, G. S. Food security in the system of economic security / G. S. Belyaeva, A. G. Galitskaya // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2022. - No. 5-2. - P. 207-209.
4. Bolotina, E. A. Study of food security problems through the prism of sustainable functioning of national food markets / E. A. Bolotina // Bulletin of Adyge State University. Series 5: Economy. - 2016. - No. 4 (190). - P. 15-20.
5. The Doctrine of Food Security of the Russian Federation: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 // SPS Consultant Plus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/. - Access date: 06/04/2024.
6. The Doctrine of Food Security of the Russian Federation: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2010 No. 120 (no longer in effect) // SPS Consultant Plus. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/. - Access date: 4.06.2024.
7. Isakina, N. A. On the issue of food security of the state / N. A. Isakina // Skif. - 2021. - No. 6 (58). - P. 114-117.
8. Kurbatova, S. M. On the doctrines of food security of the Russian Federation / S. M. Kurbatova, V. Yu. Mazurov, Yu. V. Andreeva // Agrarian and land law. - 2020. - No. 8 (188). - P. 45-46.
9. Lisitsyn, A. B. From food security to food safety and quality / A. B. Lisitsyn, I. M. Chernukha, O. I. Lunina // Food industry. – 2021. – No. 2. – P. 8-14.
10. Pigas, P. I. Analysis of current problems and risks of ensuring food security in the context of sanctions in modern Russia / P. I. Pigas, S. A. Agamagomedova // Food policy and security. – 2017. – No. 1. – P. 49-60.
11. Polyanskaya, N. M. Food supply is the basis of food security / N. M. Polyanskaya // Society and Security Insights. – 2021. – No. 1. – P. 101-110.
12. Rome Declaration on World Food Security. 1996 // Agrarian Center of Moscow State University. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://ecfs.msu.ru/resources/test/mezhdunarodnyie-dokumentyi/rimskaya-deklaraciya-o-vsemirnoj-prodovolstvennoj-bezopasnosti-1996-g>. – Access date: 4.06.2024.
13. Sadykova, A. I. Analysis of existing problems of ensuring food security of the country / A. I. Sadykova, E. S. Patlan // Industrial Economy. - 2022. - No. 5. - P. 792-796.
14. Smirnov, V. M. Evolution of approaches to food security in the modern world: stability, sustainability and regionalization / V. M. Smirnov, V. A. Volkonsky // Economic systems. - 2022. - No. 3. - P. 172-182.
15. Shaytura, S. V. Food security and catering / S. V. Shaytura, L. M. Tyger, Yu. P. Kozhaev // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. - 2020. - No. 9. - P. 103-112.
16. Yakimovich, E. A. Transformation of interpretations of food security / E. A. Yakimovich // Bulletin of RUDN. Series: Economy. - 2023. - No. 1. - P. 91-106.
17. The state of food and agriculture. - Food and Agriculture Organization of the United Nations, 1974. - 207 p.

Сотрудничество Ирана и России в урегулировании сирийского кризиса в целях обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке

Ладжеварди Сейедерфан

аспирант кафедры международного и интеграционного права, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, erfana.lajevardi@mail.ru

Федоряк Дарья Романовна

аспирант отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН, DariaFarrokh@yandex.ru

Предлагаемая статья посвящена анализу сотрудничества Ирана и России в контексте проблематики урегулирования сирийского кризиса с акцентом на обеспечении региональной безопасности. В статье проведен сравнительный анализ различных этапов сотрудничества, выявлены ключевые факторы, определяющие его динамику и влияние на региональную ситуацию. Особое внимание уделяется роли этих двух стран в борьбе с терроризмом, восстановлении Сирии и формировании послевоенного политического ландшафта.

Также, в процессе проведенного исследования, анализируется, каким образом совместные действия России и Ирана способствуют укреплению их позиций в регионе. В работе рассматриваются такие аспекты, как военное сотрудничество, экономические связи, политическая координация и влияние на региональные балансы сил.

Дополнительно проведен анализ вызовов, с которыми сталкивается российско-иранское сотрудничество в Сирии, а также перспективы его развития. Авторы рассматривают внутренние и внешние факторы, способные оказать негативное влияние на взаимодействие двух стран, такие как экономические санкции, изменение геополитической конфигурации региона, противоречия внутри сирийского общества и различия в долгосрочных целях Российской Федерации, Исламской Республики Иран и Сирийской Арабской Республики.

Ключевые слова: Россия, Иран, Сирия, Ближний Восток, стратегическое сотрудничество, региональная безопасность, военнополитическое сотрудничество, геополитика

Введение. Анализ российско-иранского сотрудничества в контексте сирийского кризиса требует комплексного подхода, объективно учитывающего совокупность факторов, обусловивших возникновение и эскалацию вооруженного конфликта в Сирии.

Ближневосточный регион, исторически характеризующийся высокой степенью политической нестабильности, представляет собой широкое поле для междисциплинарных исследований. Современные революционные процессы в регионе, сопровождающиеся глубокими динамичными социально-политическими трансформациями, актуализируют необходимость всестороннего изучения динамики взаимоотношений между Россией и Ираном в контексте их военно-политического сотрудничества с Сирийской Арабской Республикой как одним из ключевых игроков региональной политики.

Сирийский кризис, разразившийся в 2011 году, стал одним из наиболее острых и продолжительных конфликтов в современном Ближнем Востоке. Его последствия ощущаются не только в самом регионе, но и далеко за его пределами. В контексте этого кризиса особую роль сыграло сотрудничество России и Ирана. Изучение международных отношений на Ближнем Востоке, особенно в контексте сложных конфликтов, требует междисциплинарного подхода, что предполагает теоретический анализ сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Иран в сирийском кризисе, основываясь на концепциях реализма, неолиберализма и конструктивизма. Для этого необходимо рассмотреть комплекс факторов, таких как: национальные интересы, идеологические различия, региональные балансы сил и роль международных организаций.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа российско-иранского сотрудничества в контексте сирийского кризиса с акцентом на его влияние на региональную безопасность на Ближнем Востоке.

Для достижения поставленной в исследовании цели были определены следующие **задачи**: идентификация основных интересов России и Ирана в Сирии и их эволюция в ходе конфликта; анализ характера и динамики российско-иранского взаимодействия в рамках сирийского урегулирования (формы сотрудничества, координация действий, возникающие противоречия); оценка влияния российского, иранского и их совместного сотрудничества на ход сирийского конфликта и баланс сил в регионе; выявление факторов, способствующих и препятствующих углублению российско-иранского сотрудничества в Сирии; определение перспектив развития российско-иранского взаимодействия в контексте

урегулирования сирийского конфликта и его возможных последствий для региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Методы исследования: анализ официальных заявлений, договоров и стратегических документов, подписанных Россией и Ираном с целью выявления ключевых направлений сотрудничества и изменения их динамики во времени; анализ российских и иранских СМИ, а также ведущих мировых изданий для идентификации доминирующих дискурсов, оценок и интерпретаций российско-иранских отношений, как в политической элите, так и в общественном сознании обеих стран; сравнительный анализ динамики российско-иранских отношений с другими региональными взаимодействиями России на Ближнем Востоке и в Центральной Азии на основе научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей, системный анализ политической обстановки в регионе.

Основной материал. Сирия исторически является страной с преобладанием мусульманского населения, причем ислам традиционно занимал центральное место в государственной и общественной жизни. На протяжении длительного периода ислам использовался как инструмент идентификации в различных социальных и политических движениях. Обострение международной обстановки нередко сопровождалось эскалацией этноконфессиональных конфликтов, что, в свою очередь, углубляло социальные противоречия на различных уровнях. В таких условиях ислам приобретал особую значимость как религиозная и политическая идеология.

Как и в других религиях, в исламе присутствует внутреннее разнообразие, выражающееся в существовании различных течений и школ. Борьба за влияние и власть внутри исламского сообщества нередко приводит к деструктивным последствиям и формированию радикальных идеологий. Идеология радикального исламизма, получившая широкое распространение в XX веке, стала одним из ключевых факторов, способствовавших возникновению и эскалации вооруженного конфликта в Сирии. Можно уже констатировать, что к июлю 2012 года масштабы насилия в стране достигли такого уровня, что Международный Комитет Красного Креста квалифицировал происходящее как гражданскую войну [7].

Сирийский конфликт, разгоревшийся весной 2011 года, был инициирован массовыми протестами против авторитарного режима Башара Асада. Движущими силами выступлений стали глубоко укоренившиеся социально-экономические проблемы, выражавшиеся в коррупции, неравенстве и отсутствии политических свобод. Несменяемость власти и политическая монополия правящей элиты, на фоне сохраняющихся внешних атрибутов демократии, подтолкнули население к открытому выражению недовольства. Сирийская революция, ставшая частью более широкого регионального процесса, известного как «Арабская весна», радикально трансформировала политический ландшафт страны, в том числе взаимоотношения между религией и государством [14].

Предпосылки формирования ирано-сирийского политического сотрудничества. Исламская революция 1979 года стала исторической вехой в формировании нового формата государственности Ирана и катализатором усиления влияния исламистских сил на политическую арену арабского мира. Данный феномен выразился в стремлении к ликвидации существующих, пусть и авторитарных, но тем не менее модернизирующихся политических режимов. Наглядным подтверждением этого тезиса служит эволюция политической ситуации в Сирии. Следует объективно констатировать, что «Арабская весна», декларирующая курс на демократизацию, была использована Западом для эскалации конфессиональных противоречий, что в свою очередь укрепило позиции радикальных исламистов. Даже такой шаг, как принятие новой Конституции Сирии в 2012 году не стал переломным моментом, способным пресечь рост влияния исламистских группировок. Напротив, эти силы использовали сложившуюся ситуацию для деструктивной деятельности, направленной на подрыв государственных институтов.

В контексте темы нашего исследования необходимо отдельно остановиться на существующих ирано-сирийских отношениях в вопросе стратегического партнерства по проблематике региональных и международных вызовов.

Иран и Сирия в настоящее время представляют собой прочный стратегический альянс, корни которого уходят в глубокое историческое прошлое Ближнего Востока. Общность интересов обеих стран, выражающаяся в необходимости противостоять внешнему давлению и проводить согласованную политику на региональной и международной арене, послужила основой для укрепления двусторонних связей.

Сирийский внутренний кризис и внешняя изоляция стали катализатором сближения с Ираном, который рассматривался Дамаском как надежный союзник и источник поддержки. При этом следует отметить, что политика ведущих западных стран, в частности США, сыграла существенную роль в углублении ирано-сирийского сотрудничества. Вторжение американских войск в Ирак в 2003 году и последующая агрессивная риторика Вашингтона в отношении Ирана и Сирии, обвиненных в поддержке терроризма, вызвали резкое осуждение со стороны Тегерана и Дамаска и привели к консолидации их позиций [3].

Иранская интерпретация сирийского кризиса как результата внешнего вмешательства, в частности, со стороны США, обусловлена стремлением сохранить статус-кво в регионе и защитить свои геополитические интересы. Поддержка законного правительства Сирии рассматривалась Тегераном как необходимое условие для предотвращения дестабилизации Ближнего Востока и сохранения своего влияния в Ливане.

Первоначально иранская политика в отношении сирийского конфликта носила преимущественно дипломатический характер, выражаясь в официальных заявлениях и консультировании сирийского

правительства. Однако с началом военной операции России в Сирии Иран существенно усилил свою военную поддержку режиму Асада, направив в регион элитные подразделения для борьбы с террористическими группировками. Такой подход свидетельствует о стратегической важности сирийского вопроса для Ирана и о готовности Тегерана использовать военные средства для достижения своих целей в регионе [8].

Вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике, разгоревшийся в марте 2011 года, быстро эскалировал в полномасштабную гражданскую войну, в которую были вовлечены многочисленные вооруженные антиправительственные группировки. К 2013 году на севере страны сформировалась штаб-квартира террористической организации «Исламское государство». Согласно данным совместного исследования Сирийского центра политических исследований и Программы развития ООН, опубликованным в марте 2015 года, за первые пять лет конфликта погибло более 220 тысяч человек, а совокупный экономический ущерб превысил 300 миллиардов долларов США [4].

Роль и позиция Российской Федерации в урегулировании кризиса в Сирии. Россия изначально рассматривала феномен «Арабской весны» как механизм, используемый Соединёнными Штатами в рамках их внешнеполитической стратегии по поддержке так называемых цветных революций. Это, по объективному и аргументированному мнению российской стороны, способствовало усилению исламского экстремизма и фундаментализма в регионе. Решение о применении Вооружённых сил Российской Федерации в Сирии для борьбы с террористическими группировками было принято в ответ на официальное обращение сирийского правительства за военной поддержкой и одобрено Советом Федерации РФ именно по этой причине.

Основные цели России в проведении антитеррористической операции в Сирии заключались в стабилизации ситуации в регионе и предотвращении дальнейшего распространения терроризма. Военная операция, начатая 30 сентября 2015 года и приведшая к значительному ослаблению террористических сил, создала условия для начала мирного урегулирования сирийского конфликта в начале 2016 года [16].

В условиях нарастающей гуманитарной катастрофы и угрозы дестабилизации региона сирийское правительство обратилось за военной поддержкой к Российской Федерации, с которой Сирия всегда поддерживала дружественные отношения еще со времен Советского Союза. В ответ на этот запрос, 30 сентября 2015 года, началась военная операция российских вооруженных сил на территории Сирии. Целью данной операции стало оказание содействия сирийскому правительству в борьбе с террористическими группировками, восстановлении государственного контроля над большей частью территории страны, а также создание условий для перехода к политическому урегулированию конфликта.

Российская военная помощь Сирийской Арабской Республике с 2015 года стала определяющим фактором в стабилизации региональной обстановки. Объективная необходимость оказания подобной помощи Сирии Россией была вызвана целым рядом факторов.

Исторически сложившиеся социально-культурные связи между Россией и Сирией представляют собой многогранный феномен, оказывающий существенное влияние на динамику двусторонних отношений. Глубокие корни этих связей уходят в прошлое, охватывая различные сферы человеческой деятельности, что свидетельствует о наличии прочного фундамента для межгосударственного сотрудничества.

В современных условиях развитие хозяйственных отношений между двумя странами обусловлено стремлением к диверсификации внешнеэкономических связей. Сирия, как один из ключевых торговых партнеров России на Ближнем Востоке, играет важную роль в реализации этой стратегической задачи. Особое место в российско-сирийском сотрудничестве занимает военно-техническая сфера, где Сирия занимает второе место среди покупателей российского вооружения.

Таким образом, российско-сирийские отношения носят комплексный характер, охватывая политическую, экономическую, культурную и гуманитарную сферы. Глубокие исторические корни и общие интересы способствуют укреплению этих связей. Сирия рассматривается Россией как один из ключевых партнеров на Ближнем Востоке. Сотрудничество в различных областях, включая военно-техническую, способствует укреплению позиций России в регионе. Развитие хозяйственных отношений отвечает интересам обеих стран, способствуя диверсификации экспорта и импорта, а также укреплению экономической безопасности.

Так как Сирия занимает важное геополитическое положение на Ближнем Востоке, то сотрудничество с этой страной позволяет России расширить свое влияние в регионе и противостоять политическому давлению со стороны других государств. Необходимость развития хозяйственных отношений между Россией и Сирией объясняется также стремлением двух государств диверсифицировать свои внешнеполитические и внешнеэкономические отношения. Сирия также выступает в качестве важного торгового партнера России. На Ближнем Востоке эта страна является вторым по значению покупателем российских вооружений после Ирана [13].

Активные действия ВС РФ позволили не только существенно снизить интенсивность боевых действий, но и нанести сокрушительное поражение террористической организации «Исламское государство», ликвидировав ее так называемый «халифат» на Ближнем Востоке. Официальное прекращение огня на территории САР, за исключением зон активных боевых действий против ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусра», было объявлено 30 декабря 2016 года [2].

Россия, обладающая собственным видением политического урегулирования сирийского кризиса, в настоящее время выступает ключевым игроком в

процессе мирного разрешения конфликта. Глубокие исторические корни российско-сирийских отношений, уходящие своими истоками в советский период, служат прочной основой для современного двустороннего сотрудничества.

Российская Федерация последовательно выступает за мирное урегулирование сирийского конфликта путем переговоров, направленных на достижение взаимоприемлемых компромиссов между всеми вовлеченными сторонами. Параллельно с этим, РФ оказывает поддержку легитимному правительству Сирийской Арабской Республики в борьбе с террористическими группировками, действующими на ее территории.

С момента начала сирийского кризиса Россия активно участвует в политико-дипломатических усилиях по стабилизации ситуации в регионе. Российская Федерация неоднократно демонстрировала свою приверженность мирному разрешению конфликта, блокируя в Совете Безопасности ООН антисирийские резолюции, предусматривающие введение санкций против САР, и выступая против военной интервенции со стороны западной коалиции. Данные действия России свидетельствуют о ее стремлении способствовать восстановлению суверенитета и территориальной целостности Сирии [11].

Политическое сотрудничество Ирана и России в мирном урегулировании кризиса в Сирии. Несмотря на многочисленные попытки международного сообщества, представленного ООН, достичь мирного урегулирования сирийского конфликта в рамках женевского формата переговоров, глубокие разногласия между сторонами привели к существенному затруднению переговорного процесса и, в конечном счете, к его стагнации.

Учитывая тупиковую ситуацию, сложившуюся вокруг женевского формата, Россия выступила с инициативой создания нового механизма политического урегулирования сирийского кризиса. 14 декабря 2016 года был учрежден так называемый «астанинский процесс», в котором ключевую роль посредников взяли на себя Россия, Иран и Турция – государства, обладающие значительным региональным влиянием и заинтересованные в установлении мира и стабильности в регионе. Выбор Астаны в качестве новой переговорной площадки был обусловлен поддержкой со стороны президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, который неоднократно подчеркивал важность международных усилий по мирному разрешению сирийского конфликта [6].

В ходе переговоров глав внешнеполитических ведомств государств-участников было принято совместное заявление, фиксирующее согласованные меры по активизации мирного процесса в Сирии с целью его скорейшего завершения. Новый многосторонний формат переговоров позволил России, Ирану и Турции выработать единую позицию по ключевым вопросам, включая обеспечение территориальной целостности Сирийской Арабской Республики и поиск политического решения конфликта.

Астанинский процесс стал своевременной политической инициативой, расширившей рамки переговорного процесса. Так, если ранее вопросы прекращения огня, гуманитарной помощи и другие аспекты мирного урегулирования обсуждались преимущественно в рамках женевской площадки, то запуск астанинского формата способствовал возобновлению политического диалога и созданию новых возможностей для урегулирования конфликта.

Астанинский формат переговоров существенно активизировал процесс сирийского урегулирования, стимулируя работу Женевской платформы и способствуя принятию более конкретных решений. До начала Астанинского процесса Женевская группа на протяжении длительного периода не могла достичь существенных результатов, регулярно откладывая свои встречи. Введение нового формата переговоров позволило создать более благоприятные условия для диалога и способствовало включению в повестку дня Женевской платформы острых вопросов, таких как борьба с терроризмом, что стало возможным благодаря активной посреднической роли России [5].

Ключевым достижением Астанинского формата стало создание синергетического эффекта с Женевским процессом, что позволило более эффективно решать комплекс проблем сирийского конфликта. Данный формат продемонстрировал свою эффективность в качестве дополняющего и стимулирующего механизма для политического урегулирования, способствуя более активному взаимодействию между различными сторонами конфликта.

В контексте сирийского конфликта, Российская Федерация, Исламская Республика Иран и Турецкая Республика, выступая в качестве гарантов политического урегулирования, инициировали создание трехстороннего механизма для контроля за режимом прекращения огня. С целью деэскалации напряженности и обеспечения гуманитарных условий для гражданского населения, были определены специальные зоны, статус которых закреплен в «Меморандуме о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике». Данный документ, подписанный тремя гарантами, способствовал не только снижению интенсивности боевых действий между правительственными силами и вооруженной оппозицией, но и созданию условий для мирного сосуществования. Помимо этого, в рамках трехстороннего механизма был учрежден специальный орган, призванный заниматься вопросами освобождения задержанных и заложников, а также гуманитарными аспектами конфликта, такими как обмен телами погибших и поиск пропавших без вести [15].

Впервые в истории сирийского конфликта страны-гаранты выступили с совместным заявлением, посвященным проблеме гуманитарного разминирования, включая объекты культурного наследия, включенные в список ЮНЕСКО. Особое внимание уделяется таким памятникам мировой культуры. Согласно данным ЮНЕСКО, военные действия уже привели к разрушению или повреждению около 300 объектов культурного наследия Сирии [1].

Усилия стран-гарантов направлены не только на наращивание объемов гуманитарной помощи и восстановление жизненно важной инфраструктуры (систем водоснабжения и электроснабжения, образовательных и медицинских учреждений), но и на создание безопасных условий для возвращения беженцев. Таким образом, гаранты демонстрируют комплексный подход к решению гуманитарной проблемы и содействию восстановлению Сирии.

Таким образом, двадцатый раунд переговоров в рамках Астанинского формата, проходивший в Астане, ознаменовал собой завершение очередного этапа многосторонних консультаций по сирийскому урегулированию.

Страны-гаранты, включая Россию и Иран, в своем совместном заявлении подтвердили свою приверженность продолжению этих усилий и выразили готовность оказать всемерную поддержку Сирийской Арабской Республике в восстановлении ее государственности и интеграции в региональное сообщество [10].

В ходе переговоров особое внимание было уделено анализу присутствия и активности террористических группировок в зоне деэскалации Идлиб. Были категорически отвергнуты все незаконные инициативы, маскируемые борьбой с терроризмом, а также односторонние санкции, противоречащие международному праву. Подчеркивалась недопустимость дискриминационных мер в отношении отдельных регионов Сирии, которые могут дестабилизировать ситуацию в стране [9].

В ходе переговоров участники обсудили широкий спектр актуальных вопросов, среди которых особое внимание было уделено расширению гуманитарной помощи Сирии. В частности, обсуждались проекты восстановления критически важной инфраструктуры и инициативы по гуманитарному разминированию. Кроме того, стороны рассмотрели возможность расширения масштабов операций по взаимному освобождению задержанных и похищенных лиц в рамках соответствующей рабочей группы, что призвано способствовать укреплению доверия между сирийскими сторонами [12].

Механизм ирано-российских взаимоотношений в процессе урегулирования сирийского конфликта. Сотрудничество России и Ирана в контексте сирийского кризиса представляет собой уникальное явление в современной международной политике. Исторически сложившиеся двусторонние отношения, ранее проявлявшиеся в совместных усилиях по урегулированию региональных конфликтов (Таджикистан, Афганистан), достигли нового уровня интеграции.

Сирийский конфликт выступал катализатором консолидации интересов Москвы и Тегерана, сформировав беспрецедентный военно-политический альянс. Характерной чертой данного партнерства стало разрешение Ираном, впервые со времен Исламской революции, использовать свою территорию для проведения российских военных операций. Это решение, противоречащее традиционной иранской внешнеполитической доктрине, подчеркивает

стратегическую значимость сотрудничества с Россией для обеспечения национальных интересов Ирана в регионе.

Российско-иранское сотрудничество в Сирии представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных мер, направленных на достижение общих геополитических целей. Военно-оперативное взаимодействие, выражающееся в совместных операциях и обмене разведывательной информацией, позволило существенно ослабить позиции террористических группировок и создать условия для политического диалога. Политико-дипломатические усилия России и Ирана направлены на поиск долгосрочного решения сирийского кризиса, однако столкнулись с рядом препятствий, связанных с разногласиями между ключевыми игроками региона. Сирия выступает в качестве важного плацдарма для реализации внешнеполитических интересов как России, так и Ирана, что обуславливает устойчивый характер двустороннего сотрудничества.

Анализ современного политического ландшафта Ближнего Востока позволяет выделить ряд ключевых факторов, обуславливающих укрепление сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией.

1. Коалиционная дипломатия как стратегический выбор Ирана. Исторический опыт Ирана свидетельствует о том, что достижение внешнеполитических целей наиболее эффективно осуществляется в рамках многосторонних коалиций. Участие в таких объединениях позволяет диверсифицировать риски и повысить эффективность внешнеполитических инструментов. Примеры успешного применения коалиционной дипломатии Ираном – укрепление позиций движения Хезболла в Ливане и тесное сотрудничество с правительством Ирака. В контексте сирийского кризиса коалиционное взаимодействие также выступает важным инструментом достижения национальных интересов Ирана.

2. Геополитическое значение России как постоянного члена Совета Безопасности ООН. Сотрудничество с Россией, обладающей правом вето в Совете Безопасности ООН, является рациональным выбором для Ирана, стремящегося нейтрализовать внешнее давление и обеспечить защиту своих национальных интересов на международной арене. Особую актуальность это приобретает в контексте сирийского кризиса.

3. Независимость российской внешней политики. Приверженность России к многовекторной внешней политике, не скованной жесткими блоковыми обязательствами, создает благоприятные условия для развития российско-иранского сотрудничества. Независимая позиция России в отношении сирийского кризиса, совпадающая по многим пунктам с позицией Ирана, является одним из ключевых факторов, способствующих углублению двусторонних отношений.

4. Взаимная выгода сотрудничества. Региональное влияние Ирана в Ираке и Сирии, всесторонняя поддержка правительства Башара Асада, активная борьба с терроризмом и экстремизмом делают Иран

привлекательным партнером для России, заинтересованной в укреплении своих позиций на Ближнем Востоке. В свою очередь, Иран видит в России надежного союзника, способного противостоять расширению американского влияния в регионе.

Таким образом, можно констатировать, что очевидное углубление российско-иранского сотрудничества обусловлено совокупностью объективных факторов, связанных с геополитическими реалиями Ближнего Востока, а также с совпадением долгосрочных национальных интересов двух стран.

Следует отметить, что российско-иранское взаимодействие в контексте сирийского кризиса характеризуется как сотрудничество, основанное на сочетании общих интересов и существующих разногласий.

С одной стороны, обе страны выражают озабоченность в связи с распространением радикализма и терроризма на Ближнем Востоке, а также стремятся противостоять внешнему вмешательству в региональные дела. Поддержка Ираном «оси сопротивления», направленная на сдерживание Израиля, является одним из ключевых элементов его внешней политики. Однако, учитывая тесные отношения России с Израилем, данный фактор может создавать определенные трения в российско-иранских отношениях.

С другой стороны, обе стороны демонстрируют высокую степень взаимного понимания и сотрудничества в рамках сирийского урегулирования. Несмотря на существующие разногласия, российско-иранские отношения в данном контексте носят стратегический и долгосрочный характер.

Следовательно, российско-иранское сотрудничество по сирийскому вопросу представляет собой сложный многогранный процесс, в котором сопрягаются как общие интересы, так и противоречивые подходы. Дальнейшее развитие этих отношений будет во многом зависеть от способности сторон находить компромиссы и адаптировать свои позиции с учетом меняющейся региональной обстановки.

Анализ двусторонних российско-иранских отношений в рамках сирийского урегулирования позволяет выделить ряд направлений для повышения эффективности взаимодействия и минимизации разногласий.

1. Синхронизация политических и военно-операционных аспектов сотрудничества. Несмотря на достигнутый высокий уровень координации в военной сфере, необходимо акцентировать внимание на политическом диалоге. Особое значение приобретает выработка совместных стратегий на случай различных сценариев развития событий, включая победу или поражение действующих режимов.

2. Учет западного фактора и гибкое взаимодействие с внешними игроками. Западные страны, особенно США, активно участвуют в сирийском конфликте и стремятся предотвратить усиление позиций России и Ирана. В этих условиях необходимо рационально оценивать ситуацию и максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы для взаимодействия с западными партнерами.

3. Конвертация военных успехов в политические достижения. Достигнутые в ходе военных операций

результаты открывают новые возможности для дипломатической деятельности. Необходимо усилить координацию усилий в военной сфере для достижения максимального политического эффекта.

4. Усиление гуманитарного компонента сотрудничества. С учетом гуманитарной катастрофы в Сирии, Россия и Иран должны уделить больше внимания оказанию гуманитарной помощи населению. Это позволит не только снизить негативное влияние антироссийской и антииранской пропаганды, но и повысить эффективность «мягкой силы» двух стран в регионе.

Выводы. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что исходная ситуация в сирийском конфликте, характеризующаяся отсутствием эффективных механизмов воздействия на противоборствующие стороны в рамках переговоров под эгидой ООН, требовала поиска альтернативных форматов взаимодействия.

Таким образом, именно российско-иранское взаимодействие в контексте сирийского урегулирования способствует как укреплению позиций обеих стран на Ближнем Востоке, расширяя спектр двустороннего сотрудничества, так данное партнерство демонстрирует и явный потенциал для формирования новой региональной архитектуры, направленной на нейтрализацию террористической угрозы и обеспечение стратегического баланса сил на Ближнем Востоке, что, в конечном счете, может способствовать устойчивости региональной безопасности. Синтез российских и иранских интересов в сирийском вопросе создает предпосылки для конструирования новой региональной конфигурации, способной обеспечить как противодействие терроризму, так и формирование более устойчивого баланса сил в регионе.

Литература

1. Арсанова Т.Е. Ближний Восток в политике ЮНЕСКО //Социально-гуманитарные знания. 2019. №2. С.183-189.
2. Битюкова Н.Д. Феномен нового халифата на Ближнем Востоке //Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. №10. С.21-26.
3. Богачева А.С. Политика Ирана в Сирии //Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. №1. С.74-80.
4. Бокерия С.А. Концепция личностной безопасности в практике ООН //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т.17. №2. С.312-324.
5. Вахшитех А., Лапенко М. В. Переговорный процесс по Сирии в Астане: Итоги 2018 года //Современные евразийские исследования. 2018. №3. С.59-70.
6. Вахшитех А., Лапенко М.В. Сирийское урегулирование в рамках переговорного процесса в Астане //Современные евразийские исследования. 2017. №3. С.24-37.
7. Касьяненко А.В. Отношения России, Турции и Ирана в контексте военно-политических связей с

Сирийской Арабской Республикой //Международные отношения. 2024. №1. С.44-60.

8. Крупина А.А. Проблемы и перспективы взаимодействия Турции и Ирана в Сирии //Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. №1. С.387-391.

9. Кудрин Н.Ю. Дипломатические усилия по мирному урегулированию в Сирии //Вестник науки. 2024. Т.3. №6. С.967-971.

10. Мамедов Р.Ш. Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2024. Т.24. №1. С.88-97.

11. Насер В.А. Роль России в урегулировании сирийского конфликта //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. Т.18. №4. С.514-522.

12. Силаев Н., Сафранчук И. Симбиоз и соперничество: динамика турецких отношений в перспективе теории международного статуса //Международные процессы. 2024. Т.21. №3. С.86-102.

13. Федорченко, А.В., Крылов, А.В. Трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и национальные интересы России //Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2013. №1. С.171-202.

14. Averde D. (2019). Russia, the Middle East and the conflict in Syria //Routledge Handbook of Russian Security. – Routledge. pp. C. 399-409.

15. Bannelier-Christakis K. (2016). Military interventions against ISIL in Iraq, Syria and Libya, and the legal basis of consent //Leiden Journal of International Law. – Vol. 29. – No. 3. – pp. 743-775.

16. Roberts A. (2018). The fate of the Arab Spring: ten propositions //Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – Vol. 12. – No. 3. – pp. 273-289.

Iran-Russia cooperation in the Syrian crisis within the framework of ensuring regional security

Lajevardi Seyed Erfan, Fedoriak D.R.

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

The proposed article is devoted to the analysis of cooperation between Iran and Russia in the context of the problems of resolving the Syrian crisis with an emphasis on ensuring regional security. The article provides a comparative analysis of various stages of cooperation, identifies key factors that determine its dynamics and impact on the regional situation. Particular attention is paid to the role of these two countries in the fight against terrorism, the restoration of Syria and the formation of the post-war political landscape.

Also, in the process of the study, it is analyzed how joint actions of Russia and Iran contribute to strengthening their positions in the region. The work considers such aspects as military cooperation, economic ties, political coordination and influence on regional balances of power.

Additionally, an analysis of the challenges facing Russian-Iranian cooperation in Syria, as well as the prospects for its development, is carried out. The authors consider internal and external factors that can have a negative impact on the interaction of the two countries, such as economic sanctions, changes in the geopolitical configuration of the region, contradictions within Syrian society and differences in the long-term goals of the Russian Federation, the Islamic Republic of Iran and the Syrian Arab Republic.

Keywords: Russia, Iran, Syria, Middle East, strategic cooperation, regional security, military-political cooperation, geopolitics

References

1. Arsanova T.E. The Middle East in UNESCO Policy // Social and Humanitarian Knowledge. 2019. No. 2. P. 183-189.
2. Bitukova N.D. The Phenomenon of the New Caliphate in the Middle East // Current Issues of Modern International Relations. 2017. No. 10. P. 21-26.
3. Bogacheva A.S. Iran's Policy in Syria // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2020. No. 1. P. 74-80.
4. Bokeria S.A. The Concept of Personal Security in the Practice of the UN // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 312-324.
5. Vakhshitekh A., Lapenko M. V. Negotiation process on Syria in Astana: Results of 2018 // Modern Eurasian Studies. 2018. No. 3. P. 59-70.
6. Vakhshitekh A., Lapenko M. V. Syrian settlement within the framework of the negotiation process in Astana // Modern Eurasian Studies. 2017. No. 3. P. 24-37.
7. Kasyanenko A. V. Relations between Russia, Turkey and Iran in the context of military-political ties with the Syrian Arab Republic // International Relations. 2024. No. 1. P. 44-60.
8. Krupina A. A. Problems and prospects of interaction between Turkey and Iran in Syria // Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 1. P.387-391.
9. Kudrin N.Yu. Diplomatic efforts for a peaceful settlement in Syria // Vestnik nauki. 2024. Vol.3. No.6. P.967-971.
10. Mamedov R.Sh. The Eastern Mediterranean and the Syrian issue in the foreign policy priorities of Russia and the United States // Bulletin of the Saratov University. New series. Series History. International relations. 2024. Vol.24. No.1. P.88-97.
11. Nasser V.A. The role of Russia in the settlement of the Syrian conflict // Bulletin of the Saratov University. New series. Series History. International relations. 2018. Vol.18. No.4. P.514-522.
12. Silaev N., Safranchuk I. Symbiosis and rivalry: the dynamics of Turkish relations in the perspective of the theory of international status // International processes. 2024. Vol. 21. No. 3. P. 86-102.
13. Fedorchenko, A.V., Krylov, A.V. Transformation processes in the Middle East and North Africa and Russia's national interests // Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2013. No. 1. P. 171-202.
14. Averde D. (2019). Russia, the Middle East and the conflict in Syria // Routledge Handbook of Russian Security. – Routledge. pp. P. 399-409.
15. Bannelier-Christakis K. (2016). Military interventions against ISIL in Iraq, Syria and Libya, and the legal basis of consent //Leiden Journal of International Law. – Vol. 29. – No. 3. – pp. 743-775.
16. Roberts A. (2018). The fate of the Arab Spring: ten propositions //Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – Vol. 12. – No. 3. – pp. 273-289.

Политические последствия обострения территориального спора Венесуэлы и Гайаны по вопросу принадлежности района Эссекибо

Торо Нестеренко Ярослав Себастьян

студент, факультет гуманитарных наук, Российский университет дружбы народов, yartoro@yandex.ru

Статья посвящена характеристике политических последствий обострившегося спора между Венесуэлой и Гайаной по поводу принадлежности района Эссекибо после проведения Каракасом в декабре 2023 г. консультативного референдума относительно спорной территории. Анализ проблемы представляется актуальным для оценки влияния ситуации на уровень региональной безопасности в Латинской Америке. Более того, данный вопрос также имеет значимость и в контексте российско-венесуэльских отношений, поскольку Каракас является одним из основных партнеров Москвы в регионе, а Россия заинтересована в мирном урегулировании спора, о чем не раз заявлялось в МИД РФ. В работе обозначены ключевые предпосылки конфликта, зафиксировано его историческое развитие. Также в статье дана оценка экономическому значению района и роли ресурсов в территориальном споре. Помимо этого, в работе выделены основные политико-юридические противоречия между позициями Венесуэлы и Гайаны. Особое внимание в тексте уделено геополитическому наполнению конфликта, а также посреднической роли Бразилии в урегулировании напряженности. Кроме того, автором дана характеристика роли территориального спора вокруг Эссекибо в контексте внутривнутриполитической борьбы накануне президентских выборов в Венесуэле в 2024 г. В заключительной части статьи приведена оценка позиций Каракаса после проведения плебисцита.

Ключевые слова: Венесуэла, Гайана, Эссекибо, Мадуро, референдум, территория, спор, конфликт, последствия.

Введение

На фоне трансформации современного мирового порядка на сторону полицентричности и нарастания геополитической напряженности в разных частях света любые дипломатические противоречия и неурегулированные территориальные споры могут интернационализироваться и перерасти в вооруженную эскалацию. Такая характеристика относится не только к Ближнему Востоку или странам Африки, подобные риски наблюдаются и в Южной Америке.

Так, территориальный спор между расположенной в северной части Латинской Америки Венесуэлой и соседней Гайаной по поводу принадлежности района Эссекибо обострился в конце 2023 г., когда 3 декабря 2023 г. Венесуэла провела референдум, чтобы выявить позицию населения по поводу того, должен ли Каракас осуществлять фактический суверенитет над данной областью. Гайана-Эссекибо занимает площадь около 159 500 км² и расположена к востоку от Венесуэлы и в настоящее время принадлежит Гайане, занимая три четверти ее территории.

Проблема спора вокруг Эссекибо рассматривалась как российскими, так и зарубежными учеными. В частности, В.А. Голиней [1] структурировал внутреннее и внешние факторы влияния на динамику отношений между странами Латинской Америки, в том числе дал оценку их значимости для конфликта между Венесуэлой и Гайаной. В свою очередь, Д.А. Кузнецов [2] охарактеризовал роль американского фактора в территориальном вопросе. В коллективной монографии ученых Института Латинской Америки РАН [3] приведена оценка значимости политического ландшафта в регионе для решения проблемы Эссекибо. Д.М. Розенталь [5] показал эволюцию подходов и стратегии Каракаса к территориальному спору на протяжении XX в. и в начале XXI в. при президентствах Уго Чавеса и Николаса Мадуро. Среди зарубежных авторов стоит выделить работу А.М. Гомера [11], который предложил несколько вариантов для мирного урегулирования спора и указал на основные препятствия. Кроме того, Р. Падула [12] дал оценку роли экономических факторов в проблеме Эссекибо. Теоретические рамки для проведения исследования сформированы опорой на теорию экспансионизма, изложенной представителями российского научного сообщества.¹

Для проведения исследования использовался ряд методов. Структурно-функциональный анализ и факторный анализ позволили дать оценку полити-

¹ Шапталов Б.Н. Феномен государственного лидерства: экспансия в мировой истории. М.: Крафт+. 2008; Шапталов Б.Н. Экономическая экспансия. Теория и практика обретения национального богатства. М.: ЗАО «Издательство "Экономика"». 2008;

Каспе С.И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2001. С. 37, 61.

ческой и экономической составляющим территориального спора, а также охарактеризовать геополитический аспект данной проблемы. Использование ретроспективного анализа позволило выявить исторические предпосылки возникновения конфликта, выделить и объяснить неудавшиеся попытки его решения, а также дать оценку причинам его обострения в декабре 2023 г. Применение метода обзора правовых документов дало возможность сопоставить официальные позиции Венесуэлы и Гайаны по Эссекибо.

С учетом проведенных исследований представляется особенно актуальным дать характеристику политическим последствиям обострившегося в декабре 2023 г. спора вокруг Эссекибо в условиях предвыборной кампании в Венесуэле. Не менее значимым представляется определение возможных направлений влияния данного конфликта на региональную стабильность.

Более того, исследование данной проблемы представляет важность и для анализа развития российско-венесуэльских отношений. Страны как расширяют энергетическое сотрудничество, так и координируют политические подходы на международной арене. В частности, Москва и Каракас имеют схожие позиции в части трансформации миропорядка в сторону полицентричности и недопущения возврата к однополярной системе с доминирующей ролью США. Россия не заинтересована в переходе конфликта в вооруженную фазу, о чем неоднократно заявляли в МИД РФ². В случае обострения территориального кризиса и его потенциального перехода в фазу вооруженного противоборства Москве, вероятно, нужно будет брать на себя роль ответственного посредника для его урегулирования. В этой связи исследование имеет практическую значимость, а отдельные выводы могут быть использованы в работе профильных министерств и ведомств.

Референдум как главный фактор обострения проблемы Эссекибо

По итогам состоявшегося в декабре 2023 г. голосования более 10 млн избирателей (95%) поддержали идею о суверенитете Венесуэлы над Эссекибо³. Важно подчеркнуть значимость для венесуэльцев данного вопроса, поскольку явка на плебисцит превысила уровень участия населения в президентских выборах 2019 г. После объявления результатов волеизъявления граждан Национальная ассамблея Венесуэлы утвердила закон о создании 24-го штата Гайана-Эссекибо в составе государства⁴.

Более того, президент Боливарианской Республики Николас Мадуро распорядился «аннулировать в течение трех месяцев все лицензии», выданные Гайаной иностранным компаниям на разработку нефти в спорном регионе, а также представил новую карту страны, включив в нее Эссекибо. Необходимо добавить, что голосование проходило только на территории Венесуэлы, таким образом, позиция жителей спорной территории не была учтена.

Данные действия вызвали негативную реакцию со стороны Гайаны. Президент страны Ирфаан Али заверил своих граждан, что штат Эссекибо, составляющий три четверти территории страны, будет защищен от любых возможных притязаний. В свою очередь, президент Венесуэлы Николас Мадуро заявил, что результаты референдума дают ему мандат на начало «нового и мощного» этапа в территориальном споре.

Эскалация напряженности вызвана двумя факторами. Во-первых, в апреле 2023 г. по решению Международного суда ООН 2023 г.⁵ Каракас получил отказ на свой запрос рассмотреть территориальный спор вокруг Эссекибо и начать прямые переговоры между двумя странами по данному вопросу. Во-вторых, в сентябре 2023 г. Гайана завершила первый этап торгов по поводу получения прав на разведывание и добычу нефти в ряде районов территориальных вод страны⁶. Каракас неоднократно высказывал недовольство присутствием иностранных компаний, в частности американских, в спорных водах.

Территориальный спор вокруг принадлежности Эссекибо имеет сложную историю, что ставит международное публичное право перед необходимостью решить, какой из правовых принципов *uti possidetis iuris* (владение де-юре, юридическое владение) или *uti possidetis de facto* (фактическое владение) должен преобладать при делимитации территорий. Кроме того, неотъемлемыми элементами конфликта являются геостратегические интересы как региональных игроков, так и США, определяемые энергетическим рынком. Важно обратить внимание и на венесуэльский внутривнутриполитический контекст, в рамках которого произошло обострение спора. В 2024 г. в стране состоятся президентские выборы. Решимость Каракаса в волнующем миллионы венесуэльцев вопросе может позволить Мадуро выиграть дополнительные политические очки и ослабить оппозицию.

Историческое развитие спора вокруг Гайаны-Эссекибо

² Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой относительно спора между Венесуэлой и Гайаной о статусе Эссекибо // МИД России, 08.12.2023. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1919851&lang=ru> (дата обращения: 24.03.2024).

³ CNE anuncia abrumadora victoria del Sí con participación superior a 10 millones // Asamblea Nacional de Venezuela. 04.12.2023. URL: <https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/cne-anuncia-abrumadora-victoria-del-si-con-participacion-superior-a-10-millones> (дата обращения: 21.02.2024).

⁴ AN aprueba en primera discusión Ley Orgánica para la Defensa del Esequibo // Asamblea Nacional de Venezuela. 06.12.2023. URL:

<https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/an-aprueba-en-primera-discusion-ley-organica-para-la-defensa-del-essequibo> (дата обращения: 20.02.2024).

⁵ Nuevo revés para Venezuela en la CIJ en disputa por el Esequibo // La Nación, 06.04.2023. URL: <https://www.lanacion.com.ar/agencias/nuevo-reves-para-venezuela-en-la-cij-en-disputa-por-el-essequibo-nid06042023/> (дата обращения: 24.02.2024).

⁶ Guyana recibe ofertas por ocho de los 14 bloques petrolíferos en licitación // El Periódico de la Energía, 13.09.2023. URL: <https://elperiodicodelaenergia.com/guyana-recibe-ofertas-ocho-14-bloques-petroliferos-licitacion/> (дата обращения: 22.02.2024).

Исторически регион Эссекибо входил в состав Венесуэлы, о чем свидетельствуют документы периода пребывания страны в составе Испанской империи. Территория Венесуэлы простиралась до линии Эссекибо, включая, таким образом, Эссекибо⁷. До того, как Гайана стала республикой, она была колонией Великобритании, а до этого – Нидерландов. Истоки спора вокруг Эссекибо восходят к 1814 г., когда Великобритания приобрела у Голландии территорию нынешней Гайаны. Венесуэла получила независимость от Испании в 1824 г. В то время граница британской колонии с Венесуэлой не была определена. Осуществить демаркацию было решено в 1835 г., когда британское правительство поручило Роберту Шомбургку обследовать пограничный регион и провести границу. Он провел линию Шомбургка, которая соответствует нынешней западной границе Гайаны. Венесуэла отреагировала на это заявлением о своем праве контролировать территории, которые находятся к востоку от реки Эссекибо, протекающей по центру Гайаны⁸.

После открытия золотых месторождений к западу от линии Шомбургка во второй половине XIX в. британское правительство объявило, что золотосодержащие районы также являются территориями, контролируемыми Лондоном. Против этой позиции выступила Венесуэла, которая хотела сохранить этот регион за собой. В 1876 г. она обратилась к Соединенным Штатам, ссылаясь на доктрину Монро, и предложила рассмотреть спор в арбитраже. Только в 1895 г. США согласились изучить данную проблему, а затем приняли решение в пользу британских претензий. В то же время венесуэльские требования, как и дополнительные амбиции британцев на доступ к золотым месторождениям, были отклонены [9].

Это решение фактически отрезало доступ венесуэльцев к ресурсам Эссекибо. Почти сразу венесуэльское правительство выразило протест против результатов и объявило о сохранении своих претензий на территорию. В этой связи с учетом влияния наследия колониализма, связанного с данным спором, президент Николас Мадуро в ходе своей предвыборной кампании, возможно, будет более активно информировать жителей Венесуэлы и Гайаны о позиции Запада в этом конфликте. Таким образом, действующий глава государства может представить западные страны как общего врага, надеясь добиться территориальных уступок от Гайаны и показать, что Запада не сможет спровоцировать конфликт между двумя странами.

В 1899 г. Парижский арбитраж присудил Великобритании более 80% территории⁹, на которую претендовала Венесуэла, однако решение не было юридически обязывающим, а явилось результатом политического соглашения, которое было зафиксировано в меморандуме Северо Маллет Превоста, юриста, представлявшего интересы Венесуэлы. Документ был опубликован в 1949 г.¹⁰ Именно это решение арбитража является причиной спора. Гайана настаивает на его соблюдении, в то время как Каракас не признает его юридическую значимость.

На протяжении длительного времени Венесуэла пыталась разрешить спор, используя политико-дипломатический инструментарий. В течение XX в. Каракас неоднократно поднимал вопрос о споре на конференциях Организации американских государств, а с 1945 года – на площадке Организации Объединенных Наций, где венесуэльские дипломаты добились признания наличия территориальных претензий Венесуэлы со стороны Великобритании, а затем и Гайаны, которая стала независимой республикой в 1965 г. Выступление тогдашнего министра иностранных дел Венесуэлы Марко Фалькона Брисеньо в Специальном комитете 17-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1962 г.) придало вопросу особое значение и подготовило условия для принятия Женевского соглашения 1966 г., которое стало шагом в сторону совместного поиска решения Венесуэлой и Гайаной¹¹.

Основным результатом реализации соглашения было создание совместной комиссии между Гайаной и Венесуэлой. Более того, в документе предусматривалось, что если в течение четырех лет не будет выработан механизм урегулирования спора и принцип итоговой демаркации границ, то у сторон будет шесть месяцев, чтобы выбрать один из мирных способов, предусмотренных Уставом ООН.

Тем не менее, переговоры завершились безрезультатно. Уже через несколько месяцев после подписания Женевского соглашения, венесуэльские военные силы заняли остров Анкоко на стороне Гайаны на линии Шомбургка¹². Помимо этого, в течение четырех лет переговоров происходили восстания гражданского общества, такие как антивенесуэльские протесты в Джорджтауне или восстание в регионе Рупунуни (1969 г.), инициаторами которого были сепаратисты из коренного населения, желавшие воссоединения с венесуэльской территорией.

В XX в. территориальный спор по-прежнему остается неразрешенным. С 1990 по 2018 гг. генеральные секретари Организации Объединенных Наций оказывали посредническую поддержку в поисках решения спора, однако удовлетворительных

⁷ Venezuela Boundary Dispute, 1895–1899 // The US Department of State, 2022. URL: <https://history.state.gov/milestones/1866-1898/venezuela> (дата обращения: 15.02.2024).

⁸ Venezuela Boundary Dispute, 1895–1899 ...

⁹ Award regarding the Boundary between the Colony of British Guiana and the United States of Venezuela, 1899 // United Nations, reports of International Arbitral Awards, 2007. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVIII/331-340.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁰ Memorandum de Severo Mallet-Prevost de 1944 en la disputa fronteriza entre Venezuela y la Guayana Británica // Cambridge,

1949. URL: <https://allanbrewercarias.com/wp-content/uploads/2023/04/Memorandum-Mallet-Prevost-Testimonio-Otto-Schoenrich.1944.-Nulidad-Lauda-Arbital-1899.-Controversia-Guayana-Esequiba.pdf> (дата обращения: 11.02.2024).

¹¹ Agreement to Resolve the Controversy over the Frontier between Venezuela and British Guiana (Geneva Agreement) // United Nations, 1966. URL: <https://peacemaker.un.org/guayana-venezuela-border66> (дата обращения: 05.02.2024).

¹² Venezuela reanuda su reclamación sobre Esequibo // El País, 16.06.1982. URL: https://elpais.com/diario/1982/06/16/internacional/393026407_850215.html (дата обращения: 08.02.2024).

результатов достичь не удалось, а стороны периодически осуществляют провокационные действия у границ. В частности, преследование в 2013 г. нефте-разведочного судна правительства Гайаны, проводившего картирование морского дна, а также решение венесуэльского правительства расширить контингент своих военно-морских силы в спорных водах в 2015 г. привели к очередному росту напряженности [8].

После провала посредничества со стороны генеральных секретарей в 2018 г. территориальный был передан на рассмотрение в Международном суде ООН¹³. Однако правительство Венесуэлы отказалось признать юрисдикцию суда по данному вопросу и не приняло участия в последующих разбирательствах. С учетом трудностей, с которыми сталкивается Венесуэла из-за находящейся под санкциями США экономики и активизирующейся накануне выборов оппозиции, выступающей против Мадуро, подтверждение претензий Венесуэлы на Эссекибо является как политическим шагом, так и прагматичным жестом, направленным на получение контроля над ресурсами региона [6].

Экономический аспект спора вокруг Эссекибо

Гайана-Эссекибо с населением около 125 000 человек обладает огромными лесными и водными запасами, что делает ее потенциальным источником гидроэлектроэнергии. Кроме того, здесь находятся значительные залежи ценных минералов, таких как золото, которые Гайана разрабатывает со середины XIX в., когда только начался территориальный спор с Венесуэлой. С момента обретения независимости в 1965 г. Гайана выдала лицензии на разработку ресурсов Эссекибо международным компаниям, в том числе из Китая, одного из важнейших союзников Венесуэлы [7].

Самым привлекательным активом Эссекибо являются запасы нефти и газа, расположенные на территории площадью около 26 000 кв. км, известной как Стабрук, причем большая часть этих запасов находится в территориальных водах региона, оспариваемых Венесуэлой. В начале 2016 г. правительство Гайаны выдало американской нефтяной корпорации ExxonMobil лицензию на бурение в спорной морской зоне. В мае правительство Гайаны объявило, что компания обнаружила значительные запасы нефти по итогам первого раунда бурения в зоне Стабрук¹⁴.

Венесуэла ответила на действия декретом от 27 мая 2016 г., включив спорный морской район в свою национальную сферу морской защиты, тем самым расширив зону, которую контролирует венесуэль-

ский флот, на спорный район. Правительство Гайаны, в свою очередь, вызвало венесуэльского посла для разъяснений, а напряженность усилилась еще больше. Гайана отозвала лицензию на обслуживание венесуэльской национальной авиакомпании Conviasa¹⁵. 7 января 2021 г. президент Венесуэлы Николас Мадуро при поддержке Национальной ассамблеи Венесуэлы издал указ № 4415, направленный на укрепление притязаний Каракаса на гайанский регион Эссекибо и прилегающее к нему морское пространство [10].

На территории Стабрук Гайана намерена добывать 1,2 млн баррелей в день к 2027 году, что делает ее одним из крупнейших производителей нефти в Латинской Америке после Бразилии и Мексики. Более того, Гайана превзойдет показатели Венесуэлы, которая в 2023 г. добывала порядка 750 000 баррелей в день¹⁶.

Конфликт также связан с соперничеством между ExxonMobil и венесуэльским правительством. Американский нефтяной гигант является ключевым игроком в нефтяном буме Гайаны, наряду с китайской компанией CNOOC. В экономическом плане положение двух компаний практически равноценно, но именно США готовы вмешаться в ситуацию с помощью своих вооруженных сил в случае эскалации. В нарративе Каракаса Гайана предстает как "колония" ExxonMobil и "империи США" [5].

Если Эссекибо перейдет под контроль Венесуэлы, страна сможет увеличить производство электроэнергии благодаря наличию различных бассейнов и рек в этом регионе. Кроме того, это позволило бы расширить морские границы, обеспечить государству дополнительные рыболовные зоны. Наличие новой морской территории даст возможности увеличить турпоток, привлечь дополнительные таможенных поступления за счет морского транзита, а также создать дополнительный потенциал экономического взаимодействия с Африкой и Европой [1]. Таким образом, расширение границ Венесуэлы через Гайану-Эссекибо положительно скажется на стране с экономической точки зрения.

Геополитический аспект спора вокруг Эссекибо

Проведение референдума в декабре 2023 г. демонстрирует смену инструментария Каракаса в вопросе разрешения спора вокруг Эссекибо. Если ранее страна пыталась поднимать проблему в международных инстанциях, то проведение плебисцита свидетельствует о желании придать политический вес борьбе за спорную территорию, а также наделить свои стремления «легитимным характером» [12]. Наличие широкой общественной поддержки

¹³ ICJ rules it has jurisdiction to intervene in historic boundary dispute between Venezuela and Guyana // Jurist, 12.2020, <https://www.jurist.org/news/2020/12/icj-rules-it-has-jurisdiction-to-intervene-in-historic-boundary-dispute-between-venezuela-and-guyana/> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁴ Guyana says Exxon to begin offshore drilling, Venezuela irked // Reuters, 06.03.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/guyana-exxon-mobil/guyana-says-exxon-to-begin-offshore-drilling-venezuela-irked-idUSL1N0W72RE20150305/> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁵ Govt undertaking public awareness campaign on Guyana/Venezuela territorial controversy // DPI, 02.2021, <https://dpi.gov.gy/govt-undertaking-public-awareness-campaign-on-guyana-venezuela-territorial-controversy/> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁶ Venezuela's border dispute with Guyana just got even testier // Miami Herald, 01.2021. URL: <https://www.miamiherald.com/news/nation-world/world/americas/article248798040.html> (дата обращения: 12.02.2024).

может стать значимым фактором при защите позиции Венесуэлы в ходе рассмотрения данного вопроса международными инстанциями.

В то же время страны-соседи по Карибскому бассейну обращают пристальное внимание на резкую эскалацию напряженности в отношениях между Гайаной и Венесуэлой. Это связано с тем, что претензии Каракаса могут повлиять на региональный мир и безопасность. В этом контексте есть вероятность вовлечения в спор членов КАРИКОМ, поскольку они несут юридическую ответственность за поддержку суверенитета и территориальной целостности одного из участников объединения, Гайаны¹⁷. Тем не менее, Венесуэла имеет рычаги влияния на страны Карибского бассейна, поскольку многие из них получают нефть по программе PetroCaribe. По этой причине кажется более вероятным, что страны КАРИКОМ будут настаивать на дипломатическом решении и не допускать роста агрессивной конфронтации [11].

В январе 2021 г. президент Мадуро издал новый указ, подтвердив притязания своей страны на регион Эссекибо. Он также объявил, что хочет видеть в роли арбитра генерального секретаря ООН Антониу Гутерриш, а не Международный суд ООН. Подобные действия Мадуро можно рассматривать как способ завоевать расположение граждан, вызывая провенесуэльские настроения [3]. В свою очередь, Соединенные Штаты осудили решение Каракаса и провели в тот же год военно-морские учения с Гайаной.

Важно отметить, что Венесуэла с 2018 г. выступала против вмешательства Международного суда ООН, что свидетельствует о недоверии к этой организации, которую президент Мадуро считает пристрастной к Соединенным Штатам и, соответственно, к Гайане [2]. Вероятность военного столкновения между Венесуэлой и Гайаной остается крайне низкой. Две страны никогда не вступали в войну за спорную территорию, но вышеупомянутые инциденты, произошедшие за последние десятилетия, являются проблематичными, поскольку ухудшают двусторонние отношения. Более того, есть риск, что любой небольшой инцидент, например, захват судна, может спровоцировать более серьезный конфликт, если уровень напряженности не будет должным образом регулироваться.

Говоря о соотношении военных потенциалов двух государств, необходимо подчеркнуть подавляющее превосходство вооруженных сил Венесуэлы по численности армии (123 тыс. против 4,8 тыс. человек), а также по объему вооружений. По этой Гайана не сможет оказать реальное сопротивление Венесуэле без поддержки США [4]. В частности, Южное командование провело совместные учения с Гайаной после референдума. Таким образом, военная эскалация конфликта может вызвать рост региональной напряженности.

Рассматривая геополитическую плоскость, важно подчеркнуть, что страна граничит с тремя государствами, с двумя из которых она имела напряженные моменты в отношениях в течение последнего 2010-х гг. Помимо Гайаны, Венесуэла также имеет территориальный спор с соседней Колумбией. Более того, у Боготы и Каракаса были напряженные отношения во время правления президента Альваро Урибе и президента Уго Чавеса соответственно. В частности, Венесуэла обеспокоена тем, что Вашингтон остается союзником Колумбии. Кроме того, Каракас заявлял, что американские самолеты, летающие с базы передового оперативного базирования в Кюрасао (заморская территория Нидерландов в Карибском бассейне, расположенная к северу от Венесуэлы), являются самолетами наблюдения, шпионящими за Венесуэлой. Что касается отношений Бразилии и Венесуэлы, то эти две страны поддерживают теплые отношения, и никаких инцидентов в сфере безопасности не было [8].

Более того, именно Бразилия может стать бенефициаром, поскольку президент этой латиноамериканской страны Луис Инасиу Лула да Силва сыграл значимую роль посредническую роль в обеспечении переговоров между руководителями конфликтующих стран. Эти шаги соответствуют позиционированию Бразилии в качестве одного из ведущих игроков Южной Америки, способного обеспечивать безопасность в регионе. Именно посредничество Лулы да Силвы помогло провести прямые переговоры между Николасом Мадуро и Ирфааном Али 14 декабря 2023 г. в столице островного государства Сент-Винсент и Гренадины – Кингстауне. Тем не менее, переговоры не привели к какому-либо прогрессу. Гайана объявила, что продолжит следовать решениям Международного суда ООН, а Каракас подтвердил, что отвергает его юрисдикцию по данному вопросу. Основным итогом стало совместное заявление, где страны согласились с недопустимостью вооруженного решения спора, а также договорились о запуске совместной комиссии для поиска выхода из конфликта.

Эссекибо как инструмент внутривнутриполитической борьбы накануне президентских выборов в Венесуэле

Референдум декабря 2023 г. был объявлен незадолго до праймериз крупнейшего оппозиционного альянса Plataforma Unitaria. Кроме того, проведение голосования должно было поставить оппозицию перед дилеммой: поддержать или бойкотировать плебисцит. Для Николаса Мадуро он стал хорошей возможностью укрепить поддержку в преддверии выборов в 2024 г.

Говоря о перспективах военной эскалации, стоит обратить внимание на отсутствие каких-либо доказательств военных приготовлений, в то время как со всех сторон существует множество сдерживающих факторов и стимулов для поддержания мира.

¹⁷ Торин А. Политический кризис в Венесуэле: региональное и глобальное измерения // Международная жизнь, 16.09.2019. URL:

<https://interaffairs.ru/news/show/23806>

(дата обращения:

18.02.2024).

Напряженность возникла в значимый для Венесуэлы момент. Каракас находится в процессе нормализации отношений с США, которые постепенно снижают уровень санкционного давления, а западные корпорации и нефтетрейдеры возвращаются на венесуэльский рынок¹⁸.

В некогда единой оппозиции Венесуэлы референдум вызвал разногласия, хотя большинство утверждает, что Гайана-Эссекибо должна быть частью Венесуэлы. Многие рассматривают референдум как голосование за президента Мадуро. В свою очередь, главный лидер оппозиции после праймериз Мария Корина Мачадо осудила результаты голосования и заявила, что Венесуэле следует обратиться в Международный суд ООН. Однако в декабре 2020 г. она заявляла, что суд не компетентен выносить решение по данному спору. Такая дилемма, возникшая в ходе референдума, может негативно сказаться на ее поддержке [12].

Тем не менее, позиция Мачадо также вызвала похвалу со стороны Гайаны, что может обернуться против нее. Руководящий комитет Plataforma Unitaria пришел к выводу, что оппозиция оказалась в сложном положении. В своем заявлении они объявили, что предоставят сторонникам самим решать, будут ли они голосовать [12]. Администрация Мадуро также надеется подорвать своих конкурентов с помощью Эссекибо, зная позицию США и ОАГ, поддерживающих оппозицию. Вашингтон является твердым защитником Джорджтауна в этом споре и даже имеет соглашения о военном сотрудничестве с Гайаной. Сторонники Мадуро прекрасно понимают, что получение помощи от США будет дискредитировать оппозицию в глазах общественности.

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что в более выгодной позиции по итогам проведения консультативного референдума по вопросу Эссекибо в декабре 2023 г. оказалась Боливарианская Республика, что обуславливается рядом факторов. Во-первых, принятый в Кингстауне итоговый документ не содержит указаний на незаконность проведенного плебисцита, косвенного легитимизируя его итоги. Во-вторых, Мадуро смог укрепить общество, создав тему, которая объединяет подавляющее большинство венесуэльцев вне зависимости от идеологических пристрастий на внутривнутриполитическом ландшафте. Более того, положение оппозиции, которая поддерживается США, ослабло, поскольку недоверие Вашингтону увеличивается из-за его поддержки Гайаны в территориальном споре.

В региональном масштабе наибольшую выгоду для себя получила Бразилия, которая смогла за короткий период организовать двусторонние переговоры между конфликтующими сторонами. Во многом от дальнейших действий Лулы да Силвы и его способности сохранять баланс между Каракасом и Джорджтауном зависит региональная стабильность и безопасность.

Одним из возможных форматов для ускорения движения в сторону урегулирования спора может стать независимый, двухсторонний региональный механизм разрешения противоречий, который сможет выносить решения по вопросам, касающимся территориальных конфликтов. Он может быть запущен на основе совместной декларации двух стран после встречи в Кингстауне. При этом необходимо, чтобы такой механизм был свободен от влияния США, тогда Венесуэла будет считать его заслуживающим доверия. Повысит его политическую значимость присутствие в нем авторитетных региональных игроков, первым из которых может стать Бразилия, а также интеграционных объединений Латинской Америки. Запуск такого формата позволит решить проблему дипломатическим путем. Однако следует признать, что данное решение не позволит разрешить напряженность, возникшую в 2023 г. Результаты работы в двустороннем механизме смог бы получить только в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Голиней В.А. Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке // Латинская Америка. 2023, № 9. С. 58-70.
2. Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2020, № 2. С.44-70.
3. Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред Ивановский З.В. М., ИЛА РАН. 2022, 586 с.
4. Посашкова А.В. Венесуэльский кризис как угроза региональной интеграции в Латинской Америке // Латинская Америка. 2018, № 3. С. 56-66.
5. Розенталь Д.М. Территориальный спор Венесуэлы с Гайаной: эволюция подходов боливарианцев // Латинская Америка. М. 2011, № 10. С. 55-65.
6. Селиванова И. В. Латинская Америка: палитра современных моделей развития региона // Латинская Америка. 2023, №7. С. 103-110.
7. Сидоров А.С. Анализ причин венесуэльского кризиса: предпосылки и последствия // Казанский вестник молодых ученых. 2019, № 5 (13). С. 199-206.
8. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2017, № 5 (61), С. 79-87.
9. British Guiana Boundary: Arbitration with the United States of Venezuela. The Case [and Appendix] on Behalf of the Government of Her Britannic Majesty. London: Harrison and sons. 1898. P. 80-85.
10. Cummings A.R. How Guyana's Oil Discovery Rekindled a Border Controversy // Journal of Latin American Geography. 2018, №17 (3). P. 183-211.
11. Homer A.M. Guyana-Venezuela Border Dispute: Seeking a Peaceful Solution. New York: CUNY Academic Works. 2018. P. 125-131.

¹⁸ Венесуэла в лабиринте: есть ли выход? Взгляд из Москвы // Международная жизнь. 10.04.2023. URL:

<https://interaffairs.ru/news/show/39830?ysclid=ltbxb83rwm658496596> (дата обращения: 19.02.2024).

12. Padula R. Guyana: Oil, Internal Disputes, the USA and Venezuela. *Contexto Internacional*. 2023, No. 1 (45). P. 251-255.

Political implications of the escalation of the territorial dispute between Venezuela and Guyana over the Essequibo region

Toro Nesterenko Yaroslav Sebastian

Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to the political consequences of the escalating dispute between Venezuela and Guyana over the Essequibo region after a consultative referendum about the disputed territory was held by Caracas in December 2023. The topicality of the analysis presented in the article is explained by its importance to the level of regional security in Latin America. Moreover, the review of the issue is also relevant in the context of Russian-Venezuelan relations, since Caracas is one of Moscow's main partners in the region. The Kremlin is interested in a peaceful settlement of the dispute, as the Russian Foreign Ministry has repeatedly stated. The research identifies the key preconditions of the conflict and explains its historical development. Additionally, the article gives assessment of the economic importance of the area and the role of natural resources in the dispute. Furthermore, the paper highlights the main political and legal contradictions between the positions of Venezuela and Guyana. The author pays special attention to the geopolitical content of the conflict, as well as to the mediatory role of Brazil in resolving the tension. In addition, the article characterizes the role of the dispute over Essequibo amid internal political struggle prior the presidential elections in Venezuela in 2024. The final part of the article provides an assessment of Caracas' position after the plebiscite.

Keywords: Venezuela, Guyana, Essequibo, Maduro, referendum, territory, dispute, conflict, consequences.

References

1. Goliney V.A. The Impact of Internal and External Factors on Statehood in Latin America // *Latin America*. 2023, No. 9. P. 58-70.
2. Kuznetsov D.A. Trajectories of Regional Development of Latin America in the 21st Century // *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2020, No. 2. P. 44-70.
3. Latin America: Political Landscape Against the Background of Turbulence. Ed. Ivanovsky Z.V. Moscow, ILA RAS. 2022, 586 p.
4. Posashkova A.V. The Venezuelan Crisis as a Threat to Regional Integration in Latin America // *Latin America*. 2018, No. 3. P. 56-66.
5. Rosenthal D.M. Territorial Dispute between Venezuela and Guyana: Evolution of the Bolivarian Approaches // *Latin America*. Moscow, 2011, No. 10, pp. 55-65.
6. Selivanova I. V. Latin America: A Palette of Modern Models of Regional Development // *Latin America*. 2023, No. 7, pp. 103-110.
7. Sidorov A. S. Analysis of the Causes of the Venezuelan Crisis: Prerequisites and Consequences // *Kazan Bulletin of Young Scientists*. 2019, No. 5 (13), pp. 199-206.
8. Kheifets V. L., Khadorich L. V. The Crisis in Venezuela and Regional Integration // *World Economy and International Relations*. 2017, No. 5 (61), pp. 79-87.
9. British Guiana Boundary: Arbitration with the United States of Venezuela. The Case [and Appendix] on Behalf of the Government of Her Britannic Majesty. London: Harrison and sons. 1898. P. 80-85.
10. Cummings A.R. How Guyana's Oil Discovery Rekindled a Border Controversy // *Journal of Latin American Geography*. 2018, No. 17 (3). P. 183-211.
11. Homer A.M. Guyana-Venezuela Border Dispute: Seeking a Peaceful Solution. New York: CUNY Academic Works. 2018. P. 125-131.
12. Padula R. Guyana: Oil, Internal Disputes, the USA and Venezuela. *Contexto Internacional*. 2023, No. 1 (45). P. 251-255.

Политические последствия венесуэльского кризиса в Южной Америке

Торо Нестеренко Ярослав Себастьян

студент, факультет гуманитарных наук, Российский университет дружбы народов, yartoro@yandex.ru

Рассмотрено социально-экономическое положение основных стран-ведущих экономик Южной Америки: Бразилии, Аргентины, Венесуэлы. Выявленные особенности каждого государства, способствовавшие возникновению кризисных явлений в экономике и политике в настоящее время. Уточнены региональные особенности каждого государства, способствующие кризисным явлениям в каждом из данных государств.

Рассмотрено влияние социально-экономических процессов, происходящих в Венесуэле на крупнейшие государства региона, а также на остальные страны. Данное влияние рассмотрено с аспектов экономики, политики, миграции, роста преступности. Дана краткая характеристика действующих политических режимов, формирующих общий вектор политического пространства Южной Америки. Конкретизирована роль Венесуэлы в создании и формировании данного пространства.

Рассмотрена роль сотрудничества Венесуэлы с Россией, а также действующие факторы влияния России в Южной Америке через политические и экономические связи с действующим политическим режимом Венесуэлы. Описано влияние специальной военной операции России на Украине на экономические и социальные процессы, протекающие как в самой Венесуэле, так и в других государствах региона. Определены геополитические факторы сотрудничества России и Венесуэлы как противовес военному и политическому доминированию США на политической арене мира в целом и южноамериканского региона в частности.

Определены наиболее возможные перспективы развития социального и политического кризиса, охватившего Венесуэлу и страны региона. Показана взаимная зависимость стран региона друг от друга в вопросе преодоления наступивших кризисных явлений. Даны рекомендации, которые на наш взгляд, могут способствовать скорейшему преодолению кризисных явлений, стабилизации социальной и политической обстановки в Венесуэле и ключевых государствах Южной Америки.

Ключевые слова: Южная Америка; Венесуэла; кризис; миграция; санкции; политика; экономика; гуманитарная помощь; военный конфликт.

Основная часть

В настоящее время Южная Америка переживает один из самых трудных периодов своей истории, так как ведущие государства континента, такие как Бразилия, Аргентина и Венесуэла переживают исторический период острых социальных, экономических и политических потрясений.

Политическая нестабильность в Венесуэле распространяется и на её южных соседей, влияя как на экономику и безопасность самой Венесуэлы, так и на приграничные с ней государства. Продолжающийся экономический кризис в Аргентине привёл к экономическим потрясениям в соседних Парагвае, Уругвае, Боливии.

Несмотря на уникальность кризисных явлений в каждом государстве, распространение политической и экономической нестабильности по континенту имеет эффект домино, что приводит к общей политической и экономической нестабильности в Южной Америке. [6]

Ещё в первом десятилетии текущего столетия три ведущих государства южноамериканского континента: Бразилия, Аргентина и Венесуэла имели высокие показатели экономической и социальной стабильности, выступая локомотивами развития всего региона.

Коренным образом ситуация была переломлена в период 2014-2016 годов, когда в каждой из рассматриваемых стран начали наблюдаться кризисные политические и экономические явления.

Первоначальной точкой возникновения кризисных явлений в Южной Америке принято считать ситуацию в Бразилии, ведущий экономики региона, на долю которой приходится около 35% валового регионального продукта. В 2015 году Бразилия начала испытывать экономические и политические проблемы, вызванные коррупционными скандалами Lava Jato, связанные с незаконными доходами от добычи нефти. Эти скандалы позже привели к импичменту не только бывшего президента Бразилии Дилмы Руссефф, но также привели к импичменту президента Перу Пабло Кучински и суду над бывшим президентом Эквадора Рафаэлем Корреа по обвинению в коррупции. Пострадавшая от резкого падения цен на сырьевые товары, бюджетного дефицита и коррупции, Бразилия позже начала ощущать последствия серьёзного экономического кризиса. В результате ВВП Бразилии снизился на 7,4 процента в период с 2015 по 2016 год, что привело к снижению темпов роста в Латинской Америке на 0,47 процента (по состоянию на 2022 год).[10]

Коррупционные скандалы, рост безработицы и отсутствие безопасности привели к поляризации ситуации накануне президентских выборов в этом месяце и в конечном итоге привели к тому, что правый

Жаир Болсонару победил на выборах против левого Фернандо Хаддада в октябре 2018 года. Однако его победа не привела к коренному изменению положения дел в стране: без решения экономических и социальных проблем Бразилии ее южноамериканские соседи продолжают ощущать негативные последствия от последствий колебаний бразильского реала и политической неопределенности.

Между тем, современный социально-экономический кризис в Аргентине напоминает хаос кризиса 2000-х годов, когда президент Маурисио Макри спровоцировал кризис политической системы страны, что бы избежать нового экономического кризиса.

В период 2018-2020 годов Аргентина пострадала от самой сильной засухи за последние 50 лет, отразившейся на торговле сельскохозяйственной продукцией страны, которая составляет 30 процентов экспорта Аргентины. Кроме того, провал мер жесткой экономии, политическая драма, коррупция и международные торговые войны привели к падению аргентинского песо, в результате чего он потерял около 50 процентов своей стоимости по отношению к доллару США в первой половине 2018 года. В результате международные инвесторы потеряли доверие к экономике страны, что спровоцировало нынешний экономический кризис. В результате Макри запросил у Международного валютного фонда (МВФ) 50 миллиардов долларов, чтобы избежать дефолта. В итоге Аргентина получила исторических размеров кредит в размере 57 миллиардов долларов. [13]

Ожидается, что ситуация в Венесуэле будет продолжать идти по нисходящей спирали, поскольку правительству в настоящее время не удалось остановить безудержную инфляцию, прогнозируемую МВФ на уровне 1 миллиона процентов, и спад венесуэльской экономики. Венесуэла погрузилась в худший кризис в истории, поскольку покупательная способность снижается ежедневными темпами, а в экономике наблюдается двузначное сокращение.

Падение цен на нефть в сочетании с неэффективным управлением привели к ухудшению уровня жизни в этой южноамериканской стране. Экономический коллапс Венесуэлы затронул таких экономических партнеров страны, как Колумбия и Панама. С упадком Венесуэлы экономическая активность этих стран резко снизилась.

Взрывоопасная ситуация в стране заставила многих искать возможности за пределами Венесуэлы. С 2015 года от 2 до 4 миллионов венесуэльцев покинули страну в поисках лучших возможностей. Колумбия стала страной, принимающей наибольшее количество беженцев, примерно по 1 миллиону венесуэльцев год. [13]

Избыток рабочей силы, вызванный притоком венесуэльских мигрантов, представляет собой серьезную проблему для Колумбии, которая в настоящее время пытается включить демобилизованных партизан в легальную экономику. Кризис беженцев затронул не только Колумбию, но и других соседей Венесуэлы, поскольку они изо всех сил пытаются справиться с количеством венесуэльских мигрантов,

ежедневно въезжающих в их экономику. По мере усугубления кризиса нам следует ожидать экспоненциального увеличения числа венесуэльских мигрантов и, следовательно, увеличения бремени.

В августе правительство Венесуэлы ввело новые механизмы борьбы с экономическим кризисом, однако они бесполезны, поскольку страна продолжает погружаться в экономический кризис. Будущее Венесуэлы остается туманным, поскольку нефтегазовая промышленность страны, на долю которой приходится 90 процентов ее экспорта, переживает спад производства из-за отсутствия технического обслуживания и инвестиций.

Режим Венесуэлы остается последним оплотом первоначального «Розового прилива» революций в Южной Америке.

Но Боливарианская революция, начавшаяся при бывшем президенте Уго Чавесе, превратилась в экономическую и гуманитарную катастрофу при его преемнике Николасе Мадуро. Попытка свергнуть Мадуро и заменить его Хуаном Гуайдо в 2018 году получила поддержку США, а также правительств всего региона и мира. Но эти усилия пошли на убыль, и Гуайдо в конечном итоге был заменен на посту лидера политической оппозиции, которая сейчас изо всех сил пытается сохранить свою значимость в преддверии президентских выборов в следующем году.[1]

На президентских выборах в Аргентине в октябре 2019 года умеренный левый кандидат от перонистов Альберто Фернандес вытеснил дружелюбного к рынку действующего президента Маурисио Макри, чьи меры жесткой экономии и большие заимствования спровоцировали экономический кризис, который стоил ему президентского поста. В октябре 2020 года Боливия вернула к власти Движение к социализму на первых президентских выборах после свержения Эво Моралеса, а в следующем году Педро Кастильо, крайне левый учитель, не имевший опыта работы на выборных должностях, победил на президентских выборах в Перу. Габриэль Борич, бывший лидер студенческих протестов и левый законодатель, стал самым молодым президентом в истории Чили после вступления в должность в марте 2022 года, а Густаво Петро стал первым левым президентом в современной истории Колумбии в августе прошлого года. А бывший президент Бразилии Инасиу Лула да Силва вернулся в свой офис в этом году после победы над крайне правым бывшим президентом Жаиром Болсонару на выборах в октябре прошлого года.

Однако консервативная волна, последовавшая за «Розовым приливом», начавшаяся с победы Болсонару в Бразилии в 2018 году, еще не полностью отступила. В Уругвае консерваторы взяли под свой контроль правительство в 2019 году у левой коалиции «Широкий фронт», которая находилась у власти полтора десятилетия. Гильермо Лассо, бывший банкир-консерватор, победил на президентских выборах в Эквадоре в мае 2021 года. В Парагвае на апрельских президентских выборах победил правый кандидат от правящей партии Колорадо Сантьяго

Пенья. А в Аргентине два ведущих кандидата на октябрьских президентских выборах - крайне правые и правоцентристские.

Еще не так давно Венесуэла, обладающая крупнейшими в мире запасами сырой нефти, была относительно стабильной демократией с одной из самых быстрорастущих экономик Латинской Америки.

Это была страна, настолько насыщенная нефтяными доходами, что социалистическое правительство покойного бывшего президента Уго Чавеса потратило огромные суммы на социальные программы и в какой-то момент даже предоставило обедневшим американцам бесплатный мазут.

Но начиная с 2014 года южноамериканская страна начала переживать поразительный экономический коллапс. Поскольку валовой внутренний продукт Венесуэлы во время Великой депрессии упал даже больше, чем в Соединенных Штатах, многие из почти 32 миллионов ее жителей оказались не в состоянии позволить себе еду, а в больницах, страдающих от нехватки ресурсов, не хватало мыла и антибиотиков.

Тем временем политическая система Венесуэлы погрузилась в хаос. Президент Николас Мадуро, чье переизбрание в 2018 году было запятнано обвинениями в нарушениях и запугивании избирателей, столкнулся с массовыми уличными протестами и пережил военное восстание весной 2019 года, спровоцированное оппозиционным политиком Хуаном Гуайдо, лидером избранной Национальной ассамблеи, чьи законодательные полномочия были отняты режимом Мадуро в 2017 году.

Рассматривая вопрос кардинальной преобразования политической и экономической систем Венесуэлы, мы можем отметить, что экономика государства на протяжении долгого времени имела крайне высокую степень зависимости от экспорта нефти и соответственно, от доходов от её продажи.

Революция во главе с Уго Чавесом не смогла изменить данную ситуацию. Мировая динамика постепенного снижения цены на нефть, санкции США, значительные для венесуэльского бюджета социальные расходы правительства Чавеса и Мадуро, несовершенство административного аппарата государственного управления, высокий уровень коррупции - всё это и привело в итоге к экономическому коллапсу.

Политический кризис в Венесуэле привёл к разрастанию числа введённых против государства санкций США. Так, в марте 2022 года США ввели санкции в отношении золотодобывающей промышленности, в апреле были введены экономические санкции против Центрального банка Венесуэлы, тем самым была существенно ограничена возможность международных банковских операций Венесуэлы. Данные шаги были предприняты администрацией США для усиления давления на режим Николаса Мадуро.[5]

Рассматривая аспекты региональной экономической и политической безопасности через призму происходящих в Венесуэле процессов, мы можем отметить, что рассматриваемые процессы влияют

на соседей Венесуэлы по южноамериканскому континенту.

Так, например, политическая нестабильность Венесуэлы оказала негативное влияние на процесс мирных переговоров в Колумбии между действующим президентом Густаво Петро и вооружёнными повстанческими группировками, контролирующими производства наркотиков на территории Колумбии. Можно прогнозировать, что в краткосрочной перспективе наркотрафик будет существенно увеличен, что принесёт ещё больше проблем рассматриваемому нами региону.

Пандемия коронавируса существенно усложнила и без того нестабильное состояние систем здравоохранения Венесуэлы и близлежащих к ней государств.

Продолжающаяся специальная военная операция России на Украине привела к существенному повышению цен на продукты питания и энергоносители, что также не способствует стабильности в регионе и может привести к дальнейшим экономическим и социальным потрясениям.

Анализируя информацию из открытых источников, мы можем отметить, что на протяжении 2023 года наметилась тенденция по изменению взаимоотношений Венесуэлы с США и некоторыми странами Европейского континента. Данные изменения направлены на снижение градуса политической напряжённости и на расстановку акцентов на политическом диалоге между режимом Мадуро и его оппонентами.

Очевидно, что даже если нынешний президент Венесуэлы сможет остаться у власти в ближайшие годы, изменения тональности общения с его основными внешнеполитическими противниками даёт чёткий сигнал о том, что некоторые вторичные последствия разразившегося кризиса в Венесуэле, такие как миграция, коррупция, рост организованной преступности, возможно будет разрешить с помощью дипломатии и переговоров не прибегая к демонтажу сложившегося политического устройства государства.

Возможной причиной данного потепления взаимоотношений режима Николаса Мадуро и его внешнеполитических оппонентов может служить специальная военная операция России на Украине, когда введение западных санкций против российской нефти привели к существенному изменению глобальных логистических цепочек поставки углеводородов и вызвали ажиотажную борьбу между основными государствами потребителями нефти за будущие поставки. В настоящее время, по данным геологоразведки, Венесуэла обладает крупнейшими в Южной Америке запасами нефти и отмена режима санкций США с нефтедобывающей промышленностью Венесуэлы может привести к увеличению добычи нефти до 1 млн сырой нефти в сутки в течение ближайших 2-3 лет.

Так, в марте 2023 года состоялась встреча представителей администрации президента США Джо Байдена с представителями венесуэльской администрации Николаса Мадуро. Основной вопрос, который был поднят в ходе данных переговоров - снятие

санкций с венесуэльской нефтедобывающей промышленности. По результатам данных переговоров часть санкций была снята: компания Chevron возобновила экспорт венесуэльской нефти, кроме того некоторые европейские государства также начали возобновлять сотрудничество с Венесуэлой в данной сфере: впервые за последние 3 года Испания вновь открыла дипломатическое представительство в Каракасе.[9]

Недавно избранные левые лидеры некоторых крупнейших экономик Южной Америки, таких как Чили и Колумбия, также заявляют, что поддерживают переговоры и открыто призывают к демократии в Венесуэле. Новый министр иностранных дел Бразилии заявил, что избранный президент Луис Инасиу Лула да Силва присоединится к переговорам, если его пригласят. Эти шаги имеют большое значение, поскольку Мадуро ранее избегал порицания со стороны многих левых лидеров в регионе благодаря идеологической близости.

По всем этим причинам, а также благодаря тщательной поддержке со стороны гражданского общества и оппозиции Венесуэлы, переговоры в Мехико имеют потенциал. Независимо от результатов выборов 2024 года, возобновление международного внимания к кризису в Венесуэле может иметь и другие важные последствия.

Во-первых, когда левые лидеры в регионе кричат об антидемократическом поведении Мадуро, становится труднее защищать захват власти другими идеологически схожими политиками. Ярким примером является продолжающийся политический кризис в Перу. Беспорядки начались, когда бывший левый президент Педро Кастильо закрыл Конгресс в декабре в эффективной попытке самопереворота. В то время как президент Колумбии Густаво Петро защищал Кастильо, Лула и президент Чили Габриэль Борич этого не сделали, предполагая, что они не обязательно дадут своим идеологическим товарищам свободу спускаться в авторитаризм.

Во-вторых, сосредоточение внимания на Венесуэле может обеспечить финансовые ресурсы, срочно необходимые для реагирования на миграционный кризис. Около 200 неправительственных организаций по всему региону работали вместе с Организацией Объединенных Наций над разработкой регионального плана реагирования на миграционные потоки Венесуэлы в 2022 году, но получили пожертвования только для покрытия четверти его общей стоимости в 1,79 миллиарда долларов. Группа опубликовала аналогичное обращение на 2023 год.[9]

Наконец, тот факт, что Вашингтон рассматривал возможность отмены санкций в отношении Венесуэлы, может спровоцировать более широкие дискуссии о цели и эффективности режима санкций США в более широком смысле. Многие аналитики прогнозировали, что администрация Трампа выдвинула идею ограничения нефтяного сектора Венесуэлы как «высшую санкцию», которую можно было бы использовать только тогда, когда стало ясно, что падение Мадуро неизбежно из-за уровня падения венесуэльской экономики. Но санкции, введенные в

2019 году, остаются в силе и сегодня, Мадуро является законным Президентом страны, а экономические трудности Венесуэлы вынудили миллионы людей бежать на север.

Ещё одна группа западных аналитиков указывал на то, что ослабление санкций США в отношении Венесуэлы может вернуть экономический рост в страну. Как показывает пример Кубы, 60 лет санкций могут не привести к смене режима, а вместо этого стимулировать внешнюю миграцию.

Тем не менее, большинство исследователей международных отношений, изучающих венесуэльский кризис, в целом сходятся во мнении, что присутствие и деятельность России в Венесуэле мотивированы политическими и экономическими реалиями и что реалистическая точка зрения на международные отношения является наиболее подходящей объяснительной парадигмой. [8]

Согласно данной позиции, Венесуэла в настоящее время представляет собой стратегический плацдарм России, для сдерживания амбиций США в Южной Америке, при этом обеспечивая доступ российских нефтяных и горнодобывающих компаний к залежам нефти и полезных ископаемых на территории страны.

И несмотря на то, что президент Российской Федерации Владимир Путин официально не поддерживает тезисы о Венесуэле как российском плацдарме в Южной Америке, реальное положение дел в отношениях между Россией и Венесуэлой можно проследить на следующем примере.

Максимально полно сотрудничество России и Венесуэлы прослеживается в области нефтедобычи, торговли оружием, добычей полезных ископаемых и гидроэнергетики. Данные сферы сотрудничества являются выгодны обеим сторонам как с точки зрения экономики, так и с точки зрения политики, что полностью укладывается в теорию международных отношений о том что союзнические отношения государств всегда должны иметь ту или иную политическую или экономическую базу. В данном случае мы имеем фундаментальную базу экономического сотрудничества, из которой логичным образом проистекает общность политических интересов, так как именно методы и средства политики позволяют защитить экономические вложения российских компаний в Венесуэлу, а России получить от Венесуэлы международную поддержку.

Однако сохраняющееся давление международных экономических санкций на экономику страны, общее ухудшение политической обстановки на континенте негативно сказывается на возможности Венесуэлы обслуживать свои экономические обязательства. В настоящее время, как было сказано выше, Россия использует сотрудничество с Венесуэлой в качестве рычага давления против международной политики Соединённых Штатов. При сохраняющемся балансе сил и интересов в среднесрочной перспективе можно ожидать усиление России в южноамериканском регионе и регионе Карибского бассейна, где действуя руками венесуэльских политиков, Россия может влиять не только на экономические и политические процессы Венесуэлы, но и

на аналогичные процессы стран вышеупомянутых регионов.

Последние годы активное развитие получили и культурные связи России и Венесуэлы. Так, на территории Венесуэлы начали вещать российские телеканалы Russia Today, Sputnik, укрепляются связи международного студенческого обмена и т.п. Всё это часть так называемой "политики мягкой силы", с помощью которой Россия существенно усиливает своё присутствие в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Кроме того, Россия и Венесуэла оказывают друг другу взаимную поддержку в структурах таких международных организаций как ОПЕК и ООН.

Заключение и результаты

Подводя итоги, мы можем констатировать тот факт что Южноамериканский регион в настоящее время находится в кризисной стабильности и страны региона будут продолжать сталкиваться с экономическими, социальными проблемами до тех пор, пока три основных страны континента: Бразилия, Аргентина и Венесуэла не преодолеют свои внутренние проблемы и внешние разногласия. Только в этом случае экономическая динамика региона приобретёт положительное значение, а общая стагнация будет преодолена.

С высокой степенью вероятности данные кризисные явления будут иметь место до смены правительства в Бразилии, изменения экономической ситуации в Аргентине. Но если данные страны ещё имеют все основания для проведения реформ и изменения негативных тенденций, то Венесуэла продолжает оставаться самой сложной страной региона, в которой в настоящее время не наблюдается каких-либо предпосылок к изменению сложившейся ситуации.

Кроме того, в настоящее время, на наш взгляд, необходимо увеличить интенсивность российской внешней политики в отношении Венесуэлы, так как территория Южной Америки представляет собой потенциальный театр прокси-конфликтов между Россией и США. И как показывают события конца ноября 2023 года, противостояние на данном театре начинает переходить в активную фазу. Так, 27 ноября 2023 года президент Венесуэлы Николас Мадуро отдал приказ о введении воинских подразделений на территорию соседней Гайаны, государства, граничащего с Венесуэлой, на территории которого находится спорный регион Эссекибо. Одновременно с этим власти соседней Бразилии, находящейся под американским протекторатом, объявили всеобщую воинскую мобилизацию и выдвинули воинские части на защиту территории соседнего государства. Таким образом, прокси-конфликт между пророссийской Венесуэлой и проамериканской Бразилией можно считать перешедшим точку активной фазы.

Литература

1. Боливар не вынес Мадуро. Экономика Венесуэлы вошла в пике [Электронный ресурс] // bbc. URL:

<https://www.bbc.com/russian/features-44983830> (дата обращения: 17.12.2023)

2. Кризис в Венесуэле: столкновения и гибель людей в приграничных городах [Электронный ресурс] // bbc. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47344969> (accessed : 17.12.2023)

3. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией в Венесуэле [Электронный ресурс] // mid. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ve/-/asset_publisher/xF355DHtiSes/content/id/3483909 (дата обращения: 17.12.2023)

4. США ввели финансовые санкции в отношении Венесуэлы [Электронный ресурс] // tass. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4508681> (дата обращения: 17.12.2023)

5. Трамп намерен поддержать Гуайдо в речи в Майами [Электронный ресурс] // gazeta. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/02/14/n_12637105.shtml?updated (дата обращения: 17.12.2023)

6. Экономика Венесуэлы [Электронный ресурс] // ereport. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=venezuela> (дата обращения: 17.12.2023)

7. Michael Stürzenhofecker - Fünf Zahlen, die die venezolanische Krise erklären [Electronic resource] // zeit.. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-02/venezuela-machtkampf-krise-nicolas-maduro-juan-guaido-zahlen-ueberblick> (accessed : 17.12.2023)

8. Murphy, Robert P. The Venezuelan Crisis Is Due to Economic Ignorance [Electronic resource] // The Independent Institute. URL: <http://www.independent.org/news/article.asp?id=9070> (accessed : 17.12.2023)

9. Nichols, Michelle - Venezuelans facing 'unprecedented challenges,' many need aid - internal U.N. report [Electronic resource] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-un/venezuelans-facing-unprecedented-challenges-many-need-aid-internal-u-n-report-idUSKCN1R92AG> (accessed : 17.12.2023)

10. 10 claves del informe de Michelle Bachelet sobre Venezuela [Electronic resource] // Prodavinci. URL: <https://prodavinci.com/10-claves-del-informe-de-michelle-bachelet-sobre-venezuela/> (accessed : 17.12.2023)

11. Phillips Tom - Maduro starts new Venezuela term by accusing US of imperialist 'world war' [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/10/venezuela-president-nicolas-maduro-begins-second-term> (accessed : 17.12.2023)

12. Salmerón, Víctor - ¿Qué dice la Encovi 2017 sobre la calidad de vida de los venezolanos? [Electronic resource] // Prodavinci. URL: <https://prodavinci.com/que-dice-la-encovi-2017-sobre-la-calidad-de-vida-de-los-venezolanos/> (accessed : 17.12.2023)

13. Venezuela crisis: Former UN rapporteur says US sanctions are killing citizens [Electronic resource] // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/ve>

nezucla-us-sanctions-united-nations-oil-pdvsa-a8748201.html (accessed : 17.12.2023)

31. Venezuela's Humanitarian Emergency [Electronic resource] // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/report/2019/04/04/venezuelas-humanitarian-emergency/large-scale-un-response-needed-address-health> (accessed : 17.12.2023)

14. With executive order, Trump imposes new round of Venezuela sanctions [Electronic resource] // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/08/25/executive-order-trump-imposes-new-round-venezuela-sanctions/601667001/> (accessed : 17.12.2023)

Political consequences of the venezulan crisis in South America

Toro Nesterenko Yaroslav Sebastian

Peoples' Friendship University of Russia

The socio-economic situation of the main countries - the leading economies of South America: Brazil, Argentina, Venezuela is considered. Identified features of each state that contributed to the emergence of crisis phenomena in the economy and politics at the present time. The regional features of each state that contribute to crisis phenomena in each of these states are clarified.

The influence of socio-economic processes occurring in Venezuela on the largest states in the region, as well as on other countries, is considered. This influence is considered from the aspects of economics, politics, migration, and crime growth. A brief description of the current political regimes that form the general vector of the political space of South America is given. The role of Venezuela in the creation and formation of this space is specified.

The role of cooperation between Venezuela and Russia is considered, as well as the current factors of Russian influence in South America through political and economic ties with the current political regime of Venezuela. The influence of Russia's special military operation in Ukraine on the economic and social processes taking place both in Venezuela itself and in other states in the region is described. The geopolitical factors of cooperation between Russia and Venezuela are identified as a counterbalance to the military and political dominance of the United States in the political arena of the world in general and the South American region in particular.

The most possible prospects for the development of the social and political crisis that has engulfed Venezuela and the countries of the region have been identified. The mutual dependence of the countries of the region on each other in overcoming the emerging crisis is shown. These recommendations, which in our opinion, can help quickly overcome crisis phenomena and stabilize the social and political situation in Venezuela and key countries in South America.

Keywords: South America, Venezuela, crisis, migration, sanctions, politics, economics, humanitarian aid, military conflict.

References

1. Bolivar Couldn't Stand Maduro. Venezuela's Economy Is in a Dive [Electronic Resource] // bbc. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44983830> (Accessed: 12/17/2023)
2. Crisis in Venezuela: Clashes and Deaths in Border Towns [Electronic Resource] // bbc. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47344969> (Accessed: 12/17/2023)
3. Commentary by the Information and Press Department of the Russian Foreign Ministry in Connection with the Situation in Venezuela [Electronic Resource] // mid. URL: http://www.mid.ru/maps/ve/-/asset_publisher/xF355DHtiSes/content/id/3483909 (date of access: 12/17/2023)
4. The United States imposed financial sanctions against Venezuela [Electronic resource] // tass. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4508681> (date of access: 12/17/2023)
5. Trump intends to support Gaudio in a speech in Miami [Electronic resource] // gazeta. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/02/14/n_12637105.shtml?update (date of access: 12/17/2023)
6. Economy of Venezuela [Electronic resource] // ereport. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=venezuela> (date of access: 12/17/2023)
7. Michael Stürzenhofecker - Fünf Zahlen, die die venezolanische Krise erklären [Electronic resource] // zeit.. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-02/venezuela-machtkampf-krise-nicolas-maduro-juan-guaido-zahlen-ueberblick> (accessed: 12/17/2023)
8. Murphy, Robert P. The Venezuelan Crisis Is Due to Economic Ignorance [Electronic resource] // The Independent Institute. URL: <http://www.independent.org/news/article.asp?id=9070> (accessed: 12/17/2023)
9. Nichols, Michelle - Venezuelans facing 'unprecedented challenges,' many need aid - internal U.N. report [Electronic resource] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-un/venezuelans-facing-unprecedented-challenges-many-need-aid-internal-u-n-report-idUSKCN1R92AG> (accessed: 12/17/2023)
10. 10 claves del informe de Michelle Bachelet sobre Venezuela [Electronic resource] // Prodavinci. URL: <https://prodavinci.com/10-claves-del-informe-de-michelle-bachelet-sobre-venezuela/> (accessed: 12/17/2023)
11. Phillips Tom - Maduro starts new Venezuela term by accusing US of imperialist 'world war' [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/10/venezuela-president-nicolas-maduro-begins-second-term> (accessed: 17.12.2023)
12. Salmerón, Víctor - ¿Qué dice la Encovi 2017 sobre la calidad de vida de los venezolanos? [Electronic resource] // Prodavinci. URL: <https://prodavinci.com/que-dice-la-encovi-2017-sobre-la-calidad-de-vida-de-los-venezolanos/> (accessed: 12/17/2023)
13. Venezuela crisis: Former UN rapporteur says US sanctions are killing citizens [Electronic resource] // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/venezuela-us-sanctions-united-nations-oil-pdvsa-a8748201.html> (accessed: 12/17/2023)
31. Venezuela's Humanitarian Emergency [Electronic resource] // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/report/2019/04/04/venezuelas-humanitarian-emergency/large-scale-un-response-needed-address-health> (accessed: 12/17/2023)
14. With executive order, Trump imposes new round of Venezuela sanctions [Electronic resource] // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2017/08/25/executive-order-trump-imposes-new-round-venezuela-sanctions/601667001/> (accessed: 12/17/2023)

Особенности развития внешней политики Узбекистана в отношении Российской Федерации в постсоветский период

Стройков Сергей Петрович

аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН имени Патриса Лумумбы, 1142220716@pfur.ru

В современных условиях вопрос внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации с ближайшими соседями приобретает особую актуальность, что обусловлено сочетанием политических, экономических и геополитических факторов. Взаимоотношения между Узбекистаном и Россией занимают ключевое место в обеспечении стабильности и безопасности в Центральной Азии. Целью настоящей статьи является анализ основных направлений и особенностей внешней политики Узбекистана в отношении Российской Федерации в постсоветский период. В рамках исследования были выделены три временных этапа, что позволило рассмотреть эволюцию отношений между государствами. Методологической основой работы являются принципы исторической науки, такие как научная объективность, историзм и достоверность, а также хронологический подход. В результате проведенного анализа выявлено, что внешнеполитический курс Ташкента в отношении Москвы был подвержен значительным изменениям, проходя через фазы тесного сотрудничества, временных кризисов и последующей адаптации к новым вызовам.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, СССР, Центральная Азия, внешняя политика, внутренняя безопасность

Введение

Республика Узбекистан — сфера интересов нескольких крупных политических игроков. Среди них мы можем выделить: Россию, США, Китай, Индию, Турцию и другие.

После распада Советского Союза в 1991 г. Узбекистану, как и другим бывшим советским республикам пришлось выработать собственную внешнюю политику. Ключевым направлением было построение отношений с Россией. В рамках выработки новой концепции внешней политики, молодому государству пришлось в срочном порядке решать две проблемы: отстаивание собственного суверенитета и укрепление национальной безопасности в регионе. После получения независимости, бывшие советские республики в Центральной Азии столкнулись с вызовами в лице неокрепшей экономики и проблем с безопасностью, исходящих из не до конца прописанных в международном праве границ между соседями по региону.

Отношения между Россией и Узбекистаном проходили через разные стадии, от конструктивных на базе общей исторической связи до конфликтных. Тем не менее, несмотря на все вызовы, наблюдаются явные признаки прогресса и вывод отношений на новый качественный уровень партнёрства, который включает в себя экономическое и политическое сотрудничество. Осознавая важность Республики Узбекистан в Центральной Азии, а также значение страны в отношениях с Афганистаном, Россия придерживается политики прагматичных отношений с регионом. Дипломатические отношения России и Узбекистана были установлены 20 марта 1992 г. 30 мая того же года был подписан «Договор об основах межгосударственных отношений, дружбы и сотрудничества»¹⁹. За этим последовали ключевые соглашения, такие как «Договор о стратегическом партнерстве» 2004 г.²⁰ и «Договор о союзнических отношениях» в 2005 г.²¹ Эти соглашения определили сотрудничество в военной, политической, экономической и гуманитарной областях.

Период раннего постсоветизма: Начало взаимоотношений (1991-2000 гг.)

В первую очередь, следует отметить, что отношения между Россией и Узбекистаном имеют глубокие исторические корни, и Москва одной из первых признала независимость Узбекистана в 1991 году. Исторически сложилось так, что будущее Ташкента

¹⁹ Российско-узбекские отношения // Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан. 2024. URL: https://uzbekistan.mid.ru/ru/countries1/rossiya_i_uzbekistan_dvustor/rossiysko_uzbekskie_otnosheniya/ (дата обращения 15.09.2024)

²⁰ Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Сайт Президента России.

16.06.2004. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1945> (дата обращения 15.09.2024)

²¹ Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Сайт Президента России. 14.11.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4709> (дата обращения 15.09.2024)

в разные исторические периоды зависило от его отношений с Российской Федерацией. Одним из примеров является ее участие в ГУАМ, к которому страна присоединилась в 1999 г., но при этом покинула его в 2005 г.²²

Внешняя политика Узбекистана 1990-х гг. была направлена на укрепление национальной независимости и безопасности, а также на достижение лидирующей роли в Центральной Азии. Эти амбиции были обусловлены различными факторами: большим населением Узбекистана, значительными узбекскими общинами в соседних странах и его стратегическим расположением на границе со всеми постсоветскими государствами Центральной Азии, а также с Афганистаном. К середине 1990-х гг. Узбекистану удалось избежать серьезного экономического кризиса, обеспечить себя энергетическими ресурсами и создать боеспособную армию [Базылева, Черненко 2016: 509].

Стремление Узбекистана к региональному лидерству стало противоречить интересам России в регионе. Москва хотела сохранить свое влияние постсоветском пространстве. В период 1990-х годов России пришлось столкнуться не столько с экономическими вызовами из-за перехода к капиталистической экономической системе, но и из-за внутренних политических конфликтов. Со временем Узбекистан начал дистанцироваться от России, вместо этого укрепляя связи с Соединенными Штатами, одним из ключевых пунктов соглашения между США и Узбекистаном стал Афганистан. Узбекистан из-за своей близости к Афганистану, стал арбитром между внешним миром и своим соседом. США же видели в этом определенные возможности для того, чтобы усилить свое присутствие в регионе и тем самым противостоять Москве за влияние на новые потребительские рынки в Центральной Азии [Базылева, Черненко 2016: 511].

Отправной точкой следует считать май 1999 г., когда Узбекистан решил не возобновлять свое участие в Договоре о коллективной безопасности, предпочтя вместо этого присоединиться к ГУАМ, альянсу, который по факту является противовесом инициативам России на постсоветском пространстве [Троицкий 2008: 93].

Дипломатические неудачи Москвы с Ташкентом наряду с приходом нового руководства под руководством Владимира Путина вызвали возобновление интереса России к укреплению отношений с Узбекистаном. На возобновление сотрудничества после периода напряженных отношений с конца 1998 до середины 1999 гг. повлиял Баткенский кризис в Кыргызстане, когда экстремисты захватили несколько деревень и стали представлять прямую угрозу для Узбекистана. Примерно в это же время Путин был

назначен премьер-министром Российской Федерации [Мещеряков 2013: 142].

Баткенский кризис показал Узбекистану, что Узбекистану необходимо сотрудничать со странами СНГ по противодействию экстремизму и терроризму. Когда стало ясно, что Кыргызстан не может справиться с экстремистской угрозой в одиночку, Россия и Узбекистан быстро возобновили военное сотрудничество. К октябрю 1999 г. усилиями Ташкента и Москвы экстремистское подполье было уничтожено [Мещеряков 2013: 143].

Переходный период: Роль США (2000-2010 гг.)

Теракт 11 сентября 2001 г. весьма сильно сблизил США и Узбекистан. Ташкент предложил помощь Вашингтону в их операциях в Афганистане, так как это была хорошая возможность продемонстрировать себя как важного союзника в регионе и укрепить свое военно-политическое лидерство в Центральной Азии. Через месяц после теракта, в октябре 2001 г. было достигнуто соглашение, которое позволило США использовать воздушное пространство Узбекистана и авиабазу Ханабад. Вскоре эта база стала крупнейшим местом американской дислокации в Центральной Азии²³.

Несмотря на положительную динамику развития взаимоотношений между странами, Узбекистан оказался под давлением и США, и России из-за близости с американцами. Все началось с того, что в 2003 г. США активно участвовали в цветной революции в Грузии и тем самым подорвали доверие Ташкента к Вашингтону. Узбекистан начал ограничивать американские НПО и предложил пересмотреть условия соглашения о базе в Ханабаде, запросив введение арендной платы, но США ответили отказом и решили оставить все, как есть²⁴. Узбекистан начал балансировать свои отношения с США за счет укрепления связей с Россией и Китаем. Так, в июне 2004 г. было подписан документ о стратегическом партнерстве с Россией²⁵.

Примерно с 2005 года отношения между США и Узбекистаном начинают ухудшаться. Западные правительства критиковали тогдашнего президента Узбекистана Ислама Каримова за подавление беспорядков на территории страны и неоднократно требовали проведения международного расследования, от которого президент отказывался, ссылаясь на опасения по поводу государственного суверенитета. В ответ США и ЕС ввели ограничения на оказание помощи, экспорт оружия и выдачу виз узбекским чиновникам, а также заморозили их активы. В поисках поддержки Ташкент обратился к России и Китаю [Romashov 2016: 168]. В июле Ташкент пригрозил США закрыть базу в Ханабаде, сославшись

²² Узбекистан разорвал все связи с ГУАМ // Лента. 10.03.2006. URL: <https://lenta.ru/news/2006/03/10/karimov/> (дата обращения 15.09.2024)

²³ В Узбекистане закрыта американская военная база // Лента. 21.11.2005. URL: <https://lenta.ru/news/2005/11/21/base/> (дата обращения 15.09.2024)

²⁴ Узбекистан больше не хочет платить за военную базу США в Ханабаде // Первый канал. 26.08.2005. URL:

https://www.1tv.ru/news/2005-08-26/231884-uzbekistan_bol-she_ne_hochet_platit_za_voennuyu_bazu_ssha_v_hanabade (дата обращения 15.09.2024)

²⁵ Президенты РФ и Узбекистана подписали Договор о стратегическом партнерстве // РИА Новости. 16.06.2004. URL: <https://ria.ru/20040616/613266.html> (дата обращения 15.09.2024)

на экологические проблемы и отсутствие платежей²⁶. Президент Каримов даже обвинил США организации восстания в Андижане²⁷.

В ноябре 2005 г. вооруженные силы США покинули Ханабад. США намеревались выплатить Узбекистану 23 миллиона долларов на покрытие расходов, связанных с базой, однако Конгресс заблокировал этот платеж²⁸. Примерно в это же время ЕС также ввел санкции против Узбекистана за отказ разрешить международное расследование в отношении Андижана²⁹.

Из-за своего противостояния с Западом Узбекистан сумел углубить свое сотрудничество с Россией и Китаем. В мае 2005 г. Каримов посетил Китай и подписал новые соглашения, в том числе одно, которое позволило китайской нефтяной компании разрабатывать газовые месторождения в Узбекистане³⁰. В 2006 г. вступил в ОДКБ³¹. В 2009 году Узбекистан не продлил соглашение по ОДКБ.

В конечном итоге у Узбекистана появилось понимание, что США не готовы брать на себя долгосрочные обязательства в регионе и меняют свою политику в зависимости от ситуации на международной арене, что поставит под удар национальную безопасность Ташкента. Узбекистан стал более плотно сотрудничать с Китаем и Россией вместо США [Троицкий 2008: 95].

Военная операция Российской Федерации в Грузии побудила Узбекистан активизировать переговоры с США и европейскими странами. Узбекистан работал над снятием санкций со стороны США и ЕС и в сентябре 2008 г. ЕС снял санкции с Узбекистана³² и примерно в то же время Узбекистан вышел из ЕАЭС, посчитав его неэффективным³³. После победы Барака Обамы на выборах Вашингтон возобновил переговоры о восстановлении военной базы США в Узбекистане³⁴.

В январе 2009 г. Дмитрий Медведев посетил Узбекистан. Каримов приветствовал визит как знак взаимной заинтересованности в укреплении отношений³⁵. Поездка Медведева не принесла каких-либо новых соглашений, но она сумела укрепить

стратегическое партнерство и подтвердила приверженность России и Узбекистана выполнению договоренностей, достигнутых при Путине.

Осень 2009 г. стала победой Узбекистана в деле возвращения Узбекистана на международную арену в связи со снятием ЕС эмбарго на поставки оружия. В ноябре посол США в Узбекистане Р. Норланд объявил, что доверие между Ташкентом и Вашингтоном восстановлено³⁶. Несмотря на растущую приверженность Ташкента Западу, Москва была полна решимости сохранить прочные отношения [Мещеряков 2013: 83].

Современный этап развития отношений: Многостороннее сотрудничество (2010-2023 гг.)

В начале 2010 г. российская делегация во главе с заместителем премьер-министра И.И. Шуваловым посетила Ташкент для решения вопроса о непогашенном долге Узбекистана по кредитам, предоставленным Россией в начале 1990-х гг.³⁷ Вскоре после этого президент И.А. Каримов подписал соглашение о сотрудничестве с Соединенными Штатами в целях укрепления политических, экономических и оборонных связей. Вероятно, России и Узбекистану не удалось договориться о погашении обязательств, либо условия не устроили одну из сторон.

В апреле 2010 г. Каримов прибыл в Россию на переговоры с президентом Дмитрием Медведевым. Они обсудили последние события в российско-узбекских отношениях и последствия революции в Кыргызстане. По ее окончании было выпущено совместное заявление, включающее план развития российско-узбекских отношений до 2012 г.

События на Ближнем Востоке 2011 г. более известные как «Арабская весна» приковали к себе внимание всей мировой общественности, Узбекистан не был исключением. В целях безопасности правительство было вынуждено усилить меры безопасности, что в конечном итоге достаточно сильно замедлило проводимые политические реформы. Узбекистан очень активно боролся с любым проявлением экстремистской версией ислама на территории страны. События на Ближнем Востоке могли привести к радикализации населения Узбекистана,

²⁶ Uzbek threat to close US base // The Guardian. 08.07.2005. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jul/08/3> (accessed 17.09.2024)

²⁷ Узбекистан победил Америку // Газета.Ру. 28.09.2005. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2005/09/28_a_435671.shtml (дата обращения 17.09.2024)

²⁸ США отказались платить Узбекистану за пользование авиабазой // Лента. 06.10.2005. URL: <https://lenta.ru/news/2005/10/06/uzbek/> (дата обращения 17.09.2024)

²⁹ European Union Imposes Sanctions on Uzbekistan // The New York Times. 03.10.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/10/03/international/europe/european-union-imposes-sanctions-on-uzbekistan.html> (accessed 17.09.2024)

³⁰ Каримов пустит китайцев качать узбекскую нефть // Лента. 26.05.2005. URL: <https://lenta.ru/news/2005/05/26/karimov/> (дата обращения 17.09.2024)

³¹ Узбекистан восстановил членство в ОДКБ // Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. 14.12.2006. <https://посткомсг.рф/news/bezopasnost/170471/> (дата обращения 17.09.2024)

³² Евросоюз отменил санкции в отношении Узбекистана // DW на русском. 27.10.2009. URL: <https://www.dw.com/ru/евросоюз->

отменил-санкции-в-отношении-узбекистана/a-4829214 (дата обращения 18.09.2024)

³³ Узбекистан разъяснил мотивы выхода из ЕврАзЭС // Коммерсантъ. 14.11.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1058872> (дата обращения 18.09.2024)

³⁴ Угроза надоям Оживились слухи о возвращении базы США в Узбекистан // Лента. 22.08.2009. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/08/22/visit/> (дата обращения 18.09.2024)

³⁵ Дмитрий Медведев посетил Узбекистан с двухдневным государственным визитом // Сайт Президента России. 23.01.2009. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/44700> (дата обращения 18.09.2024)

³⁶ Uzbeks Back As US Allies of Convenience // Institute of War & Peace Reporting. 13.05.2010. URL: <https://iwpr.net/global-voices/uzbeks-back-us-allies-convenience> (accessed 17.09.2024)

³⁷ Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Национальный координатор Российской Федерации по делам СНГ И.И.Шувалов посетил Республику Узбекистан, Республику Туркменистан и Республику Киргизия // Правительство Российской Федерации. 20.01.2010. URL: <http://archive.government.ru/docs/9058/> (дата обращения 18.09.2024)

которое преимущественно исповедует ислам. В апреле Медведев и Каримов в ходе телефонного разговора обсудили беспорядки в Северной Африке и Персидском заливе и договорились об углублении двустороннего сотрудничества³⁸.

В ответ на активизировавшуюся внешнюю политику Ташкента Соединенные Штаты перенесли свою базу снабжения продовольствием войск в Афганистане из ОАЭ в Узбекистан³⁹. Позже в ходе телефонного разговора Каримов проинформировал Медведева о недавних соглашениях с другими партнерами и подтвердил приверженность Узбекистана своему союзу с Россией⁴⁰.

В 2012 г. Секретариат ОДКБ получил официальную ноту от Узбекистана, в которой сообщалось о его решении приостановить участие в организации. Примечательно, что это произошло всего через две недели после того, как президенты Узбекистана и России подписали Декларацию о дальнейшем укреплении стратегического партнерства и Меморандум о взаимопонимании по присоединению Узбекистана к Соглашению о зоне свободной торговли СНГ. Между тем, Узбекистан приобрел репутацию трудного члена ОДКБ. Конструктивный диалог с Ташкентом по углублению сотрудничества в области безопасности был непростым. Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа признал, что уход Узбекистана был вызван различиями во взглядах на коллективную безопасность, что затруднило сотрудничество. Он также признал, что построить эффективную систему безопасности в Центральной Азии без Узбекистана было бы нереалистично, и отметил, что Ташкенту будет трудно достичь своих целей в области безопасности вне рамок сотрудничества с ОДКБ [Romashov 2016: 170].

По результатам выборов 2012 г. Владимир Путин стал президентом Российской Федерации, и, хотя Каримов официально поздравил Путина с победой, телефонного разговора между ними не было. Их первая встреча, после состоявшаяся 15 мая 2012 г. в Москве показывала определенную напряженность, поскольку во время встречи ни один из лидеров не упомянул о стратегическом партнерстве и не обсуждал результаты их сотрудничества, его текущее состояние или будущие цели.

В последующие годы начиная с 2013 г., обе страны прилагали усилия для возобновления сотрудничества, уделяя особое внимание экономическим связям, но омрачающим фактором в этом стали внутренние события на Украине, произошедшие позднее в том же году. Они крайне сильно повлияли на Ташкент, ситуация вокруг Крыма вызвала обеспокоенность Узбекистана. Узбекистан напрямую не критиковал Москву, но в то же время воздерживался от поддержки ее действий, стараясь сохранить более нейтральную позицию и не наносить

вред своим отношениям с Западом. Узбекистан исповедовал концепцию многовекторности в международных отношениях, поэтому не вступал в военные и политические союзы.

Период обмена санкциями начавшегося в августе 2014 г. не особо затронул внешнюю торговлю Узбекистана, однако экономический спад в России привел к ухудшению торговых отношений. В первую очередь он сказался на двусторонней торговле и сильно повлиял на постепенное падение курса рубля, а также заморозку ряда совместных инвестиционных проектов. Из-за снижения доходов, многие трудовые мигранты, работавшие в России, были вынуждены вернуться на родину, что в итоге негативно отразилось на экономике Узбекистана [Казанцев, Гусев 2018: 299].

Владимир Путин посетил Узбекистан в декабре 2014 г. для того, чтобы обсудить сотрудничество и укрепить двусторонние связи после международного политического кризиса 2014 года. Несмотря на экономические трудности России, Узбекистан продолжал поддерживать хорошие отношения с Москвой. Однако к концу 2014 г. Россия утратила статус основного торгового партнера Узбекистана, вследствие чего ее доля участия в экономике республики весьма заметно сократилась. В апреле и июне 2016 г. Каримов и Путин вновь встретились, но в августе 2016 г., президент Узбекистана был госпитализирован, а 2 сентября скончался. Его смерть ознаменовала окончание важного этапа в российско-узбекских отношениях, которые, несмотря на трудности последних лет его правления, были отмечены значительными успехами в адаптации к новым международным вызовам [Мещеряков 2021: 46].

Преемник Каримова Шавкат Мирзиёев изменил внешнюю политику Узбекистана. Ташкент отказался от политики изоляции и начал активное развитие торгово-экономического сотрудничества, а также занялся реализацией транспортных проектов в Центральной Азии. До этого отношения с соседями в регионе оставались напряженными, а особенно это было заметно в сфере использования водных и энергетических ресурсов [Казимир 2024: 128].

В то же время значительно улучшились экономические связи с Россией. Стратегия Узбекистана стала направлена на диверсификацию политических и экономических отношений, что позволило стране извлекать выгоды от расширяющегося сотрудничества как в пределах региона, так и за его пределами.

Экономическая политика Ташкента перестроилась на основе экспортноориентированной модели, способной привлекать как внутренние, так и внешние инвестиции. В 2017–2018 гг. Узбекистан значительно расширил сотрудничество с Россией и Китаем, подписав важные соглашения на миллиарды

³⁸ Медведев и Каримов обсудили арабские революции // ИА Регнум. 13.04.2011. URL: <https://regnum.ru/news/1394198> (дата обращения 18.09.2024)

³⁹ США планируют перенести базу своих войск в Афганистане в Узбекистан // Kazakhstan Today. 01.06.2011. URL:

https://www.kt.kz/rus/world/ssha_planirujut_perenesti_prodoovolstvennuju_bazu_svoih_vojsk_v_afganistane_v_uzbekistan_1153539214.html (дата обращения 19.09.2024)

⁴⁰ Телефонный разговор с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым // Сайт Президента России. 12.04.2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/10917> (дата обращения 19.09.2024)

долларов, например, проекты строительства АЭС и модернизации газовой инфраструктуры с Россией, а также инвестиционные соглашения с Китаем [Казимир 2024: 130].

После выборов 2017 г. президент Шавкат Мирзиёев поручил разработать обновленную концепцию внешнеполитической стратегии включающий пункт об обеспечении безопасности и проведении взвешенной внешней политики.

Основным приоритетом внешней политики остается Центральная Азия, с акцентом на поддержание мира и безопасности в регионе, а также содействие стабилизации ситуации в Афганистане. В этом направлении значимым событием стала Ташкентская международная конференция 2018 г., инициированная президентом Мирзиёевым, с участием лидеров Афганистана и международных организаций. Кроме того, Узбекистан и Россия, как стратегические партнеры и союзники, уделяют большое внимание развитию всестороннего сотрудничества. Одним из важных шагов стало подписание договоренностей в ходе визита президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в Россию в 2017 г. Стороны заключили соглашения, касающиеся экономики, энергетики, военно-технического сотрудничества и культуры [Обидов 2019: 60].

Одновременно с этим Узбекистан сохраняет сбалансированный подход к отношениям с Москвой и Пекином, извлекая выгоды от сотрудничества с обоими ключевыми партнерами. Ташкент также стремится участвовать в различных инфраструктурных проектах в Центральной Азии и с внерегиональными странами, такими как Индия, Пакистан и Афганистан, а также поддерживает строительство транспортных коридоров с Россией и Кыргызстаном. Несмотря на успехи в экономической сфере, нерешенные региональные проблемы, особенно в водно-энергетической области, продолжают оказывать давление на политику Узбекистана. Усиливается также влияние западных санкций, которые затрагивают страны, сотрудничающие с Россией [Казимир 2024: 135].

Заключение.

Внешняя политика Узбекистана представляет собой отражение сложной динамики международных отношений, характерной для стран постсоветского пространства. С момента обретения независимости Ташкент последовательно стремился сохранить свой суверенитет и минимизировать зависимость от внешних акторов. Важным аспектом этого курса стало поддержание баланса между ключевыми международными игроками — Россией и Соединенными Штатами Америки. В 1990-е годы Узбекистан стремился укрепить свои позиции в качестве регионального лидера, становясь важным партнером США в борьбе с международным терроризмом, включая предоставление американским военным баз в Ханабаде. Однако события в Андижане в 2005 году существенно повлияли на двусторонние отношения, что привело к переориентации внешнеполитического курса Узбекистана в сторону России.

Начало 2000-х годов ознаменовалось укреплением узбекско-российских отношений. Ташкент временно возобновил свое участие в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), но впоследствии вновь вышел из этой структуры, предпочитая проводить более независимую политику в сфере безопасности. С приходом к власти Шавката Мирзиёева внешняя политика Узбекистана претерпела значительные изменения. Новый президент провозгласил курс на активное, многовекторное сотрудничество, охватывающее не только Россию, но также Китай, Запад и страны Центральной Азии, что стало новым элементом внешнеполитической стратегии Ташкента.

Таким образом, эволюция внешней политики Узбекистана в постсоветский период демонстрирует стремление государства к извлечению максимальных выгод от сотрудничества с международными державами при сохранении устойчивых и дружественных отношений с Россией

Литература

1. Базылева С.П. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 505-520.
2. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 292-303.
3. Казимир Л.А. Внешняя политика Узбекистана: основные направления // Вестник дипломатической академии МИД России. Серия: Россия и мир. 2024. № 1 (39). С. 125-136.
4. Малышева Д.Б. Партнерство России и Узбекистана // Вестник дипломатической академии МИД России. Серия: Россия и мир. 2024. № 2 (28). С. 121-131.
5. Мещеряков К.Е. Отношения Российской Федерации и Республики Узбекистан в годы президентства В. В. Путина (2000-2008): от взаимного неприятия к стратегическому партнерству и сотрудничеству // Terra Linguistica. 2013. № 179. С. 141-153.
6. Мещеряков К.Е. Российско-узбекские отношения в 2008-2012 годах: тенденции и проблемы развития // Terra Linguistica. 2013. № 167. С. 79-88.
7. Мещеряков К.Е. Российско-узбекские отношения в последние годы президентства Ислама Каримова // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 4. С. 10-52.
8. Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2019. № 2. С. 57-63.
9. Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004-2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 93-97.
10. Romashov V. "Uzbekistan's Balancing Act: A Game of Chance for Independent External Policies." The Regional Security Puzzle around Afghanistan: Bordering Practices in Central Asia and Beyond. Verlag

Features of the development of Uzbekistan's foreign policy towards the Russian Federation in the post-Soviet period
Stroikov S.P.

RUDN named after Patrisa Lumumba

In contemporary conditions, the issue of foreign policy interaction between the Russian Federation and its neighboring states has gained particular relevance due to a combination of political, economic, and geopolitical factors. Relations between Uzbekistan and Russia play a key role in ensuring stability and security in Central Asia. The purpose of this article is to analyze the main directions and features of Uzbekistan's foreign policy towards the Russian Federation in the post-Soviet period. The study identifies three time periods, which allow for an examination of the evolution of relations between the two states. The methodological basis of the research is founded on the principles of historical science, such as scientific objectivity, historicism, and reliability, alongside a chronological approach. The analysis reveals that Tashkent's foreign policy towards Moscow has undergone significant changes, moving through phases of close cooperation, temporary crises, and subsequent adaptation to new challenges.

Keywords: Russia, Uzbekistan, USSR, Central Asia, foreign policy, internal security

References

1. Bazyleva S.P. Cooperation between Uzbekistan and Russia as a stabilizing factor in the Eurasian space // Bulletin of RUDN. Series: International Relations. 2016. No. 3. P. 505-520.
2. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. Reforms in the foreign policy of Uzbekistan: main achievements and development scenarios // Bulletin of RUDN. Series: International Relations. 2018. No. 2. P. 292-303.
3. Kazimir L.A. Foreign policy of Uzbekistan: main directions // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Series: Russia and the World. 2024. No. 1 (39). P. 125-136.
4. Malysheva D.B. Partnership between Russia and Uzbekistan // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Series: Russia and the World. 2024. No. 2 (28). P. 121-131.
5. Meshcheryakov K.E. Relations between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan during the presidency of V.V. Putin (2000-2008): from mutual hostility to strategic partnership and cooperation // Terra Linguistica. 2013. No. 179. P. 141-153.
6. Meshcheryakov K.E. Russian-Uzbek relations in 2008-2012: trends and problems of development // Terra Linguistica. 2013. No. 167. P. 79-88.
7. Meshcheryakov K.E. Russian-Uzbek relations in the last years of Islam Karimov's presidency // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations. 2021. No. 4. P. 10-52.
8. Obidov A. Foreign Policy of the Republic of Uzbekistan // Russia and the Muslim World. 2019. No. 2. P. 57-63.
9. Troitsky E.F. Foreign Policy of Uzbekistan in 2004-2007: From Strategic Partnership with the United States to Allied Relations with Russia // Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 310. P. 93-97.
10. Romashov V. "Uzbekistan's Balancing Act: A Game of Chance for Independent External Policies." The Regional Security Puzzle around Afghanistan: Bordering Practices in Central Asia and Beyond. Verlag Barbara Budrich, 2016. P. 161-190. <https://doi.org/10.2307/j.ctvbkjzm0.12>

К вопросу о статусе государственного совета в системе публичной власти

Баскаков Артём Сергеевич

аспирант кафедры конституционного права юридического факультета им. М.М. Сперанского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАН-ХиГС при Президенте РФ), baskakov.artiom@list.ru

Статья описывает сущностные черты института публичной власти в Российской Федерации. Отмечается, что основополагающую роль в реализации системы публичной власти играет Государственный совет, обеспечивающий взаимодействие и координацию единой системы публичной власти. Отмечается, что положения, закрепленные в законе о Государственном Совете, позволяют его рассмотреть как конституционный государственный орган, обеспечивающий стратегическое планирование развития Российской Федерации. В статье рассмотрены положения о Государственном Совете, проанализированы возможности становления органа в разработке и реализации стратегического планирования.

Ключевые слова: публичная власть, государственный совет, стратегическое планирование, конституция, правовой статус

Актуальность исследования темы Государственного Совета в Российской Федерации в свете повышения эффективности функционирования системы публичной власти обусловлена потребностью в постоянном реформировании механизмов управления государством. В последние годы система государственной власти в России претерпевает значительные изменения, направленные на повышение эффективности взаимодействия различных органов управления на всех уровнях власти. В рамках этих процессов Государственный Совет играет важную роль. После поправок в Конституцию Российской Федерации и утверждения Федерального закона «О Государственном Совете» данный орган приобрел конституционный статус, но тем, не менее, фактически его функции и задачи на сегодняшний момент не раскрыты в полном объеме.

Концепция и реализация системы публичной власти. Публичная власть, как указывает М. Н. Кобзарь-Фролова, представляет собой структуру властных ведомств, реализующих власть народа посредством реализации многочисленных функций: нормотворческой, управленческой, хозяйственной, контрольной, надзорной и проч. [5, с. 119]. Достаточно долго институт публичной власти не был зафиксирован в отечественном законодательном массиве – до момента принятия недавних поправок в Основной Закон государства. Новая редакция Конституции неоднократно ссылается на термин «публичная власть» (ст.ст. 67, 71, 80, 83 и др.) в контексте компетентностного спектра властных ведомств, функционирования системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, полномочий Президента как главы государства как гаранта Конституции, а также в контексте «согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти» [12, с. 116]. М. К. Штепа указывает: новый текст Конституции встраивает концептуальную категорию публичной власти в механизм государственного администрирования «посредством наделения Президента РФ и Государственного Совета РФ полномочиями по организации и обеспечению слаженного взаимодействия и функционирования органов» [12, с. 116].

Согласно положениям Федерального закона №394 «О Государственном Совете Российской Федерации» [11], единая система публичной власти в России формируется из числа следующих компонентов: (1) федеральные органы государственной власти; (2) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; (3) иные государственные органы; (4) органы местного самоуправления.

Подобная структура была введена исходя из существующего исторического «бэкграунда», политико-правового устройства и политической культуры, сформированной в стране [5, с. 199].

Место и статус Государственного Совета в реализации публичной власти в Российской Федерации. Особую роль в функционировании системы публичной власти в Российской Федерации должен играть Государственный Совет. Впервые предложение о повышении правового статуса, расширения компетентного спектра Государственного Совета и обретении им конституционного статуса были озвучены еще в начале 2020 г. в Послании Президента России Федеральному Собранию. Как пишет С. И. Плотников, ключевым аргументом в пользу фиксации публично-властных компетенций Государственного Совета на конституционном уровне стала уникальная специфика государственно-территориального устройства страны, где каждый из федеративных субъектов имеет свои особенности, проблемы, задачи и опыт [9, с. 79].

Следует также сказать, что функции и полномочия положения о Государственном Совете России были описаны гораздо ранее – в тексте Положения о Государственном Совете Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Рос. Федерации от 1 сент. 2000 г. № 1602 [10].

Функции Государственного Совета определялись в тексте положения через задачи, поставленные перед ним: 1) задачи по содействию реализации полномочий Президента; 2) задачи в области обсуждения общегосударственных вопросов. Содействие реализации полномочий Президента РФ осуществляется по вопросам обеспечения эффективного взаимодействия органов государственной власти, проведения согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти федерального уровня и органами государственной власти субъектов [10]. Вторая группа задач затрагивала вопросы обсуждения проекта федерального закона о федеральном бюджете, информирования Правительства РФ о ходе исполнения федерального бюджета, проблем, касающихся взаимоотношений федеральной власти и власти субъектов, вынесения на повестку вопросов, связанных с исполнением государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами Конституции и нормативных правовых актов федерального уровня [9, с. 80].

Вышеотмеченное Положение, кроме того, зафиксировало структуру Государственного Совета: (1) президиум Государственного Совета; (2) рабочие группы Государственного Совета; (3) консультативная комиссия Государственного Совета. Президиум Государственного Совета занимается решением вопросов о плане работы Совета, повестки дня заседаний, по итогам которых представляются поручения и принимаются нормативные правовые акты. Рабочие группы, а также постоянные и временные комиссии, работают в следующих направлениях: здравоохранение, коммуникации и связь, транспортная сфера, образование и наука и проч.

Рабочие группы реализуют функции в области: (1) информационно-аналитического обеспечения деятельности Государственного Совета – т.е. усилия рабочих групп направлены на подготовку материалов для заседаний Совета или его президиума; (2) консультативно-экспертного обеспечения – мероприятия по оценке и мониторингу правоприменительной практики, моделей государственного управления действующего правового регулирования и предложений по его изменению. Консультативная комиссия функционирует с целью оказания консультативной поддержки вышеперечисленным структурами и их участникам. Таким образом, Положение, утвержденное более двух десятилетий назад, очертило правовой статус и функциональный спектр Государственного Совета Российской Федерации.

Сущностными чертами данной властной структуры выступают следующие: (1) Совет – это консультативно-совещательный орган, не обладающий исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий; (2) Государственный Совет действует при Президенте и его деятельность главным образом направлена на эффективизацию механизмов реализации полномочий главы государства; (3) Государственный Совет выступает своеобразной площадкой для дискуссий по вопросам общегосударственного значения.

На сегодняшний день правовое положение Государственного Совета несколько изменилось. В частности, внесенные в Конституцию поправки и Федеральный Закон №394 «О Государственном Совете Российской Федерации» сместили акцент с совещательного характера деятельности Совета. Согласно с С. И. Плотниковым в том, что Совет позиционируется на сегодняшний день как структура, целью которой выступает обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти [9, с.84]. Данный тезис можно подтвердить п. е. ч. 5 ст. 83 Конституции Российской Федерации, где указано, что Государственный Совет действует в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти [6].

В тексте Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» можно обнаружить множество отличий от вышеописанного Положения. Сам факт того, что правовой статус Государственного Совета получил фиксацию на уровне федерального законодательства, свидетельствует о возросшей роли данной структуры в реализации публичной власти. Закон, указывая П. Р. Магомедова, четко фиксирует роль Государственного Совета в единой системе публичной власти и определил его как уникальную структуру, не относящуюся к исполнительной или к законодательной ветви власти, что, в свою очередь, позволяет обеспечить конституционный баланс «системы сдержек и противовесов» [7, с. 53]. Схожий тезис выражает М. К. Штепа: Государственный Совет не входит ни в одну из ветвей власти, но при этом – относится к органам государственной власти, основной целью которого является координация взаимодействия субъектов

разных уровней и функционального значения единой системы публичной власти [12, с. 120].

Новизна принятого закона главным образом заключается в том, что он дает представления о перспективах формирования современной системы управления единой системы публичной власти: 1) выстраивание задач, стратегическое планирование, 2) координация взаимодействия органов публичной власти, 3) получение обратной связи с целью имплементации лучших практик.

Координация взаимодействия структур системы публичной власти как ключевая компетенция Государственного Совета. Взаимодействие субъектов разных уровней, спектра полномочий и функционального значения в единой системе публичной власти имеет ключевое значение для эффективности государственного управления, целостности системы власти и стабильности государственного устройства в целом.

Государственная власть в России организована по вертикали, где уровни власти – федеральный, региональный и муниципальный – должны действовать в рамках единой системы. Без координации между ними возникают «разрывы», которые могут приводить к дублированию функций, хаотическому порядку внедрения мер, снижению общей эффективности системы управления. Координация позволяет синхронизировать деятельность всех субъектов власти и минимизировать конфликты между ними.

Координация между различными уровнями власти позволяет избежать дублирования полномочий и действий, а также способствует более оперативному и целенаправленному принятию решений. Кроме того, отметим, что различные уровни власти отвечают за разные аспекты государственного управления, и согласованное распределение финансовых, кадровых и материальных ресурсов гарантирует их наиболее рациональное использование.

В условиях координации субъектов власти обеспечивается предсказуемость и устойчивость государственной системы, предотвращаются конфликты полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти. Структурированное и координированное взаимодействие между уровнями власти способствует стабильности политической системы и укрепляет доверие к государственным институтам.

Кроме того, как показывает анализ направлений работы рабочих групп, входящих в Государственный Совет, многие общегосударственные задачи, такие как развитие инфраструктуры, обеспечение безопасности, образование и здравоохранение, требуют участия всех уровней власти. Только через координацию действий можно эффективно реализовать национальные проекты и программы; это позволяет сформировать единую стратегию развития и направить усилия всех участников системы на достижение общих целей.

Конституционное обеспечение принципов согласованности и взаимодействия со стороны реализу-

ется, таким образом, не только в деятельности Президента РФ, выступающего, по мнению Е. А. Абаевой, арбитром в разрешении конституционных конфликтов [1, с. 184], но и в деятельности Госсовета, в чью компетенцию входит содействие Президенту РФ в разрешении разногласий между органами государственной власти, «а также обеспечение его деятельности в сфере гражданского мира и согласия» [1, с. 184].

Получение обратной связи и её роль в системе публичного управления. Как отмечает П. Р. Магомедова, Государственный Совет не только детерминирует приоритетные направления социально-экономического развития, но и проводит мониторинг достигнутых результатов, что позволяет «корректировать или поощрять формирование механизмов развития нашей страны» [7, с. 53].

Получение обратной связи – это важнейший индикатор эффективной системы публичной власти, совокупность механизмов, позволяющих государственным органам получать информацию о результатах принятых решений, идентифицировать возникающие проблемы и более детально отслеживать общественные настроения и потребности. Имплементация практик на основе обратной связи способствует улучшению качества государственного управления.

В рамках новой системы публичной власти Государственный Совет Российской Федерации играет центральную роль в обеспечении обратной связи и координации между различными уровнями и ветвями власти. Государственный Совет не только рассматривает проблемы, но и осуществляет анализ предложений от субъектов РФ, что позволяет выявить наиболее успешные и эффективные практики в управлении. На основе этой обратной связи Совет может рекомендовать их к применению на федеральном уровне. Используя обратную связь, Государственный Совет способен разрабатывать предложения по корректировке государственной политики, что позволяет адаптировать стратегические инициативы под реальные условия и потребности субъектов, улучшая качество их внедрения и эффективность.

Вышесказанное, помимо прочего, подчёркивает важность компетенций и функций Государственного совета в контексте стратегического планирования.

Реализация конституционного статуса Государственного Совета посредством функций в области стратегического планирования. Согласно п. е. ч. 5 ст. 83 Конституции Российской Федерации, Государственный Совет обладает рядом полномочий в области детерминирования ключевых направлений внутренней и внешней политики и социально-экономического развития Российской Федерации. Данные цели не были отражены в описанном ранее Положении, но закреплены в Федеральном Законе №394, согласно которому Государственный Совет считается ключевым органом стратегического планирования [11]. Согласно Федеральному закону №394, Государственный Совет

«участвует в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, в формировании государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, способствует согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти» [394].

С. И. Плотников считает, что трансформация Государственного Совета в конституционный орган и усиление его правового статуса и роли в системе публичной власти во многом стали возможными благодаря фиксации в Федеральном законе №394 за Государственным Советом полномочий по одобрению стратегии национальной политики Российской Федерации, представляемой Президентом РФ [9, с. 84-85]. Стратегия национальной политики, в свою очередь, содержит основные векторы социально-экономического развития государства, его внутренней и внешней политики. Данная функция – функция стратегического планирования – по нашему мнению, во многом отражает конституционное предназначение Госсовета.

Функция стратегического планирования на данный момент реализована в реальной практике функционирования системы публичной власти не в полной мере. Тем не менее, ее выполнение представителями Государственного Совета вполне оправдано и логично, ведь Совет формируется из числа представителей разных ветвей государственной власти (законодательная, исполнительная), а также разных уровней государственной власти – регионального и федерального. Таким образом, Совет позволяет учесть интересы субъектов и, при этом, консолидировать региональные потребности в соответствии с общегосударственными – федеральным – задачами.

Представители субъектов благодаря участию в работе Государственного Совета влияют и на процесс принятия общегосударственных решений, среди которых важнейшими являются решения в области формирования очертаний национальной политики и стратегического курса развития страны. В данной связи многие современные российские авторы рассматривают возможность расширения состава Совета за счет представителей местной власти, которые также имеют право участвовать в определении направлений стратегий социально-экономического развития. Так, А. П. Осипов, к примеру, говорит о том, что Федеральный закон №394 уполномочил Государственный Совет рассматривать вопросы, касающиеся социально-экономического развития, в т. ч. регионального и муниципального [8, с.32].

Обретение нового качества стратегического планирования в стране неоднократно обозначается в выступлениях высших должностных лиц государства в качестве приоритетного вектора общегосударственного развития и способа повышения макроэкономической динамики, улучшения социальной сферы, внешней и внутренней политики [3, с. 11].

В тексте тезисов выступления Президента страны на заседании Совета безопасности 27 сентября 2021 г. подчеркивается, что государство нуждается в сбалансированной и целостной системе стратегического планирования – только так можно «создавать современные, выверенные, нацеленные на конкретный результат планы и программы...» [2]. А. А. Ищенко, в свою очередь, указывает на то, что именно в рамках Госсовета возможно сочетание горизонтального и вертикального регулирования системы стратегического планирования страны [4, с. 3].

Можно отметить, что несмотря на прямое указание в тексте Закона №394 на функции Совета в области стратегического планирования, данный вектор его деятельности на практике пока раскрыт не в полной мере. Возможно, необходимо детализировать конкретные функции представителей и подструктур Совета в области стратегического планирования.

В данной связи целесообразно провести параллель между Государственным Советом и Государственным плановым комитетом Совета Министров СССР (Госплан). Госплан, как известно, являл собой государственный орган, осуществляющий общегосударственное планирование развития народного хозяйства СССР и контроль за выполнением народнохозяйственных планов. Основной задачей данного ведомства была разработка в соответствии с Программой КПСС, директивами Центрального Комитета КПСС и решениями Совета Министров СССР государственных народнохозяйственных планов, обеспечивающий пропорциональное развитие народного хозяйства СССР, непрерывный рост и повышение общественного производства в целях создания материально-технической базы коммунизма, неуклонного повышения уровня жизни народа и укрепления обороноспособности страны.

Безусловно, перенимать практики прошлого в текущих реалиях нецелесообразно, особенно при учете того факта, что экономика в СССР носила плановый характер, а публичная власть была подчинена командно-административным началам.

Тем не менее, актуализация функции стратегического планирования в контексте деятельности Госсовета должна учитывать ее тесную взаимосвязь с другими функциями – координации и взаимодействия компонентов публичной власти и мониторинг, обратная связь и аналитическая работа. Это существенным образом отличает данный властный институт от Госплана. Именно сочетание этих трех функций позволит эффективизировать разработку, оценку и принятие национальных стратегий.

Подводя вывод вышеизложенному, следует отметить следующее.

– Поправки в Конституции Российской Федерации от 2020 г. и принятие закона «О Государственном совете...» ознаменовали новую тенденцию в организации и функционировании публичной власти в Российской Федерации. Важно отметить, что в ст.2 ФЗ-№394 «О Государственном совете» введено понятие единой системы публичной власти, которое

описывает единство органов публичной власти в социально-экономическом развитии Российской Федерации.

– Государственный совет представляет собой площадку, участники которой являются представителями публичной власти разных форм, что делает его уникальным государственным органом, где представлены все уровни и ветви власти и где единство публичной власти обеспечивается председателем Государственного совета – Президентом Российской Федерации.

– На данный момент недостаточна актуализирована одна из ключевых функций Государственного Совета – функция стратегического планирования. Тем не менее, в тексте Федерального закона ФЗ-№394 от 08.12.2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации» содержатся нормы, которые дают право государственному органу участвовать в разработке и анализе стратегического планирования в Российской Федерации. Государственный совет формируется, помимо прочего, в целях определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Закон фиксирует положения, которые закрепляют прямое участие Государственного Совета в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации. Законодателем уже созданы условия для того, чтобы Государственный Совет принимал участие в стратегическом планировании, следовательно, остается реализовать сконструировать и реализовать действенные механизмы, которые бы помогли Совету выполнять подобную функцию.

Литература

1. Абаева, Е. А. Правовая политика российского государства по обеспечению единства, системности, согласованности и взаимодействия органов публичной власти / Е. А. Абаева // Государственно-правовые исследования. – 2022. – № 5. – С. 181-185.

2. Заседание Совета Безопасности по совершенствованию системы стратегического планирования в Российской Федерации. 27 сентября 2021 года. // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/security-council/66777>. – Дата доступа: 21.10.2024.

3. Иванов, О. Б. Новый этап в развитии государственной политики в сфере стратегического планирования / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП. – 2021. – № 6. – С. 7-23.

4. Ищенко, А. А. О правовой природе стратегического планирования социально-экономического развития в зарубежных странах / А. А. Ищенко // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 1-20.

5. Кобзарь-Фролова, М. Н. Правительство Российской Федерации в системе органов публичной власти: политико-правовые связи правительства / М. Н. Кобзарь-Фролова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 2. – С. 116-126.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный Интернет-портал правовой информации «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 21.10.224.

7. Магомедова, П. Р. Государственный Совет в свете конституционных реформ 2020 года / П. Р. Магомедова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 52-55.

8. Осипов, А. П. О правовом статусе Государственного Совета Российской Федерации / А. П. Осипов // Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 31-32.

9. Плотников, С. И. Государственный Совет Российской Федерации: вопросы правового статуса и перспективы развития в свете конституционной реформы / С. И. Плотников // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 77-89.

10. Положение о Государственном Совете Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 1 сент. 2000 г. № 1602. // Официальный Интернет-портал правовой информации «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28447/. – Дата доступа: 21.10.2024.

11. О Государственном Совете Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 дек. 2020 г. № 394-ФЗ. // Официальный Интернет-портал правовой информации «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/d9dcf1c1a2ad27aa5c46b0f4e5234e4cd661f08b/. – Дата доступа: 21.10.2024.

12. Штепа, М. К. Государственный Совет России как орган публичной власти: конституционно-правовой аспект / М. К. Штепа // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 2. – С. 115-121.

On the issue of the status of the state council in the system of public authority

Baskakov A.S.
RANEPA

The article describes the essential features of the institution of public authority in the Russian Federation. It is noted that the State Council plays a fundamental role in the implementation of the public authority system, ensuring the interaction and coordination of the unified system of public authority. It is noted that the provisions enshrined in the law on the State Council allow it to be considered as a constitutional state body that ensures strategic planning for the development of the Russian Federation. The article examines the provisions on the State Council, analyzes the possibilities of the body's formation in the development and implementation of strategic planning.

Keywords: public authority, state council, strategic planning, constitution, legal status

References

1. Abaeva, E. A. Legal policy of the Russian state to ensure unity, consistency, consistency and interaction of public authorities / E. A. Abaeva // State and legal studies. - 2022. - No. 5. - P. 181-185.
2. Meeting of the Security Council on improving the strategic planning system in the Russian Federation. September 27, 2021. // Official website of the President of Russia [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/security-council/66777>. - Access date: 10/21/2024.
3. Ivanov, O. B. New stage in the development of state policy in the field of strategic planning / O. B. Ivanov, E. M. Bukhvald // STAGE. - 2021. - No. 6. - P. 7-23.

4. Ishchenko, A. A. On the legal nature of strategic planning of socio-economic development in foreign countries / A. A. Ishchenko // Administrative and municipal law. - 2021. - No. 3. - P. 1-20.
5. Kobzar-Frolova, M. N. The Government of the Russian Federation in the system of public authorities: political and legal ties of the government / M. N. Kobzar-Frolova // Legal policy and legal life. - 2021. - No. 2. - P. 116-126.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information "ConsultantPlus" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Access date: 21.10.2024.
7. Magomedova, P. R. The State Council in light of the constitutional reforms of 2020 / P. R. Magomedova // Legal Bulletin of the Dagestan State University. - 2021. - No. 3. - P. 52-55.
8. Osipov, A. P. On the legal status of the State Council of the Russian Federation / A. P. Osipov // Law and Right. - 2021. - No. 3. - P. 31-32.
9. Plotnikov, S. I. The State Council of the Russian Federation: issues of legal status and development prospects in light of constitutional reform / S. I. Plotnikov // Issues of Russian justice. – 2020. – No. 8. – P. 77-89.
10. Regulation on the State Council of the Russian Federation: approved. by the Decree of the President of the Rus. Federation dated September 1, 2000 No. 1602. // Official Internet portal of legal information "ConsultantPlus" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28447/. – Access date: October 21, 2024.
11. On the State Council of the Russian Federation: federal law of the Rus. Federation dated December 8, 2020 No. 394-FZ. // Official Internet portal of legal information "ConsultantPlus" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/d9dcf1c1a2ad27aa5c46b0f4e5234e4cd661f08b/. – Access date: 21.10.2024.
12. Shtepa, M. K. The State Council of Russia as a public authority: constitutional and legal aspect / M. K. Shtepa // Education. Science. Scientific personnel. - 2022. - No. 2. - P. 115-121.

Влияние общественно-политической мысли XIX в. на становление института политических прав и свобод подданного в Российской империи

Ермаков Евгений Геннадиевич

кандидат юридической наук, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, ermakoff69@bk.ru

В статье на основе историко-правового анализа и теоретико-правовой оценки развития общественно-политической мысли XIX в. доказано влияние взглядов российских общественных и государственных деятелей на формирование института политических прав и свобод подданного в Российской империи. Констатируется, что именно в исследованиях XIX в. идея прав и свобод человека и гражданина получила глубокое осмысление, уточняются понятия «права человека», «свободы человека», «права гражданина», «правовой статус личности», формируются подходы к пониманию правового статуса человека и гражданина. При разработке данной концепции российские ученые использовали как результаты анализа теории и практики зарубежного государственно-правового строительства, так и национальный опыт, что позволило учесть специфику национального менталитета и правосознания. Идеи о правах человека были привнесены Россию в XVIII в. из-за рубежа, в основном, из Франции, охваченной революционными событиями. Однако из этого нельзя сделать вывод об их чуждости российскому мировоззрению, философским концептам и правовым идеям. В России сформировались и получили развитие собственные, основные на православной этике и морали, представления о свободах, правах человека и подданного.

Ключевые слова: российская общественно-политическая мысль, права и свободы человека и гражданина, национальное правосознание, правовой статус личности, гражданская свобода, политическая свобода

В современном мире права человека и гражданина являются не только юридическим, но и социальным институтом, который отражает степень цивилизованности и зрелости общества. Соблюдение и обеспечение прав человека и гражданина является основой для устойчивого развития современного государства, а формирование концепции прав и свобод человека и гражданина выступает в качестве краеугольного камня всей науки о государстве и праве. Очень долгое время личные права и свободы в России традиционно считались вторичными, а интересы государства и общества — первичными факторами общественного развития. В изучении данной проблематики существенно важен исторический опыт, полученный в ходе проведения в начале XX в. в Российской империи конституционной реформы, благодаря которой институт прав и свобод личности получил фундаментальную теоретическую разработку и практическую реализацию. Конституционная реформа начала XX в. имела в своем основании весь предыдущий опыт общественного развития Российского государства, в том числе и эволюцию на протяжении XIX в. общественно-политической мысли.

Первоначально на взгляды российских общественных и государственных деятелей, ученых-правоведов значительное воздействие оказала западная философская и государственно-правовая мысль, а также непосредственная реформаторская практика стран Европы и Северной Америки конца XVIII – начала XIX в. Однако не стоит забывать, что в России была сильна национальная, отличная от западных учений, система взглядов на взаимоотношения между обществом и государством, на объективные и субъективные права человека. Тем более, что последствия французской революции вызвали определенный пессимизм и осторожность в русском обществе к европейским идеалам и ценностям. В связи с этим в 20-30-х гг. XIX в. в отечественной общественно-политической мысли осмысливается и разрабатывается идея национального самосознания и самоопределения, акцентируется внимание на преемственности исторического развития и практическом жизненном опыте русского народа.

Один из выдающихся государственных деятелей эпохи Александра I и Николая I М.М. Сперанский, размышляя о проблеме правового статуса личности, считал, что «подлинный социальный порядок в государстве существует, когда население получает свободу и моральные права» [7]. М. М. Сперанский полагал, что благодаря проводимым реформам возможно создание социальной атмосферы свобод и

общественного творчества, когда каждый подданный Российской империи обретет «некоторое бытие, участие свободы, которое одно дает жизнь и движение разуму и воле» Руководствуясь идеями западноевропейской философии, М. М. Сперанский интересуется и анализирует в своих произведениях основные понятия, через которые можно раскрыть правовой статус человека: рабство политическое и гражданское, свобода политическая и гражданская. В своем труде «Еще нечто о свободе и рабстве», с учетом воззрений Ш. Монтескье, он раскрывает категории «свободы политической» и «свободы гражданской». Основным вывод, сделанный им из анализа этих основополагающих понятий, состоит в том, что они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

М.М. Сперанский считал, что гражданская свобода обеспечивается государством, политическая свобода является фундаментом для свободы гражданской. Свобода политическая состоит в том, что «классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляется законом, общею волею принятым или охраняемым», а гражданская свобода – «основанная на законе независимость друг от друга всех сословий и групп в обществе» [7, с.269-271].

Однако «свобода политическая», по мнению М.М. Сперанского, должна быть доступна только собственникам, в силу чего они способны заботиться о «добrote закона» [2, с.75]. Он предложил разделение населения на сословия («состояния»): «дворянство, люди среднего достатка (купцы, мещане) и народ рабочий (крепостные крестьяне и т.д.)». Правовой статус каждой социальной группы закреплялся в законодательстве с определением возможности и правил перехода из одного сословия в другое. Дворянское сословие будет наделено всеми политическими правами, второе будет получать права в зависимости от имущественного ценза, крестьянство же и городские низы будут лишены политических прав.

Прогрессивных взглядов на наделение населения политическими правами придерживались члены различных тайных обществ второй половины 1810-х — первой половины 1820-х годов. Руководитель Южного общества П.И. Пестель считал, что необходимо провести реформу российского общества, объединив все население (дворян, духовенство, свободное крестьянство) в одно гражданское сословие: «общее сословие российских граждан, имеющих право пользоваться совокупно теми правами и преимуществами, коими доньше каждое сословие пользовалось отдельно» [2, с.70]. П.И. Пестель выделял три категории прав гражданина: политические, гражданские и личные. Декабристы считали необходимым наделить общедемократическими политическими правами российское население. В перечень прав вошли свобода слова, печати, собраний, вероисповеданий и т.д. Предполагалось введение всеобщего мужского избирательного права. Однако к идее создания политических партий тот же П.И. Пестель относился отрицательно, боясь, что политический плюрализм разрушит «единство

народа», так как предполагалось, что все проживающие в России племена и народы сольются в единый русский народ.

Таким образом, российская общественная мысль начала XIX в. демонстрирует, в первую очередь, что идея предоставления политических прав и свобод населению является крайне актуальной, но с определенными ограничениями, связанными, как правило, с имущественной состоятельностью субъектов. Подобный подход к наделению политическими правами объяснялся, во-первых, тем, что уровень само- и правосознания основной массы населения России был крайне низкий, во-вторых, опыт западных государств также свидетельствовал о выборочном наделении политическими правами и свободами, ставя их в зависимость от имущественного состояния лица [11].

Вектор общественно-политической мысли поменялся в середине XIX в. Во многом это произошло благодаря политике реформ Александра II и контрреформ Александра III. Один из крупных ученых-государствоведов этого периода Б. Н. Чичерин считал, что политическая свобода может иметь несколько степеней, то есть быть различной в зависимости от потребностей государства и общества: «для разных отраслей государственной деятельности нужна неодинаковая способность в гражданах, призываемых к участию в делах. Степень способности, достаточная для низших сфер, может быть совершенно недостаточна для высших. Вследствие этого политическое право граждан может ограничиваться участием в суде, в местном управлении, или же простирается до участия в верховной государственной власти» [2, с.75]. В работе «О народном представительстве» он выводит взаимосвязь между личными правами и политическими: «личное право должно искать себе гарантии в праве политическом, посредством которого каждый, участвуя в общих решениях, приобретает такое же влияние на других, как и те на него. При взаимности прав и обязанностей, политическая свобода является последствием личной, как высшее обеспечение последней», то есть по мнению Б.Н. Чичерина «главный смысл политических прав - защита прав гражданских» и наличие политических прав у населения венчает все «юридическое здание» государства [1, с.42].

Профессор М. И. Свешников различал несколько видов свободы. Он выделял общественную свободу и политическую свободу. В понимание общественной свободы он вкладывал смысл «свободно соединяться с другими людьми для достижения различных общественных целей» [1, с.43]. Политическая свобода в его трактовке представляла «совокупность юридических норм, определяющих степень участия народа во власти..., ею устанавливается степень самоопределения населения в области чисто политических интересов» [6]. В работе «Типические черты местного самоуправления Англии, Франции и Пруссии» он писал: «...власть государственная может проявляться в различных функциях, и главнейшие из них суть: законодательство, суд и управление. Поэтому население государства для удовлетворения своих политических интересов

стремится к участию во всех указанных выше функциях власти: в законодательстве (парламенты), суде (присяжные, шеффены) и управлении (самоуправление)» [5, с.57]. Признание за подданными права участия во всех этих функциях власти и составляет содержание понятия политической свободы.

Таким образом, в течении XIX в. в трудах ученых, общественных и государственных деятелей уточняются понятия «права человека», «свободы человека», «права гражданина», «правовой статус личности». Анализ взглядов российских ученых показывает, что передовая и образованная часть российского общества была готова к восприятию концепции и опыта функционирования института политических прав и свобод, существовавших в западных странах, но с сочетанием западных теорий политической свободы с традиционным менталитетом большинства населения России, которое фактически всегда ограниченно участвовало в управлении делами государства.

Литература

1. Агафонова К. А. Категория политической свободы в конституционном праве: на примере свободы создания и деятельности политических партий. Дисс. ... к.ю.н. М., 2009.
2. Васильков А.В. Формирование института политических прав и свобод граждан России: 1905- февраль 1917. Дисс. ... к.ю.н. М., 2007.
3. Киселев Р.В. Права человека в либеральной правовой мысли и законотворчестве Российской империи в конце XIX - начале XX веков. Дисс. ... к.ю.н. Тамбов, 2009.
4. Кудинов О. А. Конституционные теории в России во второй половине XIX в. Юридическое образование и наука. 2005. № 3.
5. Свешников М.И. Типические черты местного самоуправления Англии, Франции и Пруссии: Вступит. лекция к спец. курсу по гос. праву: Сравнительное обозрение систем местных учреждений в главнейших государствах Западной Европы / [Соч.] М.И. Свешникова, прив.-доц. С.-Петерб. ун-та Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1891.
6. Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права / М.И. Свешников. СПб.: К.И. Риккер, 1896.
7. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. И.Д. Осипов. СПб.: Наука, 2002.
8. Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
9. Чичерин Б. Н. Москва 40-х годов. Б.г.
10. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина. 1899.
11. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

The influence of socio-political thought of the XIX c. on the formation of the institution of political rights and freedoms of the subject in the Russian Empire

Ermakov E.G.

Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia named after V. Y. Kikot

The article proves the influence of the views of Russian public and state figures on the formation of the institution of political rights and freedoms of a subject in the Russian Empire on the basis of historical and legal analysis and theoretical and legal assessment of the development of socio-political thought of the XIX century. It is stated that it was in the studies of the XIX century that the idea of human and civil rights and freedoms received a deep understanding, the concepts of "human rights", "human freedoms", "citizen's rights", "legal status of a person" are clarified, approaches to understanding the legal status of a person and a citizen are formed. When developing this concept, Russian scientists used both the results of the analysis of the theory and practice of foreign state-legal construction and national experience, which allowed taking into account the specifics of the national mentality and legal awareness. Ideas about human rights were introduced to Russia in the XVIII century from abroad, mainly from France, which was engulfed by revolutionary events. However, it is impossible to conclude from this that they are alien to the Russian worldview, philosophical concepts and legal ideas. Russia has formed and developed its own ideas, based on Orthodox ethics and morality, about freedoms, human rights and subjects.

Keywords: russian socio-political thought, human and civil rights and freedoms, national legal awareness, legal status of the individual, civil freedom, political freedom

References

1. Agafonova K. A. The category of political freedom in constitutional law: on the example of freedom of creation and activity of political parties. Dissertation ... Candidate of Law, 2009.
2. Vasilkov A.V. Formation of the Institute of Political Rights and Freedoms of Russian citizens: 1905- February 1917. Dissertation ... Ph.D. in Law, 2007.
3. Kiselev R.V. Human rights in liberal legal thought and lawmaking of the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries. Dissertation ... Candidate of Law Tambov, 2009.
4. Kudinov O. A. Constitutional theories in Russia in the second half of the XIX century. Legal education and science. 2005. № 3.
5. Sveshnikov M.I. Typical features of local self-government in England, France and Prussia: Introductory lecture to a special course on state law: Comparative review of the systems of local institutions in the main states of Western Europe / [Op.] M.I. Sveshnikova, priv.-assoc. S.-Petersburg University St. Petersburg: V. Demakov type, 1891.
6. Sveshnikov M.I. An essay on the general theory of state law / M.I. Sveshnikov. SPb.: K.I.I. Rikker, 1896.
7. Speransky M. M. A guide to the knowledge of laws / Ed. by I.D. Osipov. St. Petersburg: Nauka, 2002.
8. Tumanova A.S., Kiselyov R.V. Human rights in legal thought and lawmaking of the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century. National research. Higher School of Economics Uni. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011.
9. Chicherin B. N. Moscow of the 40s. B. G.
10. Chicherin B.N. On the People's Representation. M.: Type. Comrade I.D. Sytina. 1899.
11. Yatskova A. P. Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906 – the first Russian Constitution. Diss. ... cand. Jurid. M., 2001.

Вина в смысле, придаваемом ей судами

Севостьянова Ангелина Алексеевна

аспирант Университета имени О.Е. Кутафина,
SevostyanovaW@mail.ru

Традиционно категория вины в гражданском праве восходит к фундаментальным положениям об ответственности, в особенности – деликтной. Между тем в цивилистической литературе не утихают споры о содержании вины, включая смещение акцента на ее субъективный или объективный характер; о роли и влиянии уголовно-правового учения. В настоящей статье автор предпринимает попытку объединить все теории вины и доказать, что нет единственно правильного ответа. Автор отмечает, что умысел имеет место при нарушении очевидного запрета, когда как неосторожность сводится к нарушению ожиданий третьих лиц определенного поведения, выбранного правонарушителем свободно, что подразумевает возможность ошибки (причинение вреда). Такое описание вины объективно-субъективно, так как словесное описание конкретного действия заложено в норме права, а вот анализ ситуации, воспринимаемой правонарушителем, существующей в его сознании, происходит через включенность актора в контекст правонарушения.

Ключевые слова: вина, умысел, неосторожность, ответственность, деликт.

Цель: выявление востребованности доктринальных изысканий о вине в гражданском праве практикой правоприменения и определение прикладного содержания вины как условия гражданско-правовой ответственности.

Методология: наиболее распространено раскрытие поставленного вопроса посредством исторического или формально-юридического анализа. При этом их применение, как правило, игнорирует эмпирические данные [1, С. 117], что сводит поднятую проблематику к сугубо теоретической дискуссии. Тогда как любые юридические понятия, включая вину в гражданском праве, являются интерпретативными, то есть они зависят от интерпретатора или интерпретирующего сообщества [2, С. 45]. Сколь угодно юридически значимую интерпретацию юридическому понятию дает именно суд, чем объясняется особое внимание автора к судебной практике и современной методологии постклассической теории права.

1. Постановка проблемы

По общему правилу вина является одним из условий привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за совершенное правонарушение. Этим обусловлено пристальное внимание ученых к изучению вины на протяжении всех этапов развития научно-правовой мысли. Основным вопросом, который ставится авторами в качестве предмета оживлённой дискуссии, выступает концепция вины. Так, на страницах научных трудов представлена следующая вариативность наименований противопоставимых концепций: «объективная и субъективная» [3, с. 201], [4, с.132], [5, с. 201], «поведенческая и психическая» [6, с.26], [7, с. 30], «гражданско-правовая и уголовно-правовая» [8, с. 22], «причинения и вины» [9, с. 83] и др. Квинтэссенцией таких споров можно признать позиции современных авторов, примиряющих, казалось бы, разные концепции в единое решение. Например, В.В. Иваненко пишет: «...гражданско-правовая вина в форме как умысла, так и неосторожности должна включать в свое содержание как поведение лица (поведенческую составляющую), так и его психическое отношение (психическую составляющую)» [10, с. 70]. На это же указывают В.Н. Пристенский и А.Н. Харламов: «Амбивалентность в понимании вины предполагает, что «вина» представляет собой неразрывную совокупность субъективной и объективной сторон...» [11, с. 256]. Иначе данная концепция в российском праве именуется теорией двух начал, которая твердо признает: ответственность основывается на вине и причинении. Далее авторы преломляют данную концепцию к своим исследованиям, придавая ей значение с различными отступлениями. Например, известен

подход о том, что «начало» вины проявляется в умысле, а «причинение» – особенно характерно для неосторожности, хотя не все ученые проводят такое различие. Описание концепции двух начал встречается на страницах трудов Дж. Мерфи, который считает, что существует некая путаница в отношении общепринятых норм поведения для теста среднего человека. По его мнению, совершенно очевидно, что в случаях неосторожности следует применять объективный и разумный тест применительно к личности правонарушителя [12, с. 54].

В российском гражданском праве абсолютной объективации вины придерживались А.Г. Гойхбарг, который аргументировал абсолютность вины [13, с. 126]; А.Е. Семенова, настаивала на объективной вине, определяемой по моменту причинения, относя субъективные обстоятельства к освобождению от ответственности или смягчению [14, с. 16]; с этим соглашались С.И. Раевич и Ф. Вольфсон [15, с. 162]. Более взвешенного подхода придерживалась Е.А. Флейшиц, полагая позицию об объективности вины недостаточно обоснованной, поскольку требуется учитывать все условия причинения вреда, включая субъективное отношение причинителя к своим действиям [16, с. 70]. Примечательно, что нет единства мнений и по поводу того, что такое субъективность в контексте рассуждений о вине: с одной стороны, под ней понимают отношение причинителя вреда к своим действиям, с другой – анализ поведения конкретного причинителя вреда именно с учетом его субъектных качеств.

Между тем указанная дискуссия остается за рамками потребностей правоприменения, поскольку уклоняется от ответа о том, как устанавливать вину. В этой связи приведенные подходы нуждаются в дополнении или пересмотре в силу того, что основываются на универалистском подходе (обоснование только единственно верной концепции) без преломления на судебную практику. Другие же – требуют пересмотра по причине сменившегося правопонимания (например, концепция субъективной вины), о чем писал еще Г. Радбрух: «Каждая новая эпоха лишает факты, относящиеся к ценности прошлой эпохи, их существенности, и наоборот, выдвигает на первый план факты до сих пор малозначимые с точки зрения их отношения к ценности» [17, с. 139].

Каждая из концепций в процессе языковых игр утратила четкие границы своего понимания. Ни субъективная (во всех значениях: желание, намерение, отношение лица к своему поведению или учет обстоятельств субъекта деликта), ни объективная вина не может быть признана верной по следующим причинам:

во-первых, правовое понимание происходящей реальности может быть разделено на внешнюю (объективная реальность восприятия), внутреннюю (субъективные намерения лица) и нормативную (социокультурная приемлемость действий) составляющие. Это различие подчеркивает, что каждая из них не может быть оценена так же, как объективная или субъективная, что доказал Ю. Хабермас [18, с. 84]. Указанные составляющие имеют место в правой науке, не исключая и не подменяя друг друга;

во-вторых, нормативные утверждения не поддаются проверке через традиционные эпистемологические методы (истина или ложь), поскольку они зависят от культурных и социальных контекстов, в которых они функционируют. Следовательно, если объективная вина не может быть однозначно верифицирована или фальсифицирована, то *a fortiori* субъективная вина не может быть достаточно осмыслена для ее единственного применения;

в-третьих, нормативные утверждения содержат перформативную установку, выражающую намерения субъекта и, что самое важное – это ожидание их приемлемости другими субъектами. Это указывает на то, что вина в деликтах зависит не только от индивидуальных обстоятельств причинителя вреда, но и от того, как поведение воспринимается третьими лицами, соответствует ли оно ожиданиям оборота [19, с. 110] (признание стандарта среднего человека в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015);

в-четвертых, низкая эффективность процессуальных механизмов установления субъективной вины в цивилистическом процессе;

в-пятых, учет индивидуальных признаков необходим для установления размера ответственности, но не для определения наличия или отсутствия деликта (определения наличия состава деликта, вины как условия для привлечения к ответственности).

2. Вина как нарушение стандарта поведения

Для судов аксиоматично, что вина – это неотъемлемый элемент состава правонарушения, в связи с чем нельзя игнорировать потребность в её постоянном теоретическом обновлении, а также в описании процесса установления вины в судебных текстах. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ: «Общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. предусмотрено непосредственно в законе» [20].

Однако еще Э.Э. Пирвиц выражал обеспокоенность тем, что вина в гражданском праве перестала быть схожей с виной в том понимании, которое ей придается правом уголовным. Более того, вина, по его мнению, вовсе перестала считаться условием наступления ответственности (хотя это трудно согласовать с его пониманием вины как проявления неправомерной воли) [21, с. 46].

Доводы против исключительно объективной вины в гражданском праве были приведены и И.А. Покровским: лицо не может нести ответственность за всякий случайный вред, за поведение, которое не может быть поставлено ему в упрек и при отсутствии этического оправдания в собственной вине [22, с. 284]. Важно подчеркнуть, что в интерпретации И.А. Покровского понимание объективной вины сводится к строгой (безвиновной) ответственности, что, надо признать, обоснованно. Так, профессор критикует пример, в котором лицо, падая в обморок, причиняет ущерб и по принципу причинения должно возместить вред. Здесь ученый не усматривал вину

как условие ответственности, с чем нет оснований спорить. Исключение ответственности причинителя вреда в данном случае, на наш взгляд, может дополнительно обосновать и то, что обморок (который наступил неожиданно и случайно для лица) квалифицируется в качестве обстоятельства непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Данная правовая позиция довольно распространена в современной правоприменительной практике. Так, П. припарковал свой автомобиль на стоянке отеля (принадлежавшего обществу), где он не был постояльцем. Затем на автомобиль упала ветка дерева, причинив повреждения автомобилю. П. заявил требования о взыскании причиненных убытков с общества. Позиция судов по данному делу была однозначной: в иске отказано со ссылкой на неблагоприятные погодные условия (сильные дожди, шквалистый ветер 20-22 м/с) и отсутствие аварийного состояния дерева. Хотя Верховный Суд РФ посчитал недоказанным наличие непреодолимой силы, при новом рассмотрении общество всё же было освобождено от ответственности [23].

Рассмотрим другой более спорный пример. Гражданин С. в своем гараже с И. решили согреться в принадлежащем С. автомобиле. И. села на заднее сиденье автомобиля, С. занял место водителя, завел двигатель, включил печку и они оба уснули. В результате И. отравилась выхлопными газами и скончалась, а С. в бессознательном состоянии был доставлен в больницу. Объективная концепция вины безапелляционно требует признать наличие вины у С., так как его действиями была запущена причинная связь, приведшая к смерти И. Однако субъективная концепция вины позволяет исключить вину С., поскольку он предполагал, что в машине они проведут непродолжительное время, чтобы согреться. С. находился в равном положении с И., поэтому, С. предвидел наступление смерти не только И., но и своей, что маловероятно и подтверждает отсутствие осознания С. своих действий и возможности наступления последствий. Такие рассуждения могут быть подвергнуты критике со стороны другой концепции вины, когда учет среднего человека позволяет сделать вывод о том, что С. мог и должен был предвидеть последствия (простая неосторожность), так как он являлся профессиональным водителем, но не предпринял должных мер осмотрительности, имея обязанность заботы перед И. с момента, когда он пригласил ее погреться в автомобиль (отношения контроля над третьей стороной). С. несет ответственность по неосторожности за вред И., так как действия по согреванию И. не разрывают причинно-следственную связь и не дают оснований для защиты в виде добровольного принятия на себя риска, опасная ситуация была создана именно С., в том числе нарушением правил дорожного движения, согласно которым отдых в машине запрещен (к тому же если в ближайшем месте нет места для отдыха, то правила разрешают водителю увеличить время нахождения в пути). Указанный запрет можно вывести из совокупности п.п. 12.8 и 26.4. Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 №

1090. Какое решение правильное, вопрос дискуссионный.

В этой связи обоснованно указывал М.М. Агарков, что каждый случай подлежит изучению на предмет выявления меры предусмотрительности от конкретного лица при данных обстоятельствах [24, с. 55]. Б.С. Антимонов уточнял данное определение понятиями: «знание дела» и «предшествующая вина» [25, с. 101]. К.М. Варшавский замечал, что вина оценивается не на основании умственных или физических способностей лица, а в зависимости от того, мог ли вред в данных условиях быть предотвращен нормально действующим, «абстрактным» субъектом (средний уровень культурности, сознательности и опытности), тем самым, добавляя аспект объективизации вины [26, с. 86].

На отклонении поведения от стандарта благоразумного человека или неспособности вести себя как добрый глава семьи (*bonus paterfamilias*) базируется концепция вины, отраженная во французском праве; иными словами, для привлечения к ответственности не требуется, чтобы причинитель вреда обязательно осознавал деликтную природу своих действий или бездействия. Аналогичный критерий используется в английском праве, известный как «*reasonable man test*», который предполагает оценку вины на основе поведения обычного добропорядочного и правопослушного члена общества в ситуации, создающей риск причинения вреда [27]. В американском праве вина также определяется через тест разумного человека, что означает не проявление разумной осторожности — делать то, что разумный человек не стал бы делать, или не делать того, что разумный человек сделал бы в данных обстоятельствах (применительно к деликту неосторожности) [28].

Основной вопрос, который всегда обсуждается учеными в связи с применением обозначенного теста — это описание (определение) параметров разумного человека. Анализ зарубежной юридической литературы показывает, что средний человек — это следующая вариация интерпретаций:

- «вымышленное лицо, которое никогда не проявляет небрежности, и чье поведение всегда соответствует стандартам» [29];
- «один из тех, кто свободен как от чрезмерной тревожности, так и от чрезмерной самоуверенности» [30];
- «безошибочный в той степени, в какой обычные люди не бывают» [31];
- «мифический человек, не отличающийся сверхосторожностью, но никогда не действующий неразумно при принятии рисков и не подвергающий других риску, и который в остальном следует общепринятым нормам поведения» [32].

3. Правовые основания и практика установления вины

Категория вины регулируется ключевыми положениями статей 401 и 1064 ГК РФ. Формально-юридически абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ дает больше оснований для размышления о вине, хотя и устанавливает лишь обратное ей понятие. Эта норма опреде-

ляет невиновность как принятие участником оборота всех мер для надлежащего исполнения обязательства с заботливостью и осмотрительностью, которые требуются от него по характеру обязательства и условиям оборота [33].

При этом абз. 1 п. 1 ст. 401 ГК РФ закрепляет две формы вины: умысел и неосторожность. В то же время п. 2 ст. 1064 ГК РФ содержит лишь общую норму о том, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Современные правовые позиции Верховного Суда РФ демонстрируют потребность в предъявлении дополнительных требований, в том числе: разумность [34], внимательность [35], предусмотрительность [36]. Интересно, что подобные параметры закреплены применительно к уголовно-правовой небрежности в ч. 3 ст. 26 УК РФ, которая устанавливает должностное соблюдение необходимой внимательности и предусмотрительности для избежания наступивших последствий.

Практика показывает, что и в договорной, и в деликтной ответственности суды апеллируют к ст. 401 ГК РФ, тогда как ст. 1064 ГК РФ применяется только при возложении ответственности за причинение внедоговорного вреда для указания на презумпцию вины причинителя [37], [38].

Дальнейшее обсуждение вины ограничивается строгими рамками упомянутых статей: суды не описывают процесс её установления, ограничиваясь только ссылкой на опровержимую презумпцию. В отдельных актах можно встретить обратное суждение о том, что истцом не доказана вина [39], [40], [41], [42], [43], [44], [45], [46], но на это очень остро реагирует Верховный Суд РФ, каждый раз указывая нижестоящим судам на столь очевидную ошибку.

Данные нормы являются для судов законодательным обоснованием наличия двух форм вины: умысла и неосторожности [47]. На этом характеристика вины в преобладающей части судебных решений завершается.

Подобный подход вышестоящих инстанций судебной системы, как нам представляется, имеет ряд негативных последствий: исключает возможность изучить реальное действие права, ограничивает ученых в эмпирических данных, заставляя их конструировать категорию вину вне практики, не позволяет сделать выводы о значении вины (для установления состава деликта, для определения вида деликта (умышленного или совершенного по неосторожности), для определения размера ответственности), что требует обращения к практике иных судов, или же наводит на мысль об отсутствии признания вины в качестве условия привлечения к деликтной ответственности на современном этапе развития права.

Итак, преобладающая тенденция в судебной практике заключается в крайне скудном описании процесса установления вины. Общее эмпирическое накопление сводится к простой фиксации нарушенного правила и мгновенному выводу о виновности лица судами, между строк цитирующими положения статей 401 и (или) 1064 ГК РФ. На фоне общего нигилизма в отношении вины в правоприменительной

практике можно найти исключительные решения, в которых суды подробно устанавливают вину, опираясь на существующие в науке концепции.

Заключение

1. В действительности нельзя четко определить имманентные признаки вины. Это понятие релятивное (относительные), конвенциональное (как «договорятся» законодатели), оно суть — социальный конструкт, лишь отчасти отражающий некоторые социальные реалии: лицо специально уничтожает чужое имущество, делает операцию и привлекает врача другой квалификации из-за нехватки медицинского персонала, проезжает на красный сигнал светофора, чтобы успеть на пару, при этом эти же действия могут быть совершены без вины, когда потерпевший сам попросил уничтожить имущество, когда привлечение врача другой специальности было вызвано чрезвычайными и непреодолимыми обстоятельствами, когда красный сигнал светофора горит всегда из-за его неполадки. В естественном состоянии нельзя представить вину; вина есть не что иное, как ряд признаков (субъективных и объективных), помогающих нам описать несоответствующее поведение, приводящее к нарушению субъективного права.

2. Исследование вины в правовом контексте требует комплексного подхода, который объединяет историческое развитие, догматический и формально-юридический анализ, обобщение эмпирических данных. Так нами осмыслена текущая научная дискуссия о вине. Последнюю мы характеризуем комбинацией субъективных и объективных признаков, в своей совокупности позволяющих учесть значимые социокультурные, релятивистские и контекстуальные аспекты в трактовке содержания правовой категории «вина». Применение этого подхода позволяет с одной стороны, продемонстрировать многогранность общественных отношений, с другой стороны, исключить формальную ограниченность, неспособную полно и точно объяснить действительность понимания и применения права в его социокультурном контексте.

2. Установление вины в судебной практике, как правило, ограничивается упоминанием содержания ст. 401 и ст. 1064 ГК РФ. Из правоприменения видно, что ст. 401 ГК РФ служит основным нормативным инструментом для описания субъективного элемента деликта. Не ограничиваясь этими законоположениями, суды обогащают трактовку вины посредством привнесения уточняющих требований к поведению лиц, в том числе разумность, внимательность и предусмотрительность.

3. Общий анализ всего массива судебной практики позволяет сделать предварительный вывод о том, что вина не является основанием для деликтной ответственности, но влияет на размер ответственности причинителя вреда.

Литература

1. Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования : учебное пособие. СПб. : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2018. 124 с.

2. Dworkin R. Justice of Robes. P. 225-227; Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of political philosophy. P. 25; Dworkin R. Law's Empire. Cambridge. 1986. P. 45.
3. Красавчиков О. А. Советское гражданское право : учебник. В 2-х т. Высш. школа, 1969. Т. 2. 4. Байбак В.В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 132-143. 5. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве / отв. ред. К.П. Николаев. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. С. 201-236.
6. Неосторожность как форма вины в гражданском праве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03. Москва, 1994. 26 с.
7. Юридическая конструкция вины в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Голубцова Юлия Анатольевна. Казань, 2015. 30 с.
8. Цитович П. П. Обязательства: конспект лекций по русскому гражданскому праву, читанных в Университете Св. Владимира П.П. Цитовичем : (весенний семестр 1887 г.). 1887. 104 с.
9. Богданов, Е. В. Отдельные методологические проблемы эволюции вины в гражданском праве // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 4 (197). С. 75-85.
10. Иваненко В. В. Содержание категории вины в гражданском праве: в поисках оптимального решения // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 1. С. 7-70.
11. Харламов А. Н. Вина, ответственность, право в контексте взаимоотношений личности с социумом (социально-философский аспект) / А. Н. Харламов, В. Н. Пристенский // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 253-261.
12. Murphy. J The Law of Nuisance. Oxford University Press. pp. 240.
13. Гойхбарг А. Г. Очерки хозяйственного права. М. : Юр. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 307 с.
14. Семенова А. Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М.: Юриздат. 1928. 58 с.
15. Основы советского права : учебное пособие для вузов. / соч.. И. С. Войтинского, Ф. И. Вольфсона, А. Я. Вышинского и др.. ; под ред. Д. Маревского ; РАНИОН, Ин-т сов. права. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. 520 с.
16. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 239 с.
17. Радбрух Г. Философия права. М., 2004. 240 с.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 382 с.
19. Честнов И.Л. Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
20. По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот» : Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2021 № 39-П // СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988
21. Пирвиц Э.Э. Значение вины в гражданском праве // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1895. № 3. 65 с.
22. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. Москва: Статут, 2020. 351 с.
23. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.09.2023 № 18-КГ23-116-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Агарков М. М. Возникновение обязательств из причинения вреда // Гражданское право. 1944. Т. 1. С. 55-74.
25. Антимонов Б. С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 275 с.
26. Варшавский К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 228 с.
27. Егорова М. А. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Москва :Юстицинформ, 2017. 376 с.
28. Robbenolt J. and Hans, V. (2016) The Psychology of Tort Law. edition unavailable.. NYU Press. Available at: <https://www.perlego.com/book/719646> (Accessed: 9 May 2024).
29. Robbenolt, Jennifer K., and Valerie P. Hans, «Introduction», *The Psychology of Tort Law* (New York, NY, 2016; online edn, NYU Press Scholarship Online.
30. Henderson J. A., Kysar D. A., Pearson R. N. The torts process. Aspen Publishing, 2017. 1000 p.
31. Robinson, Paul H.; Darley, John M.; and Carlsmith, Kevin M., «The Ex Ante Function of the Criminal Law» (2001). All Faculty Scholarship. 43; Eads, George C. and Peter Reuter, Designing Safer Products: Corporate Responses to Product Liability Law and Regulation. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1983. <https://www.rand.org/pubs/reports/R3022.html>. Also available in print form.
32. The Emergence and Transformation of Disputes: Naming, Blaming, Claiming. Author(s): William L.F. Felstiner, Richard L. Abel and Austin Sarat Source: Law & Society Review, Vol. 15, №. 3/4, Special Issue on Dispute Processing and Civil Litigation (1980 - 1981), pp. 631-654.
33. S Pufendorf, De Jure Naturae et Gentium 3.1.6; D.9.2.31.
34. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 фев. 2021 г. по делу № 2-КГ20-9-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
35. Определение Судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда РФ от 21 окт. 2020 г. по делу № 305-ЭС20-15753. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
36. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07 дек. 2021 г. по делу № 18-КГ21-135-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

37. п. 11 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ от 30 июля 2021 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

38. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 10 февр. 2022 г. по делу № А68-7311/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08 авг. 2023 г. по делу № 4-КГ23-37-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 нояб. 2023 г. по делу № 8Г-25617/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

41. Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 12 фев. 2024 г. по делу № А60-50010/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

42. Постановление Восемнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 07 фев. 2024 г. по делу № А47-20048/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

43. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 10 февр. 2022 г. по делу № А40-184066/2021. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 27 фев. 2024 г. по делу № А79-11922/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 фев. 2024 г. по делу № А40-168552/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

46. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 фев. 2024 г. по делу № А56-82657/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

47. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07 дек. 2021 г. по делу № 18-КГ21-135-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Fault in the sense attributed to it by the courts

Sevastianova A.A.

O.E. Kutafin MSAL

Traditionally, the category of fault in civil law is rooted in the fundamental provisions on liability, particularly tort liability. However, debates in civil law literature persist regarding the content of fault, including the shift in emphasis toward its subjective or objective nature, as well as the role and influence of criminal law theory. In this article, the author attempts to unify all theories of fault and argues that there is no single correct answer. The author notes that intent occurs when an explicit prohibition is violated, whereas negligence is reduced to the breach of third-party expectations regarding certain behavior freely chosen by the wrongdoer, which implies the possibility of error (harm caused). This description of fault is both objective and subjective, as the verbal description of a specific action is embedded in the legal norm, while the analysis of the situation as perceived by the wrongdoer, existing in their consciousness, occurs through the actor's involvement in the context of the violation.

Keywords: fault, intent, negligence, liability, tort.

References

1. Chestnov I.L. Methodology and methods of scientific research: a tutorial. SPb.: SPbYul (f) UP RF, 2018. 124 p.
2. Dworkin R. Justice of Robes. P. 225-227; Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of political philosophy. P. 25; Dworkin R. Law's Empire. Cambridge. 1986. P. 45.
3. Krasavchikov O. A. Soviet civil law: a textbook. In 2 volumes. Higher. school, 1969. Vol. 2.
4. Baibak V.V. General conditions of liability for breach of obligations in Art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation: old rules in a new context // Law. 2016. No. 10. P. 132-143.
5. Matveev G.K. Guilt in Soviet Civil Law / ed. K.P. Nikolaev. Kyiv: Kiev University Press, 1955. pp. 201-236.
6. Negligence as a Form of Guilt in Civil Law: Abstract of Candidate of Law Dissertation: 12.00.03. Moscow, 1994. 26 p.
7. Legal Construction of Guilt in Russian Civil Law: Abstract of Candidate of Law Dissertation: 12.00.03 / Yulia Anatolyevna Golubtsova. Kazan, 2015. 30 p.
8. P. P. Tsitovich Obligations: Lecture Notes on Russian Civil Law Delivered at St. Vladimir University by P.P. Tsitovich: (Spring Semester 1887). 1887. 104 p.
9. Bogdanov, E. V. Certain methodological problems of the evolution of guilt in civil law // Lex Russica (Russian law). 2023. Vol. 76, No. 4 (197). P. 75-85.
10. Ivanenko V. V. The content of the category of guilt in civil law: in search of an optimal solution // Bulletin of civil law. 2023. Vol. 23, No. 1. P. 7-70.
11. Kharlamov A. N. Guilt, responsibility, law in the context of the relationship of the individual with society (socio-philosophical aspect) / A. N. Kharlamov, V. N. Pristensky // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1. P. 253-261.
12. Murphy. J The Law of Nuisance. Oxford University Press. pp. 240.
13. Goykhbarg A. G. Essays on Economic Law. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1927. 307 p.
14. Semenova A. E. Obligations Arising from Unjust Enrichment and Obligations Arising from Damage. Moscow: Yurizdat. 1928. 58 p.
15. Fundamentals of Soviet Law: A Textbook for Universities. / Comp. by I. S. Voitinsky, F. I. Wolfson, A. Ya. Vyshinsky, and others; edited by D. Magerovsky; RANION, Institute of Soviet Law. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 520 p.
16. Fleishits E.A. Obligations from causing harm and from unjust enrichment. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1951. 239 p.
17. Radbruch G. Philosophy of Law. Moscow, 2004. 240 p.
18. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg, 2000. 382 p.
19. Chestnov I.L. Postclassical Theory of Law: Monograph. St. Petersburg: Alef-Press, 2012. 650 p.
20. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 2 of Article 2.1, Part 2 of Article 2.2, Part 1 of Article 4.5 and Part 1 of Article 11.15.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of Vostokflot Limited Liability Company: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 21, 2021 No. 39-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 31. Article 5988
21. Pirvits E.E. The Meaning of Guilt in Civil Law // Journal of the Ministry of Justice. St. Petersburg, 1895. No. 3. 65 p.
22. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. 8th ed. Moscow: Statut, 2020. 351 p.
23. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 26, 2023 No. 18-KG23-116-K4. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
24. Agarkov M. M. Emergence of obligations from causing harm // Civil law. 1944. Vol. 1. Pp. 55-74.
25. Antimonov B. S. The importance of the guilt of the victim in a civil offense. Moscow: State publishing house of legal literature, 1950. 275 p.
26. Varshavsky K. M. Obligations arising as a result of causing harm to another. Moscow: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1929. 228 p.
27. Egorova M. A. Tort obligations and tort liability in English, German and French law: Study guide / Egorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. Moscow: Yustitsinform, 2017. 376 p.
28. Robbenolt J. and Hans, V. (2016) The Psychology of Tort Law. edition unavailable.. NYU Press. Available at: <https://www.perlego.com/book/719646> (Accessed: 9 May 2024).
29. Robbenolt, Jennifer K., and Valerie P. Hans, "Introduction," The Psychology of Tort Law (New York, NY, 2016; online edn, NYU Press Scholarship Online. 30. Henderson J. A., Kysar D. A., Pearson R. N. The torts process. Aspen Publishing, 2017. 1000 p. 31. Robinson, Paul H.; Darley, John M.; and Carlsmith, Kevin M., "The Ex Ante Function of the Criminal Law" (2001). Eads, George C. and Peter Reuter, Designing Safer Products: Corporate Responses to Product Liability Law and Regulation. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1983. <https://www.rand.org/reports/R3022.html>. Also available in print form. Emergence and Transformation of Disputes: Naming, Blaming, Claiming. Author(s): William L.F. Felstiner, Richard L. Abel and Austin Sarat Source: Law & Society Review, Vol. 15, no. 3/4, Special Issue on Dispute Processing and Civil Litigation (1980 - 1981), pp. 631-654.
33. S Pufendorf, De Jure Naturae et Gentium 3.1.6; D.9.2.31.
34. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 16, 2021 in case No. 2-KG20-9-K6. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
35. Determination of the Judicial Collegium for Economic Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 21, 2020 in case No. 305-ES20-15753. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
36. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 7, 2021 in case No. 18-KG21-135-K4. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".

37. Item 11 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 30, 2021, No. 2. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
38. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 10, 2022 in case No. A68-7311/2021. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
39. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 8, 2023 in case No. 4-KG23-37-K1. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
40. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 23, 2023, case No. 8G-25617/2023. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
41. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated February 12, 2024, case No. A60-50010/2023. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
42. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated February 7, 2024, case No. A47-20048/2019. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
43. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 10, 2022, case No. A40-184066/2021. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
44. Decision of the Arbitration Court of the Chuvash Republic dated February 27, 2024 in case No. A79-11922/2022. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
45. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow dated February 26, 2024 in case No. A40-168552/2023. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
46. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated February 19, 2024 in case No. A56-82657/2023. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
47. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 7, 2021 in case No. 18-KG21-135-K4. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".

Правовое регулирование цифровых валют в Российской Федерации

Арманд Ярослав Андреевич
аспирант, Университет «Синергия»

В данной статье рассматриваются нормы действующего законодательства, регулирующие правовые аспекты обращения цифровых валют в Российской Федерации, их отличительные свойства от цифровых финансовых активов, правовой режим которых предусмотрен Федеральным законом от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также иными нормативными актами.

В статье также представлено определение цифровой валюты, особенности налогообложения цифровых валют и сравнение данных активов с цифровым рублем, концепция которого активно продвигается Банком России. Приводятся особенности и возможности применения цифрового рубля, выделяются отличия от цифровых валют, а также пробелы законодательного регулирования в данной сфере.

Помимо цифровых валют, в статье также представлен анализ действующих норм закона, регулирующих майнинг цифровой валюты, установлено понятие майнинга, его основные характеристики и особенности ведения деятельности в этой сфере. Отмечены также последние новеллы действующего законодательства, устанавливающие особый (экспериментальный) правовой режим использования цифровых валют для проведения расчетов с учетом действующих в настоящее время ограничений.

Ключевые слова: цифровые валюты, криптовалюты, цифровые финансовые активы, операции с цифровыми валютами, организация выпуска цифровой валюты, выпуск цифровой валюты, организация обращения цифровой валюты, цифровой рубль, майнинг цифровой валюты.

Развитие новых технологий и нынешние реалии предъявляют повышенные требования к проведению платежей. Уже мало кого удивляет возможность за считанные секунды провести оплату за выбранный товар на той или иной площадке, в том числе иностранной.

Тем не менее, вопрос регулирования использования цифровых валют, их майнинг в настоящее время проходит начальную стадию. За последние несколько лет появились новеллы в законах и нормативных актах, которые призваны установить правовой режим для данного рода цифровых активов, которые уже достаточно давно стали частью повседневной жизни многих наших граждан.

При этом с точки зрения практической реализации данных отношений потребует дальнейшее совершенствование регулирования, а также развитие необходимой инфраструктуры.

В статье рассматривается правовой механизм регулирования цифровых валют, майнинга и иных связанных с использованием цифровых валют понятий.

Принятый 31.07.2020 года Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон N 259-ФЗ») ввел новые в российском правовом поле понятия, а именно – цифровые финансовые активы и цифровые валюты. Исходя из определения, которое закреплено в пункте 3 статьи 1 Закона N 259-ФЗ установлено, что цифровой валютой, в свою очередь, признается совокупность электронных данных, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации.

От цифровой валюты следует отличать цифровые финансовые активы (далее – «ЦФА»), которые не имеют отношения к цифровым валютам и являются цифровыми правами, включающими в себя:

- 1) денежные требования;
- 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- 3) право участия в капитале непубличного акционерного общества;
- 4) право требования передачи эмиссионных ценных прав, которые предусмотрены решением об их выпуске.

Следует учитывать, что ЦФА не могут использоваться для оплаты товаров и услуг, и являются по сути аналогами существующих финансовых инструментов, таких как акции, облигации, займы.

Выпуск и учет ЦФА осуществляется путем внесения записей в информационную систему, работающую на основе технологии блокчейн. Законом N

259-ФЗ установлена процедура выпуска ЦФА, требования к операторам обмена ЦФА и порядок совершения сделок с такими цифровыми правами.

ЦФА в настоящее время являются достаточно перспективным инструментом и широко используются в том числе за рубежом как альтернатива традиционным способам инвестирования. В настоящее время многие крупные компании и банки осуществили размещение ЦФА на Московской бирже [<https://xn--80a3bf.xn--p1ai/cfa-vypusk.html>]. Привлекательность ЦФА для потенциальных инвесторов объясняется тем, что надзор за данной деятельностью осуществляется Банком России. Помимо этого, здесь ниже риски, связанные с потерей денежных средств в силу мошенничества или банкротства.

Помимо этого, Законом N 259-ФЗ вводится новый субъект российского рынка цифровых финансовых активов – операторы обмена цифровых финансовых активов. Исходя из сути определения, указанного в части 2 статьи 10 Закона N 259-ФЗ, такие операторы могли бы быть близки по правовому статусу к криптобиржам, которые торгуют цифровыми правами. Однако существующие в настоящее время криптобиржи, которые торгуют криптовалютами (например, биткоином) не попадают под указанное определение, ведь понятие цифрового финансового актива не включает в себя цифровые валюты. По всей видимости, правовой статус криптобирж будет урегулирован отдельными федеральными законами как указано в пункте 4 статьи 14 Закона N 259-ФЗ установлено.

Законом N 259-ФЗ также установлены нормы, регулирующие особенности оборота цифровой валюты. Один из наиболее важных признаков цифровой валюты – это ее децентрализованный выпуск, основанный на математических алгоритмах, которые защищены методами криптографии. То есть, фактически отсутствует единый эмиссионный центр, который отвечает за выпуск и оборот данной валюты. Также характерным признаком цифровой валюты является отсутствие какого-либо регулирования и материального обеспечения курса, по которой данная валюта торгуется.

В соответствии с положениями рекомендательного Модельного закона о цифровых финансовых активах, принятым 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-11 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ установлено, что право на криптовалюту возникает с момента внесения в определенную информационную систему, работающую по технологии блокчейн, записи о ее зачислении на электронный кошелек обладателя. Пользователь – обладатель цифровой валюты имеет уникальный цифровой код, позволяющий осуществлять доступ к информации о наличии и объеме цифровой валюты такого пользователя.

По словам отдельных экспертов [<https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-matematicheskaya-model-zavisimosti-kursa-kriptovalyuty-ot-eksploratornyh-faktorov#>] стоимость криптовалюты определяется ожиданиями игроков

финансового рынка, за исключением отдельных разновидностей цифровых валют (например, USDT) при этом сама по себе она не привязана к конкретной валюте либо прочему материальному активу. Указанный признак, как показывает практика, не внушает доверия со стороны ряда стран, включая Россию.

Так, в частности в статье 14 Закона N 259-ФЗ раскрываются определения, связанные с организацией выпуска цифровой валюты, а также с обращением цифровой валюты в Российской Федерации. При этом в частях 5 и 7 указанного закона установлен прямой запрет на прием цифровой валюты для оплаты товаров, работ, услуг, а также на распространение сведений о предложении и приеме цифровой валюты как способе оплаты товаров, работ и услуг. Из данной нормы следует, что не допускается проводить оплату цифровой валютой. Более того, в части 7 статьи 14 запрещается даже распространение информации о предложении или приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления.

Как неоднократно отмечалось Банком России, использование цифровой валюты несет риски для благосостояния российских граждан и стабильности финансовой системы, а также риски вовлечения клиентов финансовых организаций в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. Также существуют экономические риски, поскольку цифровые валюты имеют высокую волатильность.

Также невозможно себе представить, что такой мегарегулятор как Банк России будет выступать за легализацию цифровой валюты, эмитентом которой он не является. В этой связи Банк России последовательно выступает против легализации возможности свободного обращения цифровых валют, в том числе деятельности криптобирж и криптообменников, в России.

Однако закон не запрещает гражданам и юридическим лицам приобретать криптовалюту и продавать ее используя, например, криптобиржи или криптообменники. При этом совершая такие операции возникают сложности с налогообложением, так как отсутствует правовая база по указанным вопросам. В настоящее время применяется подход, который признает цифровые валюты разновидностью «иного имущества», которое упоминаемого в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Аналогичный подход закреплен в статье 2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», где также закреплено, что продажа криптовалюты рассматривается как продажа имущества.

Исходя из указанных выше норм, очевидно, что цифровая валюта и иные связанные с этим понятия должны быть отделены от концепции цифрового рубля, которая активно продвигается Банком России. В отличие от цифровой валюты цифровой рубль будет являться средством платежа. Оборот цифрового рубля будет организован Банком России

посредством специальной платформы. К числу основных преимуществ, которые даст цифровой рубль гражданам и юридическим лицам можно выделить следующие:

- 1) Возможность доступа к кошельку через любую финансовую организацию без необходимости открытия счета в том или ином банке;
- 2) Минимальные затраты при проведении операций;
- 3) возможность совершения офлайн переводов (без доступа к сети Интернет)
- 4) Высокий уровень безопасности в ходе сделок и сохранность средств;
- 5) Низкая волатильность цифрового рубля по сравнению с цифровыми валютами, колебания курсов которых может превышать десятки процентов в день;

Можно предположить, что в целом внедрение такой новой инфраструктуры обеспечит более эффективный контроль за использованием средств для государства, а для бизнеса и граждан позволит упростить и повысить скорость совершения платежей, в том числе трансграничных.

Для доступа к системе цифрового рубля пользователь должен открыть свой кошелек, где будут храниться цифровые рубли. У пользователей кошельков будет возможность проводить все операции с ним на соответствующей платформе, которая также в настоящий момент находится в разработке. То есть речь идет об одной из форм денег (цифровой) наряду с наличными и безналичными деньгами, которые возможно будет использовать в качестве легального средства расчетов.

Однако, у использования цифровых рублей есть и ограничения. В частности, на цифровые рубли не получится начислить проценты, невозможно открыть вклад с цифровыми рублями, а также получить кредит.

Еще одним термином, который тесно сопряжен с цифровой валютой является майнинг. Для целей регулирования отношений, связанных с указанной деятельностью, с 1 ноября 2024 года юридические лица и индивидуальные предприниматели имеют право заниматься майнингом. Данное регулирование предусмотрено Федеральным законом от 08.08.2024 N 221-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее - «Закон N 221-ФЗ»).

Согласно экспертным данным, Российская Федерация занимает третье место в мире по объему мировых майнинговых мощностей. Под термином майнинг понимается деятельность по получению криптовалюты с помощью специального оборудования и программного обеспечения. Полное определение данного термина представлено в части 3.1. статьи 1 Закона N 259-ФЗ. При этом по смыслу эта деятельность имеет предпринимательский характер — направлена на получение прибыли.

Законом N 259-ФЗ также предусмотрено определение майнингового пула, под которым признается объединение мощностей оборудования для майнинга, принадлежащего разным владельцам и ис-

пользуемого для целей майнинга, в результате которого осуществляется распределение выпущенной цифровой валюты между участниками данного майнингового пула. Регулирование деятельности майнингового пула определит Правительство отдельными нормативными актами.

В соответствии с Законом N 259-ФЗ майнингом могут заниматься российские юридические лица и индивидуальные предприниматели, включенные в специализированный реестр. Решение о включении в реестр будет приниматься Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Однако, в настоящее время правила работы такого реестра не утверждены.

При этом Законом N 221-ФЗ предусматривается возможность физическим лицам осуществлять майнинг криптовалюты без включения в реестр, если энергия, потребляемая в ходе майнинга, не превышает лимитов, которые также определяет Правительство Российской Федерации. В законе также предусматриваются условия, при которых нельзя заниматься майнингом, к которым относятся, в частности следующие:

- 1) несоответствие требованиям к деловой репутации
- 2) занятие деятельности по передаче или производству электроэнергии
- 3) занятие майнингом на определенных территориях или в отдельных субъектах, которые определяет Правительство.

Для лиц, которые включены в реестр и осуществляют деятельность по майнингу криптовалюты также устанавливается обязанность по предоставлению отчетов о факте получения цифровой валюты. Следует учитывать, что в настоящее время запрещается:

- 1) рекламировать криптовалюту и товары, работы и услуги в этой области;
- 2) принимать цифровую валюту за свои товары, работы или услуги
- 3) покупать иностранные цифровые финансовые активы на российских биржах без разрешений регулятора.

Как следует из положений Закона N 221-ФЗ, его нормы в первую очередь направлены на упрощение деятельности по майнингу цифровых валют для крупных игроков на данном рынке. При этом более мелкие или «серые майнеры» скорее всего должны будут примкнуть к крупным игрокам или вовсе уйти с рынка. Здесь также возникают вопросы относительно лимитов энергопотребления, а равно каким образом майнеры будут отчитываться о своей деятельности.

Как указывают эксперты [<https://allo.tochka.com/mining>], Закон N 221-ФЗ содержит ряд пробелов, которые впоследствии будут восполняться отдельными нормативно-правовыми актами. Также явно прослеживаются риски, связанные с тем, что указанная деятельность для большинства игроков будет нерентабельна.

Несмотря на запрет по использованию цифровых валют в расчетах за выполняемые работы и услуги отдельным Федеральным законом от

08.08.2024 N 223-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", которым закрепляются полномочия Банка России определять альтернативное (специальное) регулирование для отношений в сфере инноваций, а также по утверждению таких программ. С помощью таких экспериментальных правовых режимов предложено, в частности, предоставить возможность использования цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым контрактам (договорам).

Для выполнения данной задачи будет разработан специальный порядок расчетов, определен круг участников и срок действия данного режима. Тем самым, российские экспортеры и импортеры будут получать возможность производить расчеты за иностранные товары через цифровые валюты по внешнеторговым договорам.

Данные операции будут осуществляться под контролем Банка России. Предполагается, что введение такой возможности окажет благоприятное влияние на внешнеторговую деятельность Российской Федерации с учетом действующих ограничений.

Вполне очевидно, что в ближайшее время будет сохраняться тренд на совершенствование платежной инфраструктуры в части расширения применения цифровых технологий, которые стали неотъемлемой частью нашей жизни. Тем не менее, еще предстоит большая законодательная работа по регулированию отношений, связанных с цифровыми валютами в Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ, портал КонсультантПлюс, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ, портал КонсультантПлюс, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

3. Письмо ФНС России от 26.05.2023 N СД-4-3/6639@ «Об НДС и применении УСН при купле-продаже криптовалюты», портал «Время бухгалтера», URL: <https://www.v2b.ru/documents/pismo-fns-rf-ot-26-05-2023-sd-4-3-6639/>.

4. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, портал Правительства России, URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrQZ.pdf>.

5. Федеральный закон от 08.08.2024 N 221-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", портал КонсультантПлюс, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/.

6. Модельный закон о цифровых финансовых активах, принятым 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-11 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, портал Гарант, URL: <https://base.garant.ru/409351058/>.

7. Концепция цифрового рубля Банка России, URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

Legal regulation of digital currencies in the Russian Federation Armand Ya.A.

University "Synergy"

This article discusses the norms of current legislation regulating the legal aspects of the circulation of digital currencies in the Russian Federation, their distinctive properties from digital financial assets, the legal regime of which is provided for by Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to certain Legislative Acts of the Russian Federation", as well as other regulatory acts.

The article also presents the definition of digital currency, the specifics of taxation of digital currencies and the comparison of these assets with the digital ruble, the concept of which is actively promoted by the Bank of Russia. The features and possibilities of using the digital ruble are given, differences from digital currencies are highlighted, as well as gaps in legislative regulation in this area.

In addition to digital currencies, the article also provides an analysis of the current norms of the law governing the mining of digital currency, establishes the concept of mining, its main characteristics and features of conducting activities in this area. The latest innovations of the current legislation, which establish a special (experimental) legal regime for the use of digital currencies for settlements, considering the current restrictions, are also noted.

Keywords: digital currencies, cryptocurrencies, digital financial assets, operations with digital currencies, organization of digital currency issue, digital currency issue, organization of digital currency circulation, digital ruble, mining of digital currency.

References

1. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 N 127-FZ, portal ConsultantPlus, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
2. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 31.07.2020 N 259-FZ, portal ConsultantPlus, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.
3. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 26.05.2023 N SD-4-3/6639@ "On Personal Income Tax and the Application of the Simplified Tax System in the Purchase and Sale of Cryptocurrency", portal "Time of the Accountant", URL: <https://www.v2b.ru/documents/pismo-fns-rf-ot-26-05-2023-sd-4-3-6639/>.
4. The concept of legislative regulation of mechanisms for organizing the circulation of digital currencies, the portal of the Government of Russia, URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrQZ.pdf>.
5. Federal Law of 08.08.2024 N 221-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", the ConsultantPlus portal, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/.
6. Model law on digital financial assets, adopted on 14.04.2023 in St. Petersburg by Resolution 55-11 on the 55th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations, Garant portal, URL: <https://base.garant.ru/409351058/>.
7. The concept of the digital ruble of the Bank of Russia, URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

Цифровизация как ключевой фактор модернизации финансового и налогового законодательства

Голубев Сергей Александрович

д.ю.н., профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета (МГЮА),
nikoarte@yandex.ru

В статье рассмотрена специфика и статус цифрового права. Выявлены основные направления модернизации российского финансового и налогового законодательства, обусловленные процессом цифровизации. Представлены основные законодательные акты, свидетельствующие о переходе финансовой и налоговой систем страны в цифровой режим. Представлены положительные и отрицательные стороны цифровизации в контексте функционирования финансовой и налоговой систем. Обозначены риски цифровизации, связанные с теневизацией финансовой среды и отсутствием адекватного законодательного регулирования. Описаны положительные последствия цифровизации в плане повышения прозрачности транзакций, сокращения коррупционных рисков, упрощения налогообложения и проч.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое право, финансовое законодательство, налоговое законодательство, цифровой рубль, цифровой финансовый актив, теневизация

Цифровые технологии на сегодняшний день функционируют в большинстве сфер жизни, бизнеса и государственного управления. Перенос многих видов ежедневных задач, манипуляций, транзакций в электронные среды привел к формированию т. н. цифровых правоотношений. Под цифровыми правоотношениями Д. А. Павлова предлагает понимать особую разновидность общественных отношений, которые (1) урегулированы правом, (2) имеют цифровую форму выражения, (3) возникают, существуют и прекращаются с использованием цифровых средств или в рамках информационных систем. В узком смысле, по мнению Д. А. Павловой, цифровые правоотношения можно определить как «правоотношения, осуществляемые относительно особого вида объектов гражданского права – цифровых прав» [8, с. 162].

Несмотря на тот факт, что термины «цифровизация», «цифровые права», «цифровые среды», «цифровое законодательство» и проч. встречаются в текстах большинства современных исследований в области юриспруденции, единства мнений относительно их сущностных характеристик пока не наблюдается. Исследователи-правоведы оперируют «цифровой» юридической терминологией, скорее, на интуитивном уровне, вкладывая в нее разное содержание. Дефиниция термина «цифровизация» пока не зафиксирована в отечественном законодательстве; он используется лишь в текстах подзаконных нормативно-правовых актов (к примеру, в Приказе Минстроя России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» [9], в Приказе Минэкономразвития России от 8 декабря 2022 г. № 679 «Об утверждении Порядка составления планов по цифровизации процессов представления сведений в Единый реестр конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности» [10] и др. Кроме того, как справедливо указывает А. В. Захаркина, различия в понимании сущности цифровизации в контексте финансового и налогового законодательства обусловлены также отсутствием отдельной стратегии, доктрины или основ государственной политики, посвященных цифровым финансам [5, с. 669]. Очевидно, что сфера цифровых финансов остро нуждается в адекватном правовом обеспечении, а вопросы влияния цифровых технологий на финансовую и налоговую сферы – в глубинном научном анализе.

Исследователи-теоретики, которые обращаются к различным аспектам рассматриваемой нами области, ведут активные дискуссии о реальной роли цифровизации в процессе эволюции финансового и налогового права. В условиях подобного плюрализма подходов можно выделить точку зрения о

том, что цифровизация не способна кардинально изменить финансовое и налоговое законодательство. Цифровые права, цифровые валюты, цифровые субъекты хозяйствования, считают приверженцы данного подхода, являются правовой фикцией. Цифровое право, говорит Д. А. Павлова, не имеет уникального объекта, так как выступает известным законодателю имущественным правом. Все, что отличает данную разновидность имущественного права от прочих – способ фиксации ценностей в цифровой форме [8, с. 167].

Существует также и противоположное мнение: цифровое право являет собой уникальный правовой и законодательный конструкт, существенно отличающийся от традиционных направлений финансового права. Еще 5-10 лет первый из вышеописанных подходов считался преобладающим в российской цивилистике, но сегодня все чаще исследователи склоняются ко второму из них. К ученым-правоведам, представителям законотворческих и правоохранительных ведомств приходит осознание того, что цифровизацию финансов и налогообложения не следует отождествлять лишь с переходом в режим онлайн при совершении транзакции – цифровизация в сфере финансов и налогообложения приводит к необратимым, глубинным и ощутимым изменениям в функционировании национальной экономики и государства.

Цифровизация общественных отношений в общем и финансов – в частности – является значимым шагом в развитии цивилизации. При этом переход в электронные среды зачастую – как в России, так и за рубежом – сопровождается множеством барьеров, рисков и проблем. Перед государством стоит не только задача по идентификации данных рисков и их нейтрализации, но и по выработке фундаментальных законодательных конструкций, где будут описаны новые механизмы цифровой экономики, права и обязанности субъектов – цифровых и «реальных».

Однако, пишет Е. Л. Власова с соавт., несмотря на большой научный интерес и колоссальную прикладную значимость, многие теоретические и законодательные аспекты цифровизации финансовой системы все еще нуждаются в дальнейшей разработке [3, с. 197]. По мнению Б. Б. Бидовой, эффективное и современное законодательство в области цифровых финансовых технологий позволит сохранить государственный контроль над стратегически важными областями экономико-социальной системы, развить информационную инфраструктуру, обеспечить информационную безопасность, усовершенствовать практики государственного, регионального и муниципального управления [2, с. 9]. Н. В. Остроумов приходит к аналогичным выводам: законодатель должен существенно увеличивать темп нормотворческого процесса, вырабатывать и своевременно обновлять понятийный аппарат, учитывать новейшие технологические достижения, охватить максимально возможный круг вопросов для включения их в правовое поле [7, с. 569].

Фокус внимания российского законодателя сосредоточен, в первую очередь, на тех цифровых ин-

струментах и технологиях, которые не были известны ранее и не имеют законодательной фиксации в принципе. Речь идет о новых видах прав, субъектов, форм предпринимательства, активов, ценных бумаг, валют, финансовых институтов и систем, способов аккумулирования и расхода средств государственного бюджета.

В условиях доцифровой, традиционной финансовой парадигмы экономическая и финансовая системы страны состояли из ряда четко определенных и урегулированных элементов: денежная единица, государственный аппарат, эмиссия, обращение денег, масштаб цен, налоговый сбор и т.д. С 2014 г. в поле публичных дискуссий все чаще стали звучать мнения о деструкции сложившегося финансово-экономического порядка посредством неурегулированной диффузии криптовалют, новых платежных операторов, в т. ч. иностранных, цифровых платформ для инвестиций, цифровых валют, NFT и т.п.

С 2014 по 2020 гг. российский законодатель не выработал достаточного количества актов, которое смогло бы стать фундаментом для регулирования сферы цифровых финансов. Тем не менее, важными шагами в рассматриваемой нами предметной области стали, во-первых, представленный в конце 2019 г. законопроект «О цифровых финансовых активах», во-вторых, обновленный текст Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 141.1 «Цифровые права»), в-третьих, утвержденный в 2019 г. Федеральный закон №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]; [1, с. 409]. Данные нововведения фактически стали первой значимой реакцией российского законодателя на цифровизацию финансовой среды. Последний из вышеперечисленных законов, в частности, зафиксировал термин «цифровая валюта» («совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей...» [11].

Важным шагом в модернизации российской финансовой сферы и соответствующего ей сегмента законодательства стал запуск цифрового рубля – проекта Центрального банка Российской Федерации. Цифровой рубль может стать важным инструментом для повышения прозрачности денежных потоков, упрощения платежей и сокращения транзакционных издержек. Для налоговых органов цифровой рубль открывает возможности в плане контроля за движением денежных средств и сокращения случаев уклонения от налогов. Внедрение цифровой валюты потребовало соответствующих изменений в гражданском, финансовом и налоговом законодательстве (речь идет в первую очередь о таких актах, как Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части

третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [15, Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16]].

Цифровизация финансовых сред и транзакций непосредственным образом влияет на качество государственного управления. Так, в России уже достаточно давно государственные органы, бюджетные и казенные учреждения перешли на цифровой формат государственных (муниципальных) закупок на каждом из этапов закупочного процесса: от электронного планирования до приемки (соответствующие нормы были зафиксированы в тексте Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [14].

Особенностью текущего законотворческого процесса выступает то, что внесение изменений в одну область общественных отношений непременно влечет за собой необходимость редакции норм, регламентирующих смежные области. Так, в частности, реализация цифрового права, обращение цифровых финансовых активов, наличие утилитарного цифрового права привели к потребности во внесении изменений в налоговое законодательство.

Таким образом, введение на уровне законодательства цифровых финансовых активов потребовало адаптации существующих норм налогового законодательства и принятия законов, регулирующих механизмы налогообложения операций с цифровыми активами, валютами и правами. В Налоговый кодекс были добавлены нормы, устанавливающие порядок налогообложения новых видов активов (речь идет о поправках, утвержденных Федеральным законом № 371-ФЗ от 29 ноября 2021 г. [12]). Так, в новой редакции Налогового Кодекса налоговая база определяется «как разница между ценой реализации указанного цифрового права с учетом суммы налога и ценой приобретения указанного цифрового права с учетом суммы налога» [7, с. 568].

Развивая тематику эволюции налогового законодательства, обусловленной цифровизацией, можно также сказать о проблеме утраты контроля: новые технологии позволяют по-иному проводить финансовые транзакции, что фактически вывело многих предпринимателей, инвесторов, граждан в «слепую» зону налогового контроля. Попытки сократить количество и масштабы подобных «слепых» зон предпринимаются на уровне законодательства (в качестве примера можно привести поправки в Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001» [13], введенные Федеральными законами от 29.12.2022 №607-ФЗ, от 08.08.2024 №275-ФЗ). Эти и другие законодательные акты предусматривают усиление контроля над операциями с цифровыми активами с целью борьбы с уклонением от налогообложения. Несмотря на это, далеко не все аспекты в области противодействия теневизации финансовой системы являются урегулированными.

Таким образом, цифровизация есть ключевая причина теневизации налоговой и финансовой сфер. А. О. Недоспасов указывает на то, что цифровизация финансового сектора «создает новые лазейки для теневых операций, затрудняя контроль со стороны государства», а разные технологии и инструменты тесно взаимосвязаны, и их взаимодействие приводит к отрицательному синергетическому эффекту, формируя благоприятные условия для развития и укоренения теневой экономики [6, с. 22-23].

Цифровизация финансовой сферы, с другой стороны, позволила внедрить инструменты автоматизированного налогового мониторинга и отчетности, что позволяет налоговым органам в режиме реального времени получать доступ к данным о цифровых транзакциях. Многие авторы научных публикаций высказывают мнение о том, что цифровизация способна привести к повышению транспарентности системы налогообложения и к улучшению налоговой дисциплины.

Цифровизация предполагает развитие новых инструментов взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами. Сегодня мы наблюдаем, как онлайн-сервисы Федеральной налоговой службы становятся все более персонифицированными и проактивными; российские налогоплательщики получили возможность в любое время дистанционно подавать любые электронные документы (отчетность, налоговые накладные, сервисные запросы, письма и т. п.), получить консультацию, справку, выписку, административные услуги, оплатить налоги [4, с. 44]. Подобные сервисы позволяют сократить число ошибок при декларировании, улучшить взаимодействие бизнеса и государства, минимизировать коррупционные риски за счет автоматизации взаимодействия заинтересованных сторон.

Некоторые исследователи говорят о том, что в скором времени уровень развития цифровых сред достигнет такого уровня, что национальные законодатели будут вынуждены осуществлять целостный пересмотр систем налогообложения и налоговых режимов. С развитием цифровой экономики изменяются источники, темпы и формы получения доходов физических и юридических лиц, что потребует пересмотра налоговых режимов. Традиционные подходы к налогообложению на основе физического присутствия и местонахождения бизнеса становятся менее эффективными в условиях цифровой коммерции. В этой связи налоговое и финансовое законодательство в России, будет, безусловно, не раз изменяться в попытках «догнать» динамику реалий цифрового мира.

В заключение можно отметить следующее:

– В современной российской науке до сих пор не наблюдается единства мнений в отношении самостоятельного статуса цифрового права; в новейших публикациях специалисты признают уникальные черты цифровых правоотношений, что позволяет считать цифровое право отдельной отраслью юриспруденции, законотворчества и практики правоприменения.

– Фокус внимания российского законодателя сосредоточен в первую очередь на тех цифровых инструментах и технологиях, которые не были известны ранее и не имеют законодательной фиксации в принципе: цифровые финансовые активы, цифровые права, цифровой рубль и проч.

– Новые законодательные акты, фиксирующие ту или иную цифровую новацию, в дальнейшем требуют внесения изменений в иные акты законодательства – Гражданский и Налоговый Кодекс, отдельные законы и подзаконные акты.

– Цифровизация влияет на финансовую систему страны двояко: с одной стороны, цифровые технологии стали причиной теневизации налоговой и финансовой сфер, а с другой стороны – цифровизация позволила внедрить инструменты автоматизированного налогового и финансового мониторинга и отчетности, что позволяет властным ведомствам в режиме реального времени получать доступ к данным о цифровых транзакциях.

Литература

1. Антипина, Д. Проблемы финансово-правового регулирования цифровой валюты в денежной системе Российской Федерации / Д. Антипина // Скиф. – 2023. – № 1 (77). – С. 408-412.

2. Бидова, Б. Б. Цифровизация как элемент активной правовой реальности / Б. Б. Бидова, Ю. В. Быстрова, Т. А. Гусева, К. Г. Петрованов // Право: история и современность. – 2023. – № 1. – С. 7-14.

3. Власова, Е. Л. Влияние цифровизации на развитие правовых основ управления общественными финансами / Е. Л. Власова, И. В. Игнатьева, И. И. Зедгенизова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 6. – С. 196-200.

4. Деева, Т. В. Персонализированные и проактивные онлайн сервисы как платформа создания системы добровольного соблюдения налогового законодательства / Т. В. Деева // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2020. – № 3 (52). – С. 42-48.

5. Захаркина, А. В. Правовая политика РФ и место в ней цифровых финансовых активов / А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 4 (71). – С. 662-672.

6. Недоспасов, А. О. Противодействие теневой экономике в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации / А. О. Недоспасов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6-3 (93). – С. 21-26.

7. Остроумов, Н. В. Актуальные проблемы изменения гражданского и налогового законодательства в условиях цифровизации / Н. В. Остроумов // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 566-569.

8. Павлова, Д. А. Цифровые правоотношения / Д. А. Павлова // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 159-173.

9. Приказ Минстроя России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373509/. – Дата доступа: 14.10.2024.

10. Приказ Минэкономразвития России от 8 декабря 2022 г. № 679 «Об утверждении Порядка составления планов по цифровизации процессов представления сведений в Единый реестр конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности» // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-08122022-n-679/>. – Дата доступа: 14.10.2024.

11. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. – Дата доступа: 14.10.2024.

12. Федеральный закон от 09 ноября 2020 года № 371-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и Закон Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367147/. – Дата доступа: 14.10.2024.

13. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/. – Дата доступа: 14.10.2024.

14. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/. – Дата доступа: 14.10.2024.

15. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (документ не вступил в силу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/. – Дата доступа: 14.10.2024.

16. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/. – Дата доступа: 14.10.2024.

Digitalization as a key factor in the modernization of financial and tax legislation

Golubev S.A.

Moscow State Law University

The article describes the specific features and the status of digital law. The main directions of modernization of Russian financial and tax legislation, caused by digitalization processes, are identified. The main legislative acts indicating the transition of the country's financial and tax systems to digital mode are presented. The positive and negative aspects of digitalization in the context of the functioning of the financial and tax systems are

presented. The risks of digitalization associated with the shadowing of the financial environment and the lack of adequate legislative regulation are identified. The positive consequences of digitalization in terms of increasing the transparency of transactions, reducing corruption risks, simplifying taxation, etc. are described.

Keywords: digitalization, digital law, financial legislation, tax legislation, digital ruble, digital financial asset, transition to shadow economy

References

- Antipina, D. Problems of financial and legal regulation of digital currency in the monetary system of the Russian Federation / D. Antipina // Skif. - 2023. - No. 1 (77). - P. 408-412.
- Bidova, B. B. Digitalization as an element of objective legal reality / B. B. Bidova, Yu. V. Bystrova, T. A. Guseva, K. G. Petrovanov // Law: history and modernity. - 2023. - No. 1. - P. 7-14.
- Vlasova, E. L. The impact of digitalization on the development of legal foundations for public finance management / E. L. Vlasova, I. V. Ignatyeva, I. I. Zedgenizova // Problems of Economics and Legal Practice. - 2020. - No. 6. - P. 196-200.
- Deeva, T. V. Personalized and proactive online services as a platform for creating a system of voluntary compliance with tax legislation / T. V. Deeva // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. - 2020. - No. 3 (52). - P. 42-48.
- Zakharkina, A. V. Legal policy of the Russian Federation and the place of digital financial assets in it / A. V. Zakharkina // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. - 2023. - No. 4 (71). - P. 662-672.
- Nedospasov, A. O. Counteracting the shadow economy in order to ensure the economic security of the Russian Federation / A. O. Nedospasov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2024. - No. 6-3 (93). - P. 21-26.
- Ostroumov, N. V. Actual problems of changes in civil and tax legislation in the context of digitalization / N. V. Ostroumov // Legal technique. - 2023. - No. 17. - P. 566-569.
- Pavlova, D. A. Digital legal relations / D. A. Pavlova // Leningrad law journal. - 2023. - No. 1 (71). - P. 159-173.
- Order of the Ministry of Construction of Russia dated December 25, 2020 No. 866 / pr "On approval of the Concept of the project for digitalization of urban economy" Smart City "/ ConsultantPlus. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373509/. - Access date: 14.10.2024.
- Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated December 8, 2022 No. 679 "On approval of the Procedure for drawing up plans for the digitalization of the processes of submitting information to the Unified Register of End Recipients of State Support for Innovative Activities" // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]. - Access mode: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-08122022-n-679/>. - Access date: 14.10.2024.
- Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ConsultantPlus. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/. - Access date: 10/14/2024.
- Federal Law of November 9, 2020 No. 371-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation "On Tax Authorities of the Russian Federation" RF [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367147/. - Access date: 10/14/2024.
- Federal Law "On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" dated 08/07/2001 N 115-FZ RF [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/. - Access date: 10/14/2024.
- Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ "On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/. - Access date: 10/14/2024.
- Federal Law of July 24, 2023 No. 339-FZ "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" (the document has not entered into force) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/. - Access date: 10/14/2024.
- Federal Law of July 24, 2023 No. 340-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/. - Access date: 10/14/2024.

Реализация принципа добросовестности корпорацией

Закабуня Фёдор Романович

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
fedorz313@gmail.com

Принцип добросовестности, как таковой, является оценочным фактором, не имеющий конкретизации на правовом уровне. Вопрос о практической реализации принципа добросовестности корпорациями на научном уровне мало исследован. Для повышения эффективности практической реализации принципа добросовестности корпорациями, представляется важным не только презюмировать принцип добросовестности (всегда подразумевать его действие «по умолчанию»), но и внедрить в обязанность корпораций отражать данный принцип в своих уставных документах (на данный момент, он отражается исключительно для членов корпорации, но не для самой компании), а также закреплять механизмы его реализации. Это позволит не только конкретизировать сущность и практическую значимость принципа добросовестности, но и проводить анализ его соблюдения с целью повышения эффективности функционирования корпораций. Соблюдение принципа добросовестности корпорацией позволяет ей повысить доверие к себе, как со стороны потребителей, так и со стороны партнеров и заинтересованных лиц.

Ключевые слова: добросовестность, правовой принцип, презумпция, гражданский оборот, гражданское правоотношение, критерии добросовестности.

Перед непосредственным исследованием особенностей реализации принципа добросовестности корпорацией, изначально дадим краткую характеристику самой корпорации. Итак, слово «корпорация» происходит от латинского слова «corpus». Если обратиться к Большому толковому словарю русского языка, то в переводе данное слово означает «тело», «туловище» [1]. Современные ученые утверждают, что здесь можно говорить о группе людей [2].

Корпорацию следует отличать от иных объединений. На этом основании необходимо проанализировать положения действующего российского гражданского законодательства, которое содержит в себе понятие и сущность данной дефиниции. Так, например, в данном случае обратим внимание на ст. 65.1 ГК РФ, которая гласит, что юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями) [3].

Важно обратить внимание на то, что термин «корпорация» впервые появился именно в зарубежном праве. В качестве примера следует привести Companies Acts (законах о компаниях) Англии, в которых присутствует термин «body corporate» [4]. Соответственно, дефиниция «корпорция», которая сегодня используется в нормах гражданского права России, не отражает национальную специфику. Более того, упоминая зарубежное право, необходимо также обратить внимание и на тот факт, что в некоторых странах корпорация синонимична дефиниции «юридическое лицо» (Англия), а в иных странах – дефиниции «коммерческая организация» (США) [5].

Российский законодатель же применительно к корпорации сформулировал иной подход – не допускающий отождествление корпорации и юридического лица. Так, если обратиться к ст. 65.1 ГК РФ, следует отметить, что, в свою очередь, юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами.

Анализ приведенных выше норм позволяет сделать следующие выводы:

1. Прежде всего, корпорацией могут являться как коммерческие, так и некоммерческие юридические лица.
2. Учредители (участники) корпорации обладают правом участия (членства).
3. Учредители (участники) корпорации формируют ее высший орган.

Следует также обратить внимание и на то, что корпорация имеет определенные отличительные характеристики от государственной корпорации. Государственные корпорации в российской практике появились в 2007 г., раньше, чем корпорации, а первоначальная идея создания государственных

корпораций была консолидации капитала интеграция специфических активов на приоритетных направлениях развития, преодоления сырьевой ориентации российской экономики и реализация конкурентных преимуществ с целью максимального ускорения экономического развития в контексте перехода к новому технологическому укладу [6]. В соответствии с ст. 7.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», под государственными корпорациями следует понимать не имеющую членства некоммерческую организацию, учрежденную Российской Федерацией на основе имущественного вклада и созданную для осуществления специальных, управленческих или иных общественно полезных функций [7].

Обозначим, на наш взгляд, главные отличия государственной корпорации от корпорации:

- прежде всего, государственные корпорации формируются на основании отдельного федерального закона;
- государственная корпорация может быть только некоммерческой;
- имущество государственная корпорация получает от государства;
- в качестве учредителя выступает Российская Федерация;
- отсутствие членства в государственной корпорации и т.д. [8].

Соответственно, можно утверждать, что корпорации, согласно российскому праву, отличаются от юридических лиц, а также от государственных корпораций, а, следовательно, являются отдельной разновидностью юридических лиц. Сами корпоративные отношения базируются на ряде принципов, одним из которых является принцип добросовестности, анализ которого и представляет интерес для настоящего исследования. Одновременно с этим, добросовестность корпораций, – вопрос достаточно сложный и мало изученный в современной доктрине. На наш взгляд, это, прежде всего, обусловлено тем, что добросовестность корпорации рассматривается как добросовестность ее участников (членов корпорации), а не самого юридического лица.

Так, например, Е.А. Власова и О.А. Шубина пишут о том, что «...корпоративная организация состоит из физически реальных участников (акционеров) и реализует свои права и обязанности через органы, которые также состоят из реальных субъектов, либо иных юридических лиц, за которыми стоят интересы физических лиц. В этой связи сложно представить, как фиктивный субъект права может быть признан добросовестным или недобросовестным в корпоративных отношениях. Исследуя споры в разных институтах корпоративного права, мы приходим к выводу о том, что всякий раз речь идет о защите интересов конкретного индивидуума или группы индивидуумов, но не самой корпорации...» [9]. Недобросовестность общества по невыплате дивидендов, не представлению участникам информации, злонамеренной консолидации акций, увеличению уставного капитала и т.д. при более вдумчи-

вом анализе вскрывают проблему недобросовестности отдельных участников, а не корпорации. То же самое касается и средств защиты интересов участников в случае так называемого недобросовестного поведения общества: привлечения менеджмента к деликтной ответственности, административной ответственности общества (при этом конечным субъектом ответственности, скорее всего, будет генеральный директор), ответственности участников за нарушение корпоративного договора, субсидиарной ответственности контролирующих лиц и т.д. Таким образом, самостоятельность корпорации и факт несения ею обязанности действовать добросовестно, находятся под сомнением.

Вместе с этим, на наш взгляд, реализация принципа добросовестности корпорацией может все-таки прослеживаться в общих правилах функционирования этого юридического лица. Данные правила принимаются всеми учредителями (членами) корпорации и являются главными аспектами деятельности корпорации, как субъекта гражданского права и корпоративных правоотношений.

Рассмотрим реализацию принципа добросовестности корпорацией на примерах. Так, например, обратим внимание на корпорацию «Яндекс». В Уставе данной компании отсутствует упоминание добросовестности как принципа деятельности самой организации. В установленной документации добросовестность упоминается исключительно по отношению к членам корпорации, например:

– в п. 16.21.1 Устава отмечается, что Член Совета директоров обязан «...осуществлять свои права и исполнять обязанности в качестве члена Совета директоров добросовестно, разумно, ответственно, в интересах Общества и в пределах своей компетенции...»;

– в Части 3 (Общие критерии) указывается, что кандидат на должность члена Совета директоров (член Совета директоров) «...должен иметь репутацию добросовестного, честного и приверженного высоким этическим стандартам лица...»;

– в п. 19.6 Устава отмечается, что «...Генеральный директор при осуществлении им прав и исполнении обязанностей должен действовать в интересах Общества добросовестно и разумно...» [10].

Соответственно, принцип добросовестности в данной корпорации не закрепляется в локальной документации, также отсутствуют основные критерии его практической реализации компанией. Здесь можно предположить, что данный принцип присутствует «по умолчанию» и может быть реализован следующим образом:

– честность компании (когда даже при раскрытии неблагоприятной информации заинтересованным приоритет будет отдаваться именно честности);

– прозрачность деятельности и подотчетность. Например, корпорация «Яндекс» предоставляет в открытом доступе всю отчетность о своей деятельности и наиболее значимые события, которые относятся непосредственно к функционированию компании [12].

Можно сделать вывод о том, что Яндекс реализует принцип добросовестности в рамках раскрытия информации о своей деятельности;

– подход, ориентированный на заинтересованные стороны. Данный механизм реализации принципа добросовестности компания отмечает отдельно. Например, это выражено в Правилах деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекс. Так, в данных Правилах компания указывает: «...ключевой целью нашей деятельности, и это отражено в различных внутренних документах Яндекса, является предоставление качественных сервисов для миллионов пользователей интернета. Крайне важно, чтобы каждый из нас стремился к достижению данной цели. Мы в первую очередь думаем о пользовательских характеристиках сервиса, о том, насколько он понравится и пригодится людям. Компания ожидает от всех нас ответственности не только за свою часть работы, но и за продукт в целом... Наши внутренние процедуры ограничивают доступ к любой непубличной пользовательской информации. Она является строго конфиденциальной и может быть использована только в целях, для которых она была собрана. Работая с такими личными данными, вы обязаны хранить их в тайне и не допускать их разглашения и распространения...» [13].

В принципах деятельности Яндекса также говорится о том, что «...мы создаём сервисы, которые приносят пользу людям и дают им новые возможности. Мы делаем сервисы, которыми хотели бы пользоваться сами, делиться с друзьями и близкими. Мы не создаем сервисы только ради зарабатывания денег...» [14]. Таким образом, Яндекс в полной мере стремится эффективно реализовывать принцип добросовестности в своей деятельности.

В качестве примера реализации принципа добросовестности рассмотрим деятельность корпорации «Лукойл». Так, проанализировав Устав данной компании, можно говорить о том, что в нем также отсутствуют отдельные положения о реализации принципа добросовестности корпорацией. Соответственно, здесь также можно прийти к выводу о том, что соблюдение данного принципа презюмируется. Однако упоминание о добросовестности Уставе все же присутствует, и данный принцип относится именно к должностным лицам корпорации (например, п. 11.1 Устава) [15]⁴¹.

Более того, принцип добросовестности раскрывается в Кодексе деловой этики, который Лукойл принял в 2010 г. Например, Кодекс определяет правила отношений с деловыми партнерами. Так, Лукойл декларирует, что устанавливает и поддерживает взаимовыгодные отношения с любым партнером, если он, как и сама компания, следует принципам взаимоуважения и взаимной выгоды, честности и добросовестности, строгой взаимной обязательности [16].

Реализация принципа добросовестности компанией осуществляется следующим образом. Прежде всего, это открытость информации. На официальном сайте компании присутствует ссылка, именуемая, как «Раскрытие информации». Здесь можно

ознакомиться со следующей информацией о компании:

– итоги проведения заседаний Совета директоров;

– решения общих собраний участников и т.д. [17].

Более того, корпорация публикует специальные пресс-релизы с целью реализации принципа добросовестности. В качестве примера приведем Сообщение Пресс-службы, в котором компания акцентировала внимание заинтересованных лиц на интернет-сайты, где содержится информация, которая может ввести в заблуждение потенциальных партнеров [18].

Система управления и контроля за реализацией налоговых правоотношений в Группе «Лукойл» интегрирована с общей системой стратегического и корпоративного управления, планирования и контроля и направлена на минимизацию налоговых рисков, обеспечение полноты и своевременности исполнения налоговых обязательств. Все основные процессы по мониторингу и выполнению налоговых обязательств автоматизированы, их эффективность регулярно оценивается. Единым центром компетенции по налоговым вопросам является Налоговый блок ПАО «Лукойл» [19].

Соответственно, можно резюмировать, что реализация принципа добросовестности корпорацией «Лукойл» находится на высоком уровне. Компания не только придерживается принципа честности и открытости, но и выстраивает всю свою деятельность на добросовестном подходе осуществления своих непосредственных целей и задач, начиная от взаимодействия с поставщиками и заканчивая налоговой политикой компании.

Завершая настоящий раздел исследования, можно констатировать, что вопрос о практической реализации принципа добросовестности корпорациями на научном уровне мало исследован. Можно предположить, что это связано с тем, что концепция добросовестности корпораций является достаточно сложной темой, так как, принцип добросовестности здесь может быть реализован в большей мере самими участниками корпорации, а для компании предусматриваются общие правила ведения деятельности. Уставы корпораций не отражают специфику реализации рассматриваемого нами принципа, не содержат в себе механизмы такого рода реализации, а, соответственно, в данном случае не представляется возможным и проведение анализа эффективности и достаточности соблюдения данного принципа компаниями.

На наш взгляд, присутствие в корпорациях кодексов этики не может в полной мере заменить нормативное закрепление данного принципа и при его отражении в уставных документах следует давать ссылку именно на положения ГК РФ. Более того, на наш взгляд, о добросовестности/недобросовестности корпораций могут служить также такие критерии, как, например, факты нарушений законодательства

⁴¹ Устав Публичного акционерного общества «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» [Электронный ресурс]. URL:

<https://lucoil.ru/FileSystem/9/625315.pdf>
(дата обращения: 20.07.2024).

(дата обращения: 20.07.2024).

со стороны компаний, многочисленных споров с потребителями и лицами, с которыми компании сотрудничают. Соответственно, чем меньше будет и корпорации нарушений и спорных ситуаций, тем выше будет степень реализации ею принципа добросовестности.

В целом, соблюдение принципа добросовестности корпорацией позволяет ей повышать доверие к себе, как со стороны потребителей, так и со стороны партнеров и заинтересованных лиц. На этом основании следует еще раз подчеркнуть необходимость в обособлении данного принципа, как отдельной стратегии ведения деятельности компании.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 15.07.2024).

2. Власова Е.А., Шубина О.А. Вопрос о применении принципа добросовестности к корпорации // Инновационные научные исследования: теория, методология, тенденции развития. Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции. Уфа. – 2023. – С. 54-57.

3. Власова Е.А., Шубина О.А. Добросовестность участников (учредителей) корпорации // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика и современно мире. Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции. Уфа. – 2023. – С. 68-72.

4. Гадыев Р.И. Понятие корпорации и ее основные признаки. Виды корпораций // Актуальные Вопросы развития современной науки и технологий. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск. – 2023. – С. 37-41.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 1994. – № 238-239.

6. Геворкян А.С. Общие положения об органах управления корпорацией и их решениях // Основные тенденции развития российского законодательства. Сборник материалов по итогам XIV Региональной научно-практической конференции. Красноярск. – 2020. – С. 175-179.

7. Зельднер А.Г. Роль и место государственных корпораций в современной модели экономического развития России: монография. – 2-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. – 179 с.

8. Кулаков В.В. Юридические лица: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 372 с.

9. Лукойл внедрил Кодекс деловой этики [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/lukoil-vnedril-kodeks-delovoi-etiki> (дата обращения: 20.07.2024).

10. Лукойл. Раскрытие информации [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/InvestorAndShareholderCenter/Disclosure> (дата обращения: 20.07.2024).

11. Лукойл. Пресс-релиз. Сообщение Пресс-службы [Электронный ресурс]. URL: https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/soobshchenie-press-sluzhby_83 (дата обращения: 20.07.2024).

12. Лукойл. Налоговая политика [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/Taxpolicy> (дата обращения: 20.07.2024).

13. Лукойл. Цепочка поставок [Электронный ресурс]. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/supplychain/Supplychain> (дата обращения: 20.07.2024).

14. Правила деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекс [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/rules/code> (дата обращения: 17.07.2024).

15. Принципы Яндекса [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/values> (дата обращения: 17.07.2024).

16. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. – 2014. – № 40.

17. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. – 2013. – № 31.

18. Решение Арбитражного суда Амурской области от 26 февраля 2024 г. по делу № А04-8229/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/EXEsZfqEaXWv/?page=2&arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+225.1.+%D0%94%D0%B5%D0%B%D0%B0+%D0%BF%D0%BE+%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC+%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BC%28%D0%90%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge= (дата обращения: 30.07.2024).

19. Устав Международной компании публичного акционерного общества «Яндекс» [Электронный ресурс]. URL: <https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=39059&type=1> (дата обращения: 17.07.2024).

20. Устав и внутренние документы Яндекс Н.В. [Электронный ресурс]. URL: <https://conomy.ru/investments/issuers/yandex/documents> (дата обращения: 17.07.2024).

Implementation of the principle of good faith by the corporation Zakabunia F.R.

Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

The principle of good faith, as such, is an evaluative factor that is not specified at the legal level. The question of the practical implementation of the principle of good faith by corporations has been little studied at the scientific level. It seems important not only to presume the principle of good faith (always implying its effect "by default") to increase the efficiency of the practical implementation of the principle of good faith by corporations, and also to introduce the obligation of corporations to reflect this principle in their charter documents (at the moment, it is reflected exclusively for members corporation, but not for the company itself), as well as to establish mechanisms for its implementation. This will make it possible not only to clarify the essence and practical significance of the principle of good faith, but also to analyze its compliance with the aim of increasing the efficiency of the functioning of corporations. Compliance with the principle of integrity

by the corporation allows it to increase its credibility, both from consumers and from partners and stakeholders.

Keywords: good faith, legal principle, presumption, civil circulation, civil legal relationship, criteria of good faith.

References

1. Large explanatory dictionary of the Russian language [Electronic resource]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%81&mode=slovari&dicts[]=42) (date of access: 15.07.2024).
2. Vlasova E.A., Shubina O.A. The issue of applying the principle of good faith to a corporation // Innovative scientific research: theory, methodology, development trends. Collection of scientific articles based on the materials of the XII International scientific and practical conference. Ufa. - 2023. - P. 54-57.
3. Vlasova E.A., Shubina O.A. Good faith of participants (founders) of a corporation // Fundamental and applied scientific research: innovation and the modern world. Collection of scientific articles based on the materials of the XII International Scientific and Practical Conference. Ufa. - 2023. - P. 68-72.
4. Gadyev R.I. The concept of a corporation and its main features. Types of corporations // Current Issues in the Development of Modern Science and Technology. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk. - 2023. - P. 37-41.
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Rossiyskaya Gazeta. - 1994. - No. 238-239.
6. Gevorkyan A.S. General provisions on the governing bodies of a corporation and their decisions // The main trends in the development of Russian legislation. Collection of materials based on the results of the XIV Regional Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk. - 2020. - P. 175-179.
7. Zeldner A.G. The role and local state corporations in the modern model of economic development of Russia: monograph. - 2nd ed. - M.: Publishing and trading corporation "Dashkov i K", 2021. - 179 p.
8. Kulakov V.V. Legal entities: a textbook for universities. - M.: Publishing house Yurait, 2021. - 372 p.
9. Lukoil has implemented the Code of Business Ethics [Electronic resource]. URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/lukoil-vnedril-kodeks-delovoi-etiki> (date of access: 07/20/2024).
10. Lukoil. Disclosure of information [Electronic resource]. URL: <https://lukoil.ru/InvestorAndShareholderCenter/Disclosure> (access date: 20.07.2024).
11. Lukoil. Press release. Press Service Message [Electronic resource]. URL: https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/soobshchenie-press-sluzhby_83 (access date: 20.07.2024).
12. Lukoil. Tax Policy [Electronic resource]. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/Taxpolicy> (access date: 20.07.2024).
13. Lukoil. Supply Chain [Electronic resource]. URL: <https://lukoil.ru/Sustainability/supplychain/Supplychain> (access date: 20.07.2024).
14. Rules of business and corporate ethics of the Yandex group of companies [Electronic resource]. URL: <https://yandex.ru/company/rules/code> (date of access: 17.07.2024).
15. Yandex principles [Electronic resource]. URL: <https://yandex.ru/company/values> (date of access: 17.07.2024).
16. Letter of the Bank of Russia dated 10.04.2014 No. 06-52/2463 "On the Corporate Governance Code" // Bulletin of the Bank of Russia. - 2014. - No. 40.
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 30.07.2013 No. 62 "On certain issues of compensation for losses by persons who are members of the bodies of a legal entity" // Solidarity. - 2013. - No. 31.
18. Decision of the Arbitration Court of the Amur Region dated February 26, 2024 in case No. A04-8229/2023 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/EXEsZfqEaXWv/?page=2&arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+225.1.+%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%B0+%D0%BF%D0%BE+%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC+%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BC%28%D0%90%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge= (date of access: 30.07.2024).
19. Charter of the International Company Public Joint Stock Company "Yandex" [Electronic resource]. URL: <https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=39059&type=1> (date of access: 17.07.2024).
20. Charter and internal documents of Yandex N.V. [Electronic resource]. URL: <https://conomy.ru/investments/issuers/yandex/documents> (date of access: 17.07.2024).

Порядок определения действительных налоговых обязательств при переквалификации ученических договоров в трудовые

Клоницкая Анна Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве РФ, anna_klonitskaya@mail.ru

В последние годы в связи с трендами налогового контроля, направленными на ужесточение выявления схем незаконного уклонения от налоговых обязательств, а также ростом налоговой грамотности физлиц, выплата заработной платы «в конвертах» становится неким моветоном в отношениях между работодателем и сотрудником. А большую популярность приобретают формы трудовых взаимоотношений, прикрытые другими сделками, выплаты в рамках которых освобождены от страховых взносов и (или) НДФЛ. Среди них можно выделить стипендии по ученическим договорам, беспроцентные займы сотрудникам, прощаемые в дальнейшем, договора с управляющим ИП, агентские договора, договора с самозанятыми.

В представленной статье автор выполняет расчетно-аналитическую задачу, состоящую в определении метода и демонстрации расчета величины действительных налоговых обязательств при использовании налогоплательщиками ученических договоров с сотрудниками как одного из способов незаконного снижения обязательств по уплате налогов и сборов. Предметом исследования является механизм определения налоговых обязательств по зарплатным налогам и сборам для субъектов предпринимательства, применяющих различные режимы налогообложения. Основой для проведения исследования является единая методика определения действительных налоговых обязательств, концепция которой связывает расчет обязательств с предварительным определением метода их расчета и алгоритмом формирования бремени доказывания.

Ключевые слова: налоговые обязательства, налоговый контроль, переквалификация сделок, ученический договор, трудовой договор, необоснованная экономическая выгода, налоговые риски.

Введение

Эффективность мероприятий налогового контроля является гарантом безопасности российской налоговой системы. Контрольная деятельность налоговой службы в последние годы характеризуется высокой эффективностью. Это связано с расширением автоматизации мероприятий налогового контроля, снижением числа выездных проверок и одновременным увеличением их результативности, а также с широким распространением аналитической деятельности налоговых органов, осуществляемой в рамках предпроверочного анализа. Данные аналитического портала ФНС за 2023 год, свидетельствуют о том, что поступления в бюджет составили 400 млрд. руб. (+ 2,3% к 2022 году). Доначисления по итогам налоговых проверок составили 180 млрд. руб. (45%). Добровольные доплаты налогоплательщиков в рамках аналитической работы Федеральной налоговой службы - 220 млрд. руб. (55%). Исходя из полученных сведений можно сделать вывод, что в прошедшем периоде сложилась тенденция, связанная с активным взаимодействием между налоговым органом и налогоплательщиками в рамках добровольного и самостоятельного уточнения налоговых обязательств.

Исполнение налогоплательщиками обязанностей, предусмотренных налоговым законодательством (уплата налогов и сборов и иных) выступает объектом налогового контроля. По мнению Ж.Г. Попковой [1], термин «обязательство» в НК РФ может использоваться и в качестве синонима термина «обязанность» применительно к уплате налогов, сборов, пеней, процентов, штрафов и т.д. Также данные понятия связывает Э.Ю. Каверина [2], закрепляя, что налоговая обязанность предполагает уплату налогов в размере налогового обязательства. Определению методов расчета и порядка формирования действительных налоговых обязательств (ДНО) посвящены труды ученых Тихоновой А.В. [3], Ильина А.В. [4], Ряховского Д.И. [5], Эриашвили Н.Д., Григорьева А.И [6], Смирновой Е.Е. [7].

В ходе контрольной деятельности налоговые органы часто переквалифицируют сделки с последующим доначислением налогов исходя из реальных фактов ведения финансово-хозяйственной деятельности. Такие переквалификации имеют широкое распространение как приводящие к доначислениям по налогу на прибыль организаций и НДС (переквалификация договора займа в договор поставки, применение агентских схем, дробление и др.), так и к доначислениям зарплатных налогов и взносов (стипендии по ученическим договорам, беспроцентные займы сотрудникам, прощаемые в

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

дальнейшем, договора с управляющим ИП, агентские договора, договора с самозанятыми). В статье рассмотрен порядок определения действительных налоговых обязательств при незаконном применении хозяйствующими субъектами ученических договоров.

Основная часть

В рамках единой методики определения ДНО (далее Методика) [3], нацеленной на снижение неоднозначности трактовки норм ст. 54.1 НК РФ и повышение прозрачности налоговой системы Российской Федерации, порядок определения ДНО будет осуществляться в соответствии со схемой, изображенной на рисунке 1.

Этап 1. Признание базового метода определения ДНО:

- Расчетный метод
- Фактический метод

Этап 2. Формирование бремени доказывания:

- Риск-маркеры схемы
- Меры налогового органа по установлению ДНО

Элемент 3. Расчет ДНО:

- Порядок учета расходов по налогу на прибыль организаций и вычетов по НДС
- Ответственность за неисполнение обязанности другими налогоплательщиками (в случае согласованности действий)

Рис. 1 Схема методики определения действительных налоговых обязательств [3]

При анализе переквалификации указанных выше взаимоотношений между сотрудником и работодателем в трудовые, применение расчетного метода не представляется возможным и не является рациональным. Связано это с тем, что расчетный способ определения налоговой обязанности применим, если нарушение сводится к документальной неподтвержденности совершенной операции⁴², а прикрытием трудовых выплат являются реальные сделки с суммами, как правило, превышающими среднеотраслевые значения и минимальный размер оплаты труда (далее МРОТ), которые могли бы быть приняты во внимание при использовании расчетного метода. Применение расчетного метода, однако, имеет место в том случае, когда форма сотрудничества с работником не позволяет ему числиться в штате организации и позволяет сохранить ей статус субъекта малого и среднего предпринимательства (МСП). В этом случае применение расчетного метода позволит и для штатных, и для выведенных из штата сотрудников пересчитать сумму страховых взносов. Одним из критериев среднего предприятия является среднесписочная численность сотрудников, не превышающая 250 чел. Напомним, что в расчете среднесписочной численности (в отличие от средней) не принимают участие сотрудники, работающие по договорам ГПХ, а также внешние совместители, поэтому наличие большого количество договоров ГПХ с признаками трудовых, имеет под собой риски переквалификации с пересчетом ДНО исходя из стандартного тарифа страховых взносов.

Еще одной особенностью применения трудовых схем ухода от налогообложения является сопутствующий пересчет налоговых обязательств по

налогу на прибыль организаций. При этом пересчет налога на прибыль будет производиться в пользу налогоплательщика, т.к. сумма страховых взносов уменьшает налоговую базу по налогу на прибыль организаций. Следует отметить, что переквалификация договоров в трудовые влечет за собой не только налоговые, но и финансовые риски организации, т.к. включение в расходы исчисленных сумм страховых взносов влияет на себестоимость продукции, а, следовательно, снижает прибыльность организации.

Перед тем как перейти к рассмотрению этапов 2 и 3 Методики укажем риск-маркеры договоров с работниками и меры налогового органа по установлению ДНО, в целом характерные для создания «трудовых» схем ухода от налогообложения.

Риск-маркеры договоров, приводящих к получению необоснованной налоговой выгоды:

- наличие задолженности по НДФЛ и СВ;
- несоответствие контрольным соотношениям по НДФЛ и СВ;
- высокая ротация в уровне заработной платы сотрудников;
- существенное необоснованное изменение численности работников как в большую, так и меньшую сторону за налоговый период;
- наличие ранее предъявленных претензий со стороны контролирующих органов в части подмены трудовых взаимоотношений;
- регулярные выплаты крупных сумм под отчет одному и тому же лицу и т.д.

Меры налогового органа по установлению ДНО:

- поиск вакансий с «заманчивыми» условиями сотрудничества;
- направления требований с просьбой пояснить установленные несоответствия;
- проверка зарплатных ведомостей;
- проверка кассовых документов;
- проверка условий спорных договоров;
- проверка критериев принадлежности субъектам МСП;
- сравнение «зарплатных» показателей со среднеотраслевыми и т.д.

В данной статье будут рассмотрены этапы 2 и 3 Методики для выплат в рамках ученического договора.

Положения ученического договора регулируются главой 32 Трудового кодекса (далее ТК РФ) [4]. Спорной выплатой в рамках использования ученических договоров является стипендия штатным сотрудникам или соискателям. (ст. 198 ТК РФ). Она не облагается страховыми взносами⁴³, т.к. ученический договор не является ни трудовым, ни гражданско-правовым. В ст. 217 НК РФ среди стипендий, не облагаемых НДФЛ (п. 11 ст. 217 НК РФ), стипендии, выплачиваемые работодателем соискателю, отсутствуют, следовательно выплаты по ученическим договорам являются объектом налогообложения НДФЛ у сотрудников (соискателей).

⁴² Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@

⁴³ Письмо Минфина России от 30.07.2021 N 03-04-06/61493

Обязательные условия, содержащиеся в ученическом договоре, закреплены в ст. 199 ТК и к ним относятся:

- указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником;
- обязанность работодателя обеспечить работнику возможность обучения в соответствии с ученическим договором;
- обязанность работника пройти обучение и в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре;
- срок ученичества;
- размер оплаты в период ученичества.

Предметом ученического договора является не обучение, а получение образования для достижения определенной квалификации, а следовательно, если обучение проводит сам работодатель, то в соответствии с ч. 1 ст. 91 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" и п. 40 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 N 99-ФЗ "О лицензировании отдельных видов деятельности" для осуществления образовательного процесса должна быть получена соответствующая лицензия. Однако, если при обучении итоговая аттестация и выдача документов об образовании и (или) квалификации не производится, то организация вправе осуществлять деятельность без лицензии.⁴⁴

В отношении определения налоговых рисков при осуществлении выплат по ученическим договорам следует учитывать, что в расходах данные выплаты могут быть учтены в случае, если соискатели будут приняты в штат (пп.49 п.1 ст. 264 НК РФ), а если речь идет о штатных сотрудниках, то признать расход можно на основании п. 19 и п. 25 ст.255 НК РФ. Если организация применяет УСН признание в расходах данных выплат невозможно ввиду отсутствия данного вида расхода в закрытом перечне ст. 346.16. НК РФ.

Анализ судебной практики по спорам, связанным с ученическими договорами, показал, что наибольшее количество дел приходится на защиту прав работодателей ввиду неисполнения сотрудником (соискателем) условий по договору и последующей невозможности признать работодателем в расходах затраты на обучение.

Дела по переквалификации ученических договоров в трудовые решаются как в пользу налоговых органов, так и в пользу налогоплательщика. Рассмотрим отдельные из них для возможности формирования риск-маркеров и определения мер налогового органа по установлению ДНО.

Таблица 1

Решения судов в пользу налогового органа

Реквизиты дела	Описание сути дела
Постановление Арбитражного	ученические договоры подменяли собой трудовые. В договорах отсутствовал пункт

суда Уральского округа от 21.09.2023 N Ф09-5609/23 по делу N А76-38601/2022	о приобретении учеником дополнительных навыков в результате обучения; договоры заключались не только по обучению, связанному со спецификой деятельности, но и с целью обучения иным профессиям.
Постановление Восемнадцатого ААС от 06.10.2021 N 18АП-12411/2021 по делу N А76-4285/2021	Выплачиваемая ученикам стипендия имела сдельно-повременный характер оплаты труда, зависела от квалификации, сложности работы, временных условий выполнения работы, от количества и качества выпускаемой продукции, имела стимулирующие надбавки за вредные условия труда и другие конкретные условия выполнения самой работы.
Решение АС Республики Алтай от 19.04.2023 по делу № А02-1437/2022	Сведения о материально-техническом оснащении и местонахождении учебного кабинета для проведения лекций, семинаров и тренингов, заявлены формально с целью получения лицензии, Заработная плата работников Общества, заявленных в качестве обучающихся, без учета стипендии значительно ниже МРОТ Установлена подконтрольность организации, оказывающей ученические услуги.
Решение АС Челябинской области от 09.07.2021 по делу № А76-4285/2021	В период обучения ученики принимали участие в производственном процессе наравне с рядовыми работниками. С работниками, ранее работавшими и уволившимися из Общества, которые снова хотели трудоустроиться на ту же самую должность, Обществом вновь заключался ученический договор. Не окончившие обучение ученики, стипендию не возвращали. Фактически выплаченная сумма за период действия ученического договора намного больше, чем должна быть выплачена стипендия по отработанным часам.

Таблица 2

Решения судов в пользу налогоплательщика

Реквизиты дела	Описание сути дела
Постановление АС Волго-Вятского округа от 03.06.2022 N Ф01-2432/2022 по делу N А43-27578/2021	региональное отделение ФСС России (далее - фонд) расценило заключенные компанией ученические договоры как трудовые. По мнению фонда, данные договоры не содержат обязательного для ученического договора условия об обязательстве ученика пройти обучение и в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре. суды пришли к выводу, что отсутствие в договоре требования об обязанности ученика проработать по трудовому договору с работодателем не свидетельствует о том, что договор не является ученическим. Указанная обязанность может быть включена в условия трудового договора, заключаемого по результатам обучения.

Риск-маркеры схемы

В соответствии с 2 этапом Методики рассмотрим риск-маркеры схемы получения необоснованной налоговой выгоды в рамках применения ученических договоров.

⁴⁴ Решение № 12-457/2017 от 21 декабря 2017 г. по делу № 12-457/2017

Таблица 3
Риск-маркеры схемы необоснованного применения ученического договора

Риск-маркеры в договоре	- отсутствие пункта о необходимости приобретения дополнительных навыков, связанных с деятельностью организации;
	- отсутствие условия о сроках, в течение которых соискатель должен отработать в организации после обучения;
	- отсутствие указания формы обучения (образовательный процесс);
	- совпадение срока ученического договора с продолжительностью испытательного срока по трудовому договору, установленного для общей категории работников;
Риск-маркеры в локальных документах	- отсутствие учебных планов.
	- график работы учеников соответствует графику работы сотрудников ООО;
	- ученик подчиняется внутренним положениям об оплате труда работников;
	- виды выплат за учебу (стипендии) разделяются так же, как предусмотрено положением об оплате труда в обществе (в ночное время, в выходные и праздничные дни, за учебу во вредных условиях, за расширенную зону обслуживания и т.д.);
Организационные риск-маркеры	- стипендия имеет сдельно-повременный характер оплаты труда, зависит от квалификации, сложности работы, временных условий выполнения работы.
	- отсутствие связи лиц, оказывавших образовательные услуги по документам, с деятельностью организации/ отсутствие соответствующей квалификации у данных лиц;
	- отсутствие территорий, которые могли бы быть предназначенными для обучения;
	-система наставничества в обществе отсутствует и не практикуется;
	-отсутствие потребности в прохождении обучения ввиду у учеников необходимых навыков.

Меры налоговых органов по установлению ДНО

К мерам налоговых органов по установлению ДНО в рамках рассматриваемой Методики можно отнести:

1. Проверка ученических договоров
2. Договор с образовательной или научной организацией
3. Поиск взаимосвязи положений, относящихся к заработной плате с выплатами в рамках ученических договоров
4. Установление лица (группы лиц), которое фактически производило обучение работников
5. Получение банковских выписок и иных расчетных документов
6. Проверка принадлежности организации к субъектам МСП
7. Проверка лицензии на осуществление образовательной деятельности

Расчет ДНО

Рассмотрим варианты формирования необоснованной экономической выгоды при использовании ученического договора

Для иллюстрации экономии на налогах применим табличную форму, отражающую результаты налоговых обязательств организации при разных режимах налогообложения и разном статусе субъекта хозяйствования (МСП и не МСП). Предполагается, что сумма доходов для целей налогового учета составляет 1 000 000 рублей. Сумма выплат работникам – 100 000 рублей. Результаты расчета налоговых обязательств с учетом данных условий представлены в таблице 4.

Таблица 4
Расчет ДНО

	Расчет	Заработная плата (ОСН, не МСП), руб.	Заработная плата (ОСН, МСП), руб.	Стипендия ОСН, руб.	Стипендия (УСН, Д-Р), руб.	Заработная плата (УСН, МСП, Д-Р), руб.
Выручка	I	1 000 000	1 000 000	1 000 000	1 000 000	1 000 000
ЗП/стипендия	II	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000
НДФЛ	III: (II*0,13)	13 000	13 000	13 000	13 000	13 000
СВ	IV: II*30,2%	30 200	-	-	-	-
СВ для МСП	IV: (II – IV)*0,2/ (I – II – IV)*30,2%		18 086,31			18 086,31
НПО/УСН	V: (I – II – IV)*0,2/ (I – II – IV)*0,15	173 960	176 383	180 000	150 000	132 287
Итого сумма налогов (взносов)	III + IV + V	217 160	207 470	193 000	163 000	163 373
ДНО		217 160 – 193 000 = 24 160	207 470 – 193 000 = 14 470			163 373 – 163 000 = 373

При формировании таблицы принимались во внимание следующие положения налогового законодательства:

1. Сумма страховых взносов для организаций, являющихся субъектами МСП, составляет 15 % с превышения МРОТ (в 2024 г. – 19242 руб.). Сумма взносов на травматизм не меняется
2. При применении УСН сумма стипендий по ученическим договорам не может быть включена в расходы
3. Сумма страховых взносов (выплаченных) уменьшает налоговую базу по налогу на прибыль организаций

При переквалификации выплат по ученическому договору налогоплательщика, применяющего УСН с объектом «доходы, уменьшенные на величину расходов» в заработную плату организации, находящейся на УСН и имеющей статус МСП налоговая выгода практически не образуется. В этой связи выплаты на данных условиях имеют низкие риски быть переквалифицированными в заработную плату

Проведем расчет ДНО исходя из следующих условий:

1. Стипендия на ОСН подменяет заработную плату в организации, применяющей общую систему налогообложения и не являющейся субъектом МСП
2. Стипендия на ОСН подменяет заработную плату в организации, применяющей общую систему налогообложения и являющейся субъектом МСП

При переквалификации выплат по ученическому договору в заработную плату организации, находящейся на ОСН и не имеющей статус МСП следует доначислить страховые взносы по стандартному тарифу 30,2% (с учетом взносов на травматизм) и включить сумму страховых взносов в расходы

$\text{ДНО св} = 100\,000 * 30,2\% = 30\,200 \text{ руб.}$

$\text{ДНО нпо} = 30\,200 * 20\% = - 6\,040 \text{ руб.}$

$\text{ДНО итог} = 30\,200 - 6\,040 = 24\,160 \text{ руб.}$

При переквалификации выплат по ученическому договору в заработную плату организации, находящейся на ОСН и имеющей статус МСП следует доначислить страховые взносы по тарифу 15,2% (с учетом взносов на травматизм) сверх МРОТ, включить сумму страховых взносов в расходы

$\text{ДНО св} = 19\,242 * 0,302 + (100\,000 - 19\,242) * 0,152 = 5\,811,08 + 12\,275,22 = 18\,087 \text{ руб.}$

$\text{ДНО нпо} = 18\,087 * 20\% = - 3\,617 \text{ руб.}$

$\text{ДНО итог} = 18\,087 - 3\,617 = 14\,470 \text{ руб.}$

Следует также отметить, что если в процессе фиктивного обучения начислялись выплаты иному юридическому лицу, ИП или физлицу-наставнику, не состоящему в штате организации, то налоговые обязательства следует уточнить и в рамках данных выплат.

Подменять трудовые отношения ученическими договорами при применении упрощенной системы налогообложения не имеет смысла ввиду невозможности учета в расходах сумм начисленных стипендий.

Выводы

В статье было продемонстрировано применение единой методики расчета действительных налоговых обязательств при переквалификации ученических договоров в трудовые с предварительным определением риск-маркеров схем получения необоснованной налоговой выгоды, а также мер налоговых органов по установлению ДНО. Использование схемы формирования необоснованной экономической выгоды при использовании ученических договоров приводит к такой выгоде в том случае, если организация находится на общей системе налогообложения. Сумма ДНО в данном случае будет различаться в зависимости от принадлежности налогоплательщика к субъекту МСП. Само по себе использование в деятельности указанных договоров является правонарушением со стороны работодателей, т.к. их предмет урегулирован положениями налогового, гражданского и трудовых кодексов, однако в совокупности с иными обстоятельствами, наличие данных сделок может свидетельствовать о получении налогоплательщиком необоснованной экономической выгоды. Расчет действительных налоговых обязательств в случае переквалификации ученических договоров в трудовые позволяет оценить налогоплательщику налоговые риски при планировании применения такого рода схем.

Литература

1. Попкова Ж.Г. Проблемы концепции действительного размера налогового обязательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 142–147.

2. Каверина Э.Ю. Действительное налоговое обязательство: сущность понятия, правовое обоснование и особенности расчета // Финансы и кредит. 2022. Т. 28. №9 (825). С. 2102–2118.

3. Тихонова А.В. Разработка единой методики определения действительных налоговых обязательств // Финансы. 2023. №4. С.36–43.

4. Ильин А.В. Действительное налоговое обязательство по налогу на прибыль: проблемы теории и практики // Вестник РГГУ. Серия: Экономика, управление, право. 2023. №4. С. 100–125.

5. Ряховский Д.И. Трансформация налогового контроля в современных условиях // Modern Economy Success. 2020. № 2. С. 246–255.

6. Эриашвили Н.Д., Григорьев А.И. Парадигма «Налоговой реконструкции» зашла в тупик или новое видение проблемы глазами ФНС России // Вестник московского университета МВД России. 2022. №1. С. 333–338.

7. Смирнова Е. Е. Выявление необоснованной налоговой выгоды при проведении предпроверочного анализа // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 2. С. 266–270.

Procedure for determining actual tax obligations when apprenticeship contracts are reclassified as employment contracts

Klonitskaya A.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In recent years, due to tax control trends aimed at tightening the detection of schemes for illegal evasion of tax obligations, as well as the growth of tax literacy of individuals, the cash payment of wages "in envelopes" is becoming something of a mauvais in relations between employer and employee. And the forms of labor relations covered by other transactions, payments within the framework of which are exempt from insurance fees and (or) personal income tax, are becoming more popular. Among it we can single out scholarships under student contracts, interest-free loans to employees, tax-exempt in the future, agreements with the manager of sole proprietor, agency agreements, agreements with the self-employed.

In the presented article the author fulfills the calculation and analytical task, which consists in determining the method and demonstrating the calculation of the amount of actual tax liabilities when taxpayers use apprenticeship contracts with employees as one of the ways to illegally reduce the obligations to pay taxes and fees. The subject of the study is the mechanism of determining tax liabilities for payroll taxes and fees for business entities applying different taxation regimes. The basis for the study is a unified methodology for determining valid tax liabilities, the concept of which links the calculation of liabilities with the preliminary determination of the method of their calculation and the algorithm of formation of the burden of proof.

Keywords: tax liabilities, tax control, re-qualification of dealings, apprenticeship contract, employment contract, unjustified economic benefit, tax risks

References

1. Popkova J.G. Problems of the concept of the actual size of the tax obligation // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. № 1. С. 142–147.
2. Kaverina E.Y. Actual tax liability: the essence of the concept, legal justification and peculiarities of calculation // Finance and Credit. 2022. Т. 28. №9 (825). С. 2102–2118.
3. Tikhonova, A.V. Development of a unified methodology for determining valid tax liabilities // Finance. 2023. №4. С.36–43.
4. Ilyin, A.V. Valid tax liability for income tax: problems of theory and practice // Vestnik RGGU. Series: Economics, Management, Law. 2023. №4. С. 100–125.
5. Ryakhovskiy D.I. Transformation of tax control in modern conditions // Modern Economy Success. 2020. № 2. С. 246–255.
6. Eriashvili N.D., Grigoriev A.I. The paradigm of "Tax reconstruction" has reached a dead end or a new vision of the problem through the eyes of the Federal Tax Service of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. №1. С. 333–338.
7. Smirnova E. E. Detection of unjustified tax benefit in the pre-trial analysis // Problems of economics and legal practice. 2023. Т. 19. № 2. С. 266–270.

Статус участника юридического лица – банкрота при оспаривании сделок должника

Коляда Захар Николаевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса Уральского института РАНХИГС при Президенте Российской Федерации

В современном мире, в котором банкротство является стандартной ликвидационной процедурой, все чаще возникает вопрос о правовом статусе участника в процедуре банкротства юридического лица. Данный субъект при обозначенной процедуре приобретает совершенно иной статус, который не описан законодательством. В настоящей статье будет исследован вопрос возможности участника юридического лица – должника инициировать обособленный спор об оспаривании сделок.

Ключевые слова: банкротство, участник юридического лица, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность.

При введении в отношении юридического лица (далее – ЮЛ) процедуры конкурсного производства (далее – КП), критерии определения статуса учредителя ЮЛ перетекает в сферу банкротного законодательства, которое не дает каких-то четких определений данного статуса.

Стоит обозначить, что под участником ЮЛ понимается лицо, которое владеет определенной долей компании, является ее владельцем или совладельцем. Такое участие представляет данному лицу ряд прав в сфере управления и возможность извлекать доход из такого участия, а также определенное количество обязанностей. В рассматриваемом случае, не стоит путать «участника» и «учредителя». Это обуславливается тем аспектом, что последний упомянутый является непосредственно тем лицом, которое учредило ЮЛ и в дальнейшем стало его участником.

При введении в отношении ЮЛ процедуры КП, критерии определения статуса учредителя ЮЛ перетекает в сферу банкротного законодательства, которое не дает каких-то четких определений данного статуса. И это при том обстоятельстве, что у последнего имеется собственный правовой статус в отношении ЮЛ-банкрота.

В ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ № 127) определено специальное (по отношению к общему правилу, упомянутому в ст. 56 ГК РФ), правило о разграничении ответственности. Так при определенных условиях и недостаточности имущества должника ЮЛ для расчетов со всеми кредиторами, лица, контролирующие должника ЮЛ, включая и участников должника, могут быть привлечены к соответствующей субсидиарной ответственности (далее – СО) по имеющимся у компании долгам.

Упоминание участника ЮЛ можно встретить лишь в нескольких статьях ФЗ № 127. Например, в ст. 19 ФЗ № 127 участник ЮЛ признается в качестве заинтересованного (аффилированного). Помимо этого в ст. 61.10 ФЗ № 127 закреплено определение такого понятия, как «контролирующее лицо» (далее – КЛ). Под рассматриваемым термином понимается физическое лицо, выступающее участником должника. Принимая во внимание судебную практику, факт владения участником (акционером) части уставного капитала ЮЛ менее 10% не предоставляет возможности каким-либо образом отнести подобного участника (акционера) к лицам, контролирующим должника ЮЛ (постановление АС Московского округа от 24.10.2018 по делу № А40-172577/2017, постановление АС Московского округа от 12.07.2018 по делу № А40-22376/2014).

Следовательно, можно говорить о том, что в рассматриваемой практике сформировалась презумпция «контроля» участника ЮЛ, что предполагает вину в доведении предприятия до состояния экономического кризиса и объективного банкротства, пока иное не будет опровергнуто и доказано им.

Учитывая, что итогом процедуры банкротства является уменьшение имущества компании вследствие его продажи с публичных торгов для целей расчетов с кредиторами либо прекращение существования организации, что непосредственно затрагивает имущественное положение ее участников, очевидно, что данные вопросы не могут решаться без учета воли его участников и соблюдения их прав.

Базисной целью участников является порождение корпорации и использование ее для опосредованного предпринимательского участия в гражданском обороте с целью получения соответствующих имущественных выгод⁴⁵. Возникновение же признаков несостоятельности и дела о банкротстве (далее – ДоБ) в отношении ЮЛ напрямую влияет на интерес его участника.

При этом в нормах закона не определен точный и единый перечень прав и обязанностей владельцев бизнеса. В той или иной степени, участнику ЮЛ, для всестороннего обеспечения возможности защищать собственные интересы в исследуемом вопросе, следует обязательно обращаться с ходатайством о допуске его к участию в ДоБ самостоятельно. Стоит отметить, что такая возможность предоставляется участнику не всегда. Например, суд обладает вполне законным правом отказать лицу в самостоятельном участии в ДоБ ЮЛ, имеющему долю в уставном капитале данного ЮЛ, подчеркнув, что нормами ФЗ № 127 не предусмотрена возможность привлечения участника ЮЛ к участию в арбитражном процессе по ДоБ⁴⁶.

Отсутствие в ФЗ № 127 достаточного упоминания участника ЮЛ не раз отмечалось в научной литературе. Например, Н. А. Емелькина указывала, что законодатель достаточно долгое время вообще «забывал» о существовании таких заинтересованных лиц в отношениях несостоятельности – учредителей (участников) должника⁴⁷.

Помимо вышеуказанного, участник имеет право принимать самостоятельное участие в ДоБ. Но только в том случае, если он привлечен в качестве третьего лица и не заявляет самостоятельных требований относительно предмета спора, а его процессуальный статус включает право на обжалование судебных актов. Это дает последнему возмож-

ность пользоваться только процессуальными правами в рамках конкретного обособленного судебного спора.

Следовательно, подобное лицо обладает возможностью принимать участие в ДоБ ЮЛ в качестве участника всего дела, если суд удовлетворит ходатайство в качестве участника конкретного обособленного судебного спора, а помимо этого, если он привлечен судом в качестве третьего лица и в качестве ответчика в споре о привлечении лиц, контролирующих должника ЮЛ к СО, отталкиваясь от презумпции контроля, закрепленной в ФЗ № 127.

Особо подчеркнем, что последнее является самым распространенным. Это обуславливается тем, что согласно данным, содержащимся в статистическом бюллетене ЕФРСФДЮЛ, по ДоБ на 30.06.2023 г. можно увидеть, что в период январь-июнь 2023 года подано порядка 3260 заявлений о привлечении к СО. Свыше 90% всех вышеупомянутых заявлений, в качестве соответчика упоминают именно участников должника-ЮЛ.

Следовательно, на текущий момент самой распространенной формой участия участников ЮЛ в ДоБ – это КЛ должника, выступающее ответчиком в отдельно взятом споре о привлечении к СО.

В настоящий момент, ФЗ № 127 рассматривает КЛ должника как такое лицо, которое осуществляет самостоятельный контроль над должником. При этом, ряд авторов, включая и А. Н. Николаева, указывают, что контроль над должником может быть реализован и посредством совместных действий сразу нескольких лиц⁴⁸.

Как уже упоминалось выше, объем прав и обязанностей участника в полном объеме не раскрыт. Нормами закона, включая ФЗ № 127, и имеющейся судебной практикой предусмотрено только несколько форм возможного участия таких лиц в ДоБ ЮЛ.

Между тем, не существует достаточного количества разъяснений судебной практики, раскрывающих возможности участника в ДоБ ЮЛ. Это обуславливается тем аспектом, что в нормах ФЗ № 127 определено, что участник имеет право выступать лишь как КЛ должника, что по факту приводит его только лишь к участию в качестве ответчика в конкретном споре о привлечении к СО. Так, в ст. 34 ФЗ № 127 содержится перечень участников ДоБ, в котором учредитель должника отсутствует.

Рассматриваемое положение ФЗ № 127-ФЗ, по нашему мнению, не принимает во внимание статус участника должника в ДоБ. Это обуславливается тем, что последний все еще продолжает числиться, как собственник ЮЛ, то есть доля участия является

⁴⁵ Семерьянова Нина Анатольевна. Учредители (участники) хозяйственного общества и их правовой интерес в процессе несостоятельности (банкротства) : (теоретико-методологические основания) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : 2008 197 с. [Российская академия правосудия].

⁴⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2018 по делу № А40-172577/2017, постановление АС Московского округа от 12.07.2018 по делу № А40-22376/2014.

⁴⁷ Емелькина Наталья Анатольевна. Защита прав учредителей (участников) должника в деле о несостоятельности (банкротстве)

: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : Санкт-Петербург, 2004 188 с. РГБ ОД, 61:05-12/99

⁴⁸ Николаев, Алексей Радьевич. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности : банкротства : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Николаев Алексей Радьевич; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2013.- 213 с.: ил. РГБ ОД, 61 13-12/449.

его непосредственным активом, что должно представлять подобному участнику конкретное количество корреспондирующих между собой прав и обязанностей.

Отталкиваясь от упомянутой выше судебной практики, представляется возможным заключить, что у судов сформировалась презумпция «контроля», предполагающая доказанным причинно-следственную связь между действиями, совершенными участником должника (КЛ) и причинами банкротства ЮЛ. Указанное налагает на подобного участника лишь ряд определенных обязанностей, к которым относится экономическое обоснование своих действий как КЛ, доказывание отсутствия вины в доведении ЮЛ до процедуры банкротства и т.д. Наглядным примером выступает Постановление КС РФ от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой, поступившей от гражданки Г. В. Карпук» и Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2021 по делу № А12-7965/2020. Но каких-либо корреспондирующих прав для рассматриваемого лица, не учитывая общепроцессуальные права, указанные в АПК РФ, не устанавливаются ни нормами ФЗ № 127, ни имеющейся судебной практикой.

Следовательно, процессуальные права участника должника сводятся исключительно к представлению отзывов и возражений, а помимо этого и принятию непосредственного участия в судебных заседаниях в отдельных возникших спорах, где он является стороной-ответчиком. Это обстоятельство приводит к тому, что подобный участник не обладает никакой возможностью подавать самостоятельные процессуальные документы в ДоБ (самый распространенный случай – это заявления о признании совершенной сделки должника как недействительной), а помимо этого инициировать отдельные споры в ДоБ и т.д.

Иными словами, не соблюден баланс прав и обязанностей учредителя как одного из участников ДоБ, что, по нашему мнению, является грубым нарушением интересов участника ЮЛ, и это утверждение разделяют многие правоведы. К примеру, Н. А. Власенко подчеркивает, что под наличием баланса интересов в правовом регулировании следует подразумевать проявление принципа разумности, цель которого – обеспечение фактического действия права, а помимо этого его эффективности и гибкости⁴⁹.

Вышеописанная проблема привела к тому, что в последнее время довольно часто возникают вопросы, касающиеся статуса участника ЮЛ в отдельных спорах об оспаривании сделки должника, начиная, непосредственно, от права инициирования данного спора и заканчивая вступлением в качестве

третьего лица. Так, в деле № А75-20480/2019 возникла ситуация, которая максимально четко и точно демонстрирует пробел законодательства.

В упомянутом деле № А75-20480/2019 конкурсные кредиторы подали заявление о признании сделки должника ЮЛ недействительной. При выяснении обоснованности данного требования и всех нюансов по заявлению в первой инстанции, участник должника – КЛ присоединилось к исковому заявлению конкурсных кредиторов и заняло достаточно активную позицию по рассматриваемому спору.

Еще раз подчеркнем, что ФЗ № 127 не содержит в себе каких-либо разъяснений о том, может ли участник ЮЛ принимать участие в подобных отдельных спорах на стороне истца, а самое главное – может ли подобное лицо инициировать подобные отдельные разбирательства. Но в рамках упомянутого выше дела абсолютно все кредиторы заявили собственный отказ от заявления о признании сделки должника недействительной. Как следствие, это повлекло за собой прекращение данного спора, без принятия в какое-либо внимание мнения и позиции самого участника должника.

Иными словами, позиция участника должника была оставлена без рассмотрения с соответствующей ссылкой на анализируемые выше нормы ФЗ № 127, которые не упоминают данное лицо в качестве участников ДоБ или не наделяют их правами инициации отдельных споров в ДоБ.

При этом суды не приняли во внимание то обстоятельство, что участник организации, как и все иные субъекты, является заинтересованным в итоговом исходе обособленного спора об оспаривании сделки должника ЮЛ. Например, в указанном выше судебном разбирательстве, требования были заявлены на общую сумму пятьсот миллионов рублей. Следовательно, теоретически, конкурсная масса должника ЮЛ могла быть пополнена на эту сумму, что существенно повысило бы шанс удовлетворения части, заявленных со стороны кредиторов, требований, включенных в реестр.

Возвращаясь к вопросу, касающегося участия собственников и совладельцев ЮЛ – должника в обособленном споре об оспаривании совершенной сделки сформулируем выводы, которые можно встретить и в постановлении апелляционной инстанции, на основании которого вышеупомянутое определение было отменено.

При разрешении заявления о признании сделки должника ЮЛ недействительной, имущественные интересы сообщества кредиторов должника ЮЛ прямо противопоставляются интересам ответчика по оспариваемой сделке⁵⁰. Иными словами, материальное право на инициацию рассматриваемого спора возникает исключительно тогда, когда подобным действием (сделкой) нарушается баланс интересов сообщества кредиторов и ответчика, когда последний получает исключительно то, на что и рас-

⁴⁹ Власенко Н.А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования/ Журнал Российского права, 2011, с. 45-57.

⁵⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 № 03-ЭС20-2155 по делу № А55-30718/2016.

считывали кредиторы. Подчеркивается, что подобные высказывания неоднократно подтверждались имеющейся судебной практикой⁵¹.

Между тем, участник должника ЮЛ, в ДоБ которого рассматривается обособленный спор об оспаривании ранее совершенной сделки, не числится в качестве члена гражданско-правового сообщества независимых кредиторов должника ЮЛ.

Цель сообщества кредиторов (конкурсных кредиторов) и участника должника ЮЛ, принимающих участие в процессе на одной стороне конкурсного оспаривания, совпадают исключительно в плоскости именно этого спора. Данное обстоятельство предоставляет возможность участнику должника полагать, что кредиторы действуют еще и в его интересах. Особо подчеркивается, что указанная цель опосредована исключительно результатом оспаривания сделки и пополнения конкурсной массы, в то время как причины подобной цели сообщества кредиторов и участника должника ЮЛ отличаются между собой.

Говоря о цели сообщества кредиторов при рассмотрении обособленного спора нужно отметить, что она исходит из роста шансов удовлетворения собственных требований при начале мероприятия распределения конкурсной массы, поскольку результат рассмотрения заявления об оспаривании сделки может определенным образом повлиять на пополнение конкурсной массы. Отмечается, что в ФЗ № 127 указано, что законный финансовый интерес каждого кредитора должника состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а помимо этого и инструменты воздействия на ход процедуры банкротства направлены на достижение указанной выше цели⁵².

Цель участника должника, преимущественно, исходит из возможного или уже начатого процесса привлечения к СО, где взысканные по оспоренной сделке, при участии подобного лица, денежные средства могут сократить размер ответственности или помогут полностью ее избежать. Это обуславливается тем, что размер СО непосредственно зависит от результата погашения реестра требований кредиторов должника. Иными словами, цель КЛ должника объективно отличается от цели конкурсных кредиторов должника, и подобное лицо не включается в состав гражданско-правового сообщества кредиторов. Аналогичную правовую позицию изложил, и Восьмой арбитражный апелляционный суд в постановлении от 03.03.2020 по делу № А81-28/2017 и она была поддержана со стороны Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.06.2020 по рассматриваемому делу. На основании Определения ВС РФ от 14.12.2020 № 306-ЭС19-11427(5) по делу № А81-28/2017, в передаче кассационной жалобы на указанные судебные акты для

рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, было отказано.

В п. 11 ст. 61.11 ФЗ № 127 определено, что размер СО лица, контролирующего должника подлежит уменьшению, если им будут представлены доказательства о том, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине данного лица, не сильно меньше размера требований, которые подлежат удовлетворению за счет этого КЛ.

Если банкротство наступило в результате действий (бездействий) КЛ, но при этом росту размера долга помимо указанных действий (бездействий) способствовали и некоторые внешние факторы (например, порча продукции, произведенной ранее должником в результате наступившего наводнения), то размер СО КЛ, согласно абз. 2 п. 11 ст. 61.11 ФЗ № 127, может быть уменьшен⁵³.

Следовательно, цели кредиторов и участника должника вполне могут совпадать, но исключительно в плоскости одного конкретного спора и выражаются они в участии на одной процессуальной стороне в этом споре, тогда как содержательно данные цели продиктованы совершенно разными интересами.

Между тем, если принять факт, что участник должника фактически является лицом, которое вправе инициировать обособленные споры об оспаривании сделок должника, преследуя тем самым свою правовую цель (даже учитывая, что ему, скорее всего, придется обосновать суду, что все совершенные с третьим лицом сделки значительно ухудшили его имущественное состояние, а помимо этого не предоставили возможности в полной мере погасить все существующие требования кредиторов, и главное, что в его случае, это позволит снизить размер потенциальной СО), может возникнуть вполне логичный вопрос, касающийся того, имеется ли процессуальная возможность подачи подобного заявления в ДоБ именно от участника ЮЛ.

В рассматриваемой ситуации довольно интересным являются основания оспаривания сделок должника по ст. 61.2 ФЗ №127. Указанная норма предполагает признание сделки недействительной по причине ее совершения во вред стороне-кредиторам, что напрямую указывает на субъективный состав лиц, обладающих правом инициировать подобные обособленные споры, что дает соответствующую возможность суду принять отказ кредиторов или арбитражного управляющего по заявлению об оспаривании сделки, даже с принятием во внимание возражений участника должника, занимающего довольно активную позицию по этому спору.

Следует особо подчеркнуть, что все нормы, содержащиеся в ФЗ № 127 и регулирующие вопрос признания сделок должника недействительными,

⁵¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5613 по делу № А40-118964/2018.

⁵² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017.

⁵³ Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве».

базируются на потребности наличия вреда кредиторам, что определяет субъективный состав инициации подобных споров. Исходя из этого, возникает вполне логичный вопрос, касающийся возможности участника ЮЛ-банкрота направлять в суд соответствующее заявление об оспаривании сделки должника, принимая во внимание нормы ФЗ № 127. Это обуславливается тем, что факт того, что должник обладает подобным правом и интересом, нами было определено в исследовании ранее.

По нашему мнению, свою цель подобный участник может реализовать посредством заявления собственных требований по данному спору при помощи оспаривания совершенных сделок должника по корпоративным или общегражданским основаниям. Но ни в коем случае не по основаниям, которые напрямую связаны с причинением подобными сделками вреда имущественным правам кредиторов. О подобной правовой возможности писали многие правоведы. К примеру, Н. А. Емелькина указывала о необходимости предоставить участникам должника наравне с внешним управляющим и кредиторами, право оспаривать такие сделки, которые совершены должником-ЮЛ в течение 6 месяцев, предшествующих подаче заявления о признании должника банкротом, а помимо этого и те, которые связаны с выплатой (выделом) доли (пая) в имуществе должника участнику должника ЮЛ по причине его выхода из состава участника должника ЮЛ, если исполнение подобной сделки существенно нарушает права и интересы данного участника должника⁵⁴. Подчеркнем, что данные высказывания касались только отдельных ситуаций (выплата фактической стоимости доли), тогда как глобально подобная возможность всесторонне не исследовалась.

Разница банкротных и иных оснований для оспаривания сделок различаются тем, что при «иных основаниях» в законе нет четко определенного субъектного состава, а в некоторых случаях участник входит в этот список лиц.

Подводя итог всему вышеописанному, можно заключить, что проблема в понимании правового статуса участника ЮЛ, признанного банкротом довольно актуальна. Данный пробел показан на примере участия такого лица в обособленном споре об оспаривании сделок должника. По итогу анализа норм ФЗ № 127 и имеющейся судебной практики установлено, что если участник должника имеет определенные основания для сокращения размера его потенциальной СО на размер вреда должнику, причиненного оспариваемыми сделками, то он обладает правом самостоятельно инициировать обособленный спор о признании подобных сделок, в Доб, недействительными. Подобное право возникает у последнего, отталкиваясь от преследуемых им целей в процедуре банкротства, отличающихся от целей тех же кредиторов. Между тем, важным здесь остается вопрос способа реализации права инициации обособленных споров по признанию сделок должника недействительными, поскольку

нормы ФЗ № 127 о признании сделок должника недействительными основаны на необходимости наличия вреда кредиторам, что определяет субъектный состав инициации таких споров. Самым оптимальным решением данной проблемы видится использование участником ЮЛ-банкрота общегражданских и корпоративных оснований для признания сделок недействительными.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 // СПС «КонсультантПлюс»;
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155 по делу № А55-30718/2016 // СПС «КонсультантПлюс»;
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5613 по делу № А40-118964/2018 // СПС «КонсультантПлюс»;
7. Постановление АС Московского округа от 24.10.2018 по делу № А40-172577/2017, постановление АС Московского округа от 12.07.2018 по делу № А40-22376/2014 // СПС «КонсультантПлюс»;
8. Емелькина Наталья Анатольевна. Защита прав учредителей (участников) должника в деле о несостоятельности (банкротстве) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : Санкт-Петербург, 2004 188 с. РГБ ОД, 61:05-12/99.
9. Лебедев В.М. Правосудие в современном мире / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.М. Лебедева. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 720 с.;
10. Николаев, Алексей Радьевич. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности : банкротства : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Николаев Алексей Радьевич; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина].- Москва, 2013.- 213 с.: ил. РГБ ОД, 61 13-12/449.
11. Семерьянова Нина Анатольевна. Учредители (участники) хозяйственного общества и их правовой интерес в процессе несостоятельности (банкротства) : (теоретико-методологические основания) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : 2008 197 с. [Российская академия правосудия].

⁵⁴ Емелькина Наталья Анатольевна. Защита прав учредителей (участников) должника в деле о несостоятельности (банкротстве)

: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : Санкт-Петербург, 2004 188 с. РГБ ОД, 61:05-12/99.

Status of a participant in a bankrupt legal entity when challenging the debtor's transactions

Kolyada Z.N.

RANEPA

In the modern world, in which bankruptcy is a standard liquidation procedure, the question increasingly arises about the legal status of a participant in the bankruptcy procedure of a legal entity. During the indicated procedure, this subject acquires a completely different status, which is not described by law. This article will examine the issue of the possibility of a participant in a legal entity—the debtor—to initiate a separate dispute to challenge transactions.

Keywords: bankruptcy, participant in a legal entity, challenging transactions, subsidiary liability.

References

1. Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ (as amended on December 25, 2023) "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "ConsultantPlus";
2. Federal Law of December 26, 1995 No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies" // SPS "ConsultantPlus";
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2017), approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 11/15/2017 // SPS "ConsultantPlus";
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 "On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy" // SPS "ConsultantPlus";
5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 3, 2020 No. o 306-ES20-2155 in case No. A55-30718/2016 // ATP "ConsultantPlus";
6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 26, 2020 No. 305-ES20-5613 in case No. A40-118964/2018 // ATP "ConsultantPlus";
7. Resolution of the Moscow District Court of Justice dated October 24, 2018 in case No. A40-172577/2017, resolution of the Moscow District Court of Justice dated July 12, 2018 in case No. A40-22376/2014 // ATP "ConsultantPlus";
8. Emelkina Natalya Anatolyevna. Protection of the rights of the founders (participants) of the debtor in an insolvency (bankruptcy) case: Dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.03: St. Petersburg, 2004 188 p. RSL OD, 61:05-12/99.
9. Lebedev V.M. Justice in the modern world / ed. T.Ya. Khabrieva, V.M. Lebedeva. M.: Norma: NIC INFRA-M, 2014. 720 pp.;
10. Nikolaev, Alexey Radevich. Legal status of persons controlling the debtor in insolvency procedures: bankruptcy: dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Nikolaev Aleksey Radevich; [Place of protection: Moscow. state legal acad. them. O.E. Kutafina].- Moscow, 2013.- 213 p.: ill. RSL OD, 61 13-12/449.
11. Semeryanova Nina Anatolyevna. Founders (participants) of a business company and their legal interest in the process of insolvency (bankruptcy): (theoretical and methodological grounds): Dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.03: 2008 197 p. [Russian Academy of Justice].

Проблемы и перспективы правового регулирования криптовалют в России

Михайлинский Глеб Олегович

студент Юридического института Сибирского федерального университета

Вопрос о статусе криптовалют и порядке их использования на территории нашей страны вызывает значительный интерес и дискуссии как среди экспертов, так и среди обычных граждан. Возникновение новых объектов права связано со всеобъемлющим процессом цифровизации, который не обошёл стороной в том числе правовую систему. При этом отношение государства к подобному рода явлениям долгое время оставалось негативным и вплоть до недавнего времени криптовалюта находилась вне правового поля. Целью настоящей статьи является определение текущего статуса криптовалюты с точки зрения законодателя и оценка перспектив признания криптовалюты как средства платежа на территории России. С этой целью в статье произведён анализ развития законодательства и судебной практики в сфере регулирования правоотношений, связанных с оборотом цифровой валюты, новеллы в данной области. Отдельно рассмотрены положения закона об экспериментальном правовом режиме для внешнеторговых сделок с использованием криптовалюты. Произведено сравнение криптовалют и цифрового рубля, сделано заключение о разнопорядковом характере данных правовых явлений. Сделан вывод о постепенном смягчении законодательного подхода к вопросам регулирования криптовалюты и положительном характере данной закономерности с экономической точки зрения.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, средства платежа, цифровая валюта.

Отечественная правовая система в XXI веке претерпевает масштабные преобразования. Немаловажную роль в этом играет процесс т.н. цифровизации, то есть внедрения инновационных технологий в различные сферы жизни, в том числе в правовую сферу. Рассматривая цифровизацию в контексте частного права, можно выделить проблему расширения перечня объектов гражданских прав. Такие «цифровые» объекты пока ещё не в полной мере урегулированы законодательством, что порождает ряд практических проблем. В рамках данной статьи мы рассмотрим такие явления, как криптовалюты и цифровая валюта.

В целях лучшего анализа состояния правового регулирования в указанной области, совершим небольшой экскурс в историю вопроса. Впервые понятие криптовалюты в РФ появилось в 2014 году, когда Центральный банк РФ выпустил информационное письмо № 89, в котором предостерег граждан от совершения каких-либо сделок с использованием криптовалюты, назвав все подобные сделки сомнительными, а саму криптовалюту - денежным суррогатом [1].

Вплоть до 2017 года в судебной практике наблюдалось негативное отношение к криптовалюте. Так, в 2016 году Шестой ААС признал исполнение обязательства криптовалютой ненадлежащим в связи с отсутствием у неё статуса объекта гражданских прав [2].

В решении по делу № 2-869/2016 Анапского городского суда Краснодарского края суд изложил следующую позицию: криптовалюта не может быть признана платежным средством, а размещение информации о криптовалюте в открытом доступе с целью создания интереса к приобретению криптовалюты нарушает требования неопределенного круга лиц в связи с децентрализованным характером криптовалюты и невозможностью участия контролирующих органов в её обороте. [3]

В 2017 году Президент подписал Указ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», а также Президентом был разработан перечень поручений, согласно которому Правительство должно было разработать статус активов, используемых в сфере экономики, среди таких активов была и криптовалюта, при этом рубль должен был оставаться единственным законным платежным средством. [4]

В 2018 году позиция о том, что сделки с криптовалютой не подлежат защите со стороны государства, была опровергнута Девятым ААС. Суд признал криптовалюту иным имуществом по статье 128 ГК РФ. [5]

В 2019 году в Государственную Думу был внесён законопроект, целью которого являлось урегулирование отношений, связанных с криптовалютой. Предполагалось закрепить за криптовалютой статус имущества, но никак не платежного средства.оборот криптовалюты предполагал создание специализированных электронных площадок, на которых профессиональные участники совершали бы сделки с использованием криптовалюты.

С принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ №259), законодатель уточнил регулирование криптовалюты в Российской Федерации. [6]

Во-первых, установлено требование о получении разрешения криптовалютными операторами: ФЗ №259 также устанавливает лицензирование криптовалютных операторов и платформ для обмена криптовалюты на рубли или другие финансовые активы. Эти лицензированные операторы могут предоставлять услуги обмена криптовалюты, но не могут предлагать ее в качестве средства платежа за товары и услуги.

Во-вторых, установлены исключения для тестирования цифровых активов: Закон предоставляет исключения, позволяющие ограниченное использование цифровых активов в экспериментальных целях или для тестирования, но только в соответствии с правилами и требованиями, установленными Центральным банком России.

В-третьих, ст. 14 ФЗ №259 прямо устанавливает запрет на использование криптовалюты в качестве средства платежа на территории РФ. Необходимым условием защиты прав участников сделки с криптовалютой является извещение налоговых органов о наличии криптовалюты и совершении с ней сделки.

Рассмотрим некоторые доктринальные позиции. Ситник А.А. отмечает, что в законодательстве наметился курс на отнесение криптовалюты к имуществу, а не к средствам платежа. При этом использование криптовалюты как платежного средства возможно, например, при купле-продаже криптовалюты, внесении криптовалюты в уставный капитал юридического лица. Законодатель не устанавливает запрет на совершение данных операций. [7] Гринь О.С. также выразил мнение, что законодатель ограничил использование криптовалюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, работы и услуги, целенаправленно лишив криптовалюту статуса средства платежа [8].

В научной доктрине запрет на использование криптовалют в качестве средства платежа вызывает недовольство среди некоторых предпринимателей и криптовалютных сообществ. Они считают, что криптовалюты могут представлять собой удобное и эффективное средство платежа, способствующее развитию экономики и содействию инновациям. Они также указывают на то, что другие страны, такие как США, Канада и Европейский союз, уже начали регулировать криптовалюты и разрешают их использование для различных видов операций. С другой сто-

роны, сторонники ограничений считают, что криптовалюты могут быть использованы для незаконных целей, таких как отмывание денег и финансирование терроризма. Они также опасаются, что криптовалюты могут создавать риски для финансовой стабильности и безопасности потребителей. [9]

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что на сегодняшний день криптовалюта не может рассматриваться как средство платежа на территории РФ, так как законодателем установлен запрет на размещение предложений о встречном предоставлении криптовалюты за товары, работы и услуги. При этом криптовалюта может рассматриваться как способ обмена и инвестиций.

Однако данная сфера правового регулирования весьма динамична. Об этом свидетельствует принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. N 223-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", который вступил в силу 1 сентября 2024 года. Этот закон урегулировал применение экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций для совершения внешнеторговых сделок с использованием цифровой валюты [10].

Решение об установлении экспериментального режима будет принимать Банк России по согласованию с Минфином, ФСБ и Росфинмониторингом. Экспериментальный режим заключается в возможности изменения или неприменения отдельных норм, касающихся совершения операций с цифровыми валютами; использования соответствующей терминологии; требований к функционированию электронных платформ; оборота цифровых валют в качестве товара.

В заключение также хотелось бы отметить другую законодательную новеллу, а именно введенный в обращение в 2023 году цифровой рубль. На сегодняшний день завершается так называемый «пилотный» период его использования, к 2025 году планируется переход всех банков на использование цифрового рубля. В науке встречается мнение о том, что цифровой рубль был введен с целью противодействия распространению криптовалют и иных денежных суррогатов [11]. Однако с этим нельзя согласиться, поскольку цифровой рубль легально определен как разновидность безналичных денежных средств и его обращение изначально осуществляется сугубо централизованно, в то время как рынок криптовалют децентрализован и влияет на его динамику посредством введения цифрового рубля по этой причине невозможно.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании в российском законодательстве тенденции к переходу от полного запрета использования криптовалюты к некоему компромиссному варианту, при котором цифровая валюта используется в строго установленных государством пределах. Данная динамика представляется положительной и отвечающей закономерностям развития современной экономики.

Литература

1. Информационное письмо Банка России от 27.01.2014 г. Об использовании при совершении

сделок виртуальных валют, в частности, биткойн // URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158121/ (дата обращения: 04.11.2023).

2. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2016 г. по делу № А73-6112/2015 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.11.2023).

3. Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 25 февраля 2016 г. по делу № 2-869/2016 // URL: <https://sudact.ru>

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 04.11.2023).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2018 г. по № 09АП-16416/18 по делу № А40-124668/17 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 04.11.2023).

6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 04.11.2023).

7. Ситник А.А. Цифровые валюты центральных банков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. №9 (73).

8. Гринь О.С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex Russica. 2020. №10 (167).

9. Емельянов Д.С. Правовой статус криптовалюты в Российской Федерации и за рубежом : выпускная квалификационная работа. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, 2021.

10. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. N 223-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // URL: <http://www.consultant.ru>.

11. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73-90.

Problems and prospects of legal regulation of cryptocurrencies in Russia Mikhailinsky G.O.

Siberian Federal University

The issue of the status of cryptocurrencies and the procedure for their use on the territory of our country causes considerable interest and discussion among both experts and ordinary citizens. The emergence of new objects of law is associated with a comprehensive process of digitalization, which has not bypassed the legal system, among other things. At the same time, the state's attitude to such phenomena has remained negative for a long time and until recently, the cryptocurrency was outside the legal field. The purpose of this article is to determine the current status of cryptocurrencies from the point of view of the legislator and to assess the prospects for recognizing cryptocurrencies as a means of payment in Russia. To this end, the article analyzes the development of legislation and judicial practice in the field of regulation of legal relations related to the circulation of digital currency, novelties in this area. The provisions of the law on the experimental legal regime for foreign trade transactions using cryptocurrency are considered separately. A comparison of cryptocurrencies and the digital ruble was made, and a conclusion was made about the different order nature of these legal phenomena. The conclusion is made about the gradual softening of the legislative approach to the regulation of cryptocurrencies and the positive nature of this pattern from an economic point of view.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, means of payment, digital currency.

References

1. Information letter of the Bank of Russia dated 27.01.2014. On the use of virtual currencies, in particular bitcoin, in transactions // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158121/ (date of access: 04.11.2023).
2. Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated June 28, 2016 in case No. A73-6112/2015 // URL: <https://sudact.ru> (date of access: 04.11.2023).
3. Decision of the Anapa City Court of the Krasnodar Territory dated February 25, 2016 in case No. 2-869/2016 // URL: <https://sudact.ru>
4. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (date of access: 11/04/2023).
5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated September 15, 2018 No. 09AP-16416/18 in case No. A40-124668/17 // URL: <https://sudact.ru> (date of access: 11/04/2023).
6. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (accessed: November 4, 2023).
7. Sitnik A.A. Digital Currencies of Central Banks // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2020. No. 9 (73).
8. Grin' O.S. Obligatory Relations Regarding Digital Objects of Civil Rights // Lex Russica. 2020. No. 10 (167).
9. Emelianov D.S. Legal Status of Cryptocurrency in the Russian Federation and Abroad: Final Qualification Work. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, 2021.
10. Federal Law of August 8, 2024 N 223-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // URL: <http://www.consultant.ru>.
11. Turbanov, A. V. Digital Ruble as a New Form of Money // Actual Problems of Russian Law. 2022. No. 5. P. 73-90.

Правовые проблемы при заключении прямых договоров ресурсоснабжения с собственниками нежилых помещений

Перепечай Андрей Павлович

аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции,
andreyperepchai2@mail.ru

В статье подробно исследуются правовые проблемы, возникающие при заключении собственниками нежилых помещений прямых договоров ресурсоснабжения с гарантирующими организациями. Особое внимание уделяется правовым аспектам невозможности применения санкций к недобросовестным собственникам нежилых помещений, что создает значительные правовые препятствия в сфере жилищно-коммунальных услуг. Актуальность темы обусловлена высокой общественной значимостью и необходимостью совершенствования правового регулирования в данной области. Цель работы заключается в комплексном анализе изменений законодательства, внесенных постановлением Правительства РФ, и последующем анализе судебной практики, что позволяет выявить как практические, так и теоретические правовые проблемы. Методологическая основа исследования включает аналитический, сравнительно-правовой и нормативно-правовой методы, что обеспечивает глубокий и всесторонний анализ рассматриваемой проблемы. Исследование выявляет правовую неопределенность, возникшую вследствие введения обязанности собственников нежилых помещений заключать прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями. Данная проблема требует комплексного разрешения, что обусловлено необходимостью защиты интересов всех участников правовых отношений. Результатом исследования являются конкретные предложения по внесению изменений в законодательство с целью урегулирования правовой неопределенности и разрешения разногласий в правовом толковании соответствующих норм.

Ключевые слова: договор ресурсоснабжения, ресурсоснабжающая организация, нежилые помещения, законодательные изменения, административное право.

Введение

Оплата коммунальных ресурсов является неотъемлемой частью жизни граждан Российской Федерации. Политика Российской Федерации социально ориентирована, что выражается в стремлении правительства уменьшить долговую нагрузку на граждан в сфере жилищно-коммунальных услуг (ЖКХ). Основным способом достижения этой цели является обеспечение внесения платы за фактический объем потребленных ресурсов.

На практике возникают ситуации, когда гражданам приходится оплачивать коммунальные ресурсы в объемах, превышающих фактически потребленные. Это происходит при включении нежилых помещений в общий расчет, что приводит к увеличению стоимости коммунальных услуг для жильцов многоквартирных домов. В ответ на эти проблемы правительство Российской Федерации инициировало изменения в законодательстве, касающиеся водоснабжения и водоотведения.

Настоящее исследование направлено на комплексный анализ правовых проблем, возникающих при заключении собственниками нежилых помещений прямых договоров ресурсоснабжения с гарантирующими организациями. Особое внимание уделяется правовым аспектам невозможности применения санкций к недобросовестным собственникам нежилых помещений, что создает значительные препятствия в административно-правовой сфере ЖКХ. Целью работы является выявление правовой неопределенности, обусловленной введением обязательства для собственников нежилых помещений заключать прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями, и разработка предложений по совершенствованию законодательства для устранения данных проблем.

Внесение изменений в постановление Правительства РФ № 354 в части заключения прямых договоров ресурсоснабжения с собственниками нежилых помещений.

В связи с необходимостью улучшения правового регулирования отношений в сфере жилищно-коммунальных услуг, в 2021 году были внесены изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов», касающиеся пункта 6.

В соответствии с абзацем 3 пункта 6 данных Правил, собственники нежилых помещений обязаны заключать прямые договоры на холодное водоснабжение и водоотведение. До внесения этих изменений собственники нежилых помещений оплачивали услуги управляющей компании (УК), которая имела

договорные отношения с ресурсоснабжающей организацией (РСО). Новая норма обязывает управляющие компании передавать ресурсоснабжающим организациям сведения о собственниках нежилых помещений для заключения прямых договоров ресурсоснабжения.

Проблемы толкования и применения норм о заключении прямых договоров ресурсоснабжения с собственниками нежилых помещений.

При правовом толковании частей 2.2 и 2.3 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации (ЖК РФ) возникает вопрос о выборе между узким и широким толкованием данных норм. Узкое толкование предполагает, что управляющая компания (УК) обязана передавать ресурсоснабжающей организации (РСО) только сведения о собственниках нежилых помещений и направлять им уведомления о расторжении договора. Широкое толкование требует от УК предоставления РСО не только сведений о собственниках, но и всех существенных условий, необходимых для заключения договора ресурсоснабжения. Управляющие компании, обладающие более продолжительными отношениями с собственниками нежилых помещений и большими возможностями для получения необходимых сведений, зачастую придерживаются узкого толкования, избегая дополнительных обязательств. В то время как РСО, не имея возможности самостоятельно получить необходимые сведения, склонны придерживаться широкого толкования и считают, что УК должна передавать всю необходимую информацию.

Согласно пункту 1 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям. В соответствии с пунктом 5 статьи 13 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», договор водоснабжения должен содержать свои существенные условия, по которым стороны должны достигнуть соглашения. Поскольку УК обязана передавать РСО только сведения о собственниках нежилых помещений и уведомлять их о расторжении договора, на РСО возлагается обязанность по получению всех остальных необходимых условий для заключения договора ресурсоснабжения. Это создает правовую неопределенность и ограничивает возможности РСО по защите своих интересов, что может привести к убыткам.

Например, в пункте 5(8) статьи 13 Федерального закона № 416 указано, что существенным условием договора ресурсоснабжения является граница эксплуатационной ответственности по водопроводным сетям абонента и РСО. РСО не имеет права требовать от собственников нежилых помещений необходимые документы. В случае недобросовестного поведения абонентов, когда коммунальный ресурс был поставлен, но не оплачен, РСО оказывается в затруднительном положении. Отсутствие договорных отношений между собственниками нежилых помещений и РСО усложняет защиту интересов РСО в судебном порядке.

УК, имея более длительные правовые отношения с собственниками нежилых помещений и больше возможностей для получения необходимых сведений, не обязана предоставлять их РСО. Тем не менее, Правительство Российской Федерации возложило эту обязанность именно на РСО. Это подтверждается решением Арбитражного суда города Москвы, в котором указано: «отсутствуют основания для возложения на ответчика обязанности по оплате коммунального ресурса, потребленного собственниками нежилых помещений в многоквартирных домах, в размере 193 472,18 рублей». В деле от 20.02.2024 № А40-211669/2023 Арбитражный суд города Москвы постановил: «Исковые требования в части взыскания стоимости коммунального ресурса, потребленного собственниками нежилых помещений, в размере 161 330,00 рублей удовлетворению не подлежат».

Суды поддержали доводы УК о том, что она не обязана предоставлять сведения, предусмотренные пунктом 5 статьи 13 Федерального закона № 416 «О водоснабжении», а также оплачивать объем коммунального ресурса, потребленного собственниками нежилых помещений. Ситуация осложняется тем, что водопроводные сети, ведущие к нежилым помещениям, зачастую находятся внутри многоквартирных домов, что затрудняет получение сведений от собственников нежилых помещений.

В большинстве случаев сети РСО доходят до внешней стены дома, что делает невозможным получение границ эксплуатационной ответственности от недобросовестных собственников нежилых помещений при бездействии УК. Согласно постановлению Правительства города Москвы от 24.11.2015 № 772-ПП «Об определении гарантирующей организации для централизованной системы холодного водоснабжения и (или) водоотведения на территории города Москвы», АО «Мосводоканал» является гарантирующей организацией на территории Москвы.

В результате сложилась ситуация, при которой исключительно на АО «Мосводоканал» возложена обязанность по истребованию от всех собственников нежилых помещений сведений, необходимых для заключения договоров ресурсоснабжения. По неофициальной статистике, в Москве только в 2019 году насчитывалось 250 000 нежилых помещений. Указанные изменения усложнили регулирование сферы водоснабжения и водоотведения, внесли правовую неопределенность и предоставили возможность недобросовестным собственникам избегать оплаты коммунальных ресурсов, что противоречит целям Правительства Российской Федерации по обеспечению законности.

Новеллы, внесенные постановлением правительства, фактически оставили для РСО единственный вариант – обращение в суд для истребования необходимых документов для заключения договора ресурсоснабжения. Однако учитывая количество собственников нежилых помещений, это создает определенные трудности для РСО.

Стоит отметить коллизию: в абзаце 5 Правил № 354 указано, что в случае отсутствия письменного договора у собственника нежилого помещения и

РСО на собственника накладываются санкции, и объем коммунального ресурса должен рассчитываться расчетным способом, предусмотренным законодательством Российской Федерации. Согласно пункту 14 постановления Правительства от 04.09.2013 № 776 «Об утверждении Правил организации коммерческого учета воды и сточных вод», коммерческий учет воды расчетным способом осуществляется в случаях отсутствия прибора учета, неисправности прибора учета и отсутствия показаний от абонента. Однако Правила № 776 прямо не предусматривают возможность коммерческого учета при отсутствии договорных отношений у собственника нежилого помещения.

Изменения в постановление Правительства № 354 были внесены после принятия Правил № 776, что теоретически позволяет производить коммерческий учет воды. Однако пункт 15 Правил № 776 предусматривает несколько методов расчетов: метод учета пропускной способности, среднесуточный метод, метод гарантированного объема и метод суммирования объемов. Эти методы являются мерой ответственности абонентов за нарушения законодательства в сфере водоснабжения и водоотведения. У РСО нет права выбора метода ответственности для собственников нежилых помещений, что приводит к неприменимости абзаца 5 Правил № 354 на практике в условиях правовой неопределенности.

Недоплата за коммунальные ресурсы со стороны недобросовестных собственников нежилых помещений приводит к прямым убыткам для РСО, которые фактически лишены права на защиту. Верховный Суд Российской Федерации в своем решении от 17.11.2021 по делу № АКПИ21-732 выразил позицию, что указанные изменения не противоречат жилищному и гражданскому законодательству, а также закону о защите персональных данных. Доводы административного истца были признаны несоответствующими действующему законодательству, в связи с чем указанная норма была признана законной, а в заявленных требованиях отказано в полном объеме.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что цель, поставленная Правительством Российской Федерации, была достигнута лишь частично. На основании приведенной практики можно утверждать, что ни жильцы многоквартирных домов, ни управляющие компании (УК) не оплачивают объем коммунальных ресурсов, потребленных собственниками нежилых помещений. Неоднозначное толкование норм породило правовую неопределенность, в результате которой недобросовестное поведение собственников нежилых помещений приводит к прямым убыткам ресурсоснабжающих организаций (РСО), что противоречит целям и принципам государственной политики в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Разрешить сложившуюся ситуацию могло бы внесение изменений в абзац 3 пункта 6 Правил № 354, уточнив перечень сведений, которые УК обязана передавать РСО, а также определить, кто

несет ответственность за оплату потребленных ресурсов в случае отсутствия прямого договора между РСО и собственниками нежилых помещений. Чтобы исключить недобросовестное поведение со стороны как УК, так и РСО, перечень необходимых документов должен быть закрытым и исчерпывающим.

Целесообразно включить в данный перечень следующие документы, являющиеся существенными условиями договора холодного водоснабжения и водоотведения, к которым РСО не имеет непосредственного доступа, а также другие сведения, имеющиеся у УК:

- Границы эксплуатационной ответственности по водопроводным сетям абонента;
- Баланс водопотребления абонента;
- Показания приборов учета на дату расторжения договора;
- Контактные сведения об абоненте.

Указанные изменения способствовали бы урегулированию правовых отношений между сторонами и снижению количества конфликтных ситуаций. Это позволит создать более прозрачную и справедливую систему расчетов за коммунальные услуги, повысит эффективность правоприменительной практики и укрепит доверие к правовым механизмам в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Таким образом, предлагаемые меры направлены на достижение баланса интересов всех участников правоотношений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Рос. газ. – 1994. – 8 декабря.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. – 2005. - № 1. – Ст. 14
3. О водоснабжении и водоотведении Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ (ред. От 13.06.2023) // Рос. газ. - 2011. – 10 декабря.
4. Об утверждении Правил организации коммерческого учета воды, сточных вод Постановление Правительства РФ от 04.09.2013 № 776 (ред. от 22.05.2020) // СЗ РФ. – 2013. - № 37. - Ст. 4696.
5. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 28.11.2023) // СЗ РФ. – 2011. - № 22. – Ст. 3168
6. Об определении гарантирующей организации для централизованной системы холодного водоснабжения и (или) водоотведения на территории города Москвы Постановления Правительства г. Москвы от 24.11.2015 № 772-ПП // Вестник Мэра и Правительства Москвы № 46. – 2015. – 26 ноябрь.
7. По делу о признании частично недействующим пункта 6 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 Решение Верховного суда от 17.11.2021 № АКПИ21-732 //

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403667/ (дата обращения 09.03.2024)

8. Решение арбитражного суда г. Москвы от 20.02.2024 № А40-211669/2023 // <https://kad.arbitr.ru/Card/1cabbbf5-a9c6-48fe-91ff-dccf5ab8829d/> (дата обращения 09.03.2024)

9. Бычков А.И. Смешанный договор водоснабжения и водоотведения // Юрист. 2012. № 2. С. 2 – 3.

Legal problems in concluding direct resource supply contracts with owners of non-residential premises

Perepechay A.P.

All-Russian State University of Justice

The article examines in detail the legal problems that arise when the owners of non-residential premises conclude direct contracts for resource supply with guaranteeing organizations. Special attention is paid to the legal aspects of the impossibility of applying sanctions to unscrupulous owners of non-residential premises, which creates significant legal and administrative obstacles in the field of housing and communal services. The relevance of the topic is due to the high social significance and the need to improve legal regulation in this area. The purpose of the work is a comprehensive analysis of legislative changes introduced by a decree of the Government of the Russian Federation, and a subsequent analysis of judicial practice, which allows us to identify both practical and theoretical legal problems. The methodological basis of the study includes analytical, comparative legal and regulatory methods, which provides a deep and comprehensive analysis of the problem under consideration. The study reveals the legal uncertainty that arose as a result of the introduction of the obligation of owners of non-residential premises to conclude direct contracts with resource supply organizations. This problem requires a comprehensive solution, which is due to the need to protect the interests of all participants in legal relations. The result of the study is concrete proposals for amending legislation in order to resolve legal uncertainty and resolve disagreements in the legal interpretation of relevant norms.

Keywords: resource supply agreement, resource supply organization, non-residential premises, legislative changes, administrative law.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated 11/30/1994 (as amended on 07/24/2023) // Russian Gas. – 1994. – December 8.
2. Housing Code of the Russian Federation dated 12/29/2004 No. 188-FZ (as amended on 02/14/2024) // NW RF. – 2005. - No. 1. – Article 14
3. On Water Supply and Sanitation Federal Law No. 416-FZ dated 07.12.2011 (ed. From 06/13/2023) // Russian gas. - 2011. – December 10th.
4. On approval of the Rules for the organization of commercial accounting of water, wastewater, Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.09.2013 No. 776 (ed. from 05/22/2020) // SZ RF. – 2013. - No. 37. - Article 4696.
5. On the provision of public services to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/06/2011 No. 354 (ed. from 11/28/2023) // SZ RF. – 2011. - No. 22. – Article 3168
6. On the definition of a guaranteeing organization for a centralized cold water supply and (or) sanitation system in the territory of the city of Moscow, Decree of the Government of Moscow dated 11/24/2015 No. 772-PP // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow No. 46. – 2015. – November 26.
7. In the case of partially invalidating paragraph 6 of the Rules for the Provision of Public Services to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and residential Buildings approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated May 6, 2011 No. 354 Decision of the Supreme Court dated 11/17/2021 No. AKPI21732//https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403667/ (accessed 03/9/2024)
8. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 02/20/2024 No. A40-211669/2023//<https://kad.arbitr.ru/Card/1cabbbf5-a9c6-48fe-91ff-dccf5ab8829d/> (accessed 03/9/2024)
9. Bychkov A.I. Mixed contract of water supply and sanitation // Lawyer. 2012. No. 2. pp. 2-3.

Понятие и правовая природа цифровой платформы

Плохих Сергей Александрович

магистрант юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, sergeiplohih22@gmail.com

Бурное развитие рыночных отношений идет параллельно и в связи с не менее динамичным развитием информационных (цифровых) технологий. Указанные процессы предполагают совершенствование регулирования соответствующих отношений правовыми средствами. Последнее, между тем, начинается с проработки понятийно-категориального аппарата как средства предотвращения в будущем правовых коллизий и неопределенности при разрешении правовых конфликтов в цифровой среде. Соответственно, с учетом классификации всех цифровых платформ на платформы публичного типа и платформы частного (рыночного) типа, значение приобретает первый этап развития обозначенной категории – формулирование определения, выведение соответствующих явлению признаков, анализ правовой природы такого явления.

Цель: анализ основных подходов к понятию и правовой природе цифровой платформы рыночного типа.

Методы: абстрагирование, сравнительно-правовой, системный.

Результаты и выводы: результатом настоящей работы следует считать краткое изложение и анализ основных подходов к определению понятия и правовой природы рыночной цифровой платформы.

Ключевые слова: цифровая платформа, цифровая платформа рыночного типа, алгоритмизированный рыночный механизм.

Более четверти века назад Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, ознаменовала новый этап исторического развития отечественной правовой системы – провозгласив принципы свободного перемещения капитала (статья 8), охраны частной собственности (статья 35), а также свободы предпринимательской и иной экономической деятельности (статья 34), Основной закон задал ориентиры для развития правового регулирования рыночных отношений.

Не менее революционно начали развиваться во всем мире и цифровые технологии, нацеленные в том числе и на рынок – рыночные отношения, которые, безусловно, оказывают самое значительное влияние на взаимодействие субъектов права между собой, опосредуя соответствующий товарообмен. Повсеместная цифровизация предполагает и требует от законодателя принятия быстрых, порой превентивных, мер для регулирования соответствующих общественных отношений. Вместе с тем, активной и бурной деятельность в этом направлении назвать никак нельзя. В качестве банального примера можно привести Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ, который был принят Государственной Думой 22 июля 2020 года, то есть по прошествии почти десяти лет с момента появления самой, пожалуй, известной цифровой валюты – биткойна. Более того, данный закон самостоятельным назвать можно также с определенной долей условности, поскольку непосредственному предмету его регулирования посвящены только четырнадцать из двадцати семи его статей.

Нисколько не лучше обстоят дела с регулированием цифровых платформ, а ведь данная категория является в настоящий момент времени чуть ли не центральной во взаимодействии различного рода лиц в цифровой среде.

Стоит предположить, что подобная ситуация складывается в том числе (если не главным образом) вследствие отсутствия доктринальной проработанности соответствующих вопросов, причем самых базовых. Исходя из сказанного следует и актуальность настоящей работы, которая выражается в ее цели – проанализировать ведущие подходы к определению изначальных, базовых понятий, касающихся цифровых платформ.

Понятие какого-либо явления это, традиционно, симбиоз определения и сопутствующих и характеризующих данное определение признаков. По результатам анализа основных точек зрения стоит отметить, что в литературе присутствует относи-

тельно единодушие по поводу определения цифровых платформ, однако точки зрения вместе с тем полностью совпадающими не являются, поскольку каждая из них делает упор на ту или иную характеристику цифровых платформ.

Так, Блажеев В.В. и Егорова М.А. дают следующее определение цифровым платформам: совокупность онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию экономической и социальной деятельности. [1, с. 8]

Более развернуто подходят к определению цифровых платформ Тимофеева Т.Б. Оздоева Э.А. (сущность определения, между тем, остается той же), говоря, что последней является система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), которые осуществляются в единой информационной среде, приводящую к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда. [2, с. 114-115]

Теми же авторами выделяются и признаки платформ, а именно:

- 1) наличие алгоритма, служащего строгому определению процедуры взаимодействия участников процесса;
- 2) взаимная экономическая выгода отношений участников (принцип «win-win»);
- 3) важность количества участников, использующих платформу;
- 4) наличие единой информационной (цифровой) среды взаимодействия участников обмена;
- 5) проявление снижения транзакционных издержек по сравнению с теми, которые возникают при обмене участниками вне платформы.

Общим для данных определений является указание на наличие как сущности цифровой платформы алгоритма, механизма, опосредующих взаимоотношения участников платформ на цифровой основе.

Не соглашаясь с точками зрения данных авторов, Алтухов А.В. и Кашкин С.Ю. отмечают, что к вопросу определения цифровых платформ нельзя подходить столь «однобоко» и одноаспектно. Так, авторами дается несколько определений, которые отражают различные вариации понимания, что же есть «цифровая платформа» – под последней с точки зрения указанных исследователей понимается:

- 1) производственная система, состоящая из оборудования и управляющего им программного обеспечения. Целью функционирования такой системы является перевод традиционного производства на «цифровые рельсы», то есть максимальная его автоматизация, позволяющая исключить влияние человеческого фактора и снизить производственные издержки;
- 2) аппаратная (операционная) платформа или их совокупность, программное обеспечение и совместимые устройства;
- 3) некоторый продукт (инструмент, способ), позволяющий пользователям находить друг друга и об-

мениваться ценностями (информационными, культурными, материальными, финансовыми и так далее);

4) любая платформа, созданная с использованием цифровых (информационных) технологий. [3, с. 88]

Третья позиция, с которой можно определять цифровые платформы – это позиция рынка. Здесь цифровые платформы можно определить как информационный «продукт» (рынок), обеспечивающий взаимодействие экономических агентов (субъектов) и дающий им возможность заключать сделки различного характера.

Иными словами (но с той же сутью) формулируют понятие Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В., определяя цифровые платформы как гибридные структуры (гибриды рынков, фирм, сообществ и технологических систем), ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления транзакций между несколькими группами сторонних пользователей. [4, с. 25]

Таким образом, стоит отметить, что в рассмотренной литературе присутствует достаточное множество подходов. Три основные позиции, которые господствуют на данный момент: рассмотрение цифровых платформ с точки зрения определенного алгоритма, а также со стороны более гуманитарной, а именно – цифровая платформа как производственная система, обеспечивающая посредством программного обеспечения взаимодействие участников, и, наконец, цифровая платформа как «место встречи» субъектов права для обмена ценностями.

Оживленных дискуссий при этом относительно немного. Представляется, что подобная ситуация складывается ввиду многоаспектности понятия цифровых платформ, а также неопределенности правовой природы последних (истинной, а не цифровой).

Вопросам природы цифровых платформ также посвящено обширное число работ.

Между тем, весь плюрализм зиждется и «крутится» вокруг рыночной природы платформ с теми или иными уточнениями и дополнениями. Иными словами, превалирует позиция, что платформы выступают некой площадкой, в нашем случае цифровой, которая опосредует взаимодействие субъектов права. Следовательно, природу цифровых платформ следовало бы определить как «цифровой рынок». Указанной позиции придерживается большинство авторов (Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З.) [5, с. 22-29], подчеркивающих посреднический характер экономической сущности цифровых платформ. [6, с. 148-149]

Активно идею экономической сущности цифровых платформ развивает также Жевняк О.В., которая отмечает, например, что с экономической точки зрения цифровая платформа должна рассматриваться:

- 1) как вид экономического уклада, вид экономических рыночных отношений;
- 2) как вид экономической деятельности;

3) как форма организации экономической деятельности.

4) как хозяйствующий субъект, экономический агент, участник рынка. [7, с. 96-127]

Автором также указывается на многочисленные примеры образовавшихся в последнее время «цифровых рынков». [8, с. 16]

Иного понимания природы цифровых платформ придерживаются, в частности, Кузнецова С.А. и Маркова В.Д., которые отмечают, что платформа есть совокупность частично или полностью открытых базовых технологий и дополнительных активов, которые могут быть использованы компаниями и частными лицами для разработки дополняющих технологий, продуктов и сервисов. [9, с. 55-60]

Соответственно, вторая позиция относительно природы цифровых платформ, которую можно выделить – это цифровая платформа как технология.

Крайняя рассматриваемая позиция, которая существует в литературе относительно природы цифровых платформ – вещественная. Так, Доценко А.В. и Иванов А.Ю. отмечают, что платформами могут быть как устройства (телефоны, планшеты), так и программные продукты (операционные системы, браузеры) или информационные сервисы (поисковые движки, социальные сети), которые функционально решают две основные задачи: во-первых, играют роль точки входа для потребителей по получению товаров и услуг, выходящих за пределы функциональности самой платформы; во-вторых, предоставляют предпринимателям возможность предложить свои товары и услуги большому числу потребителей. [10, с. 31-45]

Таким образом, равносильно определению цифровых платформ в литературе на данный момент сложилось три основных позиции на природу цифровых платформ.

Исходя из имеющихся научных подходов, целесообразным представляется остановиться на позиции о цифровой платформе как об алгоритмизированном цифровом рынке. Вместе с тем, чисто рыночную природу цифровых платформ следует признать доминирующей позицией в литературе. [11, с. 73]

Подводя итог, стоит сделать уточнение, что рыночная природа характерна, с определенной долей условности, и для цифровых платформ публичного типа в части смысла – обеспечения взаимодействия различных субъектов права, но с иной целью, имеющей некоммерческое содержание.

Иными словами, несмотря на различного рода оговорки и уточнения, отдельные характеристики, сущность платформ остается рыночной. И именно в зависимости от товаров, работ и услуг, обращающихся на конкретном рынке, а также функционального назначения цифровых платформ, последние классифицируются по различным основаниям.

Литература

1. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. - М. : Проспект, 2020. С. 8.

2. Тимофеева Т.Б., Оздоева Э.А. Анализ мирового опыта в создании цифровых платформ и связанных с ними рисков // Управление. 2020. № 3. С. 114-115.

3. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). С. 88.

4. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // IT-Economy. 2018. № 6. С. 25.

5. Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 22-29.

6. Гелисханов И.З. Цифровые платформы: институциональный аспект // Ломоносовские чтения - 2018: сб. матер. ежегод. науч. конф. Севастополь, 2018. С. 148-149.

7. Жевняк О.В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96-127.

8. Жевняк О.В. Антиконтурная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству // Право и политика. 2021. № 5. С. 16.

9. Кузнецова С.А., Маркова В.Д. Проблемы формирования бизнес-экосистемы на основе цифровой платформы: на примере платформы компании 1С // Инновации. 2018. № 2 (232). С. 55-60.

10. Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Журнал Закон. 2016. № 2. С. 31-45.

11. Рыжкова М.В., Чиков М.В. Институциональная природа цифровых платформ // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2019. № 4. С. 73.

The concept and legal nature of a digital platform Plokhikh S.A.

National Research Tomsk State University

The rapid development of market relations is going on in parallel and in connection with the equally dynamic development of information (digital) technologies. These processes involve improving the regulation of relevant relations by legal means. The latter, meanwhile, begins with the elaboration of the conceptual and categorical apparatus as a means of preventing future legal conflicts and uncertainty in resolving legal conflicts in the digital environment. Accordingly, taking into account the classification of all digital platforms into public-type platforms and private (market)-type platforms, the first stage of the development of the designated category becomes important - the formulation of a definition, the derivation of signs corresponding to the phenomenon, the analysis of the legal nature of such a phenomenon.

Objective: to analyze the main approaches to the concept and legal nature of a market-type digital platform.

Methods: abstraction, comparative legal, systemic.

Results and conclusions: the result of this work should be considered a summary and analysis of the main approaches to defining the concept and legal nature of a digital market platform.

Keywords: digital platform, digital market-type platform, algorithmized market mechanism.

References

1. Digital law: textbook / edited by V.V. Blazheev, M.A. Egorova. - M.: Prospect, 2020. P. 8.
2. Timofeeva T.B., Ozdueva E.A. Analysis of world experience in creating digital platforms and associated risks // Management. 2020. No. 3. P. 114-115.

3. Altukhov A.V., Kashkin S.Yu. Legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine // Actual problems of Russian law. 2021. No. 7 (128). P. 88.
4. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital platforms in the economy: essence, models, development trends // π-Economy. 2018. No. 6. P. 25.
5. Osipov Yu.M., Yudina T.N., Geliskhanov I.Z. Digital platform as an institution of the era of technological breakthrough // Economic strategies. 2018. No. 5. P. 22-29.
6. Geliskhanov I.Z. Digital platforms: institutional aspect // Lomonosov readings - 2018: collection of materials. annual scientific conf. Sevastopol, 2018. P. 148-149.
7. Zhevnyak O.V. Digital platforms as a type of economic market relations and reflection of this aspect in the legal regime of digital platforms // Legal studies. 2023. No. 8. P. 96-127.
8. Zhevnyak O.V. Anti-competitive practices of digital platforms and response measures under Russian and foreign legislation // Law and Politics. 2021. No. 5. P. 16.
9. Kuznetsova S.A., Markova V.D. Problems of forming a business ecosystem based on a digital platform: on the example of the 1C company platform // Innovations. 2018. No. 2 (232). P. 55-60.
10. Dotsenko A.V., Ivanov A.Yu. Antimonopoly regulation, digital platforms and innovations: the Google case and the development of approaches to protecting competition in the digital environment // Journal Law. 2016. No. 2. P. 31-45.
11. Ryzhkova M.V., Chikov M.V. Institutional nature of digital platforms // Bulletin of BSU. Economics and Management. 2019. No. 4. P. 73.

Практические аспекты охраны авторских прав в сети интернет

Смольников Денис Андреевич

аспирант, Московский финансово-промышленный университет "Синергия", denssmolnikov@yandex.ru

Статья анализирует существующие правовые механизмы защиты авторских прав в цифровой среде, с особым вниманием к адаптации этих механизмов к динамично изменяющимся условиям интернета. Исследование основывается на сравнительном анализе национальных и международных законодательных документов, а также на обзоре последних тенденций в области интеллектуальной собственности. Особое внимание уделено влиянию технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, на усиление защиты авторских прав в сети.

Ключевые слова: авторские права, цифровая среда, интернет, блокчейн, искусственный интеллект, защита интеллектуальной собственности, международное право, технологическая адаптация, правовые механизмы, национальное законодательство.

Введение

В эру, когда информационные технологии неотделимы от повседневной жизни, на первый план выходит вопрос обеспечения защиты авторских прав в цифровой среде, преимущественно в интернет-пространстве, где развитие ИТ-сектора и компьютерных технологий способствует более быстрому распространению цифрового контента. Данная работа фокусируется на анализе действующих правовых инструментов, предназначенных для защиты авторских прав в интернете, и их приспособлении к современным условиям, ставя целью оценить действенность применяемых методик и выработать рекомендации по совершенствованию законодательных и технических средств обеспечения безопасности интеллектуальной собственности в мировой сети.

Исследование опирается на методику сопоставления национальных и международных нормативных актов, анализ реализации законодательных мер, а также рассмотрение литературных источников и актуальных данных, касающихся новейших тенденций и проблем в сфере защиты авторских прав в сети Интернет.

Изучение нынешнего положения законодательных актов выявляет разнообразие стратегий по охране прав в сетевом пространстве между странами, подчеркивая потребность в разработке общепринятых мер для глобальной юридической защиты интеллектуальной собственности. В этом контексте особое внимание уделяется анализу инструментов мониторинга и ответных действий на правонарушения, применению новейших технологических достижений, включая блокчейн и машинное обучение, которые предвидятся как основа для укрепления защиты авторских прав в цифровом веке.

Основная часть

Прогресс в области информационных технологий и улучшение доступа пользователей к ресурсам интернета создали новое измерение — измерение, в котором цифровая среда стала неизбежным атрибутом жизни людей. Последние исследования демонстрируют, что стремительное усовершенствование ИТ и компьютерных систем породило актуальную проблему сохранения авторских прав в интернете, требующую незамедлительных решений. Хотя цифровая среда представляет собой благоприятное пространство, она часто не обеспечивает адекватную безопасность для объектов интеллектуальной собственности, причем в первую очередь это касается авторских прав. Наиболее уязвимыми являются литературные, музыкальные, кинематографические и фотографические творения, которые нарушаются в интернете чаще всего, при этом современ-

ные цифровые технологии обеспечивают возможность создания копий, идентичных оригиналам, которые могут свободно распространяться в сети и доступны для неограниченного круга пользователей в любой момент [2].

Авторское право в цифровой сети задействует меры защиты интеллектуальных активов, циркулирующих по всемирной паутине. Эксперты подчеркивают необходимость модификации действующих юридических инструментов для соответствия условиям цифрового пространства, где обычные методы зачастую не эффективны из-за стремительного технологического прогресса и глобализации обмена информацией, при этом юридическая сущность Интернета продолжает оставаться предметом дискуссий, и еще не сформировалась окончательная доктрина относительно того, представляет ли Интернет субъект или объект правовых отношений.

Обсуждение вопросов разработки и адаптации законодательства, которое управляет авторскими правами в интернете, является предметом активных дебатов среди ученых. В рамках этих дискуссий особое внимание уделяется разнообразию национальных методик регуляции, причем выделяется, что страны, включая Россию, интенсивно занимаются разработкой и улучшением законодательной основы для охраны прав в интернете, особенно акцентируется на создании систем цифровой регистрации авторских прав и формировании международных правовых регламентов для обеспечения всеобщей защиты в глобальной сети [4].

Значительные изменения в применении законодательства обусловлены ростом количества цифрового контента и его доступности, что приводит к усилению конфликтов между владельцами прав и конечными пользователями. Подчеркивается, что последние технологические и социальные изменения требуют от юридической системы повышенной адаптивности и гибкости для эффективной работы с интеллектуальными творениями в новых условиях.

Законодательные подходы к защите авторских прав различаются по странам, но общей тенденцией является стремление адаптировать национальные законы к условиям интернет-среды. Главным международным инструментом в этой области являются конвенции, разработанные Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), в том числе Договор по авторскому праву, специально предназначенный для условий цифровой эпохи и расширяющий защиту авторских прав до цифровых объектов, таких как программное обеспечение и базы данных.

В Соединенных Штатах, защита авторских прав в интернете основывается на принципе «минимума контактов», который устанавливает юрисдикцию с учетом географической ориентированности действий субъекта, что предполагает возможность американских судов оказывать юрисдикцию над зарубежными веб-сайтами, если их активность намеренно связана с территорией США.

В России регулирование защиты авторских прав в интернете осуществляется по территориальному принципу, при котором действуют законы страны,

где зарегистрирован пользователь, особенно если сайт нацелен на аудиторию этой страны, что может проявляться через использование русского языка, указание цен в рублях и регистрацию сайта в российском доменном пространстве. Исследования показывают, что Россия выделяется среди стран с проблемами в механизмах защиты интеллектуальной собственности в интернете, требуя усиленного внимания к устранению этих недостатков, которые в большей степени связаны с отсутствием эффективных мер наказания за нарушения, проистекающие из использования нелегального контента [5].

Основные сложности в охране авторских прав в интернете возникают из-за его всемирной природы и скорости распространения информации, затрудняющих мониторинг нарушений, при этом критической задачей становится обновление законодательства для его соответствия условиям цифровой эры, примером чего является российский «антипиратский» закон, предусматривающий особые меры против нарушений авторских прав в сети, хотя реализация этих законодательных актов сталкивается с трудностями из-за проблем с определением юрисдикции и применением международных правовых стандартов в глобальном интернет-пространстве.

Доказательство нарушения авторских прав в интернете представляет собой серьезную проблему, требующую проведения сложных судебных процессов и специализированных экспертиз. Вопросы, касающиеся ответственности информационных посредников, таких как интернет-провайдеры и платформы, остаются открытыми и нуждаются в дополнительной проработке и стандартизации на уровне законодательства, поскольку подходы к регулированию их роли в защите интеллектуальной собственности существенно различаются в разных странах.

Нелегальное распространение контента, охватывающее музыку, видеофильмы и литературные творения, представляет собой первую и самую распространенную сложность, обусловленную копированием и дистрибуцией данных материалов без согласия правообладателей, ставшую особо заметной с развитием цифровых технологий и платформ онлайн. Трансграничная природа Интернета делает невозможным решение вопроса защиты авторских прав исключительно на уровне отдельных государств, предполагая необходимость внедрения международно-правовых мер регулирования, в то время как автор, являющийся гражданином одной страны и проживающий в другой, может публиковать свои работы в третьей и защищать свои нарушенные права в четвертой, при этом особую значимость в регулировании авторских прав в Интернете приобретают нормы международных соглашений и коллизионные нормы.

Вторая распространенная проблема связана с использованием искусственного интеллекта и чат-ботов для создания творческих работ, которые могут нарушать авторские права, особенно при разработке «производных» изделий, не соответствующих лицензионным условиям, включая применение программных решений для автоматизированного со-

здания контента, способного имитировать оригинальные произведения или использовать их элементы без авторизации.

Проблематика правоприменения в цифровой сфере возникает из-за ряда причин, обусловленных стремительным технологическим прогрессом и необходимостью приведения правовых рамок в соответствие с новыми условиями, включая адаптацию законодательства к современным требованиям, таким как внедрение искусственного интеллекта, использование блокчейна и прочих инновационных технологий.

Необходимо обратить внимание на проблематику международного правоприменения, так как интернет-активности зачастую преодолевают границы стран, усложняя тем самым определение юрисдикции и выбор применимых законодательств.

Исследователи подчеркивают потребность в формировании международных договорённостей или стандартов для улучшенного регулирования в цифровом пространстве. Также существуют опасения связанные с конфиденциальностью и безопасностью данных в условиях цифровизации, когда свободный доступ к информации может стать угрозой как для коммерческой тайны, так и для личной конфиденциальности.

В современном мире инструментарий для защиты авторских прав в интернете постоянно усовершенствуется, включая как юридические, так и технологические подходы.

Одно из передовых технологических новшеств – применение технологии блокчейн, которая обеспечивает децентрализованное хранение сведений о цифровых активах, облегчая тем самым эффективное отслеживание и подтверждение прав авторства и собственности на объекты интеллектуальной собственности, к тому же данная технология содействует автоматизации процесса ведения реестров авторских прав и их управления через использование цифровых токенов, которые закрепляют информацию о происхождении и правилах использования произведений [3].

Технология искусственного интеллекта также оказывает значительное влияние на процессы обнаружения и предотвращения нарушений авторских прав в цифровом пространстве. Программные решения, разработанные на основе ИИ, способны анализировать обширные массивы данных для выявления инфракций и нелегального контента, что находит применение на таких платформах, как YouTube, где автоматизированно идентифицируются и блокируются материалы, нарушающие авторские права [7].

С юридической точки зрения, интенсивные усилия направлены на совершенствование процедур уведомления и удаления контента, нарушающего авторские права. Законодательные акты, вроде DMCA в Соединенных Штатах и сходных регулятивов в Европейском союзе, обязывают посредников, включая интернет-провайдеров, устранять нарушающий материал по получении соответствующих уведомлений от правообладателей, предусматри-

вая также условия, позволяющие провайдерам избежать судебного преследования за нарушения, если они следуют установленным процедурам уведомления и удаления.

Главная задача правообладателей заключается в обеспечении уважения исключительных прав на их художественные труды, охватывающих возможность контролировать воспроизведение, публичные выступления, распределение и преобразование своих созданий. С развитием цифровых технологий и появлением интернета защита авторских прав становится более запутанной из-за упрощения процесса копирования и распространения информации, что ведет к нарушениям законных интересов владельцев прав, в связи с чем разработка и применение действенных юридических инструментов для охраны авторских прав в эпоху цифровизации превращаются в приоритетные задачи [1].

Правообладатели активно участвуют в процессе лицензирования своих творческих произведений, выдавая разрешения или лицензии для их использования под определёнными условиями. Лицензии Creative Commons служат примером таких инструментов, давая возможность авторам определять условия доступа к своим творениям, тем самым упрощая распространение культурных благ и знаний.

На международной арене правообладатели активно взаимодействуют с различными законодательными и регулирующими структурами. Приверженность международным договорам, включая Бернскую и Парижскую конвенции, укрепляет защиту авторских прав в условиях глобализированной экономики, требуя от владельцев прав активного участия в поддержке и развитии этих норм. Мониторинг и ответные меры на нарушения авторских прав в интернете охватывают обширный перечень юридических и технологических стратегий, направленных на защиту прав интеллектуальной собственности.

Юридические обязательства провайдеров интернет-услуг включают мониторинг и блокировку доступа к ресурсам, которые распространяют контент без надлежащего разрешения. Провайдеры должны откликаться на претензии правообладателей, удаляя контент, который нарушает авторские права, или ограничивая доступ к сайтам с нарушенными правами, причем такие меры активно применяются на ведущих платформах, например, на YouTube, где автоматизированные системы ассистируют в обнаружении и удалении контента, нарушающего авторские права.

Технологические подходы включают использование автоматизированных систем для распознавания контента, которые осуществляют сканирование и анализ загружаемых файлов на предмет нарушений авторских прав. Передовые алгоритмы, такие как те, что применяются в блокчейн-технологии, способны отслеживать распространение контента, регистрировать права на него, облегчая этим сам процесс подтверждения авторства и законности использования материалов.

В области защиты прав собственности на интеллектуальную собственность установлены нормы, разрешающие владельцам искать защиту через Роскомнадзор или юридические органы, что предполагает возможность блокирования веб-сайтов, удаления материалов и назначения штрафов или иных видов наказания за правонарушения.

Принятая в 1886 году Бернская конвенция защищает произведения и права их создателей, предоставляя авторам, в числе которых писатели, музыканты, поэты, художники и др., инструментарий для мониторинга использования их трудов посредством регулирования условий, кем и как они применяются.

Несмотря на свою глубинную основу, Бернская конвенция, сформированная за многие десятилетия до появления сети Интернет, оказалась ограниченной в возможности детально охватывать специфику авторских правоотношений в цифровой среде, что побудило международное сообщество к выработке нового соглашения, направленного на упорядочение взаимодействия авторов и пользователей в условиях Интернета, и таким документом стал Договор ВОИС по авторскому праву.

Эффективное международное сотрудничество по охране авторских прав выражается через множество мировых соглашений и договоров, создающих правовое регулирование в этой области на уровне стран, и среди таких инструментов выделяется Бернская конвенция, нацеленная на защиту литературных и художественных произведений, тогда как Всемирная организация интеллектуальной собственности активно участвует в разработке норм, таких как Договор по авторскому праву и Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям, направленных на приведение правовых механизмов в соответствие с требованиями цифровой эпохи [6].

Еще один ответственный элемент международного взаимодействия проявляется в реализации Соглашения ТРИПС под руководством Всемирной торговой организации, устанавливающего стандарты охраны интеллектуальной собственности. Международные соглашения не только унифицируют уровень охраны авторских прав, но и предусматривают механизмы для взаимодействия между странами, включая правовую защиту, обмен данными, обучение и создание единых подходов к решению вопросов в данной сфере.

Согласно исследованиям, отчеты и документы международных организаций, таких как ВОИС, ООН в области образования, науки и культуры, а также ВТО, выполняют существенную роль в совершенствовании и адаптации законодательства различных стран к современным требованиям в области охраны авторских прав.

По завершению нашего исследования представим таблицу, отображающую основные проблемы, текущие решения и потенциальные улучшения в контексте охраны авторских прав в цифровой среде (Таблица 1):

Таким образом, роль сети «Интернет» в информационном обмене между людьми все больше возрастает, вовлекаются новые пользователи и, как

следствие, увеличиваются скорость и масштаб распространения информации. Конечно, правотворчество в сфере регулирования сети «Интернет» развивается активно, однако пока, к сожалению, оно не смогло решить целый ряд проблем, таких, например, как определение юрисдикции и применимого права. Представляется, что данный вопрос должен быть урегулирован на уровне международноправовых норм в форме специального соглашения между государствами.

Таблица 1
Основные проблемы, текущие решения и потенциальные улучшения в контексте охраны авторских прав

Проблема	Текущие решения	Потенциальные улучшения
Нелегальное распространение контента	Законы типа DMCA, системы уведомления и удаления	Развитие и усиление международных стандартов, улучшенная кооперация между странами
Юрисдикция и международное право	Международные договоры, такие как Бернская конвенция и Договор ВОИС	Разработка новых международных договоров, специально адаптированных к цифровой эре
Использование ИИ и блокчейна	Использование блокчейн для регистрации и контроля распространения, ИИ для обнаружения нарушений	Расширение использования блокчейн технологии для всех видов интеллектуальной собственности
Мониторинг и реакция на нарушения	Юридические обязательства провайдеров контролировать и блокировать доступ к нарушающим ресурсам	Улучшенное использование ИИ для превентивного обнаружения нарушений и более быстрого реагирования

Заключение

В завершении данной работы подведем итоги исследования практических вопросов защиты авторских прав в условиях Интернета, где интенсивное развитие информационных технологий и глобальное распространение цифрового контента породили серьезные трудности для охраны интеллектуальной собственности, особенно в международной правовой сфере, учитывая быструю динамику технологических изменений, требующую адаптации правовых норм и создания новых международных соглашений.

Широкое применение цифровых технологий для создания копий и распространения контента подчеркивает растущую значимость новаторских подходов, таких как блокчейн и искусственный интеллект, которые предлагают возможности для отслеживания и контроля за цифровыми активами, а внедрение систем уведомления и удаления, практикуемых в США и Европе, наряду с адаптацией аналогичных мер в других странах, снижает количество нарушений, одновременно оставляя потребность в унификации и согласовании на уровне глобального правового пространства.

Россия и другие государства, предпринимающие активные шаги по созданию и улучшению правовой базы, сталкиваются с трудностями, связанными с

гармонизацией национальных законов с международными стандартами, что подчеркивает необходимость формирования общих механизмов для охраны авторских прав в условиях глобального интернета, тогда как проблемы с доказательством нарушений в сети требуют от правообладателей постоянного участия в процессах лицензирования и контроля над использованием их работ, а такие инструменты, как лицензии Creative Commons, дают авторам свободу в управлении правами на свои произведения.

Международное взаимодействие, как через структуры ВОИС, так и при поддержке других международных организаций, остается основополагающим фактором для достижения действенной защиты авторских прав в условиях глобализации, а единые стандарты регулирования и механизмы совместной работы дают возможность оперативно решать вопросы трансграничных нарушений и обеспечивать соблюдение прав в масштабах всего мира.

Литература

1. Гайнутдинов, А. И. Интеллектуальная собственность и ее роль в современном гражданском праве / А. И. Гайнутдинов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 47 (494). — С. 275–277. — URL: <https://moluch.ru/archive/494/108190/> (дата обращения: 30.10.2024).
2. Драгунова, С. А. Охрана авторских прав в сети "Интернет": международно-правовой аспект // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-avtorskih-prav-v-seti-internet-mezhdunarodno-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 30.10.2024).
3. Катаева, Е. В. Технология NFT как инструмент защиты авторских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 12-1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-nft-kak-instrument-zaschity-avtorskih-prav> (дата обращения: 30.10.2024).
4. Куделькин, В. А. Реалии современного законодательства в области защиты авторских прав в сети интернет / В. А. Куделькин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 48 (338). — С. 268–270. — URL: <https://moluch.ru/archive/338/75800/> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Кузьмин, К. А. Охрана авторских прав в сети Интернет (российская и международная практика) // Юридическая наука. — 2020. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-avtorskih-prav-v-seti-internet-rossiyskaya-i-mezhdunarodnaya-praktika> (дата обращения: 30.10.2024).
6. Рогова, Д. В., Фатеева, П. А. Защита интеллектуальных прав / Д. В. Рогова, П. А. Фатеева // Информационные технологии как основа эффективного инновационного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Тюмень, 15 января 2024 года. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2024. — С. 137–142. — EDN LIWFPW.
7. Фролова, Е. Е., Купчина, Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — № 3 (70). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-zaschity-prav-na-intellektualnuyu-sobstvennost-na-primere-blokcheyn-i-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 30.10.2024).

Practical aspects of copyright protection on the internet Smolnikov D.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article analyzes the existing legal mechanisms for copyright protection in the digital environment, with particular attention to the adaptation of these mechanisms to the dynamically changing conditions of the Internet. The study is based on a comparative analysis of national and international legislative documents, as well as an overview of the latest trends in intellectual property. Particular attention is paid to the impact of technologies such as blockchain and artificial intelligence on enhancing copyright protection online.

Keywords: copyright, digital environment, internet, blockchain, artificial intelligence, intellectual property protection, international law, technological adaptation, legal mechanisms, national legislation.

References

1. Gainutdinov, A. I. Intellectual Property and Its Role in Modern Civil Law / A. I. Gainutdinov. — Text: direct // Young Scientist. — 2023. — No. 47 (494). — P. 275–277. — URL: <https://moluch.ru/archive/494/108190/> (accessed: 10.30.2024).
2. Dragunova, S. A. Copyright Protection on the Internet: International Legal Aspect // Problems of Economics and Legal Practice. — 2020. — No. 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-avtorskih-prav-v-seti-internet-mezhdunarodno-pravovoy-aspekt> (accessed: 10.30.2024).
3. Kataeva, E. V. NFT Technology as a Tool for Copyright Protection // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2022. — No. 12-1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-nft-kak-instrument-zaschity-avtorskih-prav> (accessed: 10.30.2024).
4. Kudelkin, V. A. Realities of Modern Legislation in the Field of Copyright Protection on the Internet / V. A. Kudelkin. — Text: direct // Young Scientist. — 2020. — No. 48 (338). — P. 268–270. — URL: <https://moluch.ru/archive/338/75800/> (accessed: 10.30.2024).
5. Kuzmin, K. A. Copyright Protection on the Internet (Russian and International Practice) // Legal Science. — 2020. — No. 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-avtorskih-prav-v-seti-internet-rossiyskaya-i-mezhdunarodnaya-praktika> (accessed: 10.30.2024).
6. Rogova, D. V., Fateeva, P. A. Protection of Intellectual Rights / D. V. Rogova, P. A. Fateeva // Information Technology as the Basis for Effective Innovation Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Tyumen, January 15, 2024. — Ufa: Aeterna LLC, 2024. — P. 137–142. — EDN LIWFPW.
7. Frolova, E. E., Kupchina, E. V. Digital Tools for Protecting Intellectual Property Rights: Examples of Blockchain and Artificial Intelligence // Perm University Bulletin. Legal Sciences. — 2023. — No. 3 (70). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-zaschity-prav-na-intellektualnuyu-sobstvennost-na-primere-blokcheyn-i-iskusstvennogo-intellekta> (accessed: 10.30.2024).

Эффективные стратегии антикризисного управления для предотвращения банкротства юридических лиц

Срапян Кристине Оганесовна

независимый исследователь, pactum88@mail.ru

В условиях нестабильной экономической конъюнктуры и глобальных вызовов бизнесу антикризисное управление приобретает ключевое значение для сохранения устойчивости и повышения конкурентоспособности юридических лиц. Данная статья предлагает комплексное исследование эффективных стратегий антикризисного управления, направленных на предотвращение банкротства организаций. На основе анализа современных теоретических подходов и эмпирических данных, авторы выделяют ключевые факторы, способствующие успешной реализации антикризисных мер. В статье подробно рассматриваются механизмы раннего выявления финансовых рисков, инновационные подходы к управлению ликвидностью, а также стратегии оптимизации бизнес-процессов.

Особое внимание уделено роли корпоративного управления и лидерства в кризисных условиях, а также важности прозрачной коммуникации и гибкости стратегий. В заключение, разработаны практические рекомендации для менеджеров и собственников бизнеса, которые стремятся сохранить финансовую устойчивость организации и предотвратить угрозу банкротства. Полученные результаты актуальны для широкого круга бизнесов, независимо от их масштаба и отраслевой принадлежности, и могут быть применены в разработке корпоративной антикризисной политики.

Ключевые слова: юридические лица, банкротство юридических лиц, предотвращение банкротства, антикризисное управление, антикризисные программы, стратегии управления, развитие компании, экономическая устойчивость, меры от банкротства, экономика предприятия.

Введение

Современный экономический климат характеризуется высокой степенью неопределенности и частыми кризисами, которые могут повлиять на финансовую стабильность и устойчивость юридических лиц. В условиях глобальных изменений увеличивается риск банкротства компаний, что подчеркивает необходимость разработки и внедрения эффективных стратегий антикризисного управления. Актуальность темы подкрепляется недавними мировыми кризисами, которые поставили под угрозу деятельность многих предприятий. На данном этапе развития экономики возникает острая потребность в изучении методов предотвращения финансового краха, анализа финансовых показателей и стратегий их улучшения.

Целью данного исследования является исследование и развитие эффективных стратегий антикризисного управления, которые помогут предотвратить банкротство юридических лиц. Исследование направлено на анализ финансовых показателей и оценку риска банкротства, внедрение кризисного управления и оптимизацию операционных процессов, а также разработку стратегий реструктуризации долга и привлечения инвестиций. Достижение этой цели предполагает построение интегрированной модели управления, способной поддерживать жизнеспособность компаний в условиях кризиса.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода к антикризисному управлению, который объединяет анализ финансовых показателей, оценку рисков и практические меры по реструктуризации и улучшению управленческих процессов. Исследование предлагает новые методики интеграции финансового анализа и стратегий управления в условиях кризиса, которые ранее не применялись или использовались лишь частично. Особое внимание уделяется новаторским подходам к оптимизации операционных процессов и привлечению инвестиций, что открывает новые горизонты для эффективного предотвращения банкротства.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования использовались разнообразные материалы, включающие финансовую отчетность компаний, статистические данные о банкротствах и анализа экономических показателей. Методы исследования включали как количественные, так и качественные подходы, такие как финансовый анализ, моделирование и практическая оценка риска. Дополнительно использовались методы структурированной экспертизы для разработки стратегий реструктуризации долга и привлечения инвестиций, а также для оценки эффективности

внедрения кризисного управления. Такой многосторонний подход обеспечивает глубокое понимание факторов, влияющих на устойчивость юридических лиц и позволяет разработать практические рекомендации для их антикризисного управления.

Результаты и обсуждения

1. Анализ финансовых показателей и оценка риска банкротства

Анализ финансовых показателей и оценка риска банкротства юридического лица являются важными аспектами финансового менеджмента и корпоративного управления. Эти процессы позволяют оценить текущее финансовое положение компании, выявить потенциальные угрозы для её устойчивости и разработать стратегические меры для минимизации рисков.

Финансовые показатели – это ключевые индикаторы, которые характеризуют финансовое состояние компании. Они включают в себя такие параметры, как ликвидность, прибыльность, рентабельность, оборачиваемость и солидность. Например, текущая ликвидность показывает способность компании оплачивать краткосрочные обязательства, а показатели прибыльности позволяют оценить эффективность использования ресурсов для получения прибыли. Анализ этих показателей помогает не только выявить текущее состояние дел, но и прогнозировать финансовое будущее компании.

Оценка риска банкротства является критически важной задачей, особенно в условиях нестабильной экономической среды. Банкротство – это правовая процедура, которая начинается в случае невозможности компании погасить свои долговые обязательства. Оценка риска банкротства помогает заблаговременно выявить признаки финансовых затруднений и принять упреждающие меры для их разрешения.

Одним из наиболее известных методов оценки риска банкротства является модель Альтмана, которая представляет собой многомерную дискриминантную функцию, учитывающую пять ключевых финансовых коэффициентов. Модель позволяет оценить вероятность банкротства с высокой степенью точности. Однако важно учитывать, что модель Альтмана является лишь одним из инструментов, и её использование должно сопровождаться дополнительным анализом специфических факторов, присущих конкретной отрасли или региону.

Кроме модели Альтмана, существуют и другие подходы к оценке риска банкротства, такие как модель Таффлера, логистическая регрессия и нейронные сети. Каждый из этих методов имеет свои достоинства и недостатки и может быть более или менее эффективен в зависимости от конкретных условий. Например, нейронные сети могут адаптироваться к большому объёму данных и сложным нелинейным зависимостям, в то время как традиционные модели обеспечивают более прозрачные внутренние связи между переменными [1, с. 14].

Анализ финансовых показателей и оценка риска банкротства требуют комплексного подхода. Необ-

ходимо учитывать не только количественные данные, но и качественные факторы, такие как управление компанией, рыночные условия и регуляторные изменения. Важно также рассматривать макроэкономические тенденции, которые могут оказывать значительное влияние на финансовое положение компании.

Современные технологии, такие как большие данные и машинное обучение, открывают новые возможности для улучшения и автоматизации процессов анализа и оценки. Они позволяют обрабатывать огромные массивы данных и идентифицировать скрытые закономерности, которые могут быть незаметны при традиционных методах анализа [9, с. 52-53].

Эффективное применение анализа финансовых показателей и оценка риска банкротства позволяют компаниям не только избегать потенциальных проблем, но и улучшать свою финансовую устойчивость, снижать стоимость капитала и увеличивать доверие инвесторов. Это в свою очередь способствует долгосрочному успеху и устойчивому развитию бизнеса.

В заключение, анализ финансовых показателей и оценка риска банкротства юридического лица являются важнейшими инструментами в арсенале финансового менеджера. Их правильное применение позволяет значительно снизить вероятность финансовых потерь и укрепить позиции компании на рынке, обеспечивая её динамичное развитие и конкурентоспособность.

2. Внедрение кризисного управления и оптимизация операционных процессов

Введение кризисного управления и оптимизация операционных процессов являются важными аспектами управления, которые помогают компаниям справляться с неожиданными трудностями и повышать эффективность их деятельности. В условиях глобальной нестабильности и непрерывных изменений в экономике, необходимость в эффективных методах управления становится все более очевидной [5, с. 209].

Кризисное управление представляет собой специализированный вид менеджмента, направленный на выработку и реализацию мер, которые позволяют минимизировать негативные последствия критических ситуаций. Важнейшим элементом здесь является способность идентифицировать потенциальные угрозы на ранних стадиях и оперативно реагировать на них. Это требует создания системы раннего оповещения и разработки стратегий антикризисного реагирования. Эффективное кризисное управление опирается на анализ рисков и прогнозирование возможных сценариев развития событий с целью обеспечения непрерывности ключевых бизнес-процессов и защиты интересов всех стейкхолдеров.

С другой стороны, оптимизация операционных процессов обеспечивает увеличение производительности и снижение издержек за счет улучшения внутренних процедур и бизнес-практик. В основе этого подхода лежат концепции таких методологий,

как бережливое производство (Lean), шесть сигм (Six Sigma) и теория ограничений (Theory of Constraints) [2, с. 300]. Оптимизация может включать анализ и переоценку существующих процессов, внедрение новых технологий, автоматизацию рутинных задач и перестройку организационной структуры для улучшения коммуникации и координации.

Синергия между кризисным управлением и оптимизацией операционных процессов может быть достигнута путем интеграции данных подходов в единую стратегию управления. Такие интегрированные системы позволяют формировать гибкие процессы, которые не только быстрее адаптируются к изменениям внешней среды, но и повышают устойчивость организации. Это возможно благодаря созданию корпоративной культуры, ориентированной на инновации и постоянное совершенствование. Компетентное руководство играет ключевую роль в поощрении такой культуры и формировании команды, способной эффективно решать проблемы и внедрять изменения.

Примеры успешного внедрения кризисного управления и оптимизации процессов можно наблюдать в различных отраслях. Компании, которые инвестируют в развитие систем мониторинга и анализа данных, имеют значительное преимущество в способности предсказывать и реагировать на кризисы. Такие организации нередко применяют гибридные модели подходов, реализуя цифровую трансформацию и переходя на более адаптивные бизнес-модели, которые позволяют оптимизировать ресурсные затраты и обеспечивают более высокий уровень организационной гибкости [6, с. 94].

В заключение стоит отметить, что стратегии кризисного управления и оптимизации операционных процессов в совокупности формируют основу для создания современной, конкурентоспособной и устойчивой организации. Для достижения наилучших результатов важно интегрировать эти подходы, опираясь на передовые технологии и инновационные методы управления, при этом не забывая о важности человеческого капитала как ключевого элемента успешных изменений [10, с. 24]. Продолжение исследований в этой области будет способствовать раскрытию новых возможностей для повышения эффективности и устойчивости компаний в условиях постоянно меняющейся среды.

3. Разработка стратегий реструктуризации долга и привлечения инвестиций

Разработка стратегий реструктуризации долга и привлечения инвестиций для юридических лиц является одной из ключевых задач финансового менеджмента, особенно в условиях нестабильной экономической среды. Этот процесс не только улучшает финансовое состояние компании, но и способствует ее долгосрочной конкурентоспособности и устойчивому росту. Понимание основ и инновационных подходов в реструктуризации долговых обязательств и привлечении капитала позволяет предприятиям эффективно управлять своими ресурсами и открывать новые перспективы.

Основной целью реструктуризации долга является снижение долговой нагрузки и улучшение условий выплат, что позволяет компании стабилизировать свои финансовые потоки и избежать дефолта [3, с. 7]. Разработка стратегии реструктуризации начинается с тщательного анализа текущего состояния долговых обязательств, который включает в себя оценку структуры долга, сроков погашения, процентов и условий соглашений. Важно также учитывать экономическую обстановку и рыночные условия, которые могут повлиять на доступность рефинансирования и стоимость капитала.

Одним из подходов к реструктуризации является переговоры с кредиторами о пересмотре условий существующих кредитных соглашений. Это может включать в себя пролонгацию сроков погашения, снижение процентных ставок, предоставление грейс-периодов или обмен долгов на акции [8, с. 86]. Важно строить диалог с кредиторами на основе прозрачности и доверия, предоставляя обоснованные аргументы в пользу пересмотра условий. Компании могут также рассмотреть возможность консолидации долгов, что позволяет снизить административные издержки и получить более выгодные условия.

Кроме того, использование инструментов секьюритизации позволяет компаниям превратить часть своих активов в ликвидные средства. Выпуск облигаций или других долговых инструментов может стать альтернативным источником финансирования, особенно в случае, если рынок акционерного капитала нестабилен или недооценивает компанию. Важно учитывать рейтинг компании и текущие рыночные настроения, чтобы оптимально использовать эти инструменты.

Привлечение инвестиций играет критическую роль в обеспечении финансовой устойчивости и развития бизнеса. Для успешного привлечения капитала необходимо разработать инвестиционно привлекательное предложение. В первую очередь, это предполагает наличие четкой, обоснованной стратегии развития бизнеса, показывающей потенциальным инвесторам перспективы роста и возврата на вложенный капитал. Прозрачность финансовой отчетности и высокий уровень корпоративного управления также являются важными факторами, влияющими на решение инвесторов вкладывать средства.

Компании могут использовать различные источники инвестиций, включая венчурное финансирование, частные инвестиции, публичные размещения акций и стратегическое партнерство. Для каждого из этих источников существуют свои плюсы и минусы, которые необходимо учитывать при разработке стратегии привлечения капитала [4, с. 100-101]. Например, венчурное финансирование может предоставить значительные ресурсы для инновационных стартапов, однако может сопровождаться потерей независимости в управлении. Публичное размещение акций, с другой стороны, открывает новые возможности для роста, но требует соблюдения строгих регуляторных требований и может быть сопряжено с волатильностью рынка.

Особое внимание стоит уделить развитию механизмов устойчивого финансирования, привязанных к экологическим, социальным и управленческим (ESG) факторам [7, с. 170]. Инвесторы все больше ориентируются на компании, уверенно демонстрирующие свою приверженность принципам устойчивого развития. Это открывает возможности для привлечения "зеленого" финансирования, которое становится все более доступным и популярным инструментом на современном рынке капитала.

Так, разработка стратегий реструктуризации долга и привлечения инвестиций требует комплексного и инновационного подхода. Компании, которые успешно интегрируют эти процессы в свою общую стратегию управления, смогут не только преодолеть текущие финансовые трудности, но и заложить прочную основу для долгосрочного успеха и устойчивого развития. Эффективное использование инструментов реструктуризации и привлечения капитала, а также активное взаимодействие с различными категориями стейкхолдеров, включая кредиторов и инвесторов, добавляет гибкости и адаптивности в условиях динамично изменяющейся экономической среды.

Выводы

В ходе исследования был проведен всесторонний анализ финансовых показателей юридических лиц, что позволяет глубже понять природу и ранние признаки финансовых трудностей. Рассмотренные методы оценки риска банкротства являются ключевыми инструментами для своевременной диагностики и предотвращения кризисных ситуаций в корпоративной среде. Акцент сделан на важности регулярного мониторинга ключевых финансовых индикаторов и их влияния на устойчивость бизнеса.

Развитие и внедрение кризисного управления рассматриваются как стратегическая необходимость для современных компаний. Подчеркивается, что антикризисное управление требует не только быстрой реакции на возникающие финансовые угрозы, но и проактивного подхода к оптимизации операционных процессов. В статье подчеркивается значение оперативной перестройки организации, что включает пересмотр внутренних процедур и адаптацию к меняющейся внешней среде.

Особое внимание уделено стратегиям реструктуризации долга и привлечению инвестиций, которые рассматриваются как неотъемлемая часть антикризисных мер. Разработанные модели реструктуризации обеспечивают снижение долговой нагрузки и способствуют восстановлению финансовой устойчивости предприятий. Оценка различных методов привлечения инвестиций показывает, что диверсификация источников капитала и строительство долгосрочных партнерских отношений с инвесторами играют критическую роль для выхода бизнеса из кризиса.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что комплексный подход к антикризисному управлению — включая тщательный анализ финансовых данных, оптимизацию операцион-

ных процессов и стратегическое планирование за кредитованности — является эффективным инструментом для предотвращения банкротства юридических лиц. Внедрение данных рекомендаций способствует укреплению финансовой устойчивости предприятий и их конкурентоспособности в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Борисова Т.А. Таможенная политика - факторы устойчивости российской экономики. Сборник материалов конференции: «Экономическая устойчивость хозяйственных систем» - М., РАНХГС, 2011. С. 1-15.
2. Нурмагомедова Н.В., Филатов В.В. Концептуальные особенности современного финансового менеджмента в России. Мат-лы VII Международной научной конференции: «Образование - экономика - право: процессы трансформации и критерии эффективности», секция: «Концептуальные особенности современного менеджмента», М.:МИЭМП, 2011, - с. 300-302.
3. Симонова В.А. Методы оптимизации технологических активов бизнес-процессов промышленных предприятий. Журнал «Транспортное дело России» №10, 2010, 7 с.
4. Толмачёв О. Л. Экономика малого предприятия: взгляд опытного управленца / О.Л. Толмачёв. — Москва: Экономика, 2018. — 213 с. ISBN 978-5-282-03507-0.
5. Толмачёв О. Л., «Торговое ожидание потребителя и принцип принятия управленческих решений на основе маркетинга» // Инновационное развитие науки: фундаментальные и прикладные проблемы : монография / [Адильбекова Б. А. и др.]. — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2023. — 529 с. : ил. — Коллектив авторов. Глава 12, с. 208-220. ISBN 978-5-00174-921-9. DOI 10.46916/03042023-1-978-5-00174-921-9.
6. Чудаев А. В. Доминантный статус инновационной составляющей в системе управленческих ценностей и корпоративной культуре / А. В. Чудаев / Сибирский государственный аэрокосмический университет им. Академика М.Ф. Решетнева. - № 4 (114). — С. 93-96. ISSN: 2071-3010.
7. Чудаев А. В. Система управления инновационной деятельностью крупного производственного комплекса / А. В. Чудаев // ГОУ ДПО "Гос. акад. проф. переподготовки и повышения квалификации руководящих работников и специалистов инвестиционной сферы". — 2010. - № 3. — 198 с. - ISSN: 978-5-91502-052-7. - EDN: QVEQMF.
8. Чудаев А. В. Системное управление инновационной деятельностью крупного производственного комплекса / А. В. Чудаев // ГОУ ДПО ГАСИС. — 2011. - № 3. — С. 86-87. - ISSN: 2074-0077. - EDN: ONTUXF.
9. Экономика и право : Монография / А. А. Ардинба, В. В. Новиков, В. В. Новиков [и др.] ; Гл. редактор Э.В. Фомин. — Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. — 172 с. — ISBN 978-5-907688-40-7. — DOI 10.31483/a-10501. — EDN FSSQQN.

10.Ярошевич М. В. Современные подходы к антикризисному управлению и предупреждению банкротства на предприятиях малого бизнеса // Вестник евразийской науки, 2015 г. С. 1-27.

Effective anti-crisis management strategies to prevent bankruptcy of legal entities effective anti-crisis management strategies to prevent bankruptcy of legal entities

Srapyay K.O.

In an unstable economic environment and global challenges to business, crisis management is becoming key to maintaining the stability and increasing the competitiveness of legal entities. This article offers a comprehensive study of effective anti-crisis management strategies aimed at preventing bankruptcy of organizations. Based on the analysis of modern theoretical approaches and empirical data, the authors identify the key factors contributing to the successful implementation of anti-crisis measures. The article discusses in detail the mechanisms of early detection of financial risks, innovative approaches to liquidity management, as well as strategies for optimizing business processes.

Special attention is paid to the role of corporate governance and leadership in crisis conditions, as well as the importance of transparent communication and flexible strategies. In conclusion, practical recommendations have been developed for managers and business owners who seek to maintain the financial stability of the organization and prevent the threat of bankruptcy. The results obtained are relevant for a wide range of businesses, regardless of their scale and industry affiliation, and can be applied in the development of corporate anti-crisis policy.

Keywords: legal entities, bankruptcy of legal entities, bankruptcy prevention, anti-crisis management, anti-crisis programs, management strategies, company development, economic sustainability, measures against bankruptcy, enterprise economics.

References

1. Borisova T.A. Customs policy - factors of sustainability of the Russian economy. Collection of conference materials: "Economic sustainability of economic systems" - M., RANHGS, 2011. pp. 1-15.
2. Nurmagomedova N.V., Filatov V.V. Conceptual features of modern financial management in Russia. Materials of the VII International Scientific Conference: "Education - Economics - law: transformation processes and efficiency criteria", section: "Conceptual features of modern management", Moscow: MIEMP, 2011, pp. 300-302.
3. Simonova V.A. Methods of optimizing technological assets of business processes of industrial enterprises. The journal "Transport business of Russia" No. 10, 2010, 7 p
4. Tolmachev O. L. Economics of a small enterprise: the view of an experienced manager / O.L. Tolmachev. – Moscow: Ekonomika, 2018. – 213 p. ISBN 978-5-282-03507-0.
5. Tolmachev O. L., "Consumer's trade expectation and the principle of managerial decision-making based on marketing" in the monograph INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SCIENCE: FUNDAMENTAL AND APPLIED PROBLEMS: monograph / [Adilbekova B. A. et al.]. - Petrozavodsk : ICNP "NEW SCIENCE", 2023. – 529 p. : ill. – Team of authors. Chapter 12, pp. 208-220. ISBN 978-5-00174-921-9. DOI 10.46916/03042023-1-978-5-00174-921-9.
6. Chudaev A.V. The dominant status of the innovative component in the system of managerial values and corporate culture / A.V. Chudaev / Siberian State Aerospace University named after Academician M.F. Reshetnev. - No. 4 (114). – pp. 93-96. ISSN: 2071-3010.
7. Chudaev A.V. Innovation management system of a large industrial complex / A.V. Chudaev // GO DPO "State Academic Prof. retraining and advanced training of managers and specialists in the investment sector." - 2010. - No. 3. – 198 p. - ISSN: 978-5-91502-052-7. - EDN: QVEQMF.
8. Chudaev A.V. Systemic management of innovation activities of a large industrial complex / A.V. Chudaev // GO DPO GASIS. - 2011. - No. 3. – pp. 86-87. - ISSN: 2074-0077. - EDN: ONTUXF.
9. Economics and Law: Monograph / A. A. Ardizinba, V. V. Novikov, V. V. Novikov [et al.]; Editor-in-chief E.V. Fomin. Cheboksary : Limited Liability Company "Publishing House "Wednesday", 2023. – 172 p. – ISBN 978-5-907688-40-7. – DOI 10.31483/a-10501. – EDN FSSQQN.
10. Yaroshevich M. V. Modern approaches to crisis management and bankruptcy prevention in small businesses // Bulletin of Eurasian Science, 2015, pp. 1-27.

Актуальные проблемы при направлении судебных поручений за границу

Карандашева Наталия Николаевна

аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университет имени О.Е. Кутафина, nnkarandasheva@gmail.com

Проведённый анализ современной российской и зарубежной судебной практики свидетельствует о неэффективности действующих порядков направления судебных поручений за границу, что увеличивает продолжительность судебных разбирательств. С целью соблюдения принципа процессуальной экономии предлагается использование судами одного из способов направления извещений ответчикам, такого как публикация в средствах массовой информации в случаях невозможности установления последнего местонахождения ответчика. Аргументируется, что применение указанного способа не допускается в случае получения отказа в исполнении судебного поручения от компетентных иностранных органов запрашиваемого государства. Необходимость поиска эффективного порядка направления и исполнения иностранных судебных поручений приобрела особую значимость в условиях действия антиискового запрета (ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ), что существенно повлияло на практику исполнения иностранных судебных поручений как в России, так и за рубежом. В российской судебной практике применение ст. 248.1, ст. 248.2 АПК РФ при исполнении иностранных судебных поручений, как правило, сводится к отказу в их исполнении.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; иностранные судебные поручения; принцип процессуальной экономии, правовая помощь, антиисковой запрет, трансграничные споры.

На сегодняшний день в РФ существует несколько порядков направления иностранных судебных поручений, которые различаются в зависимости от участия государства в универсальных или региональных международных договорах, двусторонних договорах о правовой помощи и национального законодательства.

Дипломатический порядок передачи судебных поручений за границу является наиболее сложным способом взаимодействия судов по вопросу оказания правовой помощи (например, Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г. – далее Гагская конвенция 1954 г., Соглашение между СССР и Францией о передаче судебных и нотариальных документов и выполнении судебных поручений по гражданским и торговым делам 1936 г.). Процедура направления поручений через дипломатические каналы является затяжной из-за наличия множества звеньев, задействованных в передаче судебных поручений от суда запрашивающего государства в суд запрашиваемого государства, время такой передачи может составлять от шести месяцев до года. Традиционно дипломатический порядок применяется при отсутствии договорных отношений между странами для оказания правовой помощи в порядке международной вежливости.

Разработка Гагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. (далее – Гагская конвенция 1965 г.) стала результатом развития международной торговли в 50–60-е годы XX века. Рост участия стран в международных торговых отношениях того времени привёл к увеличению числа трансграничных споров, что и вызвало потребность разработки новых международных механизмов вручения судебных документов за пределами государства. Впоследствии, в ходе работы Гагской конференции по международному частному праву, на международном уровне был предложен более простой по сравнению с дипломатическим порядок направления судебных поручений, а именно – передача судебных поручений через центральные органы. Однако, хотя указанный механизм и решил проблему того времени, сегодня, спустя более чем пятьдесят лет, его нельзя назвать менее формализованным. Несмотря на сокращение количества звеньев, участвующих в процессе передачи документов через центральные органы, этот порядок всё ещё остаётся формализованным, и на практике исполнение судебного поручения также может занимать до одного года.

Ряд судебных поручений, направленных российскими судами в иностранные государства, остаются без ответа при отсутствии каких-либо оснований для отказа в их исполнении [12, 14]. Невзирая на

наличие Договора между СССР и Румынской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1958 г., в соответствии с которым вручение документов осуществляется через центральные органы учреждений юстиции (ст. 4, 6, 7 и 10), Арбитражный суд Калининградской области дважды направил в Министерство юстиции Республики Румыния поручение о вручении ответчику определения суда, однако судебное поручение было дважды оставлено без ответа [8].

На региональном уровне взаимодействие судов осуществляется на основе ещё более простых механизмов. Так, в ст. 5 Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (далее – Киевское соглашение 1992 г.) указано, что при оказании правовой помощи компетентные суды и другие органы государств – участников СНГ сносятся друг с другом непосредственно. В отечественной доктрине такой подход принято называть «прямым методом передачи поручений». Учёными было отмечено, что прямая передача поручений в виде направления поручений судом запрашивающего государства в суд запрашиваемого государства является наиболее эффективной [21, с. 171–204, 25 с. 73–77]. Хотя это один из наименее формализованных порядков, прямой метод передачи судебных поручений за границу занимает от двух до шести месяцев [11, 13, 15].

Учитывая, что в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложнённых иностранным элементом» указывается, что при направлении судебного поручения судам необходим тот механизм взаимодействия с компетентными органами государств, который обеспечивает быстрое и менее формализованное взаимодействие судов с компетентными органами иностранного государства, российские суды на основе Киевского соглашения 1992 г. отдают предпочтение направлению извещения непосредственно по адресу ответчика по почте. Следует отметить, что Киевское соглашение 1992 г. предусматривает непосредственный порядок передачи судебных поручений, согласно которому судебные поручения одного государства направляются в суды другого государства – участника международного договора почтовой связью. Однако российские суды выбирают извещение арбитражными судами Российской Федерации лиц, находящихся в странах – участниках Киевского соглашения 1992 г., напрямую по почте, а не используют процедуру, регламентированную вышеупомянутым международным договором [4, 9]. Указанное подтверждает выбор отечественными судами наименее формализованного порядка направления судебного поручения за границу, однако выбранный порядок напрямую не предусмотрен Киевским соглашением 1992 г.

Наиболее оперативным и наименее формализованным порядком направления судебных поручений является порядок вручения судебных документов

по почте в соответствии с п. а ст. 10 Гаагской конвенции 1965 г., если страны не сделали оговорку против применения данной статьи, что подтверждается современной российской судебной практикой [7].

Стоит отметить, что Российская Федерация при присоединении к Гаагской конвенции 1965 г. сделала оговорку о недопущении направления судебных поручений в адрес РФ посредством использования альтернативных каналов. В научных публикациях того времени ратификация РФ Гаагской конвенции 1965 г. рассматривалась как способ налаживания правового сотрудничества в области международного гражданского процесса. Е.Н. Колесникова отмечала, что только международный договор обеспечивает соблюдение обязательных процессуальных действий при исполнении иностранных судебных поручений, несмотря на сложившуюся практику их исполнения на началах международной вежливости [23, с. 58–59].

Имеющиеся порядки направления и исполнения иностранных судебных поручений нельзя назвать эффективными, поскольку они не отвечают современным темпам обмена информацией и, следовательно, затягивают судебные разбирательства. В российской доктрине учёные неоднократно обращали внимание на эту проблему. Так, Н.Г. Елисеев выявил основные критерии надлежащего и своевременного извещения, направляемого за границу, указав, что извещение признаётся надлежащим в том случае, если оно направлено в установленном порядке и если доказано, что оно получено адресатом по смыслу ч. 1 ст. 123 АПК РФ. По мнению Н.Г. Елисеева, вручение документа является решающим обстоятельством, свидетельствующим о надлежащем извещении, а допущенные при этом отступления от установленного порядка направления документа значения не имеют. Во внимание принимаются такие обстоятельства, как сложность дела, удалённость иностранного суда, необходимость получения визы и иные сопутствующие обстоятельства [22, с. 121–137]. А.А. Костин справедливо отмечает, что государства при разрешении вопроса о надлежащем извещении ответчика принимают во внимание именно наличие у него фактической информации о судебном процессе («фактическое (эффективное) извещение») [24, с. 148–192].

Судебные поручения, направляемые за границу, подразделяются на следующие виды: 1) судебные поручения о получении доказательств: запросы на предоставление информации, экспертные заключения, свидетельские показания, а также осуществление других процессуальных действий, связанных с доказательствами; 2) извещения: уведомления о проведении судебных процедур за пределами территории государства; 3) **судебные поручения о взыскании судебных расходов**. Представляется необходимым для судов не только руководствоваться менее формализованным порядком, но и учитывать содержание судебных поручений и способы его эффективного исполнения. Эффективность в данном контексте следует оценивать по не-

скольким ключевым критериям. Во-первых, своевременность: поручение должно быть направлено таким образом, чтобы у адресата было достаточно времени на его получение, ознакомление с содержанием и подготовку необходимого ответа или на выполнение действий, предусмотренных поручением (например, явка в суд, сбор доказательств); важно учитывать логистические сложности, временные зоны, возможные задержки, связанные с почтовыми службами или дипломатическими каналами. Во-вторых, процедура направления и исполнения иностранного судебного поручения должна быть организована с целью сокращения финансовых и административных издержек, то есть с учётом принципа процессуальной экономии. В-третьих, необходимо принимать во внимание возможность применения электронных технологий при направлении судебного поручения за границу, основываясь на Гаагской конвенции 1965 г. [19] и Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам 1970 г. [20].

Внесённые изменения в ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ, касающиеся антиисковых запретов, существенно повлияли на практику исполнения иностранных судебных поручений как в России, так и за рубежом.

Основания для отказа в исполнении иностранного судебного поручения закреплены и в АПК РФ, и в ГПК РФ: исполнение поручения может нанести ущерб суверенитету РФ или угрожает её безопасности, нарушает основополагающие принципы российского права или иным образом противоречит публичному порядку РФ; исполнение поручения не входит в компетенцию суда.

Отказ в исполнении судебного поручения, когда иностранный запрос нарушает основополагающие принципы российского права или иным образом противоречит публичному порядку РФ, стал особенно актуален в связи с формированием новой судебной практики после дополнения АПК РФ ст. 248.1 и ст. 248.2. Знаковым в данном случае является Определение Верховного Суда № 305-ЭС22-6215 по делу № А40-179775/2021, в котором обращается внимание на важность учёта ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ при рассмотрении вопроса об исполнении иностранных судебных поручений. Верховный Суд, рассмотрев возможность обжалования исполнения или неисполнения судебного поручения иностранного суда как акта, препятствующего движению дела, признал невозможным исполнение иностранного судебного поручения, направленного в августе 2021 г. компетентным органом Англии и Уэльса для вручения документов российскому юридическому лицу. В данном деле апелляция и кассация отказали в обжаловании определения, мотивируя это отсутствием такой возможности в АПК РФ. Верховный Суд указал, что АПК РФ дополнен ст. 248.1 и ст. 248.2 Федерального закона от 08.06.2020 № 171-ФЗ. Следовательно, несмотря на то что нормы АПК РФ прямо не предусматривают возможности обжалования определения об исполнении или неисполнении судебного поручения иностранного суда, положения ст. 188, ст. 248.1, ст. 248.2 и

ст. 256 АПК РФ позволяют обжаловать такое определение в качестве судебного акта, который препятствует дальнейшему движению дела [10].

После вынесения определения формируется судебная практика, согласно которой российские юридические лица в ходе судебного разбирательства ходатайствуют об отказе в исполнении поручения иностранных судов, ссылаясь на подп. 1 ч. 2 ст. 256 АПК РФ, ст. 13 Гаагской конвенции 1965 г. и на ст. 248.1, ст. 248.2 АПК РФ, поскольку юридическое лицо относится к лицам, в отношении которых иностранным государством применяются меры ограничительного характера. Отечественные суды отмечают, что отсутствие судебного акта суда РФ о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории РФ, касающегося именно спора, с которым связано поступившее иностранное поручение, не свидетельствует о невозможности отказа в исполнении поручения судебных исполнителей, если такое исполнение может нанести ущерб суверенитету и безопасности РФ, нарушить основополагающие принципы российского права [5, 6]. Таким образом, в российской практике применение ст. 248.1, ст. 248.2 АПК РФ при исполнении иностранных судебных поручений сводится к отказу в исполнении иностранного судебного поручения.

Иностранные суды реагируют на невозможность исполнения судебных поручений, направленных в Россию. Так, Высший земельный суд Германии в своём решении указал, что, согласно официальной информации Федерального управления юстиции, в июне 2022 г. в России не было препятствий для официального вручения документов. Однако российский суд отказал в исполнении судебного поручения, направленного из Германии, о вручении документов российскому юридическому лицу. Позже в указанном деле Высший земельный суд установил: извещение ответчика осуществлено путём размещения его на доске объявлений суда в марте 2023 г. Следовательно, исковое заявление и другие документы были надлежащим образом вручены ответчику [18], несмотря на отказ российских компетентных органов в их вручении.

Одним из способов вручения извещения за рубежом является публикация в средствах массовой информации. Гражданское процессуальное уложение Германии закрепляет возможность публичного извещения ответчика в п. (2) § 186: исполнение публичного поручения осуществляется путём размещения извещения на доске объявлений суда или публикации уведомления в электронной информационно-коммуникационной системе, общедоступной в суде. В извещении должны быть указаны: 1) лицо, в отношении которого производится вручение; 2) имя и последний известный адрес; 3) дата, номер документа и обозначение предмета разбирательства; 4) место, где можно ознакомиться с документом [3].

Публикация в средствах массовой информации часто используется в судебной практике США (штат Аризона [16], штат Калифорния [17] и др.). Согласно Правилам гражданского судопроизводства в Англии

и Уэльсе (*The Civil Procedure Rules* 1998, далее – ПГС в Англии и Уэльсе 1998 г.) истцы в судебных делах обычно обязаны вручать документы ответчикам по адресу их проживания. Однако суды могут разрешить вручение документов в другом «месте», если на то есть «веские причины». В ПГС в Англии и Уэльсе 1998 г. указывается, что «суд может вынести постановление, разрешающее вручение документов альтернативным способом или в альтернативном месте». Ходатайство о вынесении такого постановления «должно быть подкреплено доказательствами» [2].

Способ извещений путём публикации в средствах массовой информации предусмотрен и в Китае. С 1 января 2024 г. в ст. 283 Гражданского процессуального закона Китая были внесены изменения, которые предусматривают гибкие правила вручения поручения иностранным сторонам, призванные способствовать беспрепятственному ходу судебного разбирательства. В частности, интерес представляют поправки, предусматривающие: 1) электронное вручение: вручение с помощью электронных средств, способных подтвердить получение обслуживаемым лицом, за исключением случаев, когда это запрещено законодательством страны, в которой находится данное лицо; 2) вручение с помощью любых других средств, согласованных с лицом, которому вручается документ, если это не запрещено законодательством страны нахождения данного лица; 3) вручение путём публикации: если вручение не может быть произведено вышеуказанными способами, оно осуществляется путём публичного уведомления и считается произведённым по истечении шестидесяти дней с даты публикации публичного уведомления [1].

Обращение к вручению извещения посредством публикации в средствах массовой информации обосновано в тех случаях, когда точный адрес ответчика неизвестен. Это позволяет компенсировать отсутствие информации о его местонахождении и сделать возможным информирование о предстоящем судебном разбирательстве. Публикации в средствах массовой информации не гарантируют, что ответчик фактически получит информацию о судебном процессе. Следовательно, применение указанного способа должно осуществляться только в случае невозможности установления точного адреса местонахождения ответчика. В случае, когда суд уже направил судебное поручение за границу и получил отказ в его исполнении, использование публикации в средствах массовой информации в качестве альтернативного способа извещения недопустимо.

Следует отметить, что в международных договорах не закреплена возможность направления извещения путём публикации в средствах массовой информации (например, публикация на официальном сайте суда или государственной цифровой платформе). Тем не менее данный способ следует считать перспективным, поскольку обеспечивает прозрачность и доступность информации о судебных процессах, даже если точный адрес ответчика неизвестен или не может быть установлен. Он также

предотвратит уклонение от судебного процесса и обеспечит соблюдение процессуальных норм и правил.

Уведомление ответчиков о судебном процессе в средствах массовой информации подвергалось критике в российской доктрине. Так, Т.М. Яблочков отмечал, что данные «средства оповещения покоятся в фикциях» и в действительности «навряд ли найдётся много лиц, вообще знающих о существовании этого издания» [26, с. 107]. Следует согласиться с позицией учёного, принимая во внимание, во-первых, весьма широкий спектр средств массовой информации, а во-вторых, не столь широкую востребованность средств массовой информации у пользователей, которая имела место в досетевую эпоху.

Сомнение вызывает надёжность способа публикации соответствующей информации в социальных сетях. Использование социальных сетей как одного из средств публичной публикации для направления извещения ответчику зафиксировано в судебной практике стран общего права (в частности, Австралия, Канада, Великобритания, Новая Зеландия и США). Например, по делу *K.A. and K.I.A. v. J.L.* суд первой инстанции штата Нью-Джерси постановил, что вручение иска через социальную сеть будет достаточным для установления персональной юрисдикции над ответчиком [27].

Социальные сети ассоциируются с непрофессиональным или неформальным общением. Размещённая в них информация может быть подвержена искажениям или манипуляциям со стороны третьих лиц, что создаёт риск недопонимания или неправильного восприятия содержания уведомления. Соответственно, соцсети не могут быть использованы для передачи юридически значимой корреспонденции.

Таким образом, избыточно формализованные процедуры направления судебных поручений за границу не соответствуют современным требованиям оперативной передачи информации и не являются эффективными с точки зрения возможности исполнения направляемых запросов. Что касается использования публикаций в средствах массовой информации для вручения извещения о судебном разбирательстве, представляется, что указанный способ необходимо рассматривать как исключительную меру, применяемую лишь в ситуациях, когда точный адрес ответчика не может быть установлен. Важно также учитывать, что в ситуациях, когда суд уже направил судебное поручение за границу и получил отказ в его исполнении, использование публикации в средствах массовой информации становится недопустимым.

Литература

1. Гражданско-процессуальный закон, принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 9 апреля 1991 г. – URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 01.10.2024).
2. *The Civil Procedure Rules* 1998 [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1998/3132/contents/made?text=service%20address#match-1> (дата обращения: 15.08.2024).

3. Zivilprozessordnung. § 186 Bewilligung und Ausführung der öffentlichen Zustellung [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_186.html (дата обращения: 15.08.2024).

4. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 декабря 2023 г. по делу № А07-15198/2021 [Электронный ресурс]. – URL:

https://sudact.ru/arbitral/doc/sSbwa18h2sQe/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A07-15198%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge= (дата обращения: 01.10.2024).

5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2024 г. по делу № А56-95000/2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZUD77XpEFGov/?arbitral-txt=248.2+извещение&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=01.01.2023&arbitral-date_to=25.07.2024&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=1116#snippet (дата обращения: 01.10.2024).

6. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 27 февраля 2023 г. по делу № А40-301955/22-3-2280 [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5896bdd7-b260-4e56-b90e-ffecda73699a/0239efba-b801-48c2-882a-b65da11a67b4/A40-301955-2022_20230227_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.08.2024).

7. Решение Апшеронского районного суда (Краснодарский край) № 2-646/2018 2-646/2018~М-864/2018 М-864/2018 от 20 ноября 2018 г. по делу № 2-646/2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/NMG4k8jCNxH9/?regular-txt=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=2310#snippet (дата обращения: 01.10.2024).

8. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 25 апреля 2023 г. по делу № А21-2790/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9f1a74f0-4b75-4917-84b1-09aba8861a5e> (дата обращения: 03.08.2024).

9. Решение Арбитражного суда Белгородской области от 13 декабря 2021 г. по делу № А08-7529/2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/PcpJn0mBSrQr/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=№+А08-7529%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=16#snippet (дата обращения: 01.10.2024).

10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2022 № 305-ЭС22-6215 по делу № А40-179775/2021 [Электронный ресурс]. – URL:

[https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a80e38d-0c88-4e7a-be36-1c233f537155/84e594c6-41c7-466c-84c2-938108899e61/A40-179775-](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a80e38d-0c88-4e7a-be36-1c233f537155/84e594c6-41c7-466c-84c2-938108899e61/A40-179775-2021_20220629_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True)

2021_20220629_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.08.2024).

11. Определение Суда по интеллектуальным правам от 06.02.2023 по делу № СИП-1182/2022 «Об отложении предварительного судебного заседания» [Электронный ресурс]. – URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=106152&cacheid=FE5FEF50E2F3392FAB261D68938E359F&mode=splus&rnd=iER8nQ#NjorwKUGrATkWz7I> (дата обращения: 01.10.2024).

12. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 14 апреля 2023 г. по делу № А19-20187/2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/p5VMmIV5nZWx/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=№+А19-20187%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=60#snippet (дата обращения: 09.09.2024).

13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.07.2023 № С01-1110/2023 по делу № А33-4391/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=112968&cacheid=8EC85D000FBA44AB5BCADCFAA263F49C&mode=splus&rnd=HnR76g#zQFswKUaoRK1unpS1> (дата обращения: 03.02.2023).

14. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 15 января 2024 г. по делу № А19-28170/2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/4noCnf44JfrK/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=+А19-28170%2F2022&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=24.02.2022&arbitral-date_to=08.08.2024&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=56#snippet (дата обращения: 09.09.2024).

15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.06.2024 № Ф09-4148/24 по делу № А47-8491/2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b2014900-4c3c-4ae8-ac34-dd18702fab6e/210ec430-9bc7-426a-af44-1892e109d224/A47-8491-2021_20240627_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.10.2024).

16. Arizona Court Rules. – URL: <https://govt.westlaw.com/azrules/Document/N31E7DA00DE011E28A628CD7CECCD897?transitionType=StatuteNavigator&contextData=%28sc.Default%29&bhc p=1> (дата обращения: 01.10.2024).

17. California Courts The judicial branch of California. – URL: <https://www.courts.ca.gov/selfhelp-serving.htm> (дата обращения: 09.10.2024).

18. Kammergericht. – Az.: 12 SchH 5/22 [Электронный ресурс]. – URL: https://drjv.org/wp-content/uploads/2024/05/12-SchH-5_22.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

19. Практическое руководство по применению Гаагской конвенции от 15 ноября 1965 г. о вручении за границей судебных и внесудебных документов по

гражданским или торговым делам [пер. с англ. А. Н. Жильцов и др.; отв. ред. А. Н. Жильцов]. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 320 с.

20.Рекомендации Гаагской конференции по педердовому опыту использования видеосвязи в соответствии с Гаагской конвенцией 1970 г. – URL: <https://assets.hcch.net/docs/569cfb46-9bb2-45e0-b240-ec02645ac20d.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

21.Григорьева, О. Г. Разработка способов внешних сношений Советского Союза по вопросам оказания международной правовой помощи по гражданским делам / О. Г. Григорьева // Социодинамика. – 2013. – № 1. – С. 171–204. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.1.342. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=342 (дата обращения: 03.10.2024).

22.Елисеев, Н. Г. Извещение ответчика, находящегося за границей // Закон. – 2016. – № 6. – С. 121–137.

23.Колесникова, Е. Н. О порядке исполнения Гаагской конвенции 1965 г. «О вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам» / Е. Н. Колесникова // Российское право. Информационно-аналитический журнал. – 2005. – № 12. – С. 58–59.

24.Костин, А. А. Правовое регулирование порядка извещения стороны судебного разбирательства за границей (анализ российского и иностранного опыта) // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 1. – С. 148–192.

25.Петрова, М. М. Тенденции развития правового регулирования в сфере оказания международной правовой помощи по сбору и получению доказательств, находящихся на территории иностранных государств, по гражданским делам / М.М. Петрова // Адвокат. – 2011. – № 11. – С. 73–77.

26.Яблочков, Т. М. Труды по международному частному праву / Т. М. Яблочков. – М.: Статут, 2009. – С. 107.

27.Could Service Of Process Via Facebook Be The Way Of The Future? [Электронный ресурс]. – 16.05.2017. – URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/could-service-of-process-via-facebook-69002/> (дата обращения: 01.10.2024).

Practical issues in sending letters of request abroad Karandasheva N.N.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The analysis of contemporary Russian and foreign judicial practice indicates the inefficiency of the existing procedures for transmitting letters of request abroad, which increases the duration of legal proceedings. In order to adhere to the principle of procedural economy, it is proposed that courts utilize one of the methods of notifying defendants, such as publication in the mass media when it is impossible to determine the defendant's last known location. It is argued that the use of this method is not permissible if a refusal to execute the letter of request has been received from the competent foreign authorities of the requested state. The need to find an effective procedure for the transmission and execution of foreign letters of request has gained particular significance under the conditions of the anti-suit injunction (Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation), which has significantly affected the practice of executing foreign letters of request both in Russia and abroad. In Russian judicial practice, the application of Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when executing foreign letters of request generally results in a refusal to execute them.

Keywords: international civil procedure; foreign letters of request; principle of procedural economy; legal assistance; anti-suit injunction; cross-border disputes.

References

1. Civil Procedure Law, adopted by the Standing Committee of the National People's Congress on April 9, 1991. - URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/> (date of access: 01.10.2024).
2. The Civil Procedure Rules 1998 [Electronic resource]. - URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukksi/1998/3132/contents/made?text=service%20address#match-1> (date of access: 15.08.2024).
3. Legal procedure. § 186 Bewilligung und Ausführung der öffentlichen Zustellung [Electronic resource]. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_186.html (date of access: 15.08.2024).
4. Ruling of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal of December 21, 2023 in case No. A07-15198/2021 [Electronic resource]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/sBwa18h2sQe/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A07-15198%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge= (accessed: 01.10.2024).
5. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated February 11, 2024 in case No. A56-95000/2023 [Electronic resource]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ZUD77XpEFGov/?arbitral-txt=248.2+извещение&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=01.01.2023&arbitral-date_to=25.07.2024&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=1116#snippet (accessed: 01.10.2024).
6. Determination of the Arbitration Court of Moscow dated February 27, 2023 in case No. A40-301955/22-3-2280 [Electronic resource]. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5896bdd7-b260-4e56-b90e-ffecda73699a/0239efba-b801-48c2-882a-b65da11a67b4/A40-301955-2022_20230227_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date accessed: 15.08.2024).
7. Decision of the Apsheronsky District Court (Krasnodar Krai) No. 2-646/2018 2-646/2018-M-864/2018 M-864/2018 dated November 20, 2018 in case No. 2-646/2018 [Electronic resource]. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/NMG4k8JCNxH9/?regular-txt=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=2310#snippet (date of access: 01.10.2024).
8. Decision of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region dated April 25, 2023 in case No. A21-2790/2022 [Electronic resource]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9f1a74f0-4b75-4917-84b1-09aba8861a5e> (date of access: 03.08.2024).
9. Decision of the Arbitration Court of the Belgorod Region dated December 13, 2021 in case No. A08-7529/2021 [Electronic resource]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/PcpJn0mBSrQr/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=Ne+A08-7529%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=16#snippet (accessed: 01.10.2024).
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.06.2022 No. 305-ES22-6215 in case No. A40-179775/2021 [Electronic resource]. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a80e38d-0c88-4e7a-be36-1c233f537155/84e594c6-41c7-466c-84c2-938108899e61/A40-179775-2021_20220629_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed: 15.08.2024).
11. Determination of the Intellectual Property Court dated 06.02.2023 in case No. SIP-1182/2022 "On the adjournment of the preliminary court hearing" [Electronic resource]. - URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=106152&cacheid=FE5FEF50E2F3392FAB261D68938E359F&mode=splus&md=iER8nQ#NjorwKUGpATkWz71> (accessed: 01.10.2024).
12. Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated April 14, 2023 in case No. A19-20187/2021 [Electronic resource]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/p5VMmlV5nZWVx/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=Ne+A19-20187%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=60#snippet (accessed: 09.09.2024).
13. Resolution of the Intellectual Property Court dated 05.07.2023 No. C01-1110/2023 in case No. A33-4391/2022 [Electronic resource]. - URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=112968&cacheid=8EC85D000FBA44AB5BCADCFAA263F49C&mode=splus&rnd=HnR76g#zQFswKUaoRK1ynpS1> (accessed: 03.02.2023).
14. Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated January 15, 2024 in case No. A19-28170/2022 [Electronic resource]. - URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/4noCnf44Jfrk/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=+A19-28170%2F2022&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=24.02.2022&arbitral-date_to=08.08.2024&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=56#snippet (accessed: 09.09.2024).
15. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 27.06.2024 No. F09-4148/24 in case No. A47-8491/2021 [Electronic resource]. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b2014900-4c3c-4ae8-ac34-dd18702fab6e/210ec430-9bc7-426a-af44-1892e109d224/A47-8491-2021_20240627_Reshenija_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (accessed: 01.10.2024).
16. Arizona Court Rules. - URL: <https://govt.westlaw.com/azrules/Document/N31E7DAD00DE011E28A628CD7CECCD897?transitionT>

Проблемы применения юристами и судами сроков исковой давности

Милосердов Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент. Доцент кафедры гражданского права и процесса Королёвского филиала "Международный юридический институт", a.miloserdov2010@yandex.ru

В статье представлены дефиниции понятия «срок исковой давности». Обозначаются функции данной правовой категории. Сделан вывод о том, что категория «срок исковой давности» существует в отечественном законодательном массиве и правоприменительной практике уже достаточно давно, но, при этом, ее реализация сопряжена с рядом сложностей и барьеров, обусловленных сложностью правоприменительных алгоритмов. Описаны некоторые проблемы и риски, связанные с применением юристами и судами сроков исковой давности: сосуществование объективного и субъективного сроков давности, проблема неосведомленности сторон и сложность методик исчисления сроков, определение моментов начала и окончания сроков исковой давности, основания для приостановления сроков давности, размытость формулировки «обстоятельства непреодолимой силы», сроки исковой давности в контексте споров по вопросам брачных договоров и проч.

Ключевые слова: срок исковой давности, обстоятельства непреодолимой силы, брачный договор, объективный срок исковой давности, субъективный срок исковой давности

Исковая давность представляет собой важнейший компонент правовой системы, и, следовательно, понимание ее принципов и механизмов действия выступает существенным для исследователей-правоведов, правоприменителей, юридических лиц и граждан [7, с. 266].

Как показывает анализ законодательных массивов зарубежных стран, в каждой юрисдикции существенно варьируются сроки исковой давности и алгоритмы их исчисления. Тем не менее, понимание сроков исковой давности и их соблюдение – ключевой аспект для обеспечения справедливости и эффективности правосудия в любой юрисдикции. Современное гражданское право – как в нашей стране, так и за рубежом – стремится к обеспечению баланса между защитой прав и законными интересами граждан и достижению предсказуемости юридических отношений. Модернизация законодательного массива должна происходить именно при учете этих фундаментальных принципов [11, с. 269]; [9, с. 21].

В новейшей научной литературе в отношении дефиниции понятия «срок исковой давности», можно сказать, сформировалось единство мнений. Так, С. Р. Канзываа определяет данную категорию как «срок обращения с заявлением в суд и срок для защиты нарушенных прав и свобод по заявлению лица, права и свободы которого нарушены» [6, с. 178]. Исковая давность возникает с момента нарушения права и соотносится со временным интервалом, в течение которого государство в лице правоприменительной системы гарантирует судебную защиту в ситуации нарушения права. Следует согласиться с С. Р. Канзываа в том, что исковая давность сочетает в себе материальные и процессуальные начала – будучи одним из фундаментальных институтов, зафиксированных в российском законодательстве, исковая давность в реальной практике реализуется на этапе правоприменения [6, с. 178].

Законодательная дефиниция исковой давности содержится в тексте ст. 195 Гражданского Кодекса Российской Федерации: срок, который предоставляется для «защиты права по иску лица, право которого нарушено» [5]. А. И. Ткачев говорит о том, что исковую давность следует считать не только временным периодом, но и особым состоянием гражданско-правовых отношений [11, с. 88]. Исковая давность основывается на концепции времени, но, при этом, она подразумевает сохранение или изменение состояния гражданских отношений по истечению определённого срока. Следовательно, содержание правовой категории «исковая давность» затрагивает не только обозначенный временной промежуток, но и изменения гражданско-правовых отношений, которые происходят до, во время него и после его истечения.

Исследователи, кроме того, говорят о дуальном характере применения сроков исковой давности: с одной стороны, законодательные положения наделяют истца правом обратиться в суд для защиты своих интересов, а с другой – они выступают в роли защитного инструмента для ответчика, применяемого им в ситуациях возражения для отвода иска [11, с. 88].

Функциональный спектр исковой давности в ситуациях правоприменения достаточно широк. Так, к примеру, А. И. Ткачев говорит о таких функциях исковой давности, как дисциплина и стимуляция сторон (регулятивные функции), а также о функции баланса в защите прав истца и ответчика (охранительная функция) [11, с. 89]. Г. И. Кулешова представляет такие функции, как определение максимального срока для обращения в суд, содействие соблюдению законопослушности в правовых отношениях, защита интересов обвиняемого, обеспечение справедливого разрешения споров [7, с. 267]. С. Р. Канзыбаа дополняет этот перечень функциями упрочения договорной дисциплины, активизации динамичности участников гражданского оборота в осуществлении принадлежащих им прав и обязанностей, усиления взаимного контроля за исполнением обязательств [6, с. 177].

Несмотря на то, что категория «срок исковой давности» существует в отечественном законодательном массиве и правоприменительной практике уже достаточно давно, ее реализация сопряжена с рядом сложностей и барьеров, обусловленных сложностью правоприменительных алгоритмов и множественностью ситуаций, когда срок давности исчисляется не в соответствии с общими правилами. В данной связи представляется необходимым рассмотреть некоторые важные проблемы и риски, связанные с применением юристами и судами сроков исковой давности.

Применение сроков исковой давности в ряде случаев осложняется наличием двух взаимосвязанных категорий – **объективный и субъективный срок**. Речь идет о положениях ст. 196 Гражданского Кодекса, введенных в 2013 г., согласно которым срок исковой давности не может превышать 10 лет [5], т.е. был установлен верхний предел предъявления исковых требований для защиты нарушенного права. Данные нововведения предопределили сосуществование субъективного и объективного сроков исковой давности.

Субъективный срок составляет три года, а его отсчет, как отмечается в тексте ст. 200 Гражданского Кодекса, начинается со дня осведомленности пострадавшего лица о нарушенном праве и о нарушителе данного права [5]. Таким образом, трехлетний срок исковой давности напрямую зависит от субъектов правоотношений. В свою очередь, объективный срок отсчитывается вне зависимости от осведомленности субъектов и начинается с момента нарушения права как юридического факта [2, с. 73].

Следует согласиться с А. К. Давлетовым в том, что применение объективного срока исковой давности должно обеспечивать повышение предсказуемости правоприменения и гражданского оборота в

целом. Так, к примеру, в ситуации недоброкачественно выполненных работ подрядной организацией, обнаруженных уже после приемки работ, может возникнуть ситуация, когда в организации-подрядчике произойдут кардинальные кадровые и регистрационные изменения, в результате чего круг субъектов, имевший место при выполнении работ, существенно изменится. Подобное изменение субъектного состава правоотношений существенно осложнит справедливое разрешение спора органами суда [4, с. 64].

П. С. Вавинова, в свою очередь, говорит о том, что проблема действия двух давностных сроков возникает в случае, «когда начало течения субъективного срока не выходит за пределы объективного срока, а его конец может оказаться за этими пределами. По этой причине срок исковой давности в общей сумме может достигнуть почти тринадцати лет». По мнению автора, законодатель допускает, пусть и косвенно, наличие возможности выхода за пределы объективного срока, что отчасти лишает смысла саму категорию «объективный срок» [2, с. 75].

А. В. Агутин и В. В. Захарова говорят о том, что введение предельного срока исковой давности порождает ряд проблем в области правоприменения, «начиная с его соотношения с правилами о приостановлении, перерыве и восстановлении исковой давности и заканчивая сомнением в правильности и непротиворечивости правового регулирования» [1, с. 150].

По мнению правоведов, применение сроков исковой давности часто сталкивается с **проблемами неосведомленности сторон и сложностью методик исчисления сроков**. П. С. Вавинова указывает на то, что в реальной практике стороны зачастую не осведомлены о наличии у них права на защиту своих интересов по прошествии времени. Кроме того, «о существовании различных видов сроков давности информировано ещё меньшее число граждан, которые не знакомы с нюансами юриспруденции» [2, с. 73].

Е. А. Шекунов указывает: неосуществление права на защиту в течение длительного времени свидетельствует не столько о безразличии к своему праву, сколько о **низком уровне юридической грамотности**. Кроме того, **многие лица не способны осознать факт нарушения права или воспользоваться правом на защиту** ввиду каких-либо объективных факторов – физиологических или болезненных состояний, малолетства, недееспособности. В российской правоприменительной практике встречаются случаи нарушения имущественных прав несовершеннолетнего при наследовании имущества, нарушения имущественных прав недееспособного лица – в таких делах зачастую имеет место пропуск предельного срока исковой давности [12, с. 50].

Среди попыток разрешения вышеописанной проблемы следует назвать публикацию позиции Верховного суда (речь идет о п. 2 Постановления № 43) о восстановлении объективного срока исковой дав-

ности для малолетних. Восстановление объективного срока, невозможное в иных случаях, может произойти в ситуации ненадлежащего исполнения законным представителем своих обязанностей. По нашему мнению, Постановление Верховного Суда едва ли может выполнить прецедентную функцию при рассмотрении вышеописанной категории дел – оно раскрывает лишь один частный случай восстановления срока исковой давности. Необходимо раскрыть и иные ситуации применения исключительных условий в отношении восстановлении объективного срока.

Безусловно, в рассматриваемой нами прикладной области права особенно значимыми являются обстоятельства и принципы, на основании которых определяются **моменты начала и окончания сроков исковой давности**. А. В. Агутин и В. В. Захарова пишут: когда срок начался или завершился, но существуют некоторые условия, которые могут изменить это обстоятельство, «правовая определенность страдает, поскольку участники правоотношения не понимают, чем руководствоваться» [1, с. 140].

Так, в научной юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о проблеме момента начала срока исковой давности на виндикационное требование. В частности, на протяжении времени розыска похищенной вещи собственник не может обратиться в орган суда за защитой нарушенного права по причине отсутствия сведений об ответчике. Тем не менее, факт истечения срока исковой давности служит основанием для отказа в иске.

Срок исковой давности способен, согласно российскому законодательству, приостанавливаться и возобновляться [13, с. 1340]. Текст ч. 1 ст. 202 Гражданского Кодекса содержит основания, по которым срок исковой давности может быть приостановлен: обстоятельства непреодолимой силы; служба в Вооруженных Силах РФ (в условиях военного положения); установленная законодательством отсрочка исполнения обязательств; приостановление действия закона или иного нормативно-правового акта, который регулирует соответствующие отношения [5]. Кроме того, приостановление имеет место в ситуации отсрочки исполнения обязательств (моратория), установленной на основании закона [3, с. 221].

Данные положения дополняются ч. 2 ст. 204: в ситуации, когда иск, предъявленный в рамках рассмотрения уголовного дела, был оставлен судом без рассмотрения, то течение срока исковой давности, которое началось до предъявления иска, приостанавливается до момента вступления в силу приговора суда. Кроме того, срок приостанавливается в ситуациях, когда стороны прибегли ко внесудебным процедурам разрешения спора [5]. Среди подобных процедур – медиация, посредничество, административная процедура и др. [3, с. 221].

В целом, вопрос о приостановлении срока исковой давности достаточно детально регламентирован в законодательстве, за исключением, пожалуй, **размытости формулировки «обстоятельств**

преодолимой силы». Данный пункт приобрел особую актуальность с весны 2020 г., в период коронавирусной пандемии. Обобщенная семантика категории «обстоятельства непреодолимой силы» существенно повышает долю судейского усмотрения. Как пишет Е. В. Ворончихина, вопрос о признании «карантинных» мер обстоятельствами непреодолимой силой в контексте приостановления срока исковой давности суды решали индивидуально, исходя из конкретных фактов и обстоятельств [3, с. 225].

К. Г. Савин отмечает потребность в расширительном толковании формулировки «непреодолимая сила». Так, согласно распространенному мнению, смысл категории «непреодолимая сила» чаще всего отождествляется со стихийными бедствиями, естественными природными катастрофами; масштабные негативные последствия антропогенной деятельности, в свою очередь, считаются обстоятельствами непреодолимой силы гораздо реже [10, с. 99]. Подобные рассуждения, указывает автор, являются ошибочными применительно ко влиянию непреодолимой силы на приостановление давностного срока. Суды, пишет исследователь, зачастую склонны к необоснованному сужению юридически значимых обстоятельств непреодолимой силы.

Причем следует также сказать, что фраза «непреодолимая сила» определена в Гражданском Кодексе одинаково, как в отношении освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства (п. 3 ст. 401), так и для целей приостановления течения срока исковой давности (пп. 1 п. 1 ст. 202). Более глубокий анализ положений законодательства позволяет понять, что в первом случае обстоятельства должны препятствовать исполнению обязательства, а во втором – лишь предъявлению иска. Таким образом, возможность применения непреодолимой силы к первому случаю «не всегда будет означать обязательное применение ее ко второму» [10, с. 99].

Среди прочих дискуссионных аспектов применения сроков исковой давности можно отметить проблемный и сложный характер правовой конструкции брачного договора. Н. Р. Маслова указывает: **брачные договоры традиционно генерируют множество проблем в судебной практике при решении вопросов действительности договора и применения сроков исковой давности** [8, с. 52].

Действительно, процесс признания брачного договора недействительным связан с соблюдением сроков исковой давности. При этом, семейное законодательство не устанавливает сроков исковой давности для дел в области брачных договоров. Следовательно, необходимо применять годичный срок исковой давности по оспоримым сделкам, предусмотренный положениями п. 2 ст. 181 Гражданского кодекса [8, с. 53]. Н. Р. Маслова указывает: логично, если моментом старта отсчета срока давности для восстановления нарушенного права считается момент, когда один из супругов узнает о том, что условия брачного договора ставят его в крайне неблагоприятное положение.

Отечественная судебная практика, тем не менее, пока не выработала единого понимания в решении вопросов исчисления сроков исковой давности по требованиям о признании брачных договоров недействительными [8, с. 53]. Все вышеизложенное вновь возвращает нас к вопросу о юридической неграмотности и неосведомленности многих граждан по вопросам сроков исковой давности. При заключении брачного договора, который в рамках п. 2 ст. 41 Семейного кодекса РФ подлежит нотариальному удостоверению, особенно важным представляется качество исполнения обязанностей нотариусом, которых представляет разъяснения, предупреждения о последствиях совершаемых действий.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Срок исковой давности – срок обращения с заявлением в суд и срок для защиты нарушенных прав и свобод по заявлению лица, права и свободы которого нарушены. Правовая категория «срок исковой давности» сочетает в себе материальные и процессуальные начала.

- Среди функций данной категории – дисциплина и стимуляция сторон, обеспечение баланса в защите прав истца и ответчика, содействие соблюдению законопослушности в правовых отношениях, обеспечение справедливого разрешения споров, активизации динамичности участников гражданского правооборота и проч.

- Несмотря на то, что категория «срок исковой давности» существует в отечественном законодательном массиве и правоприменительной практике уже достаточно давно, ее реализация сопряжена с рядом сложностей и барьеров.

- Применение сроков исковой давности в ряде случаев осложняется наличием двух взаимосвязанных категорий – объективный и субъективный срок.

- Применение сроков исковой давности часто сталкивается с проблемами неосведомленности сторон и сложностью методик исчисления сроков, что усугубляется низким уровнем юридической грамотности.

- Особенно значимыми являются обстоятельства и принципы, на основании которых определяются моменты начала и окончания сроков исковой давности.

- Срок исковой давности способен, согласно российскому законодательству, могут приостанавливаться и возобновляться. В целом, вопрос о приостановлении срока исковой давности достаточно детально регламентирован в законодательстве, за исключением, пожалуй, размытости формулировки «обстоятельства непреодолимой силы». Брачные договоры традиционно генерируют множество проблем в судебной практике при решении вопросов действительности договора и применения сроков исковой давности.

Литература

1. Агутин, А. В. Проблемы института сроков исковой давности / А. В. Агутин, В. В. Захарова //

Наука. Общество. Государство. – 2020. – № 4 (32). – С. 139-145.

2. Вавинова, П. С. Объективный срок исковой давности в гражданском законодательстве Российской Федерации: проблемы применения / П. С. Вавинова // SAF. – 2022. – № 1. – С. 72-79.

3. Ворончихина, Е. В. Особенности приостановления течения срока исковой давности / Е. В. Ворончихина // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 220-228.

4. Давлетов, А. К. Актуальные проблемы применения объективного срока исковой давности в гражданском законодательстве Российской Федерации / А. К. Давлетов // Вестник магистратуры. – 2023. – № 2-1 (137). – С. 63-65.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32.

6. Канзываа, С. Р. Исковая давность в гражданском праве России / С. Р. Канзываа // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 1 (67). – С. 176-179.

7. Кулешова, Г. И. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве / Г. И. Кулешова // Вестник науки. – 2023. – № 10 (67). – С. 265-271.

8. Маслова, Н. Р. Применение срока исковой давности к требованиям о признании брачного договора недействительным: проблемы законодательного регулирования и правоприменения / Н. Р. Маслова // ПРЭД. – 2022. – № 3. – С. 51-58.

9. Погудина, Ю. Х. Проблемы применения срока исковой давности по иску о признании права собственности / Ю. Х. Погудина // Universum: экономика и юриспруденция. – 2021. – № 7 (82). – С. 20-22.

10. Савин, К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве [Рукопись] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. Г. Савин. – Москва, 2019. – 204 с.

11. Ткачев, А. И. Сроки исковой давности: теоретико-правовой аспект / А. И. Ткачев // Форум молодых ученых. – 2023. – № 2 (78). – С. 88-90.

12. Шекунов, Е. А. Объективный срок исковой давности в гражданском судопроизводстве: современные проблемы применения / Е. А. Шекунов // Вестник магистратуры. – 2023. – № 3-1 (138). – С. 49-51.

13. Шиморин, М. С. Проблемы приостановления и перерыва срока давности / М. С. Шиморин // StudNet. – 2020. – № 9. – С. 1336-1345.

Problems of application of limitation periods by lawyers and courts Miloserdov A.S.

Korolev branch of the "International Law Institute"

The article presents definitions of the concept of the period of limitation of action.

The functions of this legal category are listed. The conclusion is made that the category of limitation (limitation of action) period has existed in the domestic legislative body and law enforcement practice for quite a long time, however, its implementation faces a lot of difficulties and barriers due to the complexity of law enforcement algorithms. Some of the problems and risks associated with the use of limitation periods by lawyers and courts are described: the coexistence of objective and subjective limitation periods, the problem of the parties' lack of awareness and the complexity of methods for calculating the periods, determining the start and end points of limitation periods, grounds for suspending limitation periods, the vagueness of the wording of the phrase "force majeure", limitation periods in the context of disputes related to marriage contracts, etc.

Keywords: limitation period, force majeure, marriage contract, objective limitation period, subjective limitation period

References

1. Agutin, A. V. Problems of the Institute of Limitation Periods / A. V. Agutin, V. V. Zakharova // Science. Society. State. - 2020. - No. 4 (32). - P. 139-145.
2. Vavinova, P. S. Objective limitation period in the civil legislation of the Russian Federation: problems of application / P. S. Vavinova // SAF. - 2022. - No. 1. - P. 72-79.
3. Voronchikhin, E. V. Features of the suspension of the limitation period / E. V. Voronchikhin // Issues of Russian Justice. - 2020. - No. 9. - P. 220-228.
4. Davletov, A.K. Actual problems of application of the objective limitation period in the civil legislation of the Russian Federation / A.K. Davletov // Bulletin of the Magistracy. - 2023. - No. 2-1 (137). - P. 63-65.
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 16, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32.
6. Kanzyvaa, S.R. Limitation period in the civil law of Russia / S.R. Kanzyvaa // Theory and practice of modern science. - 2021. - No. 1 (67). - P. 176-179.
7. Kuleshova, G. I. The statute of limitations in modern domestic and foreign civil law / G. I. Kuleshova // Bulletin of science. - 2023. - No. 10 (67). - P. 265-271.
8. Maslova, N. R. Application of the limitation period to claims for recognition of a marriage contract as invalid: problems of legislative regulation and law enforcement / N. R. Maslova // PRED. - 2022. - No. 3. - P. 51-58.
9. Pogudina, Yu. Kh. Problems of applying the limitation period in a claim for recognition of ownership / Yu. Kh. Pogudina // Universum: economics and jurisprudence. - 2021. - No. 7 (82). - P. 20-22.
10. Savin, K. G. Limitation period in modern domestic and foreign civil law [Manuscript]: dis. ... Cand. of Law: 12.00.03 / K. G. Savin. - Moscow, 2019. - 204 p.
11. Tkachev, A. I. Limitation periods: theoretical and legal aspect / A. I. Tkachev // Forum of young scientists. - 2023. - No. 2 (78). - P. 88-90.
12. Shekunov, E. A. Objective limitation period in civil proceedings: modern problems of application / E. A. Shekunov // Bulletin of the Magistracy. - 2023. - No. 3-1 (138). - P. 49-51.
13. Shimorin, M. S. Problems of suspension and interruption of the limitation period / M. S. Shimorin // StudNet. - 2020. - No. 9. - P. 1336-1345.

Связь антидопинговой политики государства с международным регулированием борьбы против допинга в спорте

Орлов Александр Александрович

кандидат юридических наук, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), aaoorlov@msal.ru

Международная система в сфере предотвращения допинга в спорте и борьбы с ним во многом определяет подходы к нормативному регулированию указанных отношений на национальном уровне. Однако подобная зависимость может отражаться на степени защищенности прав российских субъектов спорта в условиях изменившейся международной обстановки. Задачей исследования выступал анализ нормативного регулирования сложившейся международной системы противодействия допингу в спорте и борьбы с ним, а также взаимосвязи данной системы с национальным законодательством и степень его зависимости от регламентации данных отношений на международном уровне. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и частно-научные методы в области правовой науки, включая нормативно-логический метод. В результате исследования определены текущие ограничения для национального регулирования антидопинговой деятельности и подходы к дальнейшему совершенствованию национального законодательства с учетом конвенционных обязательств Российской Федерации с данной сфере. Статья подготовлена в рамках программы «Приоритет-2030».

Ключевые слова: спорт, допинг, антидопинговое регулирование, предотвращение допинга, антидопинговые правила, Всемирный антидопинговый кодекс, Всемирное антидопинговое агентство.

Антидопинговая деятельность является ключевым элементом в спорте, поскольку направлена на защиту жизни и здоровья спортсменов и призвана обеспечить честность проводимых спортивных соревнований, а в совокупности – целостность проводимых организаторами спортивных мероприятий.

Отсутствие эффективной антидопинговой политики порождает сомнения, что достигнутые результаты на спортивных соревнованиях соответствуют действительному уровню спортивного мастерства участников, а наличие допинговых скандалов на крупных спортивных мероприятиях приводит с серьезным имиджевым и экономическим последствиям для их организаторов.

Кроме того, участники соревнований в отсутствие антидопингового контроля могут стремиться к достижению максимального спортивного результата, несмотря на опасность использования запрещенных веществ и методов для своего здоровья, что подрывает саму цель спорта как утверждение здорового образа жизни и профилактики заболеваний и вредных привычек.

С точки зрения нравственного аспекта, применение допинговых препаратов также противоречит всем принципам физкультурно-спортивной деятельности, нормам этики и морали, применяемым при проведении спортивных соревнований любого уровня [1].

Как отмечается в литературе, спортивная деятельность, составной частью которой является и противодействие допингу в спорте, по своей сути является транснациональной, поскольку сама природа спорта предполагает выход на международный уровень, что требует надлежащего международно-правового обеспечения [2]. При этом в сфере спортивного права ярко выражен именно международно-правовой аспект, поскольку системообразующими участниками спортивных отношений являются международные организации во главе с Международным олимпийским комитетом (далее – «МОК») и международными федерациями по отдельным видам спорта [3].

Современная система антидопинговой деятельности сложилась относительно недавно и получила свое детальное регулирование с начала 2000-х годов. Точкой отсчета современного этапа ее развития можно считать создание Всемирного антидопингового агентства (далее – «ВАДА»). Так, в 1998 году на соревнованиях «Тур де Франс» произошел крупный допинговый скандал, который спровоцировал дальнейшие скоординированные действия, направленные на борьбу с допингом в спорте на

международном уровне, – МОК решил создать Всемирную конференцию по допингу [4]. В результате конференции представители многих стран и спортивных федераций высказались за создание независимого органа [5].

По итогу принятой Лозаннской декларации о допинге в спорте было положено начало созданию независимого международного антидопингового агентства (далее – «ВАДА») [6], которому олимпийское движение обязалось выделить 25 млн долл. США. Необходимо отметить, что первоначальные планы касались возложения данной функции на МОК, однако с учетом предыдущего опыта, когда обсуждения в рамках МОК и международных спортивных федераций приводили к противоречивым трактовкам определений и целей антидопинговой политики, было решено создать единую и при этом независимую антидопинговую организацию [4]. МОК также обратился в Совет Европы с предложением принять участие в учреждении ВАДА, указав, что по проекту основной задачей ВАДА будет координация всеобъемлющей антидопинговой программы на международном уровне и установление общих эффективных стандартов. В то же время международные спортивные федерации при условии сохранения своей автономии и собственных полномочий соглашались сотрудничать с ВАДА и координировать с ним собственные антидопинговые программы, чтобы обеспечить предотвращение дублирования действий и для того, чтобы достичь во всем мире единообразного применения соответствующих программ [7].

Итак, ВАДА осуществляет руководство Всемирной антидопинговой программой, которая включает в себя Всемирный антидопинговый кодекс (далее – «Кодекс»), утвержденный 5 марта 2003 года в Копенгагене, а также включает принятые в его развитие международные стандарты, технические документы, модели лучших практик и руководства.

Однако, являясь по своей сути корпоративным нормативным актом (что, однако, вызывает споры в научном сообществе), Кодекс распространяет свою силу лишь на его подписантов, то есть признающих его силу субъектов спорта.

Следующим уровнем регулирования антидопинговой политики в разрезе деятельности ВАДА являются международные антидопинговые организации. Так, в силу данного Кодексом определения антидопинговой организацией является как само ВАДА, так и любая подписавшая Кодекс организация, согласившаяся соблюдать изложенные в нем принципы и правила, ответственная за принятие правил, направленных на инициирование, внедрение и реализацию любой части процесса допинг-контроля. В частности, антидопинговыми организациями согласно определению Кодекса (Приложение 1) являются международные спортивные федерации. Соответственно, международными спортивными федерациями разработаны собственные антидопинговые правила, которые регулируют специфику данных отношений в рамках соответствующих видов спорта [8; 9; 10].

Такие антидопинговые правила, являясь примером локального регулирования частных организаций, могут носить обязательный характер лишь для членов таких международных спортивных федераций и применяются в отношении санкционированных ими или проводимых их членами спортивных соревнований с учетом положений Кодекса, определяющего пределы компетенции международных спортивных федераций.

На межгосударственном уровне регулирование вопросов антидопинговой деятельности осуществляется в рамках Конвенции против применения допинга, принятой в рамках Совета Европы в Страсбурге 16 ноября 1989 года (ETS № 135) (далее – «Страсбургская Конвенция»), которая вступила в силу на территории Российской Федерации 1 апреля 1991 г. (Постановлением Совета Министров СССР от 28 декабря 1990 г. № 1351 СССР присоединился к Страсбургской Конвенции), а также Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, принятой Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в Париже 19 октября 2005 года (далее – «Конвенция ЮНЕСКО»), вступившей в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г. (ратифицирована Федеральным законом от 27 декабря 2006 года № 240-ФЗ) [11, с. 29, 41].

Несмотря на то, что Российская Федерация перестала быть членом Совета Европы с 16 марта 2022 г., Российская Федерация не перестала автоматически быть стороной Страсбургской Конвенции, поскольку она предусматривает возможность присоединения к ней государств, не являющихся членами Совета Европы – такой вывод сделан, в том числе, в Меморандуме Комитета Министров Совета Европы от 17 марта 2022 г. [12].

В рамках Страсбургской Конвенции Российская Федерация приняла на себя обязательства реализовать меры, необходимые для осуществления Страсбургской Конвенции в целях снижения и в конечном счете искоренения допинга в спорте. Среди таких мер ст. 4 Страсбургской Конвенции выделяет принятие законов, нормативных правовых актов и иных административных мер по ограничению доступности допинга. Кроме того, Страсбургская Конвенция прописывает необходимость создания на территории каждого государства – участника одной или нескольких лабораторий антидопингового контроля (ст. 5 Страсбургской Конвенции). В части антидопинговых правил странам следует призывать свои спортивные организации уточнять и согласовывать их соответствующие антидопинговые правила на основе правил, принятых компетентными международными спортивными организациями (ст. 7 Страсбургской Конвенции).

Таким образом, Страсбургская Конвенция против применения допинга была принята до создания ВАДА и не учитывает в своих положениях текущую мировую систему противодействия допингу в спорте, тем самым не накладывая на присоединившиеся к ней государства каких-либо обязательств в этом отношении.

Второй упомянутый выше документ – Конвенция ЮНЕСКО – имеет своей целью содействие предотвращению применения *допинга* в спорте и борьбе с ним в интересах его искоренения.

Конвенция ЮНЕСКО включает многочисленные отсылки к деятельности ВАДА и к Кодексу, который в силу п. 6 ст. 2 Конвенции ЮНЕСКО является Приложением 1. Тем не менее силу прямого указания п. 2 ст. 4 Конвенции ЮНЕСКО Кодекс приводится лишь для сведения и не является неотъемлемой частью данной конвенции. Его приложение к Конвенции ЮНЕСКО само по себе не устанавливает для государств-участников каких-либо международно-правовых обязательств [13]. Однако в соответствии с п. 1 ст. 4 Конвенции ЮНЕСКО государства-участники приняли на себя обязательства придерживаться принципов Кодекса в качестве основы для принятия мер, предусмотренных Конвенцией ЮНЕСКО, что, однако, не препятствует принятию ими и других мер в дополнение к Кодексу.

При этом следует учитывать, что упомянутые принципы Кодекса не сгруппированы, а также не позволяют с должной степенью определенности отнести те или иные положения Кодекса к его принципам, что на практике может приводить к различному толкованию отдельных его норм. Так, например, Кодекс выделяет принципы апелляционной процедуры (ст. 13.2.2), принципы обработки результатов (ст. 7), принципы анализа проб (ст. 6), принципы допинг-контроля (ст. 19), принципы обмена информацией (ст. 14), принципы, применяемые при назначении временного отстранения (ст. 7.4) и другие.

В качестве надлежащих мер ст. 5 Конвенции ЮНЕСКО предусматривает принятие мер в области законодательства, нормативного регулирования и административной практики. Средствами достижения конвенционных целей являются принятие мер на национальном уровне и поощрение всех форм международного сотрудничества между государствами – участниками и ведущими организациями в области борьбы с допингом в спорте [14].

При этом государства-участники обязуются поддерживать ВАДА в выполнении его важной миссии в области международной борьбы с *допингом*, что следует из ст. 14 Конвенции ЮНЕСКО. Государства-участники, когда это целесообразно, в соответствии с внутригосударственным законодательством и процедурами при условии соблюдения соответствующих нормативных положений принимающих стран оказывают содействие ВАДА и антидопинговым организациям, действующим в соответствии с Кодексом, в проведении *допинг*-контроля (ст. 16 Конвенции ЮНЕСКО).

В целях взаимодействия федеральных органов государственной власти и научных и общественных организаций при разработке и реализации мероприятий, связанных с обеспечением участия Российской Федерации в деятельности органов Конвенции ЮНЕСКО Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2020 г. № 2083 создана Правительственная комиссия по вопросам Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, которая является постоянно действующим координационным органом.

Также в целях реализации Конвенции ЮНЕСКО были приняты такие документы, как Постановление Правительства РФ от 9 октября 2013 г. № 896 «Об особенностях хранения препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, для осуществления лабораторного анализа проб в целях допинг-контроля» и Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 884 «О порядке ввоза на территорию Российской Федерации и перевозки по территории Российской Федерации проб и оборудования в рамках проведения допинг-контроля в целях предотвращения допинга и борьбы с ним в спорте».

Кроме того, можно выделить принятие Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ модельного закона «О противодействии применению допинга в спорте» (Постановление от 27 ноября 2020 г. № 51–23), который был рекомендован для использования в национальном законодательстве и призван обеспечить выполнение национальными антидопинговыми организациями и лабораториями государств – участников СНГ требований ВАДА. Так, в силу п. 3 ст. 2 данного модельного закона государство придерживается актов международных спортивных организаций, ВАДА, в том числе Кодекса, и антидопинговых правил. Противодействие применению допинга в спорте осуществляется в соответствии с международными и национальными антидопинговыми правилами, которые разрабатываются с учетом международных антидопинговых правил, что отражено в ст. 10 данного модельного закона.

Таким образом, Российской Федерацией приняты необходимые нормативные правовые акты, направленные на исполнение принятых на себя конвенционных обязательств. Иные формы сотрудничества и необходимые меры не имеют конкретизации в Конвенции ЮНЕСКО в виде указаний и могут быть реализованы сторонами Конвенции ЮНЕСКО в различных формах по своему усмотрению. При этом, как уже отмечалось, Кодекс сам по себе не налагает на страны никаких правовых обязательств. Неоднозначное толкование может вызывать лишь обязанность государств-участников придерживаться принципов Кодекса в качестве основы для принятия предусмотренных Конвенцией ЮНЕСКО мер, что требует известной осторожности при разработке национального законодательства, отличного по своим подходам от изложенных в Кодексе.

Иные примеры международного сотрудничества в сфере антидопинговой деятельности демонстрируют межгосударственные соглашения. Так, Соглашение между уполномоченными органами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в сфере физической культуры и спорта, подписанное в г. Бишкек 14 июня 2019 года, предусматривает сотрудничество между государственными органами, ответственными за развитие физической культуры и спорта, учреждениями спортивной подготовки, спортивными федерациями и другими спортивными организациями

государств – сторон, в том числе в области борьбы с применением *допинга* в спорте (ст. 2).

Борьба с применением *допинга* в спорте как направление для двустороннего взаимодействия предусмотрена, например, следующими документами: Меморандумом о взаимопонимании между Министерством спорта Российской Федерации и Министерством по делам культуры и спорта Республики Узбекистан о сотрудничестве в области физической культуры и спорта (Москва, 26 апреля 2016 г.); Меморандумом о сотрудничестве в области физической культуры и спорта между Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации и Национальной комиссией по физической культуре и спорту Мексиканских Соединенных Штатов (Москва, 28 июня 2011 г.); Меморандумом о сотрудничестве в области физической культуры и спорта между Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации и Федеральным департаментом (Министерством) обороны, защиты населения и спорта Швейцарской Конфедерации (Берн, 21 сентября 2009 г.) и другими аналогичными меморандумами.

Приведенные соглашения и меморандумы свидетельствуют об отсутствии у их сторон каких-либо конкретных обязательств – государствами отмечается сфера антидопинговой деятельности лишь как направление будущего взаимодействия.

Приведенный анализ нормативного регулирования предопределяет следующие выводы:

1) Заложенные на международном уровне правовые основы не позволяют в настоящее время разрабатывать национальное регулирование в отрыве от деятельности ВАДА и без учета принятого им Кодекса;

2) Полное отрицание Кодекса – при противоречии национального законодательства принципам Кодекса – может быть квалифицировано как несоблюдение Российской Федерацией принятых на себя конвенционных обязательств;

3) Кодекс является в любом случае является ориентиром для международного сотрудничества Российской Федерации с другими странами в сфере предотвращения допинга и борьбы с ним, создавая унифицированную платформу для такого взаимодействия;

4) Несмотря на очевидные попытки ВАДА по монополизации сферы предотвращения допинга в спорте, на уровне международных нормативных актов отсутствует какое-либо закрепление обязательной силы Кодекса в отношении Российской Федерации, сам по себе Кодекс не накладывает на Российскую Федерацию каких-либо обязательств;

5) В этой связи представляется возможным принятие на уровне Российской Федерации и иных мер, предусматривающих альтернативные процедуры антидопинговой деятельности в дополнение к принципам, изложенным в Кодексе. В качестве таких мер может быть предусмотрено создание или нового субъекта, который будет осуществлять антидопинговую деятельность, не будучи подписантом Кодекса, или предусмотреть особые антидопинговые

процедуры для отдельных спортивных соревнований либо их организаторов.

Искоренение допинга в спорте, оставаясь значимой частью сферы физической культуры и спорта, должно в первую очередь отражать сложившиеся в спорте отношения и соответствовать им. В литературе уже отмечалось, что общероссийские антидопинговые правила в силу специфики общественных отношений и ряда проблем, препятствующих комплексной подготовке российских спортсменов к участию в международных соревнованиях, не могут в полной мере реализовывать требования, установленные ВАДА [15]. Текущие потребности российских субъектов спорта предопределяют вектор будущего совершенствования национального законодательства, которым является возможность развития соответствующих видов спорта в сложных условиях санкционного давления со стороны недружественных стран. В этом смысле потребность спортсменов и спортивных организаций соответствовать требованиям «чистого» спорта не может быть поставлена в зависимость от воли иных государств, не заинтересованных в успехах российского спорта на международной арене.

Литература

1. Братановский С.Н. Вулах М.Г. Обязанность спортсменов по соблюдению антидопинговых правил: административно-правовые аспекты // Гражданин и право. 2017. № 2.
2. Иглин А.В. Интернационализация спорта и спортивного права // Законодательство. 2017. № 3.
3. Иглин А.В. Юридическое понятие спорта // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4.
4. Орлов А.А., Гали А.А. Антидопинговые правила как уникальная система правовых отношений: история и проблемы регулирования // Kutafin Law Review. 2023. Т. 10. № 2. С. 281-314. URL: <https://doi.org/10.17803/2713-0533.2023.2.24.281-314>.
5. Осипов И. Скандал на «Тур де Франс», смерть на Олимпиаде и бывший пловец: как создавалось ВАДА // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2023/09/30/998030-kak-sozdavalos-wada> (дата обращения: 01.10.2024).
6. Лозаннская декларация о допинге в спорте (принята Всемирной конференцией по допингу в спорте 4 февраля 1999 года, Лозанна, Швейцария) // ВАДА [Электронный ресурс]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/lausanne_declaration_on_doping_in_sport.pdf (дата обращения: 01.10.2024).
7. Предложение принять участие во Всемирном антидопинговом агентстве от 12 октября 1999 года от г-на Х.-А. Самаранча // CM Documents [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/16804db74b> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Антидопинговые правила ФИЖ 2021 // ФИЖ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gymnastics.sport/publicdir/rules/files/en_FIG%20Anti-Doping%20Rules-

effective%2001%20January%202021.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

9. Правила допинг-контроля 2023 // Всемирная организация водных видов спорта [Электронный ресурс]. URL: <https://aquaticintegrty.com/wp-content/uploads/2024/02/World-Aquatics-Doping-Control-Rules.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

10. Внутренние правила ФИБА. Книга 4. Анти-допинг // ФИБА [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.fiba.basketball/image/upload/documents-corporate-regulations-fiba-internal-regulations-book-4-rev-30-april-2023.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).

11. Орлов А. А., Гали А. А., Захарова Л. И. Международные договоры в области борьбы с допингом и их влияние на российское законодательство: учебник. Москва: Проспект, 2024. 152 с.

12. Последствия агрессии Российской Федерации в отношении Украины. Меморандум // CM Documents [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/0900001680a5d7d3> (дата обращения: 01.10.2024).

13. Хлистун Ю. В., Братановский С. Н. Комментарий к Федеральному закону от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (постатейный). 2014. // СПС ГАРАНТ.

14. Захарова Л. И. Основные направления регулирования спортивной деятельности в рамках ООН // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 12.

15. Буюнова А. В., Семенова А. С. Проблемы допинга в современном спорте: требования WADA и возможности России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5.

The relationship between State anti-doping policy and international regulation of fight against doping in sport

Orlov A.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The international system of preventing and fight against doping in sport significantly determines the approaches to the normative regulation of these relations at the national level. However, such dependence may affect the degree of protection of the rights of Russian sports subjects in the conditions of the changed international situation. The objective of the study was to analyse the normative regulation of the existing international system of combating doping in sport, as well as the interrelation of this system with national legislation and the degree of its dependence on the regulation of these relations at the international level. The methodological basis of the study was formed by general scientific methods and specific scientific methods in the field of legal science, including the normative-logical method. As a result of the study the current limitations for the national regulation of anti-doping activities and approaches to further improvement of the national legislation with respect to the convention obligations of the Russian Federation in this area were identified. The article was prepared within the framework of the Priority 2030 program.

Keywords: sport, doping, anti-doping regulation, doping prevention, anti-doping rules, World Anti-Doping Code, World Anti-Doping Agency.

References

1. Bratanovsky S.N. Vulakh M.G. Obligation of athletes to comply with anti-doping rules: administrative and legal aspects // Civil and Law. 2017. № 2.
2. Iglin A.V. Internationalisation of sport and sports law // Legislation. 2017. № 3.
3. Iglin, A.V. Legal concept of sport // Vestnik of Omsk Law Academy. 2018. № 4.
4. Orlov A.A., Gali A.A. Anti-Doping Rules as a Unique System of Legal Relations: Background and Regulatory Issues // Kutafin Law Review. 2023. Vol. 10. No 2. Pp. 281-314. URL: <https://doi.org/10.17803/2713-0533.2023.2.24.281-314>.
5. Osipov I. Scandal at the Tour de France, death at the Olympics and a former swimmer: how WADA was created // Vedomosti [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2023/09/30/998030-kak-sozdavalos-wada> (Accessed 01.10.2024).
6. Lausanne Declaration on Doping in Sport (adopted by the World Conference on Doping in Sport 4 February 1999, Lausanne, Switzerland) // WADA [Electronic resource]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/lausanne_declaration_on_doping_in_sport.pdf (Accessed 01.10.2024).
7. Offer to participate in the World Anti-doping Agency dated 12 October 1999 from Mr. J.A. Samaranch // CM Documents [Electronic resource]. URL: <https://rm.coe.int/16804db74b> (Accessed 01.10.2024).
8. FIG Anti-Doping Rules 2021 // FIG [Electronic resource]. URL: https://www.gymnastics.sport/publicdir/rules/files/en_FIG%20Anti-Doping%20Rules-effective%2001%20January%202021.pdf (Accessed 01.10.2024).
9. Doping Control Rules 2023 // World Aquatics [Electronic resource]. URL: <https://aquaticintegrty.com/wp-content/uploads/2024/02/World-Aquatics-Doping-Control-Rules.pdf> (Accessed 01.10.2024).
10. FIBA Internal Regulations. Book 4. Anti-doping // FIBA [Electronic resource]. URL: <https://assets.fiba.basketball/image/upload/documents-corporate-regulations-fiba-internal-regulations-book-4-rev-30-april-2023.pdf> (Accessed 01.10.2024).
11. Orlov A. A., Gali A. A., Zakharova L. I. International treaties in the field of anti-doping and their impact on Russian legislation: textbook. Moscow: Prospekt, 2024. 152 p.
12. Consequences of the aggression of the Russian Federation against Ukraine Memorandum // CM Documents [Electronic resource]. URL: <https://rm.coe.int/0900001680a5d7d3> (Accessed 01.10.2024).
13. Khlistun Y.V., Bratanovsky S.N. Commentary to the Federal Law of 4 December 2007 № 329-FZ 'On Physical Culture and Sports in the Russian Federation' (article-by-article). 2014. // SPS GARANT.
14. Zakharova L.I. Main directions of regulation of sports activities within the UN // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2020. № 12.
15. Buyanova A.V., Semenova A.S. Problems of doping in modern sport: WADA requirements and Russia's opportunities // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. № 5.

Использование глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера: правовые и экономические аспекты

Тарасова Наталья Константиновна

магистр, Государственный университет управления,
tarasovank@mail.ru

Пром Наталья Александровна

д.фил.н, доцент, профессор кафедры «иностраные языки»,
Волгоградский государственный технический университет,
Natalyprom77@mail.ru

Ломакин Николай Иванович

к.э.н., доцент кафедры «Менеджмент и финансы производственных систем», Волгоградский государственный технический университет, Tel03317642@yahoo.com

Ломакин Иван Николаевич

Магистр, Волгоградский государственный технический университет, Ivan.grom0boy@yandex.ru

Юрова Ольга Витальевна

к.социол.наук, доцент кафедры «Менеджмент и финансы производственных систем», Волгоградский государственный технический университет, yurova@vstu.ru

В эпоху цифрового прогресса методы машинного обучения открывают новые возможности для моделирования динамики финансовых показателей стратегических партнеров, оставаясь недостаточно исследованными в части соответствия законодательным требованиям. Превентивный подход к взаимодействию с ключевыми контрагентами в высококонкурентной бизнес-среде, изучение и анализ их финансовых результатов, вопросов правового регулирования использования подобных данных, приобретает особую значимость. Использование конфиденциальной информации, к которым относятся аудиторская и бухгалтерская отчетности, а так же прогнозные данные о прибыли и убытках предприятий-партнеров должны соответствовать требованиям законодательства в области защиты персональных данных и коммерческой тайны. Обмен и использование финансовой информацией между организациями и их партнерами налагает ответственность за возможные убытки, полученные в результате предоставления недостоверной информации, ответственность за разглашение конфиденциальных данных о финансовом состоянии организации. Разработка методологии использования глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли стратегических партнеров должна осуществляться с учетом этических аспектов и соблюдения принципов справедливости и прозрачности в процессе принятия решений. Учет экономических и правовых аспектов позволит повысить эффективность взаимодействия со стратегическими партнерами и снизить финансовые риски. Своевременное прогнозирование ухудшения финансового состояния позволит принять меры по снижению дебиторской задолженности и поиску новых контрагентов, инициировать переговоры об увеличении объемов поставок, что будет способствовать снижению риска упущенной выгоды. Данный метод прогнозирования позволит снизить риски невыполненных договорных обязательств и возникновения судебных споров и применения штрафных санкций за несоблюдение правовых норм. Помимо снижения финансовых и правовых рисков, опережающий подход прогнозирования позволит снизить риски неэффективного внедрения бизнес-технологии, возможность сбоев в системе обработки данных, приводящих к неточным оценкам. Разработанный подход использования глубоких рекуррентных нейронных сетей, учитывающий экономические и юридические аспекты, будет способствовать повышению точности прогнозов прибыли и убытков.

Ключевые слова: глубокие рекуррентные нейронные сети, машинное обучение, базы данных, прогнозирование прибыли, прогнозирование убытков, стратегическое партнерство, правовые аспекты, правовые риски, этические ограничения, финансовый анализ, финансовые риски, правовая ответственность.

Введение.

Современный бизнес характеризуется высоким уровнем конкуренцией участников и необходимостью своевременно принимать стратегические решения. На первый план выходят проблемы связанные со стремительным развитием IT сферы. Использование нейронных сетей открывает широкие возможности для анализа данных и прогнозирования экономических показателей, таких как прибыль или убытки стратегических партнеров. Перспективным направлением в этой области является метод применения глубоких рекуррентных нейронных сетей (далее - ГРНС) для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера. ГРНС, представляет собой определенный тип нейронной сети, способной к анализу данных с учетом их временной зависимости, что делает его эффективным при анализе финансовых показателей. Система обладает возможностью работы с различными типами данных. ГРНС имеет способность к выявлению сложных закономерностей и долгосрочных зависимостей в первичных данных о финансовых результатах стратегических партнеров. Например, для генерации прогнозов будущих финансовых показателей партнеров можно использовать данные о выручке, прибыли, статистических данных и др. ГРНС может быть использован для анализа не только текстовой информации, но и графической. Таким образом, значительное преимущество данного метода заключается в повышении точности финансовых прогнозов, снижении рисков, процессе оптимизации бизнес – решений. ГРНС обладает способностью к определению важных аспектов, влияющих на прибыль и убытки в финансовой сфере. Некоторые из ключевых факторов, которые могут быть использованы для прогнозирования, лежат в области ценообразования, плане продаж или зависят от экономической ситуации в стране. ГРНС могут учитывать не только макроэкономические факторы, такие как инфляцию, безработицу, изменения валютного курса, но и производить прогнозы прибыли и убытков с учетом географического места нахождения стратегического партнера. Несмотря на то, что ГРНС демонстрирует превосходство над классическими методами финансового прогнозирования, использование этого метода порождает ряд правовых вопросов. Законность сбора данных, обработка персональных данных и обеспечение информационной безопасности, а также этические вопросы применения нейронных сетей в бизнесе являются важными и должны быть приведены в соответствие действующему законодательству.

Актуальность темы. В эпоху цифровой трансформации современный бизнес должен отвечать

новым вызовам и оставаться конкурентоспособным. Традиционные статистические методы прогнозирования не соответствуют современным требованиям в условиях возрастающей волатильности и нелинейности финансовых процессов. В этой связи, ГРНС становится эффективным инструментом для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера. Вместе с тем внедрение нейронных сетей, к которым относится ГРНС, в экономическую сферу провоцирует правовые проблемы. Вопросы правового регулирования использования ГРНС охватывают сферы обеспечения конфиденциальности, ответственности и прозрачности процесса сбора и обработки данных при прогнозировании. Появляются риски нарушения прав и свобод физических и юридических лиц, игнорирование которых может привести к юридическим и экономическим, а также репутационным негативным последствиям. Алгоритмы ГРНС основываются на статистических данных, которые могут содержать признаки дискриминации по полу, возрасту или социальному положению, что подразумевает нарушение права на равенство. Для обучения ГРНС может потребоваться информация, содержащая персональные данные физических лиц, что нарушает права на неприкосновенность частной жизни. При использовании ГРНС перед пользователями, разработчиками и собственниками данных, на основе которых будет проводиться прогнозирование, особенно остро может стоять вопрос ограничения права на справедливое судебное разбирательство. Исследование данной темы представляет научную и практическую значимость. Теоретический аспект исследования заключается в изучении возможностей и ограничений использования ГРНС в сфере финансового прогнозирования, что представляет особый вклад в развитие методологии применения нейронных сетей, что в свою очередь будет способствовать расширению знаний о процессе моделирования сложных нелинейных зависимостей в экономических данных при наличии взаимосвязи субъектов бизнес – экосистем. Практический аспект состоит в формировании подхода применения ГРНС с учетом экономических и правовых рисков, что позволит своевременно и эффективно принимать решения по их устранению. Изучение вопросов моделирования финансовых рынков, а также факторов их стабильности с использованием нейросетевых технологий, анализ убыточных критических точек в финансовом менеджменте предприятия, правовой мониторинг и принятие мер к актуализации правовой базы - позволят своевременно и эффективно принимать решения по устранению возникших предпосылок к неплатежеспособности предприятия. Таким образом, данная тема исследования является актуальной, результаты которой носят теоретический и практический потенциал дальнейшего использования для совершенствования нормативно - правовой базы, регулирующей создание и использование ГРНС.

Изученность проблемы. Исследования многих ученых в области юридических и экономических

наук были сосредоточены на процессе урегулирования вопросов прогнозирования прибыли и убытков, в том числе с помощью применения цифровых технологий в финансовой сфере. Вопросы моделирования финансовых рынков, а также факторов их стабилизации с использованием нейросетевых технологий и анализа данных в машинном обучении рассматривали многие ученые различных сфер наук. Исследуя проблемы цифровой экономики в России, в частности вопросы прогнозирования, ученые из Высшей школы экономики - Г.П. Абдракманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг, в своих трудах делали акцент на проблеме сбора и обработки статистических данных и количественных показателей[1]. Вопросы применения нейронных сетей в деятельности промышленных предприятий изучали А.А. Хачатурян, С.В. Пономарева[17]. Исследователи Ю.Т.Цебекова, Н.И. Ломакин [19], И.Н. Ломакин, И.В. Андросова, А.Ю. Анисимов, Н.К. Тарасова[15], А.А. Положенцев, Н.Н.Скипер, А.В. Шохнех рассматривали нейронные сети для прогнозирования прибыли компании - стратегического партнера в условиях цифровизации. В статье «Применение интеллектуальных информационных систем (ИИС) в прогнозировании показателей экономической эффективности предприятия» анализировали сильные и слабые стороны ИИС ученые С.Е. Кириллов, А.Ю. Пучков[8]. Применение нейронных сетей для анализа данных и принятия бизнес – решений изучал А.С. Хрищатый[18]. Вопросам финансового прогнозирования с использованием машинного обучения уделяли свое внимание зарубежные исследователи, в частности ученые Соломон Аддаи[25], Алексей Дингли[20], Карл Сант-Фурнье, Сима Сиами-Намини[27], Акбар Сиами Намин[27], П.Д. Макнелис[24] и др. Отечественные и зарубежные исследователи подтвердили высокую эффективность применения ГРНС по сравнению с традиционными статистическими методами. В то же время, проблемы правового регулирования применения ГРНС остаются малоизученными. Общие вопросы правового регулирования нейронных сетей исследовали ученые В.В. Блажеев[3], М.А.Егорова[3], И.А.Филипова[16], И.С.Бойченко[4][5], А.А.Карцхия[7], М.Л.Макаревич и др. Проблемам правового регулирования нейронных сетей и ответственности за результат, полученный с помощью нейросети, занимались зарубежные ученые, такие как Р.Линес, Ф.Д.Люсиверо, А.Барр[21], П.Р. Козн[21], Э.А. Фейгенбаум[21], М.К.Бюйтен, Ю.Чэ[22], Р.Кало, А.М. Фрумкин, И. Керр, С.Кэт[23] и др. В настоящее время существует потребность исследования вопросов правового регулирования ГРНС в сфере прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера. Особое внимание вызывает данная тема с точки зрения соответствия применения ГРНС действующему законодательству Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе правовых, экономических, технологических факторов, которые оказывают прямое влияние на практическое использование данного метода.

Цели и задачи исследования. Целью научного исследования является комплексный анализ правовых и экономических аспектов использования глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера. Для достижения цели следует решить следующие задачи:

1. Рассмотреть особенности использования глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли и убытков;

2. С экономической точки зрения выявить преимущества и риски метода глубоких рекуррентных нейронных сетей.

3. Произвести правовой анализ ключевых аспектов применения метода глубоких рекуррентных нейронных сетей, включая вопросы связанные со сбором и обработкой данных, безопасности в сфере этики и информации.

4. Разработать подход и шкалу оценивания применения глубоких рекуррентных нейронных сетей, учитывающий экономические и правовые аспекты.

По мнению коллектива авторов, решение данных задач позволит всесторонне проанализировать перспективы применения ГРНС для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера, что будет способствовать минимизации рисков и выработки рекомендаций по правовому обеспечению процессов сбора и обработки данных, безопасности в сфере этики и информации.

Объект исследования – использование метода глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли и убытков.

Предмет исследования - правовые и экономические аспекты применения метода для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование данной темы имеет значение для развития экономической и юридической наук. В сфере экономической науки результаты данного исследования будут способствовать расширению теоретической базы применения ГРНС для прогнозирования прибыли и убытков, что позволит совершенствовать систему управления финансовыми рисками. Анализ взаимосвязи экономических и правовых аспектов на процесс прогнозирования и полученные результаты способствует развитию междисциплинарного подхода к изучению проблем эпохи цифровизации. Исследование особенностей правового регулирования внедрения ГРНС и использования в сфере финансового планирования вносит вклад в развитие теории регулирования информационных технологий. В области юридической науки полученные выводы могут служить предпосылками к устранению правовых пробелов и формированию нормативно – правовой базы, регулирующей применение нейронных сетей в сфере прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера. Применение на практике представленного подхода внедрения глубоких рекуррентных нейронных сетей будет способствовать к ее эффективному внедрению в соответствии с действующим законодательством.

Основная часть.

Материалы и методы исследования. Исследование проведено на основе анализа, синтеза и моделирования. Использовались методы экономического и правового анализа. Дополнительно применялся библиометрический анализ, что обуславливается необходимостью комплексного исследования данной темы. Исходным материалом послужили публикации в научных журналах, сборниках конференций и юридических электронных справочниках.

Результаты. Финансовая устойчивость организации зависит от ее постоянного потока прибыли и эффективного управления расходами. Постоянная прибыль представляет собой ключевой фактор финансовой независимости организации. В.М. Родионова и М.А. Федотова дают общее определение: «Финансовая устойчивость предприятия — такое состояние его финансовых ресурсов, их распределение и использование, которое обеспечивает развитие предприятия на основе роста прибыли и капитала при сохранении платежеспособности в условиях допустимого риска»[13]. Е.В. Сысоева отмечает, что « в работах российских экономистов предлагаются следующие определения: экономические и юридические последствия хозяйственных операций. При этом финансовый результат в экономическом смысле необязательно должен совпадать с финансовым результатом в юридическом смысле. Важнейшими показателями финансовых результатов являются показатели прибыли, которая в условиях рыночной экономики составляет основу экономического развития предприятия. Прибыль, как конечный финансовый результат деятельности фирмы, представляет собой разницу между общей суммой доходов и затратами на производство и реализацию продукции с учетом убытков от различных хозяйственных операций. Таким образом, прибыль формируется в результате взаимодействия многих компонентов, как с положительным, так и с отрицательным знаком. Финансовым результатом может выступать не только прибыль, но и убыток, возникший, например, по причине чрезмерно высоких затрат или недополучения доходов от реализации в связи с уменьшением объема поставок, снижением покупательского спроса»[14]. Прибыль, в юридическом смысле, коллектив авторов определяет, как «правомерно полученный и документально подтвержденный финансовый результат предпринимательской или иной экономической деятельности, выраженный в денежной форме и представляющий собой разницу между обоснованными и документально подтвержденными, а также учтенными в соответствии с действующим законодательством страны, доходами и расходами».

Прибыльная деятельность позволяет своевременно погашать обязательства перед кредиторами, наращивать оборотные средства для развития бизнеса, создавать резервные фонды для покрытия возможных убытков. Нехватка средств ведет к росту заемных денег и зависимости от внешнего финансирования, происходит ухудшение платежеспособности организации, резкому сокращению собственного

капитала. Понимание финансового состояния партнера позволит оценить вероятность исполнения им, взятых на себя договорных обязательств, составить приемлемый график оплаты товаров и услуг, согласовать оптимальные условия сделок. Прогнозирование прибыли и убытков стратегического партнера помогает своевременно выявить ухудшения его финансового положения и реализовать процедуру регресса – взыскание задолженности.

Интерес к ГРНС в финансовом планировании возрастает, систему внедряют крупные банки, инвестиционные, страховые и производственные предприятия. Рассмотрим особенности использования глубоких рекуррентных нейронных сетей для прогнозирования прибыли и убытков. Астраханцева Ирина Александровна, Кутузова Анна Сергеевна, Астраханцев Роман Геннадьевич считают, что «Рекуррентная архитектура ГРНС позволяет эффективно обрабатывать последовательные данные, такие как временные ряды финансовых показателей»[2]. Временные ряды финансовых показателей состоят из нескольких скрытых слоев. Каждый из этих слоев последовательно преобразует входные данные. Таким образом, мы можем выделить ряд особенностей данного метода. Например, способность анализировать и использовать большие объемы разнородных данных для дальнейшего прогнозирования (прогнозирование строится на анализе широкого спектра данных, которые могут включать в себя ценовые котировки, информацию торгов, макроэкономические индикаторы, новостной контент и т.д.) и возможность учитывать предыдущие прогнозы, определять влияние факторов на прибыль и убыток в деятельности стратегического партнера, умение выявлять закономерности в финансовых данных. Финансовые ряды состоят в сильной зависимости от полученных ранее прогнозов. Например, такие архитектуры ГРНС, как Long Short-Term Memory и Gated Recurrent Unit, обладают способностью к запоминанию и прогнозированию с учетом данного аспекта, что может влиять на точность прогноза. ГРНС может формировать навык адаптироваться к изменению рыночной среды, что позволяет поддерживать высокую точность прогнозов в условиях экономической нестабильности.

Для реализации ГРНС в целях прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера можно использовать различные языки программирования. Рассмотрим наиболее популярные из них, а также библиотеки используемые для обучения рекуррентных нейронных сетей (см.табл.№1).

Таблица 1.
Наиболее популярные языки программирования

№ п/п	Язык программирования	Наименование часто используемые библиотеки
1	Python	TensorFlow, Keras, PyTorch
2	R	TensorFlow, Keras, nnet
3	C++	TensorFlow, Eigen, Dlib, Caffe
4	Java	TensorFlow, DeepLearning4j, Keras-Java

Различные библиотеки и фреймворки для машинного обучения могут иметь разные типы лицензий (открытые, проприетарные и др.), что может накладывать правовые ограничения на их распространение. Чтобы избежать нарушения авторских прав разработчикам следует внимательно изучать лицензионные соглашения. При работе с финансовой и личной информацией, нужно учитывать то, что выбор библиотеки с недостаточными мерами безопасности может создать правовые риски, связанные с утечкой персональных данных или сведений Ноу-Хау. Следует учитывать возможность осуществления технологического заброса конкурентами неверных данных в систему, что приведет к неверному прогнозу. Таким образом, эксплуатация ГРНС с целью прогнозирования, поднимает важные вопросы, связанные с правовыми рисками кибербезопасности. Минбалеев А. В., Сторожакова Е. Э обращают наше внимание на то, что «в данном случае в основном используются классические механизмы защиты и, если отсутствует согласие на обработку персональных данных и она осуществляется вне обязательных требований, установленных федеральным законом, то имеется факт нарушения»[10]. Ученые подчеркивают необходимость «получать согласие от пользователей на обработку их данных, особенно если они используются для обучения моделей»[10]. О необходимости «обеспечения защиты персональных данных и иной информации ограниченного доступа, объектов интеллектуальных прав», указывается в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации", который определяет стратегические направления и цели развития ИИ. Таким образом, при формировании исходных данных для обучения ГРНС нужно производить предварительный анализ данных и их обработку с целью обезличивания. На этапе подготовки данных требуется выявить все элементы, содержащие персональные данные, далее следует анонимизировать прямые идентификаторы или произвести генерацию обобщенных данных. Данный процесс должен сопровождаться обязательной документальной фиксацией, что позволит в дальнейшем подтвердить принятие мер к соблюдению требований законодательства. Следует учитывать то, что конфиденциальные данные могут быть утрачены не только в результате кибератаки и несанкционированного доступа, но и в результате передачи ее злоумышленникам самими сотрудниками. В целях контроля использования данных неуполномоченными лицами и их дальнейшей утечки следует произвести ограничение доступа к исходным данным, а также назначить ответственных лиц за проведение периодического аудита процесса обезличивания данных и соблюдения законодательства. Серьезные правовые риски при обучении ГРНС для прогнозирования прибыли и убытков могут последовать за использованием данных, содержащих запатентованную информацию, ноу-хау, авторские права третьих лиц. Финансовые данные и отчетности организаций, используемые для прогнозирования прибыли и

убытков, как правило, относятся к сведениям, составляющим коммерческую тайну. Их передача третьим лицам подразумевает соблюдение режима коммерческой тайны, включая договоров о неразглашении. Если в процессе аудита данных для обучения ГРНС обнаружатся объекты интеллектуальной собственности, то следует рассмотреть возможность заключения лицензионных договоров, конфиденциальных соглашений (NDA), соглашений об интеллектуальной собственности или соглашения о совместном исследовании и разработке. Заключение соглашений будет регулировать отношения между организациями, использующие данные для обучения ГРНС в финансовой области, содержащие запатентованную информацию или ноу-хау, а также затрагивающие авторские права третьих лиц. Следует учитывать вопросы возврата и уничтожения переданных данных по окончании срока действия договора. Получатель обязан вернуть или уничтожить переданные данные. Разработка внутренней политики предприятия и закрепление четких правил и процедур по использованию данных, содержащих интеллектуальную собственность, позволит определить ответственных сотрудников и меры ответственности за нарушение установленных требований. Соблюдение данных мер позволит минимизировать риски нарушения в сфере защиты персональных данных, при использовании данных, содержащие конфиденциальную информацию, ноу-хау и патентов. Традиционные ГРНС работают, как «черные ящики», пользователи не могут понять предпосылки к выданным прогнозам. Результаты прогноза с помощью ГРНС не могут поддаваться логическим объяснениям, так как являются сложной самообучающейся системой. Таким образом, пользователь должен понимать, что правовая ответственность за принимаемые решения будет лежать на нем, так как обосновать принятое решение он не сможет. Чтобы избежать данного риска, следует разработать систему обеспечения прозрачности и отчетности ГРНС по формированию прогнозов. Программирование «объясняющих» алгоритмов поможет раскрыть и сделать более прозрачной «внутреннюю логику» ГРНС, что будет способствовать выявлению ошибок в обучении нейронной сети и улучшению качества процесса прогнозирования. Введение регламента дополнительной проверки сотрудником организации на протяжении всего процесса прогнозирования, разработка и принятие положений регулирующих данный процесс, позволит обосновать принятые решения на основании прогнозов, полученных с помощью ГРНС. Применение перечисленных мер позволит снизить правовые риски принятия решений на основе прогнозов сформированных ГРНС на основании исходных данных.

Учитывая результаты проведенного анализа, мы можем разработать подход применения глубоких рекуррентных нейронных сетей (ГРНС), учитывающий экономические и правовые аспекты. Данный подход должен охватывать все этапы процесса внедрения и эксплуатации ГРНС – подготовительный этап, проектирование ГРНС, подбор и отбор

данных, этап эксплуатации (процесс прогнозирования и принятия решений). Первый этап (подготовительный этап) должен включать в себя оценку затрат на разработку, внедрение и эксплуатацию ГРНС, анализ потенциальной финансовой выгоды от применения нейронной сети в вопросе принятия бизнес-планирования, учет влияния внешних экономических факторов (рыночные условия, регулирование и т.д.) на производительность системы. Следует произвести предварительный правовой анализ, основывающийся на изучении нормативных правовых актов в области защиты персональных данных и авторских прав и интеллектуальной собственности, региональных и районных правовых актов, стандартов в области проектирования ИИ (в том числе нейронных сетей) и д.р. На данном этапе, следует разработать юридическую документацию, позволяющую урегулировать процесс проектирования и эксплуатации ГРНС, а также использование прогнозов для принятия управленческих решений. Успешные результаты даст совместная работа юристов, экономистов и IT-специалистов на всех этапах внедрения и эксплуатации ГРНС. Разработка пошаговой стратегии внедрения с оценкой рисков и управление организационными системами так же позволит минимизировать правовые и экономические риски. Второй этап (проектирование) должен включать разработку механизмов обеспечения конфиденциальности (внедрение средств защиты данных и управления доступом согласно нормативным требованиям) и прозрачности процесса прогнозирования, процесс интеграции «объясняющих» алгоритмов в ГРНС для повышения прозрачности процесса прогнозирования. На третьем этапе (подбор и отбор данных) следует определить данные, которые будут использоваться для обучения нейронной сети, произвести выборку охраняемых и свободных данных. Необходимо обеспечить высокое качество и достоверность исходных данных для обучения ГРНС. Четвертый этап (эксплуатация) включает в себя непрерывный мониторинг, анализ и оптимизацию процесса эксплуатации. Организация взаимодействия между функциональными подразделениями для комплексного учета рисков и обучения персонала станут одним из инструментов оптимизации процесса эксплуатации системы. На данном этапе следует производить адаптацию ГРНС к правовым изменениям и анализ влияния и изменения экономических факторов. Регулярная правовая оценка изменений законодательной базы регулирования ГРНС и переоценка финансовых затрат на эксплуатацию позволит обеспечить эффективное и рентабельное использование нейронной сети, а поддержание актуальности и четкости использованных для обучения ГРНС данных повысит уровень точности прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера.

При использовании данного подхода внедрения следует оценить экономические и правовые риски. При оценивании точности прогнозирования учитываются абсолютные отклонения прогнозных значений от фактических результатов, относительные от-

клонения прогнозных значений от фактических результатов, а также средние ошибки прогноза. На финансовый результат будут влиять изменения выручки, затрат, чистой прибыли, рентабельности. О эффективности использования нейронной сети будет говорить окупаемость затраченных финансовых средств в разработку и внедрение, а также выгода от применении ГРНС, выраженная в экономии ресурсов и повышении конкурентоспособности.

Оценивая правовые показатели, следует определить соответствие применения нейронной сети действующему законодательству. Для этого следует проанализировать процесс выполнения требований по раскрытию информации, предприняты ли правовые меры по защите персональных данных и коммерческой тайны, соблюдаются ли нормы бухгалтерского и налогового учета. О эффективности применения ГРНС можно судить по сокращению уровня таких показателей, как снижение количества претензий со стороны контролирующих органов и контрагентов, снижение уровня правовых нарушений (уменьшение количества штрафов и санкции), отсутствие репутационных и финансовых потерь ввиду принятия стратегических мер по ликвидации правовых рисков. При оценивании эффективности внедрения ГРНС коллектив авторов предлагает использовать шкалу оценивания (см.табл.№2).

Таблица 2.

Шкала оценивания эффективность внедрения ГРНС

Уровень	Экономический аспект	Правовой аспект
низкий	Существенный уровень отклонений фактических показателей от прогнозных. Наблюдается отрицательное влияние на финансовые результаты предприятия.	Выявлены несоответствия применения ГРНС согласно действующему законодательству. Наличие судебных споров и претензий, повлекшие значительные правовые и экономические последствия для предприятия.
средний	Умеренный уровень отклонений фактических показателей от прогнозных. Финансовые показатели стабильны.	Выявлены частичные несоответствия применения ГРНС согласно действующему законодательству. Наличие судебных споров и претензий, не повлекшие значительные правовые и экономические последствия для предприятия.
высокий	Низкий уровень отклонений фактических показателей от прогнозных. Отмечается рост финансовой прибыли и снижение убытков	Соответствия применения ГРНС согласно действующему законодательству. Отсутствие судебных споров и претензий

Шкала позволит оценить эффективность внедрения ГРНС с учетом экономического и правового аспектов и принять меры по стабилизации процесса внедрения и эксплуатации.

Обсуждение результатов исследования. Проведенное исследование подчеркивает важность комплексного подхода к внедрению и эксплуатации ГРНС. В разрешении вопросов прогнозирования

прибыли и убытков стратегического партнера требуется тщательная проработка не только архитектуры ГРНС, анализ экономических аспектов, но и обязательное приведение системы в соответствие с действующим законодательством.

Экономический аспект определяет необходимость анализа затрат на разработку, внедрение, эксплуатацию, подбор и отбор финансовых данных для обучения ГРНС. Особую важность занимает неустойчивая экономическая ситуация в стране, требующая постоянного мониторинга и адаптации. Важность прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера заключается так же в своевременном принятии управленческих бизнес-решений и сокращению рисков получения убытков, что может способствовать формированию благоприятной финансовой среды на предприятии.

Правовой аспект характеризуется важностью проведения юридической экспертизы не только на подготовительном этапе внедрения ГРНС, но и постоянном мониторинге правовых изменений на всех этапах жизненного цикла системы. Четкое закрепление правил эксплуатации ГРНС может гарантировать соблюдение конституционных прав участников процесса обучения и пользователей нейронной сети. Особое внимание при подборе и отборе данных для обучения ГРНС следует уделять вопросам защиты персональных данных, авторских и исключительных прав. Следует учитывать ответственность пользователя за принятие решения на основе предложенного прогноза ГРНС. Механизм правового регулирования может гарантировать соблюдение прав граждан и предприятий, а четкие правовые рамки будут способствовать распространению и совершенствованию передовых технологий, повышению надежности финансового планирования в результате сформированных ГРНС точных прогнозов. Разработанный комплексный подход внедрения и эксплуатации ГРНС и шкала оценивания эффективности позволят минимизировать экономические и правовые риски, оптимизировать затраты и обеспечить соответствие действующему законодательству. Результаты исследования подчеркивают важность междисциплинарного (отрасли: технология, экономика, право) взаимодействия при внедрении ГРНС.

Заключение.

Применение ГРНС, для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера, находится в прямой зависимости от правовых и экономических аспектов. В ходе исследования были рассмотрены особенности архитектуры ГРНС, проанализированы основные языки программирования и их взаимодействия с библиотечными, позволяющие создавать, реализовывать и внедрять данную систему в бизнес-процессы предприятий. В результате анализа определены правовые и экономические факторы, влияющие на процесс прогнозирования прибыли и убытков. Аргументирована необходимость и важность приведения процесса программирования и эксплуатации ГРНС в соответствие с дей-

ствующим законодательством. Представлен комплексный подход к применению ГРНС, учитывающий технологические, правовые и экономические аспекты взаимодействия, который является ключевым моментом эффективного применения ГРНС для прогнозирования прибыли и убытков стратегического партнера.

Литература

1. Абдрахманова Г. П., Вишневский К. О., Гохберг Л. М., Дранев Ю. Я., Зинина Т. С., Ковалева Г. Г., Лавриненко А. С., Милынина Ю. В., Назаренко А. А., рудник П. В., Соколов А. В., Суслов А. В., Токарева М. С., Туровец Ю. В., Филатова Д. А., Черногорцева С. В., Шматко Н. А. Доклад НИУ ВШЭ. При участии Всемирного банка Москва, 2019. К XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. 9-12 апреля 2019 г. Москва. Высшая школа экономики. Национальный исследовательский университет: Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение.
URL: https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20Цифровая_экономика.pdf (дата обращения: 12.07.2023 г.)
2. Астраханцева И. А., Кутузова А. С., Астраханцев Р. Г. Рекуррентные нейронные сети для прогнозирования региональной инфляции // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekurrentnye-neyronnye-seti-dlya-prognozirovaniya-regionalnoy-inflyatsii> (дата обращения: 18.08.2024).
3. Блажеева В. В., Егоровой М. А. Цифровое право / Под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. - М.: Проспект, 2020. - 640 с.
4. Бойченко И. С. Модели правового регулирования нейросетей // Образование и право. - 2019. - № 1. - С. 235-237.
5. Бойченко, И. С. Формирование правового регулирования нейронных сетей / И. С. Бойченко // Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе. Вторые Бачиловские чтения : Сборник научных трудов, Москва, 08 февраля 2019 года. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2019. - С. 218-223.
6. Галушкин, А. И. Нейронные сети: основы теории / А. И. Галушкин. - М.: ГЛТ, 2012. - 496 с.
7. Карцхия, А. А. Правовые аспекты статуса и рисков искусственного интеллекта / А. А. Карцхия, Д. Г. Макаренко // Безопасные информационные технологии : Сборник трудов Десятой международной научно-технической конференции, Москва, 03-04 декабря 2019 года. - Москва: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2019. - С. 167-171
8. Кириллов С.Е., Пучков А.Ю. Применение интеллектуальных информационных систем в сфере экономики // Наука, образование и культура. 2016. №3 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-intellektualnyh-informatsionnyh-sistem-v-sfere-ekonomiki> (дата обращения: 26.08.2024).
9. Медведев, Д. В. Применение интеллектуальных информационных систем в прогнозировании показателей экономической эффективности предприятия / Д. В. Медведев, А. С. Шаповалов // Инновации. Наука. Образование. - 2021. - № 46. - С. 855-859.
10. Минбалева А. В., Сторожакова Е. Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. №2 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-v-protsesse-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (дата обращения: 18.08.2024)
11. Мицкая Е.В., Комаров С.А. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография. - СПб.: Изд-во Юридического института, 2018. - 168 с.
12. Распоряжение правительства российской федерации от 19.08.2020 № 2129-р «об утверждении концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_360681/?ysclid=licq2wy4rk574338890 (дата обращения: 15.03.23).
13. Родионова Е.Д. Финансовая устойчивость компаний / Е.Д. Родионова // Символ науки. - 2015. - №12. - С. 162-166
14. Сысоева Е.В. Прибыль и убыток как финансовые результаты и важнейшие категории деятельности организации в рыночных отношениях // ТДР. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pribyl-i-ubytok-kak-finansovye-rezultaty-i-vazhneyshie-kategorii-deyatelnosti-organizatsii-v-rynochnykh-otnosheniyah> (дата обращения: 23.08.2024).
15. Тарасова, Н. К. Проблемы привлечения к ответственности за вред, причиненный в результате деятельности, связанной с применением объекта (робототехники), наделенного технологиями искусственного интеллекта / Н. К. Тарасова, С. М. Которович // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития : Сборник статей по итогам IV Новосибирского международного юридического форума. В 3-х частях, Новосибирск, 25-27 мая 2022 года / Под редакцией О.Н. Шерстобоева, М.В. Громоздиной, М.С. Саламатовой. Том Часть 3. - Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2023. - С. 233-238.
16. Филипова И.А.. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. 2-е изд., обновл. и доп. Н. Новгород, 2022. 275 с.
17. Хачатурян, А. А. Нейронные сети, как ключевое и перспективное направление развития и применения искусственного интеллекта в деятельности промышленных предприятий / А. А. Хачатурян, С. В. Пономарева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. - 2023. - № 4. - С. 105-115.

18.Хрищатый, А. С. Исследование использования нейросетей для анализа данных и принятия бизнес-решений: анализ эффективности использования нейросетей для обработки больших объемов данных и предоставления ценных инсайтов для принятия решений / А. С. Хрищатый // Инновации и инвeстиции. – 2023. – № 7. – С. 294-298.

19.Цебекова, Ю. Т. Прогнозирование чистой прибыли предприятия DL-моделью «random forest» в условиях цифровизации / Ю. Т. Цебекова, Н. Ю. Лакалина, Н. И. Ломакин // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике : сборник материалов XXIV ежегодного открытого конкурса научно-исследовательских работ студентов и молодых ученых в области экономики и управления «Зеленый росток» с итоговым этапом в форме Всероссийской (национальной) научной конференции, Волгоград, 01–30 апреля 2024 года. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2024. – С. 210-211

20.Alexiei Dingli, Karl Sant Fournier, “Financial Time Series Forecasting – A Machine Learning Approach”, Machine Learning and Applications: An International Journal (MLAIJ) Vol.4, No.1/2/3, September 2017.

21.Barr A., Cohen P.R., Feigenbaum E.A. The Handbook of Artificial Intelligence. 1st ed. Stanford University: HeurisTech Press. 1981. 397 p.

22.Chae Y. U.S. AI Regulation Guide: Legislative Overview and Practical Considerations // Robotics, Artificial Intelligence & Law. 2020. Vol. 3. No 1. P. 17–40.

23.Cath C. Governing artificial intelligence: ethical, legal and technical opportunities and challenges // Philosophical Transactions of the Royal Society a Mathematical Physical and Engineering Sciences. 2018. P. 376.

24.McNelis P.D, “Neural Networks in Finance: Gaining Predictive Edge in the Market”, Academic Press Advanced Finance Series, Academic Press, Inc., Orlando, 2004.

25.Solomon Addai, “Financial Forecasting Using Machine Learning”, 2016.

26.Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. p42.

27.Sima Siami-Namini, Akbar Siami Namin, “Forecasting Economics and Financial Time Series: ARIMA vs. LSTM”, arXiv:1803.06386v1, 2018.

28.Shahid N., Rappon T., Berta W. (2019) Applications of artificial neural networks in health care organizational decision-making: A scoping review.

Using deep recurrent neural networks to predict the profit and loss of a strategic partner: legal and economic aspects

Tarasova N.K., Prom N.A., Lomakin N.I., Lomakin I.N., Yurova O.V.

State University of Management, Volgograd State Technical University

In the era of digital progress, machine learning methods open up new opportunities for modeling the dynamics of financial indicators of strategic partners, while remaining insufficiently researched in terms of compliance with legislative requirements. A proactive approach to interacting with key counterparties in a highly competitive business environment, studying and analyzing their financial results, and issues of legal regulation of the use of such data, is of particular importance. The use of confidential information, which includes audit and accounting statements, as well as forecast data on profits and losses of partner enterprises, must comply with the requirements of legislation in the field of personal data protection and trade secrets. The exchange and use of financial information between organizations and their partners imposes liability for possible losses resulting from the provision of false information, responsibility for the

disclosure of confidential information about the financial condition of the organization. The development of a methodology for using deep recurrent neural networks to predict the profits of strategic partners should be carried out taking into account ethical aspects and compliance with the principles of fairness and transparency in the decision-making process. Taking into account economic and legal aspects will improve the effectiveness of interaction with strategic partners and reduce financial risks. Timely forecasting of the deterioration of the financial condition will allow taking measures to reduce accounts receivable and search for new counterparties, initiate negotiations on increasing supply volumes, which will help reduce the risk of lost profits. This forecasting method will reduce the risks of unfulfilled contractual obligations and the occurrence of legal disputes and the application of penalties for non-compliance with legal norms. In addition to reducing financial and legal risks, an advanced forecasting approach will reduce the risks of inefficient implementation of business technology, the possibility of failures in the data processing system leading to inaccurate estimates. The developed approach of using deep recurrent neural networks, taking into account economic and legal aspects, will contribute to the accuracy of profit and loss forecasts. The results of the study can be useful for the implementation of the activities of specialists in the field of artificial intelligence, financial analysis, economists, lawyers in the field of digital law.

Keywords: deep recurrent neural net-works, machine learning, databases, profit forecasting, loss forecasting, strategic partnership, legal aspects, legal risks, ethical constraints, financial analysis, financial risks, legal liability.

References

1. Abdrakhmanova G. P., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M., Dranev Yu. Ya., Zinina T. S., Kovaleva G. G., Lavrinenko A. S., MilyinayU. V., NazarenkoA. A., rudnik P. V., Sokolov A.V., Suslov A.V., Tokareva M. S., Turvets Yu. V., Filatova D. A., Chernogortseva S. V., Shmatko N. A. Report of the Higher School of Economics. With the participation of the World Bank Moscow, 2019. By the XX April International Scientific Conference on the problems of economic and social development. April 9-12, 2019 Moscow. Higher School of Economics. National Research University: What is the digital economy? Trends, competencies, measurement. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20> (date of issue: 07/12/2020)
2. Astrakhantseva I. A., Kutuzova A. S., Astrakhantsev R. G. Recurrent neural networks for forecasting regional inflation // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2020. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekurrentnye-neyronnye-seti-dlya-prognozirovaniya-regionalnoy-inflyatsii> (date of application: 08/18/2024).
3. Blazheeva V. V., Egorova M. A. Digital law / Under the general editorship of V. V. Blazheev, M. A. Egorova. - M.: Prospect, 2020. - 640 p.
4. Boychenko I. S. Models of legal regulation of neural networks // Education and law. - 2019. - No. 1. - pp. 235-237.
5. Boychenko, I. S. Formation of legal regulation of neural networks / I. S. Boychenko // Formation of a system of legal regulation of information security in conditions of great challenges in the global information society. The second Bachilov readings : A collection of scientific papers, Moscow, February 08, 2019. – Moscow: Amirit Limited Liability Company, 2019. – pp. 218-223.
6. Galushkin, A. I. Neural networks: fundamentals of theory / A. I. Galushkin. - M.: GLT, 2012. - 496 p.
7. Kartskhiya, A. A. Legal aspects of the status and risks of artificial intelligence / A. A. Kartskhiya, D. G. Makarenko // Secure Information Technologies : Proceedings of the Tenth International Scientific and Technical Conference, Moscow, December 03-04, 2019. – Moscow: Bauman Moscow State Technical University (National Research University), 2019. – pp. 167-171
8. Kirillov S.E., Puchkov A.Yu. Application of intelligent information systems in the field of economics // Science, education and culture. 2016. No.3 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-intellektualnyh-informatsionnyh-sistem-v-sfere-ekonomiki> (date of application: 08/26/2024).
9. Medvedev, D. V. Application of intelligent information systems in forecasting indicators of economic efficiency of an enterprise / D. V. Medvedev, A. S. Shapovalov // Innovations. Science. Education. - 2021. – No. 46. – pp. 855-859.
10. Minbaleev A.V., Storozhakova E. E. Problems of legal protection of personal data in the process of using neural networks // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2023. №2 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-pravovoy-ohrany-personalnyh-dannyh-v-protsesse-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (date of application: 08/18/2024)
11. Mitskaya E.V., Komarov S.A. Legal regulation of information security and personal data protection: monograph. - St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 2018. - 168 p.
12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2129-r dated 08/19/2020 "on approval of the concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024". URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_360681/?ysclid=icq2wy4rk574338890 (accessed 03/15/2013).
13. Rodionova E.D. Financial stability of companies / E.D. Rodionova // Symbol of science. - 2015. - No.12. - pp. 162-166
14. Sysoeva E.V. Profit and loss as financial results and the most important categories of an organization's activity in market relations // TDR. 2015. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pribyl-i-ubytok-kak-finansovye>

- rezultaty-i-vazhneyshie-kategorii-deyatelnosti-organizatsii-v-rynochnyh-otnosheniyah (date of application: 23.08.2024).
15. Tarasova, N. K. Problems of bringing to responsibility for harm caused as a result of activities related to the use of an object (robotics) endowed with artificial intelligence technologies / N. K. Tarasova, S. M. Kontorovich // Law and economics: national experience and development strategies : A collection of articles based on the results of the IV Novosibirsk International Law the forum. In 3 parts, Novosibirsk, May 25-27, 2022 / Edited by O.N. Sherstoboev, M.V. Gromozdina, M.S. Salamatova. Volume Part 3. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", 2023. – pp. 233-238.
 16. Filipova I.A.. Legal regulation of artificial intelligence: studies. stipend. 2nd ed., updated and supplemented by N. Novgorod, 2022. 275 p.
 17. Khachaturian, A. A. Neural networks as a key and promising direction for the development and application of artificial intelligence in the activities of industrial enterprises / A. A. Khachaturian, S. V. Ponomareva // Bulletin of the State University of Education. Series: Economics. - 2023. – No. 4. – pp. 105-115.
 18. Hrishchaty, A. S. Research on the use of neural networks for data analysis and business decision-making: analysis of the effectiveness of using neural networks to process large amounts of data and provide valuable insights for decision-making / A. S. Hrishchaty // Innovations and investments. - 2023. – No. 7. – pp. 294-298.
 19. Tsebekova, Yu. T. Forecasting the net profit of an enterprise by the DL-model "random forest" in the conditions of digitalization / Yu. T. Tsebekova, N. Y. Lakalina, N. I. Lomakin // Strategy and tactics of enterprise management in a transitional economy : a collection of materials of the XXIV annual open competition of research papers of students and young scientists in the field of economics and management "Green Sprout" with the final stage in the form of the All-Russian (national) Scientific Conference, Volgograd, April 01-30, 2024. – Volgograd: Volgograd State Technical University, 2024. – pp. 210-211
 20. Alexiei Dingli, Karl Sant Fournier, "Financial Time Series Forecasting – A Machine Learning Approach", Machine Learning and Applications: An International Journal (MLAIJ) Vol.4, No.1/2/3, September 2017.
 21. Barr A., Cohen P.R., Feigenbaum E.A. The Handbook of Artificial Intelligence. 1st ed. Stanford University: HeurisTech Press. 1981. 397 p.
 22. Chae Y. U.S. AI Regulation Guide: Legislative Overview and Practical Considerations // Robotics, Artificial Intelligence & Law. 2020. Vol. 3. No 1. P. 17–40.
 23. Cath C. Governing artificial intelligence: ethical, legal and technical opportunities and challenges // Philosophical Transactions of the Royal Society a Mathematical Physical and Engineering Sciences. 2018. P. 376.
 24. McNelis P.D, "Neural Networks in Finance: Gaining Predictive Edge in the Market", Academic Press Advanced Finance Series, Academic Press, Inc., Orlando, 2004.
 25. Solomon Addai, "Financial Forecasting Using Machine Learning", 2016.
 26. Sourdin T. Justice and Technological Innovation // Access to Justice. 2015. p42.
 27. Sima Siami-Namini, Akbar Siami Namin, "Forecasting Economics and Financial Time Series: ARIMA vs. LSTM", arXiv:1803.06386v1, 2018.
 28. Shahid N., Rappon T., Berta W. (2019) Applications of artificial neural networks in health care organizational decision-making: A scoping review.

Цифровизация лесной отрасли как элемент борьбы с незаконной рубкой лесов в Российской Федерации

Дмитриев Роман Сергеевич

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации, dmromka@ya.ru

В статье рассмотрена цифровизация лесной отрасли Российской Федерации, которая является инструментом для улучшения контроля за незаконной вырубкой леса. На сегодняшний день лесная отрасль страдает от незаконной рубки и неправомерной эксплуатации лесных ресурсов, что приводит к значительным экологическим, экономическим и социальным проблемам. Автор раскрывает особенности системы, ЛесЕГАИС, которая стала важным инструментом в борьбе с незаконной рубкой лесов, а также указывает на перспективы развития способов охраны в сфере лесных отношений.

Ключевые слова: лесная отрасль; незаконная рубка; цифровизация, перспективы развития охраны лесного сектора.

Цифровизация лесной отрасли в Российской Федерации — это одно из важнейших направлений развития лесного хозяйства в нашей стране. Современные технологии позволяют значительно повысить эффективность использования лесных ресурсов, снизить затраты на их добычу и обработку, а также улучшить экологическую обстановку в лесах.

По массовым оценкам экспертов доля Российской Федерации по запасам лесных ресурсов составляет около четверти всех запасов мира. В 2021 году площадь лесов составляет 1187,8 млн га, включая 794,8 млн га, покрытых лесной растительностью, из которых 69,7% являются ценными породами, согласно отчету Росстата.¹

В общей структуре уголовных дел, связанных с экологическими преступлениями, доля таких дел составляет около 1,3%, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде, при этом, число осужденных за экологические преступления в 2021 году увеличилось на 12,2% по сравнению с 2020 годом. Статьей, по которой наибольшее привлечение к ответственности, является — незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК). Это 49,2% от всех осужденных за экологические преступления.²

Одним из ключевых элементов цифровизации лесной отрасли является использование геоинформационных систем³. Они позволяют собирать и анализировать данные о лесах, их состоянии и потенциальных ресурсах. Это позволяет оптимизировать процессы лесопользования, улучшить планирование заготовки леса и его транспортировки, а также повысить качество контроля за лесными ресурсами. Еще одним важным элементом цифровизации лесной отрасли является использование дистанционного зондирования Земли. С помощью спутниковых снимков и других технологий можно получать информацию о состоянии лесов, их площади, плотности и структуре. Это позволяет более точно определять места лесных пожаров, контролировать санитарные рубки и обнаруживать незаконную вырубку леса.

Также цифровизация лесной отрасли включает в себя использование различных программных систем и технологий, которые позволяют автоматизировать процессы лесопользования. Например, с по-

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. — М.: Минприроды России, МГУ имени М.В.Ломоносова 2022. — 184 с

² Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022

г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420088/ (дата обращения 10.03.2023).

³ Гусева А.В. Геоинформационные системы (научная статья) // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал) - 2013, с. 50

мощью системы мониторинга лесов можно отслеживать состояние лесов в режиме реального времени и быстро реагировать на любые изменения.¹

Среди стран, которые успешно внедрили информационные технологии для охраны лесов, можно выделить Финляндию, Швецию, Канаду и США. Они активно используют системы геоинформационных технологий, дистанционного зондирования земли и другие современные программные продукты для сбора и анализа данных о лесах.

В Финляндии, например, существует национальная система мониторинга лесов, которая позволяет отслеживать состояние лесов в режиме реального времени. Система использует данные, полученные с помощью спутниковых снимков и других технологий, и позволяет быстро реагировать на любые изменения в состоянии лесов.²

Швеция также активно использует геоинформационные технологии для сбора и анализа данных о лесах³. В стране создана система, которая позволяет автоматически обрабатывать данные о состоянии лесов, их площади и структуре, а также о незаконной вырубке леса. Это позволяет быстро реагировать на любые нарушения и улучшать систему охраны лесов.

В Канаде и США также успешно используются информационные технологии для охраны лесов⁴. Например, в Канаде существует система мониторинга лесных пожаров, которая позволяет быстро обнаруживать и локализовывать возгорания. В США создана система, которая позволяет автоматически обрабатывать данные о состоянии лесов и их потенциальных ресурсах.

Зарубежный опыт внедрения информационных технологий в области охраны лесной отрасли является важным источником для России, которая также старается использовать современные технологии для улучшения системы управления лесами и охраны их ресурсов, но образует вопрос: насколько данный опыт применим для России. Применение опыта зарубежных стран в России затрудняется по определенным причинам:

1. Во-первых, при применении и активном использовании современных цифровых технологий бизнес будет вынужден становиться прозрачным для проверок со стороны государственных органов.

2. Во-вторых, лица, извлекающие прибыль из лесной отрасли, будут обязаны оплачивать все установленные государством платежи, что нарушит коррупционный механизм изъятия природоресурсной ренты частными лицами.

3. В-третьих, компьютерные системы смогут анализировать и вычислять возможный объем заготов-

ленной древесины. Подобные мероприятия усложнят работу бизнесу, который формально работает официально, но большую часть прибыли скрывает от надзора государственных органов.

Решая вопрос защиты и охраны лесов от преступного посягательства, возникают проблемы законодательного регулирования, которые выражаются в:

- Разрушение системы лесопользования, лесопользования, научных организаций и подготовки кадров;
- Отсутствие эффективных мер для восстановления лесов;
- Недостатки аукционной формы лесопользования;
- Проблемы, связанные с ценообразованием в лесной отрасли;

Несмотря на вышеуказанные проблемы, в Российской Федерации для обеспечения прозрачности и контроля в лесной отрасли была создана Единая государственная автоматизированная информационная система учёта древесины и сделок с ней, или ЛесЕГАИС⁵. Эта система позволяет автоматизировать учёт древесины, транспортировку и продажу лесных ресурсов, а также обеспечивает доступ к актуальной информации для всех участников рынка.

Использование ЛесЕГАИС является обязательным для всех участников лесного хозяйства, включая лесопильные и деревообрабатывающие предприятия, лесозаготовительные организации, лесничества и лесохозяйственные организации.

Система ЛесЕГАИС позволяет автоматизировать учёт древесины от момента её вырубки до момента продажи. Каждый лесорубочный участок имеет уникальный идентификатор, и информация о каждой вырубке вносится в систему. Это позволяет контролировать объёмы вырубки и убедиться, что лесорубочные работы проводятся в соответствии с правилами и нормами.

После вырубки древесина транспортируется на лесозаготовительные базы, где происходит её первичная обработка. Информация о транспортировке и обработке древесины также вносится в систему. Это позволяет контролировать объёмы и качество древесины на всех этапах её переработки. Затем древесина продается на торгах, и информация о продаже также вносится в систему. Это позволяет контролировать объёмы продаж и убедиться, что цены на древесину формируются на основе рыночных условий.

Использование ЛесЕГАИС позволяет повысить прозрачность и контроль в лесной отрасли, улучшить управление лесами и повысить эффективность использования лесных ресурсов. Это в свою очередь способствует развитию лесной отрасли.

¹ Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Правовые проблемы и направления совершенствования государственного управления в области лесных отношений // Lex russica. 2018. N 2.1 с 78-93

² Ислакаева Г.Р. Реформы Финской лесной отрасли, обеспечившие ее мировой уровень (научная статья) // Региональная экономика: теория и практика-2017, вып.3, с. 553-564

³ Атрощенко О.А., Минкевич С.И., Буй А.А. система инвентаризации и учета лесов в Швеции (научная статья) // Труды БГТУ. Серия 1: Лесное хозяйство, природопользование и переработка возобновляемых ресурсов-2012-с.23-25

⁴ Хозяинов, А. С., Большаков, Н. М. (2012). Изучение зарубежного опыта организации государственного управления воспроизводством лесов: США, Канада, Финляндия. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, (2), 10.

⁵ Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rosleshoz.gov.ru/> (дата обращения 10.03.2023)

В ту же очередь ЛесЕГАИС является важным инструментом в борьбе с незаконной рубкой лесов в Российской Федерации. Леса России продолжают подвергаться незаконной вырубке, которая в свою очередь приводит к серьезным экологическим проблемам, таким как уменьшение площади лесов, нарушение биологического равновесия, угроза жизни диких животных и потеря биоразнообразия. Кроме того, незаконная рубка лесов создает неравные условия конкуренции для легальных производителей древесины и снижает доходы государства от налогов на лесную продукцию.

В этом контексте, ЛесЕГАИС стала важным инструментом в борьбе с незаконной рубкой лесов. Система позволяет централизованно отслеживать перемещения древесины от места ее заготовки до места ее конечного использования. Система также позволяет контролировать сделки с древесиной, такие как продажи, покупки и перемещения. Контроль над всеми этими процессами, предоставляемый ЛесЕГАИС, позволяет уменьшить количество незаконно заготовленной древесины на рынке, повышает прозрачность сделок с древесиной и обеспечивает более эффективный мониторинг действий лесопользователей. Это также улучшает работу государственных инспекций, ответственных за контроль за использованием лесов и приводит к уменьшению незаконной рубки.

Благодаря системе ЛесЕГАИС, за девять месяцев 2022 года объемы незаконной рубки снизились до рекордно низкого уровня за 16 лет и составили 450 тыс. куб. это на 15% ниже уровня аналогичного периода 2021 года.

Но несмотря на эффективность внедрения Единой государственной автоматизированной информационной системы учёта древесины и сделок с ней и способствующему статистическому снижению незаконных рубок, ЛесЕГАИС порождает новые способы совершения преступлений.

Учитывая, что создается опасность создания коррупционных схем лицами, ответственными за внесение информации в цифровые системы, то следует применять не только положения Уголовного кодекса предусматривающие уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений¹.

Так, лица, которые сознательно и с корыстными целями игнорируют цифровизацию и/или вводят ложные данные в систему, например, изменяя назначение земельных участков, должны нести уголовную ответственность. Например, к таким лицам следует применять положения статьи 285.3. УК РФ, которая определяет ответственность за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений.²

Таким образом, цифровизация лесной отрасли может улучшить контроль за незаконной вырубкой леса, что является одной из основных проблем в

лесном хозяйстве в России. Цифровые технологии могут помочь в проведении мониторинга за вырубкой и перевозкой древесины, что позволит более точно определять места незаконной рубки и принимать меры по ее предотвращению. ЛесЕГАИС является важным инструментом и позволяет государственным инстанциям лучше контролировать перемещения древесины и сделки с ней, что способствует более эффективной защите лесов и экологической устойчивости, но она еще не совершенна и требует более детального улучшения и внедрения в процессы лесной охраны.

Литература

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения 10.03.2023)
2. Атрощенко О.А, Минкевич С.И, Буй А.А. система инвентаризации и учета лесов в Швеции (научная статья) //Труды БГТУ. Серия 1: Лесное хозяйство, природопользование и переработка возобновляемых ресурсов-2012-с.23-25
3. Горлов Алексей Сергеевич. "Особенности квалификации внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений" Общество и право, по. 1 (38), 2012, pp. 152-155.
4. Гусева А.В. Геоинформационные системы (научная статья)// Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)-2013, с. 50
5. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Правовые проблемы и направления совершенствования государственного управления в области лесных отношений // Lex russica. 2018. N 2.1 с 78-93
6. Ислакаева Г.Р. Реформы Финской лесной отрасли, обеспечившие ее мировой уровень (научная статья)// Региональная экономика: теория и практика-2017, вып.3, с. 553-564
7. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. — М.: Минприроды России, МГУ имени М.В.Ломоносова 2022. — 184 с
8. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420088/ (дата обращения 10.03.2023).
9. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rosleshoz.gov.ru/> (дата обращения 10.03.2023)
- 10.Хозяинов, А. С., Большаков, Н. М. (2012). Изучение зарубежного опыта организации государственного управления воспроизводством лесов:

¹ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения 10.03.2023)

² Горлов Алексей Сергеевич. "Особенности квалификации внесения в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений" Общество и право, по. 1 (38), 2012, pp. 152-155.

США, Канада, Финляндия. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, (2), 10.

Digitalization of the forestry industry as an element of the fight against illegal logging in the Russian Federation

Dmitriev R.S.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article discusses the digitalization of the forest industry of the Russian Federation, which is a tool to improve control over illegal logging. Today, the forest industry suffers from illegal logging and illegal exploitation of forest resources, which leads to significant environmental, economic and social problems. The author reveals the features of the system, LesEGALS, which has become an important tool in the fight against illegal logging, and also points to the prospects for the development of methods of protection in the field of forest relations..

Keywords: forest industry; illegal logging; digitalization, prospects for the development of forest sector protection

References

1. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 29.12.2022) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (date of access 10.03.2023)
2. Atroshchenko O.A., Minkevich S.I., Buy A.A. forest inventory and accounting system in Sweden (scientific article) // Proceedings of BSTU. Series 1: Forestry, nature management and processing of renewable resources-2012-pp.23-25
3. Gorlov Aleksey Sergeevich. "Features of qualification of inclusion in the unified state registers of knowingly false information" Society and Law, no. 1 (38), 2012, pp. 152-155.
4. Guseva A.V. Geoinformation systems (scientific article)// Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal) - 2013, p. 50
5. Zhavoronkova N.G., Vypkhanova G.V. Legal problems and directions for improving public administration in the field of forest relations // Lex russica. 2018. N 2.1 p. 78-93
6. Islakaeva G.R. Reforms of the Finnish forest industry that ensured its world level (scientific article)// Regional economy: theory and practice-2017, issue 3, pp. 553-564
7. On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2021. State report. — M.: Ministry of Natural Resources of the Russian Federation, Lomonosov Moscow State University 2022. — 184 p.
8. Review of the practice of applying by courts the provisions of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation on environmental crimes (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 24, 2022) [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420088/ (date of access 03/10/2023).
9. Official website of the Federal Forestry Agency [Electronic resource] // Access mode: <http://rosleshoz.gov.ru/> (date of access 03/10/2023)
10. Khozyainov, A. S., Bolshakov, N. M. (2012). Study of foreign experience in organizing state management of forest reproduction: USA, Canada, Finland. Corporate governance and innovative development of the Northern economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktvykar State University, (2), 10.

Профилактика коррупционного поведения у военнослужащих войск Национальной гвардии Российской Федерации

Суховецкая Елена Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

В данной статье рассматриваются многогранные факторы коррупции, акцентируя внимание на её глубоких исторических корнях и современных проявлениях, включая проникновение в военные структуры и государственные институты. Основываясь на анализе теоретических основ коррупции и эффективности антикоррупционных стратегий, были исследованы, как законодательные и профилактические меры, которые могут помочь в борьбе с этим разрушительным явлением. В работе исследуется опыт зарубежных государств в противодействии коррупции. Подчеркивается необходимость комплексного подхода в профилактике для минимизации коррупционных действий среди военнослужащих.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные меры, государственные институты, военнослужащие, профилактика коррупции, противодействие, исторический контекст, стратегии борьбы с коррупцией.

Введение

Коррупция сегодня выступает сильным препятствием для прогресса и стабильности как общественных, так и государственных институтов, влияя отрицательно на соблюдение принципов правового государства и демократии. Признаки этого явления видны еще в исторических эпохах, оставаясь актуальной проблемой, подчеркиваемой утверждениями Аристотеля о нужде в законодательных мерах для ограничения коррупционных действий среди госслужащих. Коррупция проникает в каждую сферу общественной жизни, что делает борьбу против нее особенно актуальной в современном мире. Даже в сфере военной службы, несмотря на активные усилия, проблема остается нерешенной, представляя собой растущую угрозу для национальной безопасности.

Данный аналитический проект направлен на разбор процессов появления и распространения коррупционных действий в разнообразных областях, включая Вооруженные силы и другие силовые структуры, с целью создания результативных подходов к борьбе с данным разрушительным феноменом. В ходе исследования предполагается проведение изучения теоретических основ коррупции, ее причин и обстоятельств, которые содействуют ее укреплению, а также анализ действующих стратегий и методов антикоррупционной деятельности, реализуемых как внутри страны, так и на международной арене.

Продуманная конструкция профилактических мер, направленных на предотвращение правонарушений коррупционного характера, создает устойчивую методологическую основу для профилактики коррупции, выделяя ее как стратегически важное направление борьбы с коррупционными проявлениями на территории нашей страны.

Основная часть

В современных обществах коррупция зарекомендовала себя как одна из первостепенных проблем, обладающая глубокими историческими корнями, о чём свидетельствует мнение Аристотеля, который утверждал: «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и другого порядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [7].

Коррупционные деяния охватывают все слои общества и затрагивают каждого из его членов, поскольку способствуют деморализации личности и способны исказить моральные ориентиры. Особую опасность такие явления представляют, когда они интегрируются в структуры гражданского общества, а также в системы государственной власти, затрагивая государственных и муниципальных служащих.

В академических исследованиях термин «коррупция» часто трактуется как использование должностных полномочий для извлечения личных или третьих лиц материальных и нематериальных выгод, что может проявляться как через активные действия, так и через бездействие в злоупотреблении вверенной властью. Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции», коррупция может включать обещание, предложение или предоставление взятки должностному лицу для совершения незаконных операций.

Конкретные профилактические меры, направленные на предотвращение коррупционных правонарушений, выполняют основную функцию в механизме борьбы с коррупцией, равно как и разработка четкой организационной структуры, создавая тем самым методологическую основу для профилактики. При этом стоит подчеркнуть, что список таких профилактических мер имеет универсальное применение в различных отраслях благодаря широкому кругу участников, включая как государственные, так и негосударственные структуры, организации гражданского общества и отдельных граждан [1].

Концепция профилактики коррупции охватывает ряд мер, цель которых — предупреждение, выявление и пресечение коррупционных действий, включая разработку и реализацию политик, правил и процедур, направленных на снижение возможностей для коррупции и укрепление институциональной прозрачности и ответственности. В России активное противодействие коррупции на уровне законодательства стало развиваться относительно недавно и ещё требует совершенствования. Эволюция антикоррупционного законодательства маркирует несколько важных фаз, начиная с времён постсоветской эры, а исторически проблема коррупции в России связана с доминированием авторитета власти над правом, что, в условиях рыночных преобразований 90-х и отсутствия эффективного общественного контроля, усугубило данный феномен [9].

Законодательные акты, ориентированные на противодействие коррупции, начали формироваться с совершенствования уголовного законодательства, различных федеральных законов, подчеркивающих необходимость поддержания прозрачности и ответственности в государственной службе [5].

Современное российское законодательство уделяет повышенное внимание цифровизации и созданию технологических решений, которые направлены на повышение уровня антикоррупционного образования среди должностных лиц и граждан, включая применение электронных приложений, предоставляющих доступ к нормативно-правовой базе и возможность получения онлайн-консультаций, облегчающих процесс мониторинга и составления отчётов по антикоррупционным вопросам. Стоит отметить, что успешность антикоррупционных усилий опирается на точное определение неправомερных действий и внедрение в законодательство ясных ограничений и запретов, а в академической среде особо подчеркивается, что установленные законодательством ограничения и нормы должны быть

ясно классифицированы и интегрированы в систему антикоррупционных инициатив [2].

Коррупционные действия среди военнослужащих в России создают комплексную и сложную проблематику, подчеркиваемую закрытостью военной структуры. На основе исследований Артема Волкова, проведенных в Дальневосточном регионе РФ, становится очевидным, что проникновение коррупции в армейские ряды представляет собой угрозу для оборонной мощи страны, ведь такие действия ослабляют эффективность публичного администрирования и ставят под риск как внутреннюю, так и внешнюю независимость государства [4].

Основная сложность, охватывающая коррупционные проявления среди военнослужащих, заключается в проблемах организации антикоррупционных инициатив, особенно в контексте обеспечения открытости действий государственных структур.

Анализ судебной практики показывает, что уменьшение коррупции в сфере военной службы коррелирует с эффективностью применяемых санкций и подчеркивает скрытый характер таких преступлений. Согласно статистике Министерства обороны РФ, наблюдается уменьшение показателей коррупционной преступности на 23%, с 2007 по 2011 годы, что свидетельствует о положительном влиянии проведенных реформ и усилении контрольных механизмов в армии.

Структура и стратегическая роль войск национальной гвардии РФ в системе обеспечения национальной безопасности, обусловлена необходимостью противодействия коррупционным угрозам. Обязанности и полномочия, закрепленные в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», предусматривают необходимость всестороннего нормативного управления, в том числе точного контроля за бюджетными ассигнованиями и материально-техническими ресурсами, и хотя предпринимаются шаги к законодательному урегулированию, остается явная потребность в уточнении закона, особенно в аспекте финансового управления, усиливающего риски коррупции [3].

Федеральная служба войск национальной гвардии РФ, занимая значительную долю в расходах государственного бюджета в оборонном секторе, столкнулась с рядом коррупционных проблем, включая злоупотребления в рамках государственных закупок, коррупцию при осуществлении аутсорсинга работ и распределении финансовых средств, оказывая тем самым негативное воздействие на всю оборонную сферу.

Анализ показывает, что усиление коррупционных проявлений в войсках национальной гвардии Российской Федерации связано с комплексом внутренних и внешних факторов, которые способствуют совершению коррупционных правонарушений. Среди внутренних факторов особенно выделяются недостатки в законодательной системе и постоянные корректировки в сфере экономического законодательства, создающие благоприятные условия для коррупции. Организационно-экономические факторы, включая слабость контрольных механизмов и

громоздкую бюрократическую структуру, способствуют укреплению коррупционных тенденций, в то время как культурно-исторические аспекты, например, привычки к непотизму и связям, углубляют коррупционные практики в обществе [6].

В категорию внешних факторов попадает глобализация и международные экономические связи, которые могут одновременно способствовать повышению уровня контроля и прозрачности, но также и порождать дополнительные риски и условия для коррупционных действий. Международная политическая обстановка и санкции оказывают воздействие на экономику страны, усиливая коррупционные риски на различных уровнях управления. Острота проблемы коррупции в войсках подчеркивается стабильно растущими показателями о коррупционной преступности, что требует переосмысления методов противодействия и усиления уголовной ответственности.

Анализ психологических и социальных факторов, влияющих на рост коррупции в войсках национальной гвардии Российской Федерации, выявляет множество элементов, способствующих склонности к коррупционным проявлениям. Психологические элементы включают черты, такие как стремление к власти, алчность и слабость перед искушениями. Социальные факторы часто связаны с корпоративной культурой, где может существовать неформальное правило терпимости или даже поощрения коррупционных действий как среди руководства, так и среди подчиненных.

Исследования, выявляющие влияние социального окружения и устоявшихся норм в организации на коррупционное поведение, имеют также значение. Они показывают, что в условиях, где коррупция является обыденностью, новички в коллективе могут принимать и адаптироваться к таким действиям как к допустимому поведению, образуя тем самым непрерывный цикл коррупционных правонарушений. Данные выводы подтверждаются исследованиями, акцентирующими внимание на необходимости внедрения комплексных стратегий, нацеленных на модификацию корпоративной культуры и укрепление индивидуальной ответственности каждого военнослужащего и сотрудника.

Превентивные меры против коррупции среди военнослужащих акцентируются на воспитании антикоррупционного мировоззрения в армии, продолжаясь вплоть до завершения карьеры, при этом обучение сотрудников основам законодательства о борьбе с коррупцией и осведомленности о последствиях коррупционных действий для личного развития и национальной безопасности занимает центральное место в этом процессе. Развитие корпоративной культуры, построенной на принципах чести и законности, является другой важной составляющей превентивных усилий, где командиры всех степеней выступают активными участниками, демонстрируя соблюдение законов и норм поведения, тем самым укрепляя социальную ответственность и преданность службе.

Инициативы, направленные на устранение коррупции в войсках национальной гвардии, направлены на создание условий, где коррупционные правонарушения не только критикуются, но и активно пресекаются через образовательные программы, системы контроля и надзора, а также за счет примера, демонстрируемого высшим руководством. Успех в борьбе с коррупцией обеспечивается через взаимодействие всех уровней военного управления и личный вклад каждого военнослужащего. В Вооруженных силах Российской Федерации, а также других войсках и воинских формированиях, в которых предусмотрена военная служба, изолированность и закрытость способствует возникновению условий, благоприятных для коррупционных нарушений со стороны должностных лиц, особенно при недостаточной проверке их действий контролирующими органами и обществом.

В Вооруженных Силах, а также в войсках национальной гвардии Российской Федерации наиболее распространенными формами коррупционных нарушений считаются следующие:

- злоупотребление должностными полномочиями по статье 285 Уголовного кодекса РФ;
- нецелевое расходование бюджетных средств согласно статье 285.1 УК РФ;
- нецелевое расходование средств из государственных внебюджетных фондов по статье 285.2 УК РФ;
- превышение должностных полномочий по статье 286 УК РФ;
- получение взятки, описанное в статье 290 УК РФ;
- дача взятки по статье 291 УК РФ;
- участие в посредничестве во взяточничестве, зафиксированное в статье 291.1 УК РФ;
- служебный подлог, согласно статьи 292 УК РФ.

На графике ниже представлена динамика количества коррупционных преступлений в Вооруженных Силах РФ за период с 2010 по 2020 год. Из графика видно, что количество преступлений снижается с каждым годом, что может свидетельствовать об эффективности внедряемых антикоррупционных мер (График 1).

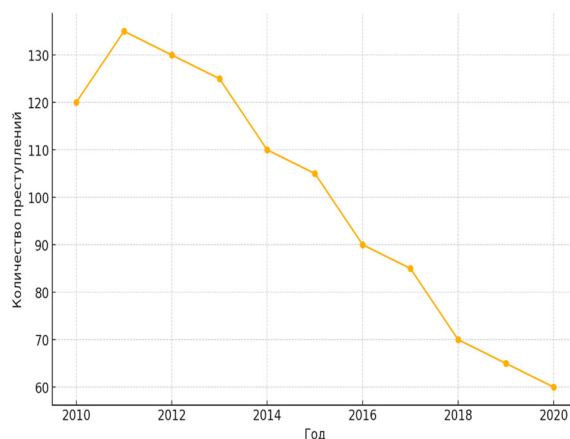

График 1 – Динамика коррупционных преступлений в Вооруженных силах РФ

Среди основных факторов, формирующих характеристики коррупционных процессов в Вооруженных Силах Российской Федерации и других силовых структурах, выделяются следующие элементы:

- 1) централизация управления и структурная иерархия;
- 2) ограничения в прозрачности и минимальный уровень общественного контроля;
- 3) комплексность и обширность государственных оборонных заказов;
- 4) значительная зависимость персонала от решений вышестоящих руководителей;
- 5) отсутствие достаточно эффективных систем контроля и воздействия в случаях коррупционных нарушений;
- 6) социально-психологические факторы, влияющие на поведение персонала.

Основными факторами, способствующими возникновению коррупции в армейских структурах, являются:

- уменьшение эффективности деятельности офицерского состава по предотвращению коррупционных правонарушений в подразделениях;
- отсутствие дисциплины среди военнослужащих, которые стремятся к нечестному приобретению материальных благ;
- снижение активности контрольных органов внутри ведомства, нерешительные действия комиссий по контролю за соблюдением служебных норм;
- неэффективность реализуемых мероприятий по укреплению дисциплины и предотвращению правонарушений, отсутствие комплексного подхода к управлению порядком [8].

Для эффективной профилактики и борьбы с коррупцией в войсках национальной гвардии рекомендуется принятие следующих мер:

- укрепление правовой основы через разработку и совершенствование детальных нормативных актов, устанавливающих четкие запреты и обязательства для военнослужащих, сопровождаемые строгими санкциями за нарушения;
- организация систематических образовательных мероприятий, включая семинары и тренировки по антикоррупционной тематике;
- создание механизмов для обеспечения прозрачности операций, особенно в сферах закупок и распределения ресурсов;
- внедрение систем независимого мониторинга и аудита, обеспечивающих регулярную проверку деятельности подразделений; подверженных коррупционным рискам
- разработка эффективной системы вознаграждений и санкций, которая мотивирует к соблюдению законности и строго наказывает за коррупционные действия;
- усиление общественного контроля через активное вовлечение гражданского населения в надзор за военными организациями.

Борьба с коррупцией в военных ведомствах разных государств включает множество мер и методик, доказавших свою эффективность на мировой арене. В Соединенных Штатах, к примеру, результативность антикоррупционных действий обеспечивается

через строгую законодательную базу, регламентирующую правила приема подарков государственными работниками и предусматривающую строгие меры воздействия за любые нарушения, тогда как в Сингапуре с 1952 года функционирует сложная система противодействия коррупционным действиям, включающая ряд законов, направленных на борьбу с коррупцией как в государственном, так и в частном секторах, и на изъятие незаконно нажитых средств, при этом государство активно задействует возможности медиа и механизмы общественного контроля для обеспечения высокого уровня открытости и прозрачности в действиях государственных структур.

Изучение опыта Китая, Южной Кореи и Сингапура показывает несколько моментов, которые могли бы быть адаптированы для России: в Китае уделено внимание строгим антикоррупционным законам и открытому освещению судебных процессов по коррупционным делам, в то время как Сингапур делает упор на прозрачность и активное вовлечение граждан в надзор за работой государственных органов.

Для успешной адаптации зарубежных методик в России критически важно придерживаться основ правового государства, включая разделение властей, неукоснительное преобладание закона и тщательное уважение прав и свобод личности.

Таким образом, важнейшим принципом борьбы с коррупцией является гласность и прозрачность деятельности военной организации государства. Необходимо привлечение к этой деятельности средств массовой информации, общественности и граждан, а также создание обстановки нетерпимости и осуждения любого факта проявления коррупции на всех уровнях.

Заключение

В заключение нашего анализа по профилактике коррупционных правонарушений среди личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации, следует выделить, что эффективность антикоррупционных усилий определяется не только целесообразностью в законодательном регулировании и усилении ответственности, но и требует многоаспектного подхода, который охватывает образовательные программы, культивирование корпоративных ценностей и активное включение общественности в контрольные процессы. Международный опыт показывает, что применение только законодательных мер недостаточно для коренного устранения коррупции, и подчеркивает необходимость внедрения системы прозрачного мониторинга и проверок, охватывающей все уровни иерархии, от высших до нижних эшелонов власти.

Профилактические меры против коррупции в военных ведомствах должны направляться на коррекцию восприятия коррупции как неприемлемого поведения, что стимулируется через образовательные программы правовой подготовки военнослужащих. Необходимость заключается в усилении функций военных командиров, которые должны служить об-

разцами нравственности, демонстрируя собственным примером недопустимость коррупционных правонарушений.

Признание того, что без активного вовлечения и поддержки со стороны общества, средств массовой информации и активной гражданской позиции эффективное противодействие коррупции невозможно, является фундаментальным.

Литература

1. Арутюнян, Т. И., Назарова, И. С., Шеншин, В. М. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 1 (270). С. 47–54.

2. Васин, М. В. Проблемы борьбы с коррупционной преступностью в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 48 (390). С. 202–204. URL: <https://moluch.ru/archive/390/85903/> (дата обращения: 30.10.2024).

3. Граненко, Е. В. Особенности правового положения войск национальной гвардии в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 264–266. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71485/> (дата обращения: 30.10.2024).

4. Дамм, И. А. Коррупция военнослужащих как предмет диссертационного исследования. Отзыв о диссертации А. А. Волкова // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-voennosluzhaschih-kak-predmet-dissertatsionnogo-issledovaniya-otzyv-o-dissertatsii-a-a-volkova> (дата обращения: 30.10.2024).

5. Ларионова, Д. Н. Этапы становления законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с коррупционными правонарушениями // Молодой ученый. 2024. № 5 (504). С. 273–275. URL: <https://moluch.ru/archive/504/111065/> (дата обращения: 30.10.2024).

6. Пилькевич, Б. О. Причины и условия возникновения и развития коррупционных проявлений в современном российском обществе // Молодой ученый. 2021. № 31 (373). С. 120–123. URL: <https://moluch.ru/archive/373/83392/> (дата обращения: 30.10.2024).

7. Снигирев, А. Л., Сахаров, И. Ю. Профилактика коррупционного поведения в сфере военной службы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 34–37. EDN CIOBRV.

8. Суховецкая, Е. Ю. Анализ коррупционных преступлений в воинских частях // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3 (8). С. 36–39.

9. Шакаров, А. О., Османов, М. М. Борьба с коррупцией в России на законодательном уровне // Образование и право. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiyey-v-rossii-na-zakonodatelnom-urovne> (дата обращения: 30.10.2024).

Prevention of corruption behavior in military servicemen of the national guard of the russian federation
Sukhovetskaya E.Yu.

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation

This article examines the multifaceted factors of corruption, focusing on its deep historical roots and contemporary manifestations, including penetration into military structures and state institutions. Based on an analysis of the theoretical foundations of corruption and the effectiveness of anti-corruption strategies, it examines how legislative and preventive measures can help combat this destructive phenomenon. It emphasizes the need for a comprehensive approach in prevention and education to minimize corrupt practices among civil servants.

Keywords: corruption, anti-corruption measures, state institutions, military structures, legislative initiatives, corruption prevention, historical context, anti-corruption strategies.

References

1. Arutyunyan, T. I., Nazarova, I. S., Shenshin, V. M. Official Websites of the FSB of Russia and the Russian National Guard as a Tool for Public Anti-Corruption Control (Comparative Legal Analysis) // Law in the Armed Forces. 2020. No. 1 (270). P. 47–54.
2. Vasin, M. V. Issues in Combating Corruption Crime in the Russian Federation // Young Scientist. 2021. No. 48 (390). P. 202–204. URL: <https://moluch.ru/archive/390/85903/> (accessed: 30.10.2024).
3. Granenko, E. V. Features of the Legal Status of the National Guard Troops in the National Security System of the Russian Federation // Young Scientist. 2020. No. 24 (314). P. 264–266. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71485/> (accessed: 30.10.2024).
4. Damm, I. A. Corruption Among Military Personnel as a Subject of Dissertation Research. Review of A. A. Volkov's Dissertation // Law and Order: History, Theory, Practice. 2021. No. 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-voennosluzhaschih-kak-predmet-dissertatsionnogo-issledovaniya-otzyv-o-dissertatsii-a-a-volkova> (accessed: 30.10.2024).
5. Larionova, D. N. Stages of the Formation of Legislation in the Russian Federation on Combating Corruption Offenses // Young Scientist. 2024. No. 5 (504). P. 273–275. URL: <https://moluch.ru/archive/504/111065/> (accessed: 30.10.2024).
6. Pilkevich, B. O. Causes and Conditions of the Emergence and Development of Corrupt Practices in Modern Russian Society // Young Scientist. 2021. No. 31 (373). P. 120–123. URL: <https://moluch.ru/archive/373/83392/> (accessed: 30.10.2024).
7. Snigirev, A. L., Sakharov, I. Yu. Prevention of Corrupt Behavior in the Military Service // Humanitarian Issues of Military Affairs. 2019. No. 3 (20). P. 34–37. EDN CIOBRV.
8. Sukhovetskaya, E. Yu. Analysis of Corruption Crimes in Military Units // Humanitarian Issues of Military Affairs. 2016. No. 3 (8). P. 36–39.
9. Shakarov, A. O., Osmanov, M. M. Combating Corruption in Russia at the Legislative Level // Education and Law. 2021. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiyey-v-rossii-na-zakonodatelnom-urovne> (accessed: 30.10.2024).

Проблемы конкуренции мотивов и целей при квалификации преступлений

Борисевич Михаил Михайлович

кандидат юридических наук, профессор, кафедра юриспруденции, Московский международный университет, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, кафедра юриспруденции, Московский международный университет, i.pyatkevich@yandex.ru

Ильина Татьяна Михайловна

аспирант, кафедра юриспруденции, Московский международный университет, saurinat@mail.ru

В данной статье рассматриваются мотивы и цели действий, включая преступные, которые требуют систематизации в теории и практике уголовного права. Мы в работе подчеркнули особенность многоуровневого анализа преступлений для правоприменительной деятельности, акцентируя внимание на этапах квалификации, начиная с анализа фактов и заканчивая правовым оформлением результатов. Исследование использует методику, основанную на законодательных актах и правоприменительной практике. В статье также обсуждаются сложности, возникающие в процессе квалификации, и необходимость регулярного обновления уголовно-правовой базы для адаптации к изменениям в обществе и законодательстве.

Ключевые слова: мотивы, цели, квалификация преступлений, уголовное право, правоприменение, законодательство, судебная практика, мотивационная структура.

Введение

В нашем исследовании анализируются мотивы и цели различных действий, в том числе преступных, которые проявляются в разнообразных формах и регулируются законами, подчеркивая неотложность их систематизации как в теории, так и на практике. Проблемы систематизации и определения критериев преступлений всегда остаются релевантными в области правоприменения и академических изысканий, поскольку они требуют многоуровневого анализа действий с учетом существующих норм уголовного права. Основываясь на нынешнем законодательстве, процесс этот включает ряд этапов: от анализа доказательств по делу и выбора соответствующего уголовно-правового положения до правового оформления итогов.

Наше исследование базируется на методике, включающей применение законодательных актов, анализ правоприменительной практики и академических источников, обеспечивающих систематизированный подход к рассмотрению и разрешению вопросов определения природы преступлений. Одним из существенных элементов становится раскрытие и толкование мотиваций и задач, лежащих в основе преступных поступков, что предполагает углубленное изучение как законодательных преобразований, так и социокультурных сдвигов в обществе.

Научная и практическая ценность нашего исследования является бесспорной, поскольку оно вносит вклад в оптимизацию правоприменительных процессов, усовершенствование законодательной структуры и, в результате, улучшение функционирования судебной системы.

Основная часть

Мотивы и цели, стоящие за действиями, включая преступления, обладают многообразием, что находит отражение в их законодательном оформлении, и это разнообразие признаков обуславливает необходимость их систематизации, обладающей как теоретическим, так и практическим значением.

Квалификация преступлений представляет собой многоступенчатый процесс правовой оценки совершенного деяния, который осуществляется на основании действующих норм уголовного права и включает в себя установление точного соответствия между обстоятельствами дела и признаками уголовного состава, что подразумевает последовательное выполнение нескольких этапов, начиная с анализа фактов дела, выбора соответствующей нормы уголовного права и завершая юридическим оформлением результатов квалификации [6].

Квалификация преступлений представляет собой процесс установления и юридического оформ-

ления точного соответствия между обстоятельствами, связанными с совершенным деянием, и признаками состава преступления, определенными уголовным законодательством, и этот процесс осуществляется уполномоченными государственными органами как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства в первой инстанции, а также в кассационном и надзорном производстве, при этом результаты квалификации фиксируются в правоприменительных документах, таких как обвинительное заключение, судебный приговор, определения кассационных и надзорных инстанций и других аналогичных актах [3].

Одним из основных этапов в процессе квалификации является разграничение смежных составов преступлений, что необходимо для установления наиболее точного соответствия деяния определенным нормам уголовного законодательства, и этот процесс включает в себя детальный анализ объекта, субъекта, а также объективной и субъективной стороны преступления, что позволяет точно установить, какое из смежных преступлений было совершено. Следует отметить, что в ходе квалификации могут возникать трудности, связанные с динамичным развитием общественных отношений, находящих под защитой уголовного права.

Процесс квалификации преступлений условно делится на три этапа, на первом из которых требуется полно и корректно установить фактические обстоятельства, имеющие значение для квалификации совершенного деяния, при этом эти обстоятельства конкретного дела систематизируются и группируются по четырем элементам состава преступления. На втором этапе квалификации происходит определение уголовно-правовой нормы или норм, которые описывают соответствующий состав преступления, при этом проверяется подлинность нормы, ее точный текст, а также действие нормы во времени и пространстве, в ходе чего выявляются все признаки состава преступления, указанные как в Особенной, так и в Общей части уголовного законодательства. Третий этап квалификации преступлений заключается в сопоставлении фактических обстоятельств совершенного деяния с признаками состава преступления, изложенными в выбранной норме, при этом по общему правилу сначала сопоставляются обстоятельства и признаки, относящиеся к объекту и объективной стороне преступления, а затем – обстоятельства и признаки, касающиеся субъекта и субъективной стороны преступления.

Различные подходы к определению характеристик преступлений в юридической науке неодинаковы и зависят от специфических обстоятельств каждого инцидента, а также от применимых законов уголовного кодекса. Существенным элементом квалификации является точная интерпретация этапа преступления и активной роли каждого участника в его осуществлении, которые требуют ссылок на соответствующие статьи УК РФ. Задача квалификации преступлений является важным фактором, закреп-

ленным в различных частях Уголовно-процессуального кодекса России и подчеркнут в решениях Пленума Верховного Суда РФ [2].

Существуют особенные правила оценки правонарушений, такие как правила оценки в случае недовершенного преступного действия, в случае совершения преступлений посредством совместных действий, в случае совершения нескольких преступлений и в случае конфликта уголовных норм. Конфликт уголовных норм имеет особое значение, когда одно действие подпадает под несколько уголовных норм, и в данном случае применяется та норма, которая наиболее точно отражает характер и обстоятельства преступления [7].

Важен принцип точности квалификации, который подразумевает определение конкретной уголовно-правовой нормы, четко описывающей совершенное деяние. Несоблюдение этого принципа может привести к ошибкам при квалификации, влияющим на правильность судебных решений.

В психологии конкуренция мотивов и целей изучается как взаимодействие различных стимулов, направляющих человека на определенные действия. Конкуренция мотивов возникает, когда несколько мотивов борются за преобладание в поведении человека, вызывая внутренние конфликты между ними.

Преступная цель представляет собой конечную цель, к которой стремится преступник, совершая противоправное деяние, и имеет временной характер, требующий ее реализации в определенных обстоятельствах. Она должна быть конкретной и достижимой, таким образом, чтобы воплотиться в реальные действия виновного. Важным компонентом вины является не только цель, но и мотив, иногда трудно различимые между собой. Они оба должны быть определены в случае совершения умышленных и неосторожных преступлений, чтобы исследовать мотивацию деяния и цель преступника. В случае легкомыслия преступника, цель может не распространяться на возможные негативные последствия, он может считать, что такие последствия не наступят. При этом целью в некоторых ситуациях легкомыслия является предвидение и предотвращение этих последствий [4].

Соперничество мотиваций часто связано с ключевыми категориями психологической мотивации, включая внутреннюю и внешнюю мотивацию. Внутренняя мотивация определяется действиями, совершаемыми из-за личной заинтересованности или удовлетворения, без внешних поощрений. Наоборот, внешняя мотивация направлена на получение внешних вознаграждений или избежание наказания. Противоречия могут возникнуть, когда личные интересы и внешние требования не совпадают.

В условиях конкуренции целей люди часто вынуждены делать выбор между разными направлениями деятельности, каждое из которых требует определенных ресурсов и времени. Особенно это заметно тогда, когда ресурсы ограничены, и уделение внимания одной цели может затруднить достижение других. В таких ситуациях конкуренция целей может

вызывать стресс, поэтому необходимо тщательно планировать и управлять приоритетами.

Существует два вида конкуренции мотивов. Во-первых, это борьба между мотивами, где один из них становится доминирующим и определяет итоговую квалификацию. Например, если преступнику отказывают в просьбе закурить, он может нанести смертельное ранение из мотива мести или хулиганства. Во-вторых, другой вид конкуренции мотивов подразумевает равноправное сосуществование мотивов без доминирования одного из них. В этом случае все мотивы отражаются в итоговой квалификации. Например, убийство при разбое может быть совершено из корыстного мотива, но также может быть обусловлено стремлением скрыть совершенное преступление. Квалификация должна учитывать оба эти мотива.

Следует отметить, что в конкуренции различных мотивов и целей преступления часто проявляется сложность, связанная с многослойностью и многофакторностью мотивов, которые могут охватывать как базовые, так и более высокие психологические потребности, такие как самореализация или стремление к познанию.

В Российской уголовной практике конкуренция мотивов и целей преступления играет ключевую роль при определении квалификации преступлений, особенно в случаях, когда дело включает моральные и психологические аспекты. Например, в одном из юридических случаев, рассмотренных судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, ошибка в оценке мотивов привела к пересмотру приговора. В этом специфическом случае лицо, изначально осужденное за сопротивление милиции, было признано действовавшим под воздействием неправомерного причинения боли, а не из протеста против законных требований полиции. Этот пример демонстрирует важность правильной оценки мотивов обвиняемого для обеспечения справедливого правосудия.

В другом случае из практики суда проявилась конкуренция мотивов в уголовном деле о причинении тяжких телесных повреждений и убийстве. Женщина, подвергшаяся избиению и действовавшая под влиянием сильных эмоций, была осуждена за превышение разумной обороны, несмотря на наличие оправдывающих обстоятельств. Верховный Суд РСФСР, рассмотревший дело, отменил приговор и указал на то, что действия женщины не были вызваны предвзятостью, а были результатом стрессового состояния, что смягчило ее уголовную ответственность.

При анализе доминирующего мотива или цели важно учитывать следующее [5]:

1) Факультативный характер мотива и цели является основным в уголовном праве России, где они могут выступать в роли смягчающих или отягчающих обстоятельств при квалификации преступления, хотя не всегда обязательны. Например, преступления, совершенные по мотивам сострадания, могут рассматриваться как смягчающее обстоятельство, в то время как преступления, совершенные из ненависти, могут усугубить ответственность.

2) Мотивы и цели напрямую влияют на квалификацию преступления, их указание в диспозиции статьи Уголовного кодекса делает их определяющими факторами при классификации преступления. В случае непредусмотренности их конкретной статьей, их наличие или отсутствие не оказывает прямого влияния на квалификацию деяния.

3) Доказательственное значение мотива и цели заключается в их способности помочь установить причины и обстоятельства преступления. Суду необходимо убедиться, что действия преступника соответствовали его внутренним побуждениям, отраженным в мотивах и целях.

4) Определение доминирующего мотива может быть сложным из-за возможной конкуренции между различными мотивами, действующими одновременно. В таких ситуациях требуется тщательный анализ обстоятельств дела и личности преступника, чтобы определить, какой мотив имел решающее значение для совершения преступления.

Мотивы и цели представляют собой факультативные признаки субъективной стороны преступления, которые оказывают влияние на доказательственную базу, поскольку позволяют прояснить психологическое состояние правонарушителя и его намерения в момент совершения преступления, а данные элементы могут применяться как для снижения, так и для увеличения наказания в зависимости от особенностей и обстоятельств совершенного деяния.

Применение мотивов и целей в судебной практике сталкивается с множеством трудностей, особенно в тех случаях, когда данные психологические характеристики не закреплены в нормативных актах, что затрудняет установление наличия конкретного мотива или цели, если они не проявляются явно или если наблюдаются несоответствия между объективными доказательствами и показаниями обвиняемого, при этом сложности могут возникать также в ситуациях, когда законодательство определяет определённые мотивы и цели как квалифицирующие или отягчающие обстоятельства.

Неоднозначность мотивов и целей, которые лежат в основе совершенных деяний, способна существенно усложнить процесс принятия судебных решений и, как следствие, оказать влияние на справедливость правосудия, поскольку в уголовном судопроизводстве остаются актуальными требования к законности, обоснованности и мотивированности судебных решений, что прямо указано в статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и сложные для интерпретации мотивы могут затруднить понимание этих требований, так как каждое судебное решение должно быть тщательно обосновано и соответствовать нормам закона.

Справедливость судебных решений оценивается через их соответствие основным правовым принципам и уровень удовлетворенности участников процесса, что подтверждается проведенными исследованиями в данной области, поскольку неоднозначные мотивы оказывают влияние на справедливость, создавая различия в перечне требований для раз-

личных категорий судебных решений, что усложняет достижение единого стандарта справедливости, и эта проблема активно обсуждается в рамках анализа того, каким образом уголовно-процессуальное законодательство должно регулировать обоснованность и справедливость судебных решений с учетом сложности оценки мотивов и целей [1].

Наличие неоднозначных мотивов способно привести к субъективной интерпретации судьями законности и обоснованности своих решений, что в свою очередь отражается на общественном восприятии справедливости судебной системы, и правоведа, включая председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина, акцентируют внимание на необходимости обеспечения справедливых судебных решений, которые должны основываться на четко определенных и понятных критериях, чтобы поддерживать доверие к правосудию, при этом, несмотря на различия в определении мотива, предложенного различными авторами, его содержание раскрывается через такие понятия, как побуждение, побуждающая причина, внутреннее побуждение и субъективная необходимость действия, что позволяет сделать вывод о том, что мотив в психологии трактуется как функция, выполняемая индивиду в его поведении, и эта характеристика противоправного действия представляется наиболее значимой для квалификации преступного деяния.

В рамках нашего исследования мы разработали таблицу, которая систематизирует и подробно иллюстрирует различные этапы и элементы квалификации преступлений. Эта таблица (см. Таблица 1 ниже) структурировано отображает информацию, выделяя основные этапы процесса, релевантные компоненты состава преступления, а также обозначает типичные сложности и ключевые аспекты, требующие особого внимания при квалификации:

Таблица 1
Основные этапы и элементы в процессе квалификации преступлений

Этапы квалификации	Элементы состава преступления	Проблемы в квалификации	Ключевые аспекты для оценки мотивов
Установление фактов совершенного деяния	Объект	Неоднозначность мотивов и целей	Факультативный характер мотива и цели
Выбор соответствующей уголовно-правовой нормы	Субъект	Конкуренция мотивов и уголовно-правовых норм	Влияние на квалификацию
Сопоставление обстоятельств деяния с признаками преступления	Объективная сторона	Специфика современных преступлений	Доказательственное значение
	Субъективная сторона		Сложность определения доминирующего мотива

Для достижения большей объективности и справедливости в квалификации преступлений научные

исследования и практические рекомендации акцентируют внимание на необходимости реализации ряда усовершенствований в действующей системе, одно из направлений которых заключается в уточнении и конкретизации уголовно-правовых норм, что позволит избежать множественности интерпретаций одного и того же правового положения, при этом важно различать случаи конкуренции уголовно-правовых норм и идеальную совокупность преступлений.

Обращается внимание на необходимость глубокого анализа доказательств и обстоятельств, при которых было совершено преступление, а также предлагается усиление значимости доказательственной базы и аргументации при вынесении судебных решений, поскольку правильная квалификация преступления должна сопровождаться четкими и логически обоснованными выводами. С учетом сложности современных преступлений выдвигается предложение о разработке новых подходов к квалификации, особенно в отношении преступлений, совершенных в составе преступных сообществ или организаций.

Заключение

Правовая природа мотива и цели преступления в уголовном праве раскрывается через их воздействие на квалификацию преступлений и назначение наказания, при этом мотив представляет собой внутреннее побуждение, побуждающее к совершению преступления и обусловленное определёнными потребностями, тогда как цель обозначает предполагаемый результат, к которому стремится преступник, и в уголовном законодательстве мотив и цель могут рассматриваться как обязательные элементы состава преступления, указанные в статьях Уголовного кодекса, или как смягчающие либо отягчающие обстоятельства, если они не предусмотрены законом в качестве обязательных элементов.

На протяжении исследования были рассмотрены ключевые этапы и методики анализа, которые необходимы для адекватной квалификации деяний с учетом их мотивов и целей, поскольку глубокое понимание мотивационной структуры преступлений обуславливает обеспечение справедливости и законности в правоприменительной практике. Работа акцентирует внимание на точности и объективности квалификации, так как это непосредственно сказывается на судебном решении и его справедливости, в то время как особое внимание уделено необходимости регулярного обновления уголовно-правовой базы и методологических подходов к анализу преступлений в соответствии с изменениями в социальных отношениях и законодательной сфере.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в развитие уголовно-правовой науки, предоставляя основу для дальнейших исследований и практических улучшений в области квалификации преступлений.

Литература

1. Борисевич, М. М. Проблема конкуренции мотивов и целей при квалификации преступлений / М. М.

Борисевич // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 декабря 2020 года. Том Часть 2. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2020. – С. 185-191. – EDN TEHLZJ.

2. Гитинова, М. М., Шамхалов, К. Н. К вопросу о принципах квалификации преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-printsipah-kvalifikatsii-prestupleniy> (дата обращения: 01.11.2024).

3. Жумажанова, Ж. А. Классификация преступлений и проблемы квалификации // Вестник науки. 2021. № 12 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prestupleniy-i-problemy-kvalifikatsii> (дата обращения: 01.11.2024).

4. Муромцев, А. М. К вопросу об уголовно-правовой оценке неосторожной формы вины // Наука. Общество. Государство. 2020. № 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ugolovno-pravovoy-otsenke-neostorozhnoy-formy-viny> (дата обращения: 01.11.2024).

5. Шарифова, И. Э. Мотив и цель преступления: понятие и их влияние на квалификацию преступлений / И. Э. Шарифова // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С. 588-591. URL: <https://moluch.ru/archive/446/98091/> (дата обращения: 01.11.2024).

6. Юматов, С. В. Квалификация преступлений как основание формирования общих версий // Приволжский научный вестник. 2014. № 3-2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-kak-osnovanie-formirovaniya-obshchih-versiy> (дата обращения: 01.11.2024).

7. Ярошук, М. В. Правила квалификации преступлений и их реализация в правоприменительной практике / М. В. Ярошук // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 390-393. URL: <https://moluch.ru/archive/260/59892/> (дата обращения: 01.11.2024).

Problems of competition of motives and goals in the classification of crimes

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N., Ilyina T.M.

Moscow International University

This article examines the motives and purposes of actions, including criminal ones, which require systematization in the theory and practice of criminal law. In our work, we emphasized the peculiarity of multi-level analysis of crimes for law enforcement activities, focusing on the stages of qualification, starting with the analysis of facts and ending with the legal registration of the results. The study uses a methodology based on legislative acts and law enforcement practice. The article also discusses the difficulties that arise in the qualification process and the need for regular updating of the criminal law framework to adapt to changes in society and legislation.

Keywords: motives, goals, classification of crimes, criminal law, law enforcement, legislation, judicial practice, motivational structure.

References

1. Borisovich, M. M. The Problem of Competition of Motives and Goals in the Qualification of Crimes / M. M. Borisovich // NEW SCIENCE: HISTORY OF FORMATION, MODERN STATE, PROSPECTS FOR DEVELOPMENT: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, December 25, 2020. Vol. Part 2. – Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2020. – Pp. 185-191. – EDN TEHLZJ.
2. Gitinova, M. M., Shamkhalov, K. N. On the Principles of Qualification of Crimes // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2021. No. 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-printsipah-kvalifikatsii-prestupleniy> (accessed: November 1, 2024).
3. Jumazhanova, Z. A. Classification of Crimes and Problems of Qualification // Bulletin of Science. 2021. No. 12 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prestupleniy-i-problemy-kvalifikatsii> (accessed: November 1, 2024).
4. Muromtsev, A. M. On the Criminal-Legal Assessment of the Unintentional Form of Guilt // Science. Society. State. 2020. No. 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ugolovno-pravovoy-otsenke-neostorozhnoy-formy-viny> (accessed: November 1, 2024).
5. Sharifova, I. E. Motive and Goal of the Crime: Concept and Their Influence on the Qualification of Crimes / I. E. Sharifova // Young Scientist. 2022. No. 51 (446). Pp. 588-591. URL: <https://moluch.ru/archive/446/98091/> (accessed: November 1, 2024).
6. Yumatov, S. V. Qualification of Crimes as the Basis for Forming General Versions // Privolzhsky Scientific Herald. 2014. No. 3-2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-kak-osnovanie-formirovaniya-obshchih-versiy> (accessed: November 1, 2024).
7. Yaroshuk, M. V. Rules of Qualification of Crimes and Their Implementation in Law Enforcement Practice / M. V. Yaroshuk // Young Scientist. 2019. No. 22 (260). Pp. 390-393. URL: <https://moluch.ru/archive/260/59892/> (accessed: November 1, 2024).

Влияние реформ, проведенных в период с 2007 по 2011 годы, на систему правоохранительных органов и полномочия прокурора в уголовном процессе

Жохова Наталья Александровна

Студент магистратуры Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, nata.zhoxova.02@mail.ru

В данной статье исследуется влияние реформ, проведенных в период с 2007 по 2011 годы, на систему правоохранительных органов Российской Федерации и, в частности, на полномочия прокурора в уголовном процессе. В начале статьи рассматриваются предпосылки к проведению реформ, включая необходимость повышения эффективности уголовного судопроизводства, улучшения качества расследований и снижения нагрузки на прокуратуру. Обсуждаются как положительные, так и отрицательные аспекты изменений: упрощение некоторых процессов, однако, сопряженное с ограничением оперативности прокурора в реагировании на выявленные нарушения. В заключение статьи подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования системы уголовного преследования и взаимодействия между прокурорами и следственными органами. Статья предоставляет полезную информацию для исследователей, адвокатов и других специалистов, заинтересованных в улучшении процесса уголовного преследования и реформировании прокурорской системы.

Цель: выявление влияния реформы органов прокуратуры на систему правоохранительных органов и надзорные полномочия прокуроров, эффективности реагирования на нарушения закона и изблечения лиц, виновных в совершении преступления в пореформенный период.

Результаты: реформы 2007-2011 гг. повлияли на систему правоохранительных органов (путем создания Следственного комитета РФ), а также на перераспределение полномочий между прокурором и новым участником уголовного процесса – руководителем следственного органа.

Выводы: исследование подтверждает неоднозначность результатов реформы, благодаря которым значительно усложнились процедуры реагирования на нарушения закона и изблечения лиц, виновных в совершении преступления, но при этом система правоохранительных органов стала более независимой и разделенной по функционалу.

Ключевые слова: прокурор, следователь, реформа, надзорная функция, прокуратура, Следственный комитет, возбуждение уголовных дел.

Следственные ведомства были образованы еще при Петре Первом, при этом они были процессуально обособлены от иных органов, следственные канцелярии починались непосредственно главе государства, однако главной причиной упразднения канцелярий явилось то, что не все дела входили в круг их подсудности.

Лишь к концу XVIII в. наметилась тенденция к рационализации следствия, так как следствие, после смерти Петра Первого, осуществлялось различными органами и весьма хаотично, возникла необходимость выделить формы расследования в зависимости от степени общественной опасности преступления (предварительное следствие, следствие формальное).

Судебной реформой Александра Второго, был введен институт судебных следователей. В постреволюционный период он был упразднен. 3 сентября 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР» следственный аппарат был передан в полное распоряжение прокуратуры. [9]

Однако, концепция самостоятельности следствия видится наиболее эффективной и приемлемой обществом по ряду причин:

1. Независимость: уменьшение влияния иных ведомств на следственные действия, что должно способствовать более объективному и беспристрастному расследованию.

2. Специализация: создание отдельного следственного органа дает возможность сосредоточиться на расследовании уголовных дел, что способствует улучшению профессиональных навыков следователей и повышению качества расследований.

3. Организационная самостоятельность: структурная обособленность следственного органа позволяет создать систему, направленную на реализацию конкретных узких функций, а также эффективно распределять задачи и ресурсы.

4. Улучшение качества расследований: самостоятельность следствия позволяет сосредоточиться на реализации функций, которые преследуют цель достижения истины при расследовании, а не иных, возложенных, например, на прокуратуру, тем самым повышается оперативность и качество расследований, с одной стороны, с другой стороны повышается эффективность выполнения надзорных функций прокуратурой.

5. Упрощение структуры: разделение функций следствия и иных ведомств упрощает структуру пра-

воохранительных органов, сделав ее более понятной для граждан и более эффективной в межведомственном взаимодействии.

6. Общественное доверие: Разделение функций может помочь повысить доверие граждан к правоохранительной системе, так как следственные органы становятся менее зависимыми от прокуратуры. [9]

Исходя из анализа, изменения требовались еще до утверждения Уголовно-процессуального кодекса РФ. Переходный период ограничивал возможности вносить существенные изменения в действующую систему. По словам Остриковой В.В., среди целей реформ особо отмечается: увеличение самостоятельности следственных органов, обособление их от надзора. [7, с.244]

Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» был подписан 28 декабря 2010 года. 15 января 2011 является днем образования СК РФ-самостоятельного следственного ведомства в структуре правоохранительных органов, так как в этот день ФЗ вступил в силу. Однако, отделение следствия от прокуратуры началось намного ранее.

В 2007 году были внесены существенные изменения в УПК РФ и закон "О прокуратуре Российской Федерации" (ФЗ от 05.06.2007 N 87-ФЗ) для достижения заявленных целей. [3] Однако эти изменения не касались функций прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса (надзор и уголовное преследование), а затрагивали их осуществление при помощи полномочий. В частности, были упразднены такие полномочия, как: независимое возбуждение уголовных дел, согласие дознавателя и следователя на возбуждение дел, продление сроков следствия, участие в расследовании путем дачи письменных указаний, личного производства процессуальных действий, поручений органам дознания о производстве таких действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий, выдача письменных указаний о направлениях и действиях, а также возможность приостановления и прекращения дел. [1] [2]

Прокурор, занимая важное место в процессе уголовного преследования, не был лишен своей полномочий односторонне. Вместо этого, в результате изменений в УПК РФ, ему были предоставлены новые актуальные полномочия, описанные в статье 37. К ним относится возможность выносить обоснованные постановления о передаче материалов в следствие или органы дознания для разрешения вопросов уголовного преследования, выдавать письменные указания дознавателям, а также контролировать законность решений следователей об отказе в возбуждении уголовных дел. [8, с.40]

Одним из наиболее важных утраченных полномочий стало право инициировать уголовное преследование. Многие ученые, включая С.А. Дмитриенко, подчеркивают его значимость, даже при разделении функций следствия и надзора. В настоящее время процедуры стали более сложными: решение о возбуждении уголовного дела по фактам, обнаружен-

ным прокурором, теперь принимают другие участники уголовного процесса. Теперь прокурор не имеет возможности самостоятельно возбудить уголовное дело по выявленным нарушениям. При этом ему приходится отменять незаконные или необоснованные решения о отказе в возбуждении дел, что можно было бы избежать, если бы у него было право самостоятельно принимать подобные решения. [5, с.210]

Эта ситуация становится еще более сложной из-за того, что уголовные дела с высоким уровнем общественной опасности подвергаются сложным формальностям, что может уменьшить эффективность предварительного расследования и увеличить вероятность повторения преступлений до принятия окончательного решения о возбуждении дела. В этой связи имеет смысл предоставить прокурору полномочия возбуждать уголовные дела при обнаружении нарушений закона, а также по наиболее общественно-опасным категориям дел или в отношении конкретных лиц.

Следовательно, когда прокурор выявляет нарушение в процессе надзорной работы, ему не предоставляется прямого способа реагирования. Существующее положение, касающееся направления результатов проверки в соответствующие органы, не гарантирует возбуждение уголовного дела.

Поэтому необходимость вернуть прокурору полномочия по возбуждению уголовных дел следует рассматривать не как средство осуществления уголовного преследования, а как ответное действие прокуратуры, вытекающее из результатов надзорной деятельности.

Еще одним дискуссионным вопросом является отсутствие в настоящее время у прокурора полномочия давать обязательные письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий, поскольку это приводит в некоторых случаях к нарушению принципа процессуальной экономии. Складывается ситуация, при которой прокурор при получении, например, об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении от следователя, которое является незаконным и необоснованным, отменяется постановлением прокурора в котором соответственно указываются основания такой отмены с указанием того, что не было произведено при проверке сообщения о преступлении или при расследовании. При этом если при принятии таких решений следователем повторно, процессуальные действия выполнены не будут, постановления будут вновь отменены прокурором. [4] Если бы прокурор имел возможность давать указания хотя бы рекомендательного характера в процессе, до вынесения постановлений, их отмены, зачастую, можно было бы избежать. Другой стороной медали является сложность организации подобных процедур, поскольку органы обособлены и не имеют возможностей для такого взаимодействия, так как для дачи указаний необходимо иметь доступ к деятельности следователей. Многие считают, что для решения этой проблемы и существует руководитель следственного органа, которому был передан ряд полномочий прокурора.

При анализе полномочий прокурора в период до реформ и в наше время выявляются несколько ключевых аспектов:

1. Отделение Следственного комитета Российской Федерации: Самостоятельным органом стал Следственный комитет, отделившись от прокуратуры.

2. Передача полномочий: Руководителю следственного органа были переданы полномочия прокурора в отношении следователей.

3. Надзорные полномочия: Прокурор продолжает осуществлять надзор за деятельностью всех органов, осуществляющих предварительного расследования и оперативно-розыскную деятельность.

4. Процессуальная деятельность: Полномочия по руководству процессуальной деятельностью сохранились лишь в отношении органов дознания, что усложняет их обособление от надзорных.

Можно отметить, что цель реформы, направленной на разделение следствия и надзора, была достигнута лишь отчасти. Прокурор все еще осуществляет полномочия по уголовному преследованию, но большинство из них касается и надзорной деятельности. Это затрудняет четкое разграничение одной задачи от другой. Кроме того, надзор над деятельностью органов предварительного расследования на этапе досудебного производства усложнился из-за появления нового участника - руководителя следственного органа, что создает дополнительные проблемы для прокурора.

Несмотря на то, что прокурор выступает в роли субъекта уголовного преследования, его полномочия на предварительных стадиях осуществляются косвенно через воздействие на других участников процесса. В литературе часто отмечается, что прокурор руководит предварительным расследованием, однако эта функция ограничена органами дознания. По отношению к другим участникам он утратил полномочия руководства.

Как правильно указывает Коршунова А.М., прокурор теперь контролирует деятельность, в которой сам активно участвует. Поскольку прокурор сохранил большое количество полномочий в отношении органов дознания. [6, с. 36]

Важно отметить, что результатами реформы явились только негативные последствия. Выделение следственных органов помогло уменьшить нагрузку на прокуратуру и повысить эффективность расследования за счет их структурной независимости и отмены необходимости согласования действий с другими ведомствами.

Подводя итоги исследования, стоит подчеркнуть, что в уголовном судопроизводстве прокурор теперь осуществляет надзор за процессом дознания и предварительного следствия. Этот процесс включает установление обязательных требований, отмену необоснованных действий и защиту прав граждан. Однако по завершении досудебных производств прокурор становится участником состязательного процесса и не занимается надзором.

В пореформенный период важнейшим направлением деятельности прокурора стал надзор, в то время как уголовное преследование утратило свою

первоочередную значимость после создания Следственного комитета РФ.

Реформы, проведенные с 2007 по 2011 годы, позитивно сказались на надзорных полномочиях прокурора. Укрепление контроля, независимости и роли прокурора в обществе способствовали более эффективному и справедливому применению закона. Важно продолжать работу над улучшением системы надзора и защиты прав граждан, чтобы общество могло быть защищено от преступности и коррупции.

Литература

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023)
2. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202-1: (ред. от 24.07.2023)
3. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"
4. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 N 544 (ред. от 22.02.2023) "Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия"
5. Блинова-Сычкарь Ирина Владимировна, Дмитриенко Сергей Александрович, Кравцова Оксана Васильевна Изменение в законодательстве (период с 2007 по 2017 года) об участии прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №7.
6. Коршунова А.М. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия // Мировая наука. 2018. №8 (17). С. 35-41.
7. Острикова, В. В. Анализ реформ органов прокуратуры и Следственного комитета в 2007-2011 гг / В. В. Острикова // Ростовский научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 241-250.
8. Тетюев С.В., Буглаева Е.А. О новых полномочиях прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2010. – № 1. – С. 40-43.
9. История создания Следственного комитета Российской Федерации и его современный правовой статус // Центральное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации: официальный сайт. – 2024. – URL: <https://psut.sledcom.ru/folder/875283>

The impact of reforms carried out between 2007 and 2011 on the law enforcement system and the powers of the prosecutor in criminal proceedings.

Zhokhova N.A.

National Research Tomsk State University

This article examines the impact of the reforms carried out between 2007 and 2011 on the law enforcement system of the Russian Federation and, in particular, on the powers of the prosecutor in criminal proceedings. The article begins by examining the prerequisites for the reforms, including the need to increase the efficiency of criminal proceedings, improve the quality of investigations and reduce the workload of the prosecutor's office. Both positive and negative aspects of the changes are discussed: simplification of some processes, however, associated with limitations in the prosecutor's

ability to respond to identified violations. The article concludes by emphasizing the need for further improvement of the criminal prosecution system and interaction between prosecutors and investigative bodies. The article provides useful information for researchers, lawyers and other professionals interested in improving the criminal prosecution process and reforming the prosecutor's system.

Objective: to identify the impact of the prosecutor's office reform on the law enforcement system and the supervisory powers of prosecutors, the effectiveness of responding to violations of the law and exposing persons guilty of committing a crime in the post-reform period.

Findings: the 2007-2011 reforms influenced the law enforcement system (by creating the Investigative Committee of the Russian Federation), as well as the redistribution of powers between the prosecutor and a new participant in the criminal process - the head of the investigative body.

Conclusions: the study confirms the ambiguity of the results of the reform, which significantly complicated the procedures for responding to violations of the law and exposing persons guilty of committing a crime, but at the same time the law enforcement system became more independent and divided by functionality.

Keywords: prosecutor, investigator, reform, oversight function, prosecutor's office, Investigative Committee, initiation of criminal cases.

References

1. "Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 02.11.2023)
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" of 17.01.1992 N 2202-1: (as amended on 24.07.2023)
3. Federal Law of 05.06.2007 N 87-FZ (as amended on 22.12.2014) "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
4. Order of the Prosecutor General's Office of Russia of 17.09.2021 N 544 (as amended on 22.02.2023) "On the Organization of Prosecutor's Supervision over the Procedural Activities of Preliminary Investigation Bodies"
5. Blinova-Sychkar Irina Vladimirovna, Dmitrienko Sergey Aleksandrovich, Kravtsova Oksana Vasilievna Changes in legislation (period from 2007 to 2017) on the participation of the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 7.
6. Korshunova A.M. Powers of the prosecutor to supervise the procedural activities of the inquiry and preliminary investigation bodies // World Science. 2018. No. 8 (17). P. 35-41.
7. Ostrikova, V.V. Analysis of reforms of the prosecutor's office and the Investigative Committee in 2007-2011 / V.V. Ostrikova // Rostov Scientific Journal. - 2018. - No. 1. - P. 241-250.
8. Tetyuev S.V., Buglaeva E.A. On the new powers of the prosecutor in pre-trial proceedings // Russian Justice. - M.: Jurist, 2010. - No. 1. - P. 40-43.
9. The history of the creation of the Investigative Committee of the Russian Federation and its modern legal status // Central Interregional Investigative Department for Transport of the Investigative Committee of the Russian Federation: official website. - 2024. - URL: <https://psut.sledcom.ru/folder/875283>

Гарантии прав участников уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях

Михайлов Петр Игоревич

аспирант, ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

В статье рассматриваются вопросы обеспечения безопасности жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях, а также пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовному делу в таких условиях.

Цель: выработка предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальный закон, направленных на повышение эффективности функционирования системы уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях.

Методология: использовались формально-юридический и статистический методы.

Результаты: в статье рассмотрены вопросы соблюдения и гарантии прав участников уголовного судопроизводства при производстве по уголовному делу в условиях чрезвычайных обстоятельств, рассмотрены проблемные аспекты правоприменительной практики по анализируемому вопросу на примере конкретных ситуаций. Автором сделан вывод об отсутствии специального правового регулирования уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях, предложены изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, направленные на преодоление обозначенных проблем, а также сделан вывод о необходимости разработки специального правового режима расследования в чрезвычайных условиях.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, гарантии прав и свобод человека и гражданина в чрезвычайной ситуации, производство по уголовному делу в чрезвычайной ситуации.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Одним из основополагающих, конституционных принципов, гарантирующих соблюдение приведенного положения, является принцип уважения чести и достоинства личности, соблюдения и гарантии прав и свобод человека и гражданина, в том числе и при производстве по уголовному делу [1].

В науке уголовного процесса под принципами принято понимать законодательно закрепленные основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность, характер, выражающие его демократизм и гуманизм, являющиеся его «несущей конструкцией» [2, с. 54].

Закрепленный в статье 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ вышеназванный принцип, раскрыт и конкретизирован во многих статьях УПК РФ - при производстве следственных действий не допускается создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц; при получении образцов для сравнительного исследования не допускается применение методов, опасных для жизни и здоровья человека; обыск в жилище, производство иных определенных следственных действий и применение некоторых мер пресечения возможны только на основании судебного решения и другие аналогичные положения.

Названный принцип уголовного судопроизводства тесно взаимосвязан с принципом законности, исходя из содержания которого производство по уголовному делу должно осуществляться в строгом соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом.

Но возможно ли в полной мере гарантировать права и свободы человека в условиях производства по уголовному делу в чрезвычайных обстоятельствах различного характера?

Необходимо отметить, что автором категория «чрезвычайные обстоятельства» рассматривается как универсальный термин, включающий в себя как существующие особые правовые режимы, так и иную критическую обстановку, возникшую в результате различных событий природного и техногенного характера.

Представляется неоспоримым тот факт, что зачастую в чрезвычайных условиях государство по объективным причинам не способно контролировать сложившуюся ситуацию и в полной мере обеспечивать безопасность участников процесса.

Вместе с тем, фиксация следов преступления и сбор доказательств являются крайне важной задачей, ввиду сложности обстановки, а также наличия реальной опасности их скорой утраты.

Действующее законодательство не предусматривает специального регулирования уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях, однако, происходящие сегодня события явно указывают на необходимость такого регулирования [3].

В этой связи возникает крайне важный вопрос, включающий в себя две составляющих - общегуманитарную и уголовно-процессуальную. Во-первых - каким образом осуществлять уголовное судопроизводство в чрезвычайных условиях, чтобы обеспечить безопасность жизни и здоровья его участников? Во-вторых - как при этом не допустить нарушения принципа законности при производстве по уголовному делу в условиях введения таких ограничений?

Анализ научной и учебной литературы в обозначенной сфере, также как и действующего законодательства, показывает, что рассматриваемому вопросу какого-либо внимания практически не уделяется.

При этом очевидно, что любое преступление, совершенное в условиях чрезвычайной ситуации, несет собой повышенную общественную опасность и требует должного расследования.

Например, С.В. Маликов справедливо отмечает, что в систему правового обеспечения расследования преступлений в боевой обстановке необходимо включить дополнительные нормативные предпосылки расследования, особый правовой режим работы, некоторые особенности уголовно-процессуального порядка расследования [4], с чем в полной мере автор настоящей работы полагает необходимым согласиться.

Вышеуказанное свидетельствует, что для эффективного производства предварительного расследования уголовного дела в чрезвычайных условиях требуются специальные, особые правовые механизмы, выраженные, очевидно, специальным правовым режимом расследования, который с одной стороны позволит своевременно зафиксировать следы преступления и в достаточном объеме для направления дела в суд сформировать доказательственную базу по нему, а с другой стороны минимизирует риски нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Важность поставленного вопроса в полной мере подтверждается событиями, происходящими в нашей повседневной жизни.

Одним из примеров, в которых создается «особая» (чрезвычайная) обстановка, влекущая невозможность обычного производства по уголовному делу являются природные пожары, которые ежегодно охватывают значительную часть территории РФ. К этой же категории чрезвычайных обстоятельств можно отнести наводнения, землетрясения и иные аналогичные события.

Так, по информации официального сайта Федерального агентства лесного хозяйства за 2022 года (по состоянию на 14.12.2022) количество пожаров только лишь на землях лесного фонда составило 11 816, а общая площадь, пройденная огнем, составляет не менее 4,6 млн гектаров [5].

Очевидно, что преступления, совершаемые при изложенных обстоятельствах и их следы, требуют незамедлительной фиксации, так как могут быть уничтожены обстоятельством непреодолимой силы - пожаром, водой, разрушением строений и различными другими природными явлениями.

Схожие условия складываются и в условиях ведения боевых действий, когда постоянно существует риск уничтожения следов преступления, а также потери территорий, на которых были совершены преступления либо невозможности производства на этих территориях следственных и иных процессуальных действий по другим причинам.

Причем в условиях, например, природных пожаров и других подобных событий могут совершаться как преступления общеуголовной направленности, так и различные экономические, а также коррупционные и должностные преступления, связанные с попыткой некоторых должностных и иных лиц скрыть другие преступления, например, хищения.

Так, по сообщению официального представителя Генеральной прокуратуры РФ, размещенном на интернет-портале агентства «Риа Новости» следует, что в ходе прокурорских проверок в Иркутской области выявлены факты умышленного поджога лесов с целью сокрытия незаконных вырубок [6].

Как уже было отмечено, все изложенные факты требуют своевременной фиксации и подлежат уголовно-правовой оценке, при этом очевидно, что любая уголовно-процессуальная деятельность в таких условиях создает угрозу для жизни и здоровья её субъектов, в связи с чем, необходимо предусмотреть правовые средства, способствующие минимизации таких угроз.

Еще одним примером неэффективности действующего уголовно-процессуального закона в необычных (критических) условиях жизнедеятельности общества явилась пандемия коронавирусной инфекции.

Начиная с апреля 2020 года общемировая пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) породила множество различных проблем в правоприменительной практике уголовного процесса и вскрыла значительные пробелы в регулировании отрасли.

В целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения с связи с распространением коронавирусной инфекции принят ряд различных нормативных-правовых актов, предусматривающих некоторые ограничения прав и свобод человека и гражданина, установлен особый порядок передвижения лиц и транспортных средств [7].

По сведениям официального сайта Правительства РФ «стопкоронавирус.рф» по состоянию на 31.03.2020 ограничительные меры были введены в 27 регионах, в том числе Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и других субъектах. Введенный режим самоизоляции позволял покинуть место жительства лишь в специально предусмотренных случаях: получение медицинской помощи; наличие угрозы жизни и здоровью; поездка на работу; поход в магазин, выгул домашних животных и вынос мусора [8].

Таким образом в сложившейся обстановке возникла двойственная ситуация, когда с одной стороны официального правового запрета на осуществление уголовного судопроизводства, либо введение каких-либо ограничений в его процесс нет, однако, фактически выполнение многих мероприятий невозможно.

В связи с изложенным, по уголовным делам, по которым установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых и в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, остро встал вопрос соблюдения процессуальных сроков.

Правоприменительная практика сложилась таким образом, что по значительному количеству уголовных дел принимались решения о приостановлении предварительного следствия на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [9].

Такой подход правоприменителя представляется не вполне обоснованным по следующим основаниям. Из положений ч. 4 ст. 208 УПК РФ следует, что предварительное следствие по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 указанной статьи может быть приостановлено и до истечения его срока.

Вместе с тем, согласно ч. 5 ст. 208 УПК РФ до приостановления предварительного следствия следователь выполняет все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, и принимает меры по его розыску либо установлению лица, совершившего преступление.

Таким образом, для правомерного приостановления предварительного следствия по рассматриваемому основанию необходимо наличие двух условий: отсутствие у обвиняемого (подозреваемого) объективной возможности явиться к следователю и выполнение по уголовному делу полного объема следственных действий, производство которых возможно без участия обвиняемого (подозреваемого).

Однако, во-первых, представляется неверным считать, что в сложившейся ситуации у обвиняемого отсутствует реальная возможность участия в производстве по уголовному делу хотя бы потому, что официального правового запрета на такие действия нет. Вместе с тем, на практике не только участие в производстве по делу, но и даже просто само передвижение обвиняемого от места жительства в следственный орган стало иметь определенные трудности.

Во-вторых, ситуация, сложившаяся на территории многих субъектов РФ в апреле-июне 2020 года, обусловленная ограничительными мерами, вызванными пандемией, показывает, что зачастую у следствия отсутствует объективная возможность не только в производстве следственных действий с участием обвиняемого (подозреваемого), но и вообще каких-либо.

Указанные обстоятельства связаны с различными ограничениями в работе государственных органов и коммерческих организаций, переходе значительного числа работников на удаленную работу, а

также другими ограничениями, влияющими на свободу передвижения и на иные аспекты.

Очевидно, что при вышеизложенных условиях производство таких мероприятий невозможно, вместе с тем, расследование уголовного дела без их выполнения также невозможно, а приостановление предварительного следствия в таком случае на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ незаконно.

Помимо изложенного, необходимо отметить психологический фактор, негативно влияющий на поведение участников уголовного судопроизводства, опять-таки не имеющий формальных оснований, но при этом с моральной точки зрения представляющийся обоснованным.

Несмотря на отсутствие запрета на посещение следственных органов в условиях введенных ограничений, многие субъекты уголовного процесса отказываются от участия в следственных действиях, мотивируя свой отказ боязнью причинить вред своему здоровью и здоровью своих близких родственников, что представляется вполне обоснованным опасением.

Указанное обстоятельство, создает значительные проблемы в осуществлении производства по уголовному делу. Более того, какое-либо понуждение к участию в производстве по уголовному делу в таких условиях противоречит одному из основных принципов уголовного судопроизводства – охраны прав и свобод человека и гражданина.

Анализ действующего уголовно-процессуального закона показывает, что он не предусматривает оснований, позволяющих легально приостановить предварительное следствие по уголовному делу в условиях чрезвычайной ситуации, когда производство каких бы то ни было следственных действий невозможно.

Исходя из обозначенной проблематики, автор настоящего исследования приходит к выводу, что требуется глубокая и комплексная проработка вопроса осуществления уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях, которая в конечном итоге должна сложиться в специальный правовой режим расследования, закрепленный в уголовно-процессуальном законе.

Вместе с тем формирование такого правового режима невозможно без внесения в уголовно-процессуальное законодательство частных изменений, направленных на повышение эффективности уголовного процесса в чрезвычайных условиях.

Одним из наиболее рациональных и радикальных изменений, направленных на решение обозначенных проблем, представляется использование как можно большего объема технических средств и информационных технологий, переход к дистанционному производству некоторых следственных и процессуальных действий.

Так, Президент РФ В.В. Путин, выступая 03.03.2021 на расширенной коллегии Министерства внутренних дел РФ, указал на необходимость проработать вопрос о включении в уголовный процесс новых форм сбора доказательств, в том числе в тех случаях, когда участники следственных действий

объективно не могут явиться к месту их проведения [10].

Физическое присутствие участников уголовного процесса в чрезвычайных условиях должно быть сведено к минимуму, и ограничиваться присутствием следователя, органа дознания, а также в необходимых случаях подозреваемого (обвиняемого) и его защитника.

Участие остальных субъектов вполне реально перевести на дистанционную основу. В частности, суд, прокурор, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, свидетель, переводчик могут участвовать практически во всех следственных и процессуальных действиях дистанционно, например по средствам видеосвязи.

Такой порядок осуществления уголовного судопроизводства обуславливает необходимость еще более кардинальных изменений, а именно широкого применения электронного документооборота, в том числе использования электронной цифровой подписи при производстве по уголовному делу.

Необходимо разработать специальное программное обеспечение, доступное, в том числе, и для мобильных переносных устройств, и позволяющее осуществлять производство по уголовному делу в электронной форме.

При этом, очевиден тот факт, что в настоящее время система предварительного расследования не готова повсеместно перейти на электронный документооборот, в связи с чем, для его тестирования необходим плановый, постепенный переход отдельных подразделений (ряда подразделений, например, по территориальному принципу) на такую систему, что в полной мере будет способствовать тестированию такого формата работы на практике и выявлению проблемных аспектов, а в последующем позволит в конечном итоге полностью перейти к электронному документообороту, и в том числе эффективно использовать его при возникновении чрезвычайных условий.

В случае применения обозначенных новаций, особо важно уделить внимание безопасности данных, хранящихся на серверах такой системы, дабы предотвратить какую-либо возможность утечки личных данных участников процесса и иных сведений, носящих конфиденциальный характер. Однако, данный вопрос выходит за рамки настоящей работы и требует самостоятельного исследования соответствующими техническими специалистами.

Предложенные изменения требуют и соответствующего уголовно-процессуального обеспечения, то есть необходимо законодательно закрепить процесс использования вышеназванных технических средств и производства следственных и процессуальных действий по уголовным делам с их применением.

Таким образом, анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы жизнедеятельности общества при возникновении чрезвычайных условий различного характера, а также уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о его неэффективности, а предложенные изменения

позволят повысить результативность производства по уголовному делу в таких условиях.

При этом, необходимо особо отметить, что автор придерживается категорического мнения, что уголовно-процессуальные отношения при любых условиях могут регулироваться исключительно уголовно-процессуальным законом, в связи с чем, недопустимо принимать какие-либо специальные нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы уголовного процесса. Все изменения и новации должны быть приняты путем реформирования действующего уголовно-процессуального закона, включены в него и направлены на неукоснительное соблюдение прав и свобод участников процесса.

Литература

1. Официальный интернет-портал «Конституция Российской Федерации», <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>, дата обращения – 15.03.2024.
2. Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник для вузов/ В.П. Божьев [и др.]; под редакцией В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020.
3. См.: Конституция РФ; Уголовно-процессуальный кодекс РФ; Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 2-ФКЗ «О военном положении»; Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и др.
4. Маликов С.В. Расследование преступлений в боевой обстановке: Правовое обеспечение, организация, методика: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 – Военный университет, Москва, 1998 г. – 209 с.
5. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства, <https://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-RegisterForestFires>, <https://rosleshoz.gov.ru/news/2023-11-17/n10777>, дата обращения – 12.12.2023.
6. Интернет-сайт агентства «Риа Новости», <https://ria.ru/20190806/1557214993.html>, дата обращения – 07.07.2023.
7. См., например: Указ Мэра города Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (с последующими изменениями и дополнениями); Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.03.2020 № 208 «О мерах по предотвращению распространения в Республике Татарстан новой коронавирусной инфекции» (с последующими изменениями и дополнениями) и др.
8. Официальный сайт Правительства РФ «стоп-коронавирус.рф» <https://xn--80aesfpebagmblc0a.xn--p1ai/news/20200331-0704.html>, дата обращения – 02.07.2022.
9. Автором изучено более 10 уголовных дел, находившихся в производстве различных следственных подразделений ГСУ СК России по г.

Москве, по которым установлено лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого, однако в связи с пандемией коронавируса (COVID-19) на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ приняты решения о приостановлении предварительного следствия.

10. Официальный сайт Президента РФ, <http://kremlin.ru/events/president/news/65090>, дата обращения – 15.03.2023.

Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings in emergency conditions

Mikhailov P.I.

Russian Customs Academy

The article examines the issues of ensuring the safety of life and health of participants in criminal proceedings in emergency conditions, as well as the limits of restrictions on human and civil rights and freedoms during criminal proceedings in such conditions. Purpose: to develop proposals for amendments to the criminal procedure law aimed at improving the efficiency of the functioning of the criminal justice system in emergency conditions. Methodology: formal legal and statistical methods were used. Results: the article examines the issues of observance and guarantee of the rights of participants in criminal proceedings in criminal proceedings under emergency circumstances, considers problematic aspects of law enforcement practice on the analyzed issue on the example of specific situations. The author concludes that there is no special legal regulation of criminal proceedings in emergency conditions, proposes changes to the current criminal procedure legislation aimed at overcoming the identified problems, and concludes that it is necessary to develop a special legal regime for investigation in emergency conditions.

Keywords: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, principles of criminal procedure, guarantees of human and civil rights and freedoms in an emergency situation, criminal proceedings in an emergency situation.

References

1. Official Internet portal "Constitution of the Russian Federation", <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>, accessed on 15.03.2024.
2. Bozhev V.P. Criminal procedure: textbook for universities / V.P. Bozhev [et al.]; edited by V.P. Bozhev, B.Ya. Gavrilov. - 7th ed., revised. and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2020.
3. See: Constitution of the Russian Federation; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; Federal Constitutional Law of 30.05.2001 No. 3-FKZ "On the State of Emergency"; Federal Constitutional Law of 30.01.2002 No. 2-FKZ "On Martial Law"; Federal Law of 21.12.1994 No. 68-FZ "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies"; Federal Law of 30.03.1999 No. 52-FZ "On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population", etc. 4. Malikov S.V. Investigation of Crimes in Combat Situations: Legal Support, Organization, Methodology: dis. ... Cand. of Law: 20.02.03 - Military University, Moscow, 1998 - 209 p. 5. Official website of the Federal Forestry Agency, <https://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-RegisterForestFires>, <https://rosleshoz.gov.ru/news/2023-11-17/n10777>, accessed on 12.12.2023.
6. Website of the RIA Novosti agency, <https://ria.ru/20190806/1557214993.html>, accessed on 07.07.2023.
7. See, for example: Decree of the Mayor of Moscow dated 05.03.2020 No. 12-UM "On the introduction of a high alert regime" (with subsequent amendments and additions); Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated March 19, 2020 No. 208 "On measures to prevent the spread of a new coronavirus infection in the Republic of Tatarstan" (with subsequent amendments and additions), etc.
8. Official website of the Government of the Russian Federation "stopcoronavirus.rf" <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200331-0704.html>, accessed on July 2, 2022.
9. The author studied more than 10 criminal cases that were being handled by various investigative units of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of Russia for the city of Moscow, in which persons subject to prosecution were identified, however, due to the coronavirus pandemic (COVID-19), decisions were made to suspend the preliminary investigation on the basis of paragraph 3, part 1, article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.
10. Official website of the President of the Russian Federation, <http://kremlin.ru/events/president/news/65090>, accessed on 15.03.2023.

Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы сбора и оценки

Облаков Алексей Анатольевич

к.ю.н., доцент, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, (Дальневосточный филиал), aoblakov@mail.ru

Актуальность исследования цифровых доказательств в уголовном процессе обусловлена стремительным развитием информационных технологий, что привело к значительному увеличению числа дел, в которых соответствующие данные и сведения играют ключевую роль. В современных условиях правоприменители сталкиваются с новыми вызовами, которые сопряжены с обеспечением законности, достоверности, допустимости таких доказательств. Цель исследования заключается в анализе существующих проблем их сбора и оценки, а также в выявлении правовых и технических противоречий, препятствующих их результативному использованию в судебной практике.

Среди основных противоречий целесообразно выделить несоответствие между быстро меняющимися технологиями и недостаточно проработанной законодательной базой, что затрудняет процесс интеграции цифровых доказательств в традиционные механизмы уголовного судопроизводства. В дополнение к отмеченному выше, существуют разногласия по поводу допустимости и достоверности, связанные с возможностями подделки, а также со сложностью установления аутентичности.

По результатам работы удалось прийти к выводу, что для эффективного задействования цифровых доказательств в уголовном процессе необходимо разработать комплексные правовые и технические стандарты, а также внедрить механизмы международного сотрудничества в сфере собирания и оценивания. Результаты исследования будут полезны правоприменителям, законодателям, а также специалистам в области информационной безопасности, участвующим в уголовном процессе.

Ключевые слова: аутентичность, доказательства, допустимость, информационные технологии, правоприменение, судопроизводство, уголовный процесс, цифровые данные, цифровые доказательства

Введение

С каждым годом цифровизация проникает в различные сферы человеческой деятельности, в том числе, и в уголовный процесс. В современном обществе, в котором информация становится одним из главных ресурсов, цифровые доказательства играют определяющую роль в раскрытии преступлений, их расследовании, судебном разбирательстве. Вместе с тем, задействование таких данных в уголовном процессе сопряжено с множеством проблем, касающихся их сбора, оценки, допустимости в качестве доказательств. В результате представляется возможным сформулировать основной целевой ориентир — проанализировать наиболее острые проблемы, связанные с цифровыми доказательствами, а также предложить варианты их разрешения.

Одна из ключевых проблем исследования, связанная с цифровыми доказательствами в уголовном процессе, заключается в недостаточной разработанности правовых и технических стандартов, регламентирующих процесс их сбора и оценки. Эти данные подвержены изменению и манипуляциям, что вызывает сложности в установлении их подлинности, допустимости в суде. Помимо этого, остаётся актуальной проблема правового регулирования применения технологий, обеспечивающих сбор таких доказательств, что способно привести к нарушениям прав участников уголовного процесса, особенно в условиях трансграничных дел.

Методы и материалы

В ходе подготовки статьи использовались: сравнительный анализ, классификация, систематизация, изучение судебной практики, обобщение. Обращаясь к материалам, источникам, концептуальным положениям, целесообразно отметить, что в научных кругах существует разнообразие мнений относительно того, как следует понимать и классифицировать рассматриваемые доказательства.

Так, ряд исследователей, в том числе, Ю.В. Альхименко [1], А.Г. Калугин [5], подчеркивают, что электронные доказательства — это любые данные, созданные, передаваемые либо хранящиеся с использованием соответствующих устройств. Это понятие охватывает достаточно обширный спектр информации, в том числе: электронные письма, документы в формате PDF, фотографии, записи звонков, метаданные, даже сведения с серверов облачных систем.

Один из важнейших вопросов, возникающих в связи с электронными доказательствами, — это проблема их достоверности, целостности. Как отмечают И.Н. Цыкунова, Э.В. Паникаренко, в отличие от бумажных документов, электронные файлы могут

быть легко изменены, подделаны, удалены, что требует специальных процедур по аутентификации (обращение к хэш-функциям, е-подписям, специальным сертификатам и т. д.) [10].

В более узком смысле некоторые ученые, например, В.С. Ганага [3], Х.Х. Рамалданов [7], выделяют цифровые доказательства как подмножество электронных, подчеркивая их связь с digital-технологиями, а также форматом хранения. Это данные, хранящиеся в цифровом формате (единицы и нули) и полученные с помощью соответствующих технологий — компьютеры, смартфоны, серверы и прочие.

Важный аспект — это объем и сложность анализа. Современные технологии генерируют огромное количество данных, что вызывает вопросы о правильности отбора информации, релевантной для уголовного процесса. С другой стороны, такие сведения предоставляют уникальные возможности для расследования, особенно при использовании методов анализа больших данных и искусственного интеллекта.

Ряд исследователей, в том числе, П.Н. Бирюков [2], И.Е. Селивёрстова, У.А. Власова [9], полагают, что между понятиями «электронные» и «цифровые» доказательства нет принципиальной разницы, поскольку они охватывают одни и те же виды данных, различие носит лишь терминологический характер. Другие авторы, например, И.И. Гусева, И.В. Коробова [4] настаивают на более строгом разделении понятий, указывая, что цифровые связаны исключительно с данными в digital-форме, тогда как электронные представлены любыми е-формами документов (в том числе, подразумеваются аналоговые носители, оцифрованные в электронные системы).

Итак, в науке пока не существует единообразного подхода к определению рассматриваемых понятий. Тем не менее, в обоих случаях особо подчеркивается необходимость строгих стандартов по сбору, хранению, оценке — с целью предотвращения подделки, а также обеспечения достоверности в судебном производстве.

Результаты и обсуждение

Анализ точек зрения исследователей и практиков в правоприменении позволяет отметить, что большинство сторон поддерживает необходимость внесения изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в частности, в пятую статью. Эти коррективы должны включать четкое и всеобъемлющее определение цифровых и электронных доказательств. В условиях развития информационных и нанотехнологий актуальной становится задача автоматизации базы доказательств, что повысит результативность работы органов предварительного следствия. При этом требуется уделять особое внимание не только материальным, но и электронным / цифровым доказательствам, которые играют определяющую роль в современном судопроизводстве. Такие данные нередко остаются незамеченными для посторонних и могут использоваться преступниками для скрытного осуществле-

ния незаконной деятельности, что делает их неотъемлемым элементом современной доказательной базы.

Переходя к проблемам сбора цифровых доказательств, целесообразно сперва перечислить три базовых ракурса рассмотрения (рис. 1):

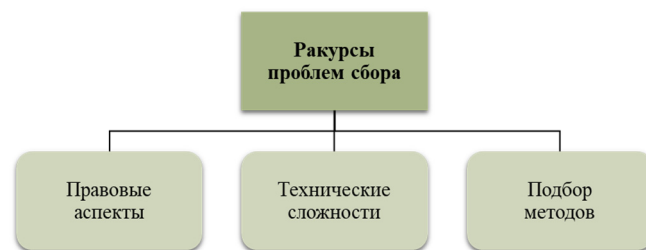

Рис. 1. Выделение ракурсов рассмотрения проблем сбора цифровых доказательств (составлено автором на основе [2, 6])

Так, сбор зачастую нарушает права человека. Одной из наиболее актуальных проблем становится отсутствие четкого законодательства, регулирующего процесс получения таких данных. Правоохранительные органы действуют, как правило, с опорой на общие нормы, что иногда приводит к превышению полномочий, нарушению законных интересов граждан. Применение так называемых «дополнительных мер» для получения доступа к информации (в том числе, использование технологий слежения) порой выходит за рамки законных оснований.

Уместно обратиться к конкретным примерам. Так, одной из актуальных проблем, сопряженных с доступом к цифровой информации, является обеспечение конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни, защиту личной, семейной тайны, а также тайны переписки, телефонных переговоров, прочих видов коммуникации. В соответствии с нормами статьи 23 Конституции Российской Федерации, ограничение таких прав допускается исключительно на основании судебного решения. В современных условиях многие цифровые устройства, изымаемые и подвергаемые осмотру в ходе расследования уголовных дел, содержат подобные данные, в том числе, SMS-сообщения, переписки в мессенджерах, голосовые записи, электронные письма, прочую информацию. Тем не менее, судебные решения для получения доступа к таким сведениям с цифровых носителей малоизвестны. Напротив, в правоприменительной практике зачастую игнорируются нарушения конституционных прав граждан.

К примеру, исследовав протоколы осмотра цифровых устройств (смартфонов, планшетов, компьютеров), которыми пользовались подсудимые для общения, суды зачастую приходят к выводу, что представленные доказательства являются допустимыми, так как они получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, из достоверных источников и соблюдены все процессуальные нормы, в том числе, участие понятых и фиксация фактических данных (например, речь идет о приговоре из архива Тамбовского рай-

онного суда Тамбовской обл. от 08.02.2019 по уголовному делу № 1-11/2019). Аналогичный вывод был сделан судом в случае осмотра мобильного телефона подсудимого, невзирая на то, что защита просила признать доказательства недопустимыми. Суд указал, что представленные обвинением доказательства, включая протоколы осмотра, выемки, были получены в строгом соответствии с законом; они не содержат противоречий (имеется в виду приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 20.02.2018 по уголовному делу № 1-38/2018).

Как представляется, доступ к информации, содержащей охраняемую законом тайну, должен быть возможен исключительно на основании судебного разрешения, особенно с учётом существующих правовых норм, регулирующих его к другим видам конфиденциальных данных (почтово-телеграфные отправления (со ссылкой на статью 185 УПК РФ), контроль переговоров (со ссылкой на статью 186 УПК РФ), и информация о соединениях между абонентами (со ссылкой на статью 186.1 УПК РФ)). В связи с этим предлагается рассмотреть возможность введения в УПК РФ статьи, регулирующей порядок получения цифровой информации как отдельного следственного действия.

В свою очередь, технические аспекты сбора цифровых доказательств также вызывают ряд трудностей. Показательна ситуация, при которой правоохранительные органы не располагают требуемой ресурсной базой и квалифицированным персоналом для проведения сложных операций. Например, извлечение данных из мобильных устройств, облачных хранилищ либо серверов требует специализированного оборудования, программного обеспечения. Нехватка подобных ресурсов закономерно выливается в то, что важные доказательства теряются или искажаются.

При выборе методов сбора рассматриваемых доказательств необходимо учитывать специфику устройства, с которого извлекаются данные. Разные операционные системы, шифрование и иные особенности технологий значительно усложняют процесс. К примеру, при анализе информации из социальных сетей следует принимать в учёт, что сведения могут быть удалены либо изменены пользователем, что требует вспомогательной экспертизы, проверки.

Далее необходимо выделить ракурсы анализа проблем, касающихся оценки характеризующих доказательств (рис. 2):

Рис. 2. Выделение ракурсов рассмотрения проблем оценки цифровых доказательств (составлено автором на основе [2, 6, 8])

Так, одна из главных проблем, возникающих на этапе оценивания, заключается в проверке аутентичности. Она ставится под сомнение, если данные были изменены, удалены, искажены. Использование метаданных и различных инструментов в проверочных целях (относительности целостности) играет важнейшую роль, однако необходимо наличие специальных знаний у экспертов, что отнюдь не всегда возможно.

В уголовном процессе цифровые доказательства часто воспринимаются как второстепенные по сравнению с традиционными формами. Вместе с тем, это восприятие способно приводить к неправильной оценке их значимости. Digital-данные иногда несут ключевую информацию для установления фактов. Поэтому важно изменить подход к их оценке, рассматривая их как равнозначные традиционным.

В свою очередь, процесс судебной экспертизы цифровых доказательств требует высокой квалификации, знаний в области информационных технологий. Одновременно с этим существующие стандарты и методы экспертизы часто не соответствуют современным реалиям, результатом чего служат ошибки в интерпретации данных. Например, недостаток методик, разработанных для анализа больших объемов данных, негативным образом сказывается на качестве экспертизы и, как следствие, на правосудии.

Ниже представлена таблица 1, в которой систематизированы проблемы и возможные пути их решения.

Таблица 1
Систематизация проблем сбора и оценки цифровых доказательств в уголовном процессе и пути их разрешения
(составлено автором)

Аспект	Описание	Рекомендации
1. Недостаток правовой базы	Отсутствие чётких нормативов, регулирующих сбор / использование цифровых доказательств.	Создание специализированного законодательства, регулирующего сбор, хранение, представление цифровых доказательств в суде.
2. Быстрое устаревание технологий	Используемые технологии устаревают, что усложняет их идентификацию, использование в процессах.	Регулярное обновление методов и технологий, применяемых в судебной практике, адаптация НПА к новым техническим требованиям.
3. Манипуляции с цифровыми доказательствами	Возможность изменения, удаления, подделки данных.	Использование методов защиты информации (цифровые подписи и блокчейн-технологии) для подтверждения целостности данных.
4. Проблемы аутентификации и доказательства подлинности	Сложность в установлении подлинности и происхождения цифрового доказательства.	Применение криптографических методов с целью обеспечения аутентификации, а также привлечение независимых экспертов в области информационной безопасности.
5. Техническая сложность для участников процесса	Судьи, адвокаты и другие участники могут не иметь достаточных знаний	Повышение квалификации участников уголовного процесса, создание курсов по цифровым

	о цифровых технологиях.	технологиям для юридической практики.
6. Международное сотрудничество	Трудности в получении цифровых доказательств из других стран.	Развитие международного сотрудничества и создание единых стандартов взаимодействия по вопросам цифровых доказательств на уровне международного права.
7. Объем данных и сложность их обработки	Большие объемы сведений затрудняют их анализ и использование в судебных процессах.	Применение искусственного интеллекта и специализированного ПО для анализа больших объемов данных, автоматизации обработки.
8. Защита конфиденциальности и прав человека	Опасность нарушения прав на конфиденциальность при сборе цифровых доказательств.	Разработка четких правил защиты конфиденциальной информации и соблюдения прав человека при обработке цифровых данных.

Выводы. Цифровые доказательства становятся все более важными в уголовном процессе, однако их сбор и оценка сопряжены с рядом серьезных проблем — недостаток правовой базы, сложности в аутентификации и защите данных, а также необходимость технической подготовки участников процесса.

Успешное их разрешение требует как разработки новых законодательных актов и стандартов, так и применения современных технологических решений, в том числе, криптографии, искусственного интеллекта, блокчейн и т. д. Как представляется, важным шагом также служит повышение квалификации всех участников судебных процессов и развитие международного сотрудничества.

Правовые аспекты, технические сложности, а также вопросы аутентичности, качества экспертизы требуют системного, тщательно продуманного подхода и разработки новых норм, стандартов. Важно создать систему, в рамках которой будет учтена специфика цифровых технологий и обеспечена защита прав всех участников уголовного судопроизводства. Трансформация подходов к цифровым доказательствам в науке способна значительно повысить эффективность расследований и укрепить справедливость в судебных разбирательствах.

Литература

1. Альхименко Ю.В. К вопросу о соотношении понятий электронных и цифровых доказательств в уголовном процессе Российской Федерации / Ю.В. Альхименко // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 5 (192). – С. 402-404.

2. Бирюков П.Н. О цифровых доказательствах в зарубежном уголовном процессе / П.Н. Бирюков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 275-286.

3. Ганага В.С. К вопросу о допустимости цифровых доказательств в уголовном процессе / В.С. Ганага // Санкт-петербургские встречи молодых ученых. Материалы II всероссийского конгресса. – Санкт-Петербург: 2024. – С. 522-526.

4. Гусева И.И. К вопросу об использовании цифровых доказательств в уголовном процессе / И.И. Гусева, И.В. Коробова // Гуманитарные, социально-

экономические и общественные науки. – 2022. – № 11-2. – С. 63-65.

5. Калугин А.Г. Электронно-цифровая информация как самостоятельный вид доказательств в уголовном процессе / А.Г. Калугин // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей. – Томск: 2022. – С. 201-206.

6. Карташов И.И. Проблемы собирания цифровых доказательств в уголовном процессе / И.И. Карташов, О.А. Лесников // Научно-исследовательские публикации. – 2021. – № 1. – С. 54-61.

7. Рамалданов Х.Х. Проблемы использования и хранения цифровых доказательств в доказывании в уголовном процессе / Х.Х. Рамалданов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14. – № 2 (52). – С. 105-111.

8. Рогава И.Г. Цифровые доказательства в российском уголовном процессе: история, проблемы и перспективы развития / И.Г. Рогава, С.С. Датумян, А.А. Куренная // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 244-248.

9. Селивёрстова И.Е. «Цифровые доказательства» и электронная информация в уголовном процессе / И.Е. Селивёрстова, У.А. Власова // Флагман науки. – 2024. – № 4 (15). – С. 518-520.

10. Цыкунова И.Н. Цифровые (электронные) данные как новый источник доказательств в уголовном процессе / И.Н. Цыкунова, Э.В. Паникаренко // Эпомен. – 2023. – № 75. – С. 124-134.

Digital evidence in criminal proceedings: problems of collection and evaluation
Obilakov A.A.
Russian State University of Justice (Far Eastern Branch)
The relevance of the study of digital evidence in criminal proceedings is due to the rapid development of information technology, which has led to a significant increase in the number of cases in which relevant data and information play a key role. In modern conditions, law enforcement officers face new challenges that involve ensuring the legality, reliability, and admissibility of such evidence. The purpose of the study is to analyze the existing problems of their collection and evaluation, as well as to identify legal and technical contradictions that prevent their effective use in judicial practice.

Among the main contradictions, it is advisable to highlight the discrepancy between rapidly changing technologies and an insufficiently developed legislative framework, which makes it difficult to integrate digital evidence into traditional criminal justice mechanisms. In addition to the above, there are disagreements about admissibility and authenticity related to the possibilities of forgery, as well as the difficulty of establishing authenticity.

Based on the results of the work, it was possible to conclude that in order to effectively use digital evidence in criminal proceedings, it is necessary to develop comprehensive legal and technical standards, as well as introduce mechanisms for international cooperation in the field of collection and evaluation. The results of the study will be useful to law enforcement officers, legislators, as well as information security specialists involved in criminal proceedings.

Keywords: authenticity, evidence, admissibility, information technology, law enforcement, judicial proceedings, criminal procedure, digital data, digital evidence

References

1. Alkhimenko Yu.V. On the question of the relationship between the concepts of electronic and digital evidence in the criminal process of the Russian Federation / Yu.V. Alkhimenko // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 5 (192). – Pp. 402-404.

2. Biryukov P.N. On digital evidence in a foreign criminal trial / P.N. Biryukov // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. – 2022. – No. 1 (48). – Pp. 275-286.

3. Ganaga V.S. On the issue of the admissibility of digital evidence in criminal proceedings / V.S. Ganaga // St. Petersburg meetings of young scientists. Materials of the II All-Russian Congress. – St. Petersburg: 2024. – pp. 522-526.

4. Guseva I.I. On the issue of the use of digital evidence in criminal proceedings / I.I. Guseva, I.V. Korobova // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 11-2. – pp. 63-65.

5. Kalugin A.G. Electronic digital information as an independent type of evidence in criminal proceedings / A.G. Kalugin // Legal problems of strengthening Russian statehood. Collection of articles. – Tomsk: 2022. – pp. 201-206.

6. Kartashov I.I. Problems of collecting digital evidence in criminal proceedings / I.I. Kartashov, O.A. Lesnikov // Scientific research publications. – 2021. – No. 1. – pp. 54-61.
7. Ramaldanov H.H. Problems of using and storing digital evidence in proving in criminal proceedings / H.H. Ramaldanov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Vol. 14. – No. 2 (52). – Pp. 105-111.
8. Rogava I.G. Digital evidence in the Russian criminal process: history, problems and prospects of development / I.G. Rogava, S.S. Datumyan, A.A. Kurennaya // Problems of economics and legal practice. – 2021. – Vol. 17. – No. 1. – pp. 244-248.
9. Seliverstova I.E. "Digital evidence" and electronic information in criminal proceedings / I.E. Seliverstova, U.A. Vlasova // Flagship of Science. – 2024. – No. 4 (15). – Pp. 518-520.
10. Tsykunova I.N. Digital (electronic) data as a new source of evidence in criminal proceedings / I.N. Tsykunova, E.V. Panikarenko // Epoch. – 2023. – No. 75. – pp. 124-134.

Опыт ввода документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации, и перспективы введения таких документов в Российской Федерации

Борисов-Потоцкий Андрей Сергеевич

старший научный сотрудник, ФКУ НПО «Специальная техника и связь» Министерства внутренних дел Российской Федерации, andreysborisov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию опыта ввода документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации, и перспектив введения таких документов в Российской Федерации. Автор обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование роли и значимости введения всеобщей дактилоскопической регистрации и фотографирования. Постулируется о том, что в настоящее время, для улучшения качества, необходимо внедрение новых технологий. Одновременно с этим, анализ научной литературы позволил заключить, что идея дактилоскопической регистрации граждан, находит все больше сторонников и отвечает интересам государства и каждого гражданина. Заключается о необходимости дальнейшего усовершенствования информационной защищенности биометрических данных, что позволит улучшить этот процесс.

Ключевые слова: иностранный гражданин, документ, электронный носитель информации, технологии, трудовая миграция, дактилоскопическая регистрация, аутентификация, фотография, искусственный интеллект.

В современном мире, где миграция является неотъемлемой частью глобализации, вопросы идентификации личности и защиты прав граждан становятся особенно актуальными. В контексте цифровой революции и глобализации, дактилоскопическая регистрация иностранных граждан играет важную роль. Как известно, на сегодняшний день, Российская Федерация находится в крайне нестабильной геополитической ситуации. Проблемы, связанные с терроризмом, миграционные потоки увеличиваются, а политическая нестабильность распространяется по всему миру. В связи с этим, для укрепления безопасности Российской Федерации необходимо принять адекватные и своевременные меры. Одним из давно проверенных и успешных методов борьбы с преступностью является дактилоскопический учёт.

Отметим, что анализ терминологии дактилоскопирования иностранных граждан может быть проведен с различных позиций, включая социально-правовые и криминалистические аспекты, а также с позиции информационных технологий, которые в настоящее время, проникают во все аспекты современной жизни, повышая ее эффективность и уровень комфорта. Так, обратим внимание на мнения разных авторов и их интерпретации этих терминов. Как очень точно указывает А.П. Крегель, дактилоскопия – раздел трасологии, изучающий свойства и признаки папиллярных узоров кожного покрова человека (преимущественно пальцев рук) и разрабатывающий средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов пальцев и ладоней рук в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [1].

В свою очередь, криминалистика рассматривает дактилоскопирование как надежный метод идентификации, особенно в контексте расследования преступлений, который позволяет идентифицировать человека по отпечаткам пальцев и ладоней рук. С точки зрения права, дактилоскопия – это метод идентификации личности, который обеспечивает не только безопасность, но и соблюдение прав граждан. Этот процесс должен соответствовать законодательству о защите данных.

По мнению социологов, ввод документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, который содержит электронный носитель информации, может породить предвзятое отношение к иностранным гражданам [10,11]. В исследованиях А. Ф. Волынского выявляется негативное восприятие, возникающее из-за опасений по поводу нарушения личных прав. Следует согласиться с мнением А.А.

Яшина, что преодолеть такое негативное восприятие, возможно через информирование и образование граждан. А.А. Яшин предлагает создать программы, которые помогут иностранным гражданам понять важность этих процедур для их же безопасности и законности пребывания в стране [2]. Таким образом, анализ терминологии показывает многоаспектность данного вопроса.

Более того, процедуры идентификации играют важную роль в безопасности и правопорядке, но требуют внимательного и этичного подхода для соблюдения прав личности. Множественные взгляды различных авторов подчеркивают необходимость сбалансированного подхода, учитывающего как безопасность общества, так и права отдельных граждан.

Так, стоит сказать, что в настоящее время, во многих странах (Израиль, Малайзия, Германия, Бельгия, США, Корея), уже успешно применяется система документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации, где в большинстве случаев дактилоскопирование и фотографирование иностранных граждан происходит непосредственно при пересечении ими границы.

Согласно статистическому бюро ООН, с 2002 года, более 60 стран мира, а за последние годы, более 122 стран, начали реализацию национальных проектов по внедрению документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации. Этот процесс охватывает различные характеристики человека, такие как отпечатки пальцев рук, радужная оболочка глаз, двухмерное и трехмерное изображение лица, ДНК, подпись и другие. Так, к примеру, Бельгия стала первой страной в мире, которая с 2004 года начала выдавать документы, удостоверяющие личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации.

Регистрация иностранных граждан в Бельгии, используется в основном для обеспечения безопасности, повышения качества и удобства услуг, которые государство предоставляет населению. При этом немаловажную роль играет уменьшение стоимости и времени, затрачиваемых на проверку необходимой информации.

В Российской Федерации, эксперимент по апробации новых правил пересечения государственной границы, иностранными гражданами и лицами без гражданства, планируется провести в два этапа (с 2024 - 2026 гг.).

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработало новые правила для безвизового посещения иностранными гражданами России.

Проект ФЗ «Об условиях въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также условиях их пребывания и проживания на территории Российской Федерации» предполагает, что иностранные граждане будут сдавать изображение лица и отпечатки пальцев при въезде в страну [13]. Согласно проекту, подтвердить свою личность на

территории России иностранные граждане смогут, в том числе единым документом с электронным носителем информации, который будут выдавать в территориальных органах МВД России, через подведомственную организацию или в электронной форме.

Безусловно, на первом этапе фотографировать и дактилоскопировать иностранных граждан будут только на нескольких пунктах пропуска через государственную границу [3]. На втором этапе, все иностранные граждане, въезжающие в страну в безвизовом режиме, должны будут заблаговременно сдать биометрию в специальном мобильном приложении, которое сейчас разрабатывается. В случае признания эксперимента удачным он может быть масштабирован на всю страну.

В соответствии с ФЗ «Об условиях въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также условиях их пребывания и проживания на территории Российской Федерации» выдается документ, который подтверждает прохождение дактилоскопии, фотографирования, а также в рамках развития государственной информационной системы миграционного учета в конце 2023 года реализована возможность оформления такого документа в формате пластиковой карты (формата ID1) с электронным носителем информации.

Данный документ может стать основой единого документа, подтверждающего личность иностранного гражданина, который планируется к внедрению и предусмотрен проектом ФЗ «Об условиях въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также условиях их пребывания и проживания на территории Российской Федерации».

Законопроект создаст необходимые условия для практического осуществления мер, связанных с ограничением отдельных прав иностранных граждан и возложением на них дополнительных обязанностей. Все органы государственной власти, организации и граждане будут иметь возможность в режиме реального времени получить электронное подтверждение законности пребывания иностранцев в России. Данное подтверждение будет являться основанием для предоставления таким гражданам государственных и коммерческих услуг. В частности, электронное подтверждение законности пребывания будет необходимо для регистрации прав на недвижимость, брака, рождения ребенка, зачисления в вузы, колледжи, школы.

Так, ввод документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель информации, является ключевым инструментом для идентификации личности. Ввод документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, содержащих электронный носитель, поможет обеспечить безопасность и эффективность процессов, связанных с идентификацией иностранных граждан.

Таким образом, для получения такого документа, иностранные граждане должны будут сдать отпечатки пальцев и сделать фотографию. Ещё одним

обязательным условием является прохождение медосмотра. В частности, иностранные граждане должны будут подтвердить, что у них нет наркотической зависимости и опасных инфекционных заболеваний. Пройти такое медосвидетельствование иностранные граждане должны в течение 30 дней с момента въезда в Россию, а после - ежегодно.

Такого рода документы обычно включают в себя несколько ключевых компонентов, которые обеспечивают их достоверность и функциональность [7]. Важно отметить, что одним из проблемных вопросов в рамках документа с электронным носителем, подтверждающим личность, является качество фотоизображения гражданина. Она должна быть четкой, с хорошей освещенностью и без бликов. Лицо должно быть видно с определенного ракурса, а фон обычно стандартного белого или светлого цвета. Формат фотографии требует соблюдения определенных пропорций, например, 3,5 x 4,5 см. Качество изображения включает плотность пикселей, резкость, цветовую гамму и отсутствие геометрических искажений и шума. Другими словами, оно основано на том, насколько изображение отражает визуальную информацию [9]. Полагается, что электронный носитель должен быть защищен средствами шифрования, чтобы предотвратить несанкционированный доступ или подмену информации. Однако, для обеспечения максимальной защиты, документы могут содержать различные элементы, предотвращающие их подделку - голограммы, микротекст, водяные знаки и прочие защитные технологии.

Внедрение документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, который содержит электронный носитель информации в России, может значительно улучшить административные процессы и повысить уровень доверия со стороны иностранных граждан. Использование опытов других стран и надежных защитных технологий, позволит создать эффективную и безопасную систему, соответствующую современным требованиям. Кроме того, в этом процессе важным аспектом будет защита прав иностранных граждан. Это поможет создать открытую и интегрированную среду для международного сотрудничества в сфере трудовой миграции и бизнеса.

Таким образом, единый документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина, должен быть надежным, удобным в использовании и безопасным.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что внедрение новых технологий в эти процессы, не только упрощает идентификацию, но и существенно повышает уровень безопасности как для страны, так и для самих иностранных граждан. Благодаря этим методам возможно будет быстро и точно определить личность человека, что в свою очередь, окажет содействие в борьбе с преступностью, терроризмом и незаконной миграцией.

Литература

1. Крегель А.П. К вопросу о всеобщей дактилоскопической регистрации граждан в РФ. // Вестник

Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 102. С. 58-60.

2. Яшин А.А., Панков Н.С., Рогожина К.С. К вопросу о всеобщей дактилоскопической регистрации граждан. // Трибуна ученого. 2022. № 6. С. 309-315.

3. Обязательная дактилоскопическая регистрация в России: настоящее и будущее [Электронный ресурс] // Хранитель: медиапортал о безопасности. — URL: http://www.psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=85106. (Дата обращения 01.09.2024)

4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 01.07.2021 N 274-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс

5. Федеральный закон от 25.07.1998 N 128-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.06.2024) // СПС Консультант Плюс

6. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 33-73.

7. Ращупкин А.И., Евтюков А.С. Введение обязательной дактилоскопической регистрации на границе РФ в целях решения миграционного вопроса. // В сборнике: Санкт-Петербургский международный криминалистический форум. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 931-934.

8. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. - Москва: ИЗиСП: Норма: Инфра-М, 2019. 392 с.

9. Страны, в которых проводят дактилоскопию и фотографирование въезжающих граждан. URL: <https://odr.by/strany-v-kotoryh-provodjat-daktilosko/> (Дата обращения: 01.09.2024).

10. Самищенко А. С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.12 / А. С. Самищенко. — М., 2015. — 30 с.

11. Волынский А. Ф. Дактилоскопия: влияние общественного сознания на ее возникновение и развитие // Эксперт-криминалист. — 2014. — № 4. — С. 3—6.

12. Сафонова, Е. А. К вопросу о необходимости введения всеобщей дактилоскопической регистрации / Е. А. Сафонова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы права: материалы V Междуна. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — Москва: Буки-Веди, 2016. — С. 154-156.

13. Проект ФЗ от 10 сентября 2024 г. «Об условиях въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также условиях их пребывания и

The experience of entering identity documents of foreign citizens containing electronic information media, and the prospects for the introduction of such documents in the Russian Federation

Borisov-Potockiy A.S.rgeevich

Special Equipment and Communications of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the experience of entering identity documents of foreign citizens containing electronic media, and the prospects for the introduction of such documents in the Russian Federation. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification of the role and significance of the introduction of universal fingerprint registration and photographing is given. It is postulated that currently, in order to improve quality, it is necessary to introduce new technologies. At the same time, an analysis of the scientific literature allowed us to conclude that the idea of fingerprint registration of citizens is finding more and more supporters and meets the interests of the state and every citizen. It is concluded that there is a need to further improve the information security of biometric data, which will improve this process.

Keywords: foreign citizen, identity document, electronic media, technology, labor migration, fingerprint registration, authentication, photography, artificial intelligence.

References

1. Kregel A.P. On the issue of universal fingerprint registration of citizens in the Russian Federation. // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2023. No. 102. pp. 58-60.
2. Yashin A.A., Pankov N.S., Rogozhina K.S. On the issue of universal fingerprint registration of citizens. // Tribune of the scientist. 2022. No. 6. pp. 309-315.
3. Mandatory fingerprint registration in Russia: the present and the future [Electronic resource] // Guardian: a media portal about security. — URL: http://www.psj.ru/saver_magazins/detail.php?ID=85106. (Accessed 01.09.2024)
4. The Federal Law "On Amendments to the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and the Federal Law «On State Fingerprint Registration in the Russian Federation» dated 07/01/2021 N 274-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus
5. Federal Law No. 128-FZ of 07/25/1998 (as amended on 12/25/2023) «On State Fingerprint Registration in the Russian Federation» (with amendments and additions, introduction. effective from 06/23/2024) // SPS Consultant Plus
6. Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Starostina A.N. Digitalization of interaction between citizens and the state: citizens' assessment of effects, risks and prospects. // Issues of state and municipal management. 2023. No. 2. pp. 33-73.
7. Raschupkin A.I., Yevtyukov A.S. Introduction of mandatory fingerprint registration at the border of the Russian Federation in order to resolve the migration issue. // In the collection: St. Petersburg International Forensic Forum. Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2024. pp. 931-934.
8. Andrichenko L.V., Plyugina I.V. Migration legislation of the Russian Federation: development trends and application practice: monograph. - Moscow: IZiSP: Norm: Infra-M, 2019. 392 p.
9. Countries where fingerprinting and photographing of incoming citizens are carried out. URL: <https://odr.by/strany-v-kotoryh-provodjat-daktilosko> / (Date of access: 09/01/2024).
10. Samishchenko A. S. Scientific foundations of fingerprinting and prospects for their development: abstract. Dissertation of the candidate. Jurid. sciences': 12.00.12 / A. S. Samishchenko. — M., 2015. — 30 p.
11. Volynsky A. F. Fingerprinting: the influence of public consciousness on its emergence and development // Expert criminalist. - 2014. — No. 4. — pp. 3-6.
12. Safonova, E. A. On the need for the introduction of universal fingerprint registration / E. A. Safonova. — Text: direct // Actual problems of law: materials of the V International Scientific Conference (Moscow, December 2016). — Moscow: Buki-Vedi, 2016. — pp. 154-156.
13. Draft Federal Law dated September 10, 2024 "On the conditions of entry into and exit from the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons, as well as the conditions of their stay and residence on the territory of the Russian Federation" // Garant 2024

Профессиограмма эксперта-оценщика

Бубякин Никита Андреевич

генеральный директор, ООО «Центр Делового Консультирования», n7215890@gmail.com

В статье рассмотрены проблемные вопросы профессиональной компетентности эксперта-оценщика, а именно обоснованности его заключений, составляемых для суда и в суде рассматриваемых. Представлена нормативно-правовая база регулирования квалификации судебного эксперта-оценщика, на основании которой он может проводить экспертизы при назначении их судом. На основании законодательной базы систематизированы возможные варианты составления профессиограммы оценщика и определены направления развития его дальнейшей деятельности. Сделан вывод, что профессиограмма позволит решить проблемы недоверия представителей суда к квалификации и объективности проводимой экспертизы оценщиками, в результате чего будет устранен ряд проблемных моментов в принятии судебных решений. Это также будет способствовать сокращению количества неверно принимаемых решений и апелляций, вызванных недостоверностью и необъективностью проводимой оценки объектов в процессе возникающих споров.

Ключевые слова: профессиограмма, нормативно-правовая база, судебный эксперт-оценщик

Введение

Профессия оценщика является достаточно сложной, требующей наличия большого количества знаний и прохождения специалистами соответствующей профессиональной подготовки. Однако при обучении данные специалисты не всегда получают должные знания, поскольку профессия оценщика обладает широким набором компетенций, которые достаточно сложно освоить в полном объеме в установленный срок. В этой связи требуется проработка специализированных программ, которые позволят отсеять лишнюю информацию, и определить непосредственно самые важные аспекты, необходимые для деятельности оценщика. Одной из таких методик является профессиограмма, которая составляется в отношении конкретной профессии, учитывающей компетенции и уровень их освоения в работе оценщика.

Цель статьи - разработать профессиограмму (профессиональный стандарт) судебного эксперта-оценщика на основании компиляции ключевых критериев двух основных нормативных актов в области оценочной и судебно-экспертной деятельности (Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ [1] и Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2]), а также профессионального стандарта «Специалист в оценочной деятельности», утвержденного Приказом Минтруда России от 26 ноября 2018 года № 742н. [3]

В исследовании использованы методы систематизации судебной практики и научных данных, анализа судебных решений и нормативно-правовых актов, структуризации и построения профессиограмм специалиста оценщика, определения компетенций эксперта-оценщика, принимающего участие в суде.

Основная часть

Для понимания профессиограммы, необходимо обратиться к исследованиям, а именно тому, каким образом она представляется в научном сообществе.

Профессиограмма (от лат. *professio* — специальность, *грамма* — запись) - описание особенностей конкретной профессии, включающее требования (главным образом, психологические характеристики), предъявляемые к специалисту, реализующего себя в данной области [4].

Москалевич Г.Н. [5] считает, что профессиограмма - это документ, который содержит в себе набор компетентностей и уровень их оценивания в деятельности каждого профессионала.

С позиции Николаевой В.С. [6] профессиограмма представляет собой сложный методический аппарат, нацеленный на систематизацию конкретных знаний, которыми должны обладать эксперты-оцен-

щики или другие специалисты при выполнении возложенного на них должностной инструкцией функционала.

В тоже время Цицулина А.А. [7] считает, что профессионаграмма может быть представлена картой профессиональных компетентностей, которые должен освоить и развивать оценщик на протяжении своей профессиональной деятельности.

В целом, соглашаясь со всеми позициями стоит подчеркнуть, что профессионаграмма представляет собой соотношение имеющихся возможностей и достижений человека в своем профессиональном росте. А значит в отношении оценщика она может быть определена, как набор базовых компетенций, связанных с оценкой недвижимости или других объектов специалиста и возможным уровнем их развития.

Рассматривая, более подробно подчеркнем, что в состав компетенции оценщиков экспертов включены (рисунок 1).

Технические компетенции	Аналитические компетенции	Коммуникативные компетенции	Юридические компетенции
- Знание методов оценки недвижимости (сравнительный, затратный, доходный подход). - Умение работать с программным обеспечением для оценки (например, специализированные приложения для анализа рынка).	- Способность анализировать рыночные данные и тенденции. - Умение проводить сравнительный анализ объектов недвижимости.	- Умение вести переговоры и общаться с клиентами. - Способность представлять результаты оценки в доступной форме. - Понимание этических норм и стандартов в области оценки. - Способность действовать в интересах клиента и общества.	- Знание законодательства в области оценки и недвижимости. - Умение интерпретировать правовые документы и оценивать их влияние на стоимость объектов.

Рисунок 1 - Состав профессиональных компетенции оценщиков экспертов

Источник: составлено автором на основании Стандарта оценщика

Реализуя представленные компетенции, оценщики часто сталкиваются со сложностями противоречия законодательства и стандартов их профессиональной деятельности. Поэтому отсутствие закрепленной законодательно профессионаграммы эксперта-оценщика по такому виду судебной экспертизы как оценочная, затрудняет работу судов, зачастую приводит к отводу вышестоящими судами экспертов, которые, по их мнению, недостаточно компетентны для производства экспертиз, при том, что в судах нижестоящих инстанций сомнений в компетентности экспертов не возникало. Это подчеркивают примеры из судебной практики.

Такая ситуация наглядно прослеживается на примере работы Московского городского суда и далее Первого апелляционного суда общей юрисдикции в делах по оспариванию кадастровой стоимости недвижимости. Типовой и многократно повторяющийся пример из апелляционного определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции (определение от 08.12.2020 по делу №66а-4667/2020) [8]: «Согласно статье 4 Федерального закона от 29 июля 1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценочной деятельности), субъектами оценочной деятельности признаются физические лица,

являющиеся членами одной из саморегулируемых организаций оценщиков и застраховавшие свою ответственность в соответствии с требованиями названного закона. Исходя из положений Приказа Минтруда России от 26 ноября 2018 года № 742н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в оценочной деятельности», которым установлены требования к специалистам в оценочной деятельности, экспертизу (проверку) итогового документа об определении стоимостей (оценки недвижимости) вправе проводить эксперт-оценщик, имеющий уровень высшего образования – магистратура или специалитет либо уровень высшего образования – магистратура или специалитет (непрофильное) и дополнительное профессиональное образование – программы профессиональной переподготовки по профилю оценочной деятельности, в том числе стаж работы не менее пяти лет в сфере определения стоимостей (цен), оценки. Из материалов дела усматривается, что эксперт ФИО2 имеет высшее образование по направлению «Экономика» с присвоением квалификации бакалавра. При изложенных обстоятельствах эксперт ФИО2 не обладал правами на проведение судебной экспертизы ... При указанных обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу о необходимости проведения по делу повторной судебной оценочной экспертизы, производство которой было поручено эксперту ...».

При этом следует упомянуть, что эксперты-оценщики в отличие от специалистов в оценочной деятельности, работают на стыке двух профессиональных областей знаний (оценочная деятельность и юриспруденция). Однозначно, что они должны являться, прежде всего специалистами в области оценки, тем не менее значительный блок компетенций судебного эксперта также должен иметь место [9].

Далее представим на каких ключевых компетентностях может быть выстроена профессия эксперта-оценщика в судебной экспертизе (таблица 1).

Таблица 1
Состав ключевых компетентностей профессия эксперта-оценщика в судебной экспертизе

Компетенция	Уровень освоения	Описание	Закон, которым следует руководствоваться
Методы оценки недвижимости, объектов имущества, имущественных комплексов	Базовый	Знание основных методов оценки (сравнительный, затратный, доходный). Умение пользоваться современным программным обеспечением, упрощающим процесс проведения оценки	ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ
Анализ рыночных данных о стоимости оцениваемых объектов, внешних факторах, оказывающих влияние	Средний	Умение проводить анализ текущих рыночных тенденций и цен, формирование собственных выводов о рынке и достоверного мнения по стоимости объектов	ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ

на стоим- мость объек- тов оценки			
Законода- тельство в области оценки не- движимости, объектов имущества, имуществен- ных ком- плексов	Высо- кий	Знание основных зако- нодательных актов, ре- гулирующих оценочную деятельность, эксперт- ную деятельность, ме- тоды оценки и судебной экспертизы	ФЗ от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государ- ственной су- дебно-эксперт- ной деятельно- сти в Россий- ской Федера- ции»
Этические нормы оцен- щика в суде	Высо- кий	Понимание и примене- ние этических стандар- тов в практике оценки, беспристрастность и объективность форми- руемых выводов	Профессио- нальный стан- дарт «Специа- лист в оценоч- ной деятельно- сти», утв. При- казом Минтруда России от 26 ноября 2018 года № 742н.

Источник: составлено автором на основании Стандарта оценщика

Таким образом, опираясь на ключевые законода-
тельные акты, определяющие специфику работы
судебного эксперта оценщика, появилась возмож-
ность проработки единой профессиограммы специ-
алиста, учитывающей определение и выделенные
компетентности. Основные элементы, которые
должны содержаться в профессиограмме судебного
эксперта оценщика приведены в таблице 2.

Таблица 2
Основные элементы, которые должны содержаться в профес-
сиограмме судебного эксперта оценщика

Элемент про- фессиограммы	Описание
Общие сведе- ния	Наименование профессии: Судебный экс- перт-оценщик Код профессии: 25421 4 X 2419 XX или X 25421. Область деятельности: Оценка имущества и экспертиза в заседаниях суда .
Цели и задачи профессии	Проведение оценочной деятельности в рам- ках назначенной судом экспертизы, Формирование объективного и обоснованного заключения по вопросам оценки имущества, которые могут быть использованы в суде
Компетенции	Методы оценки недвижимости, объектов иму- щества, имущественных комплексов. Анализ рыночных данных о стоимости оцени- ваемых объектов, внешних факторах, оказы- вающих влияние на стоимость объектов оценки. Законодательство в области оценки недвижи- мости, объектов имущества, имущественных комплексов. Этические нормы оценщика в суде.
Обязанности	- проведение оценки имущества по запросу суда или сторон процесса; - представление экспертных заключений в установленные сроки; - участие в судебных заседаниях для разъяс- нения заключений; - сохранность и конфиденциальность инфор- мации, полученной в ходе работы; - развитие квалификации посредством обуче- ния новым методам и законодательным изме- нениям в области проведения оценки имуще- ства.
Требования к квалификации	Образование - высшее образование в обла- сти оценки и юриспруденции

	Опыт работы: в области оценочной деятель- ности не менее 3 лет. Обязательное наличие сертификата или ат- тестата, подтверждающего квалификацию су- дебного эксперта-оценщика.
Условия ра- боты	Периодическое повышение квалификации и участие в семинарах, конференциях, фору- мах, посвященных изменениям в области оценочного законодательства и стандартов оценщика в РФ Понимание высокой ответственности и воз- можность работы под давлением сроков и сложности законодательства в области оце- ниваемого имущества

Источник: составлено автором

В представленном варианте профессиограммы
содержатся лишь основные аспекты и элементы де-
ятельности эксперта оценщика в суде. В целом она
должна представлять собой многоплановую харак-
теристику компетенций данного специалиста, со-
держашую две плоскости:

1. Спектральная
2. Субъектная.

В спектральной плоскости должны рассматри-
ваться умения и знания оценщика в производстве
экспертиз в части методологического, организаци-
онно-управленческого и предметного направления
проведения экспертиз. А субъектная плоскость
должна содержать физиологический, психологиче-
ский и этический элементы, которые также должен
соблюдать оценщик.

Подобная профессиограмма должна быть за-
креплена на уровне стандарта профессии эксперта-
оценщика, качественную преобразуя данную ин-
формацию, определяя точность сведений в судопро-
изводстве и повышая уровень доверия со сто-
роны судов и участников судебных процессов к ре-
зультатам экспертиз.

Таким образом, внедрение многоуровневой про-
фессиограммы эксперта-оценщика не только повы-
сит качество проводимых экспертиз, но и укрепит
общую эффективность судопроизводства, что в ко-
нечном итоге приведет к более справедливым и
обоснованным решениям.

Заключение

Профессиограмма оценщика является каче-
ственным инструментом в определении компетен-
ций и уровня их освоения данным специалистом.
Закрепление такого документа на уровне Стандарта
профессии будет способствовать более качествен-
ной работе экспертов, непрерывному обучению и
росту их квалификации. При этом в ней обязательно
должны быть закреплены знания основ методики
оценки, процесс проведения экспертизы, понимание
специфики объектов оценки (недвижимость, оборудо-
вание, бизнес и т.д.), что позволит проводить точ-
ные и обоснованные экспертизы.

Литература

1. Федеральный закон «Об оценочной деятель-
ности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N
135-ФЗ//

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/?ysclid=m20in8f4m3775840422

2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»// <https://base.garant.ru/12123142/?ysclid=m20io4prkr9135012>

3. Профессиональный стандарт «Специалист в оценочной деятельности», утвержденного Приказом Минтруда России от 26 ноября 2018 года № 742н.//

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317389/?ysclid=m20iowm2tj989331489

4. Романова Е.Р. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. —46

5. Москалевич Г.Н. Профессиограммы и психогаммы как инструмент отбора персонала. *Журнал Работа и Карьера*. 2023;2(1). <https://doi.org/10.56414/jeac.2023.31>

6. Николаева, В. С. (2018). Методика составления профессиограммы. Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ, 214-218.

7. Цыцулина, А. А., Шибанова, Д. А., & Шкунова, А. А. (2018). Профессиограмма как инструмент набора сотрудников. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, 8(34), 368-374.

8. Постановление Первого апелляционного суда общей юрисдикции (определение от 08.12.2020 по делу №66а-4667/2020)// <https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie->

9. Методические разъяснения по выбору судебных экспертов (организаций, учреждений)// <https://srosov.ru/press/news/130819/>

The professionogram of the forensic expert appraiser.

Bubyakin N.A.

Business Consulting Center LLC

The article examines the problematic issues of professional competence of an expert appraiser, namely the validity of his conclusions drawn up for the court and considered in court. The legal framework for regulating the qualifications of a forensic expert appraiser is presented, on the basis of which he can conduct examinations when appointed by the court. Based on the legislative framework, possible options for drawing up an appraiser's job description are systematized and the directions for the development of his further activities are determined. It is concluded that the job description will solve the problems of mistrust of court representatives to the qualifications and objectivity of the examination conducted by appraisers, as a result of which a number of problematic moments in making judicial decisions will be eliminated. This will also help to reduce the number of incorrectly made decisions and appeals caused by the unreliability and bias of the assessment of objects in the process of disputes arising.

Keywords: job description, legal framework, forensic expert appraiser

References

1. Federal Law "On appraisal activities in the Russian Federation" dated July 29, 1998 N 135-FZ// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/?ysclid=m20in8f4m3775840422
2. Federal Law dated May 31, 2001 N 73-FZ "On state forensic activity in the Russian Federation"// <https://base.garant.ru/12123142/?ysclid=m20io4prkr9135012>
3. Professional standard "Specialist in appraisal activities", approved by the Order of the Ministry of Labor of Russia dated November 26, 2018 N 742н.// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317389/?ysclid=m20iowm2tj989331489
4. Romanova E.R. 99 popular professions. Psychological analysis and profессиоgrams. 2nd ed. SPb.: Piter, 2003. -46
5. Moskalevich G.N. Professiograms and psychograms as a tool for personnel selection. *Journal of Work and Career*. 2023; 2 (1). <https://doi.org/10.56414/jeac.2023.31>
6. Nikolaeva, V. S. (2018). Methodology for compiling a profессиоgram. Scientific notes of the Tambov branch of RosSMU, 214-218.
7. Tsytsulina, A. A., Shibanova, D. A., & Shkunova, A. A. (2018). Professionogram as a tool for recruiting employees. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 8(34), 368-374.
8. Resolution of the First Appellate Court of General Jurisdiction (determination of 08.12.2020 in case No. 66а-4667/2020)// <https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie->
9. Methodological explanations for the selection of forensic experts (organizations, institutions)// <https://srosov.ru/press/news/130819/>

Особенности гражданско-правового положения муниципальных образований на территории Запорожской области в период СВО

Левадная Кристина Ивановна

аспирант, кафедра «Гражданско-правовых дисциплин», Мелитопольский государственный университет, lkristina85@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности гражданско-правового положения муниципальных образований на территории Запорожской области в период проведения специальной военной операции (СВО) и их интеграции в правовую систему Российской Федерации. Проведен исторический анализ становления местного самоуправления в регионе, проанализированы современные правовые изменения и выявлены основные проблемы, которые связаны с правовым регулированием деятельности органов местного самоуправления в условиях переходного периода. Предложены пути совершенствования законодательства и практики функционирования муниципальных образований для обеспечения эффективного управления и защиты прав граждан.

Ключевые слова: Запорожская область, муниципальные образования, гражданско-правовое положение, местное самоуправление, специальная военная операция, правовое регулирование, интеграция, органы местного самоуправления.

Введение

Запорожская область, обладающая богатой историей и стратегическим положением, в последние годы оказалась в эпицентре политических и правовых изменений, так, принятие части территории области под юрисдикцию Российской Федерации в ходе специальной военной операции (СВО) создало особую правовую ситуацию. Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания особенностей гражданско-правового положения муниципальных образований в период интеграции в российскую правовую систему, и выявления проблем, возникающих в процессе адаптации местного самоуправления к новым условиям.

Цель настоящей статьи — проанализировать особенности гражданско-правового положения муниципальных образований на территории Запорожской области в период СВО и интеграции в правовую систему Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

1. Исследовать историческое становление местного самоуправления в Запорожской области, определить основные этапы и факторы, влияющие на его развитие.
2. Проанализировать современное правовое регулирование муниципальных образований в условиях СВО, выявить основные изменения в законодательстве и их влияние на деятельность органов местного самоуправления.
3. Определить основные проблемы гражданско-правового регулирования деятельности муниципальных образований в период интеграции и предложить возможные пути их решения для обеспечения успешного функционирования местного самоуправления и защиты прав граждан.

Новизна исследования состоит в анализе гражданско-правового положения муниципальных образований Запорожской области, в частности, в условиях проведения СВО и последующей интеграции в российскую правовую систему. Впервые детально рассмотрены правовые коллизии и специфические проблемы, возникающие при одновременном действии российских и местных нормативных актов, далее предложены рекомендации по гармонизации законодательства, уточнению компетенций органов местного самоуправления и укреплению их кадрового потенциала для обеспечения правопорядка на новых территориях.

Историческое становление местного самоуправления в Запорожской области

В период Российской империи, после ликвидации Запорожской Сечи в 1775 году, территория ны-

нешней Запорожской области вошла в состав Новороссийской губернии, в этот период началось заселение региона (в том числе иностранными колонистами), которое привело к многонациональному развитию края. Органы местного самоуправления того времени, такие как городские думы и управы, выполняли ограниченные функции, в основном связанные с хозяйственными и административными вопросами.

После Октябрьской революции 1917 года и последовавших за ней событий Гражданской войны, территория Запорожья неоднократно переходила под контроль различных властей: в 1921 году город Александровск был переименован в Запорожье, а губерния стала Запорожской. В этот период началось постепенное восстановление и развитие местного самоуправления в рамках советской системы.

10 января 1939 года была образована Запорожская область путем выделения из Днепропетровской области, в советский же период органы местного самоуправления функционировали в единой государственной системе, где их полномочия были строго регламентированы центральной властью. Местные Советы народных депутатов выполняли функции, определенные партийными и государственными органами, то есть с ограничением их самостоятельности.

С распадом СССР и обретением Украиной независимости в 1991 году начался процесс реформирования системы местного самоуправления, так, в 1997 году был принят Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине», который определил правовые основы деятельности органов местного самоуправления, их полномочия и ответственность, однако на практике внедрение принципов местного самоуправления сталкивалось с трудностями, которые по большей части были связаны с недостаточной финансовой и организационной самостоятельностью муниципальных образований [6].

В 2020 году в Украине была проведена административно-территориальная реформа, в результате которой количество районов в Запорожской области было сокращено до пяти и были созданы новые территориальные громады, данная реформа была направлена на децентрализацию власти и усиление роли местного самоуправления.

В 2022 году, в контексте специальной военной операции (СВО), часть территории Запорожской области перешла под контроль Российской Федерации. 29 сентября 2022 года был признан государственный суверенитет и независимость Запорожской области, а 30 сентября состоялось подписание договора о ее воссоединении с Россией. В этот период началась интеграция местных органов самоуправления в российскую правовую систему. 3 марта 2023 года временно исполняющий обязанности губернатора Запорожской области Е. Балицкий утвердил новое административно-территориальное устройство области, создав 16 муниципальных образований: 3 городских округа и 13 муниципальных округов [1].

Правовое регулирование муниципальных образований в условиях СВО

В период проведения СВО новые территории Российской Федерации приобретают особый правовой статус, который связан с обеспечением безопасности, поддержания общественного порядка и успешного управления в условиях повышенной угрозы, в частности, в регионах вводится режимы чрезвычайного или военного положения, который также влияет на функционирование органов местного самоуправления.

Согласно статье 43 Федерального закона № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", устав муниципального образования и решения, принятые на местном референдуме, являются актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов и имеют прямое действие на всей территории муниципального образования, однако в условиях СВО возможны изменения в применении этих актов в связи с введением особых режимов [2].

Деятельность муниципальных образований регулируется комплексом нормативно-правовых актов (Конституция Российской Федерации, федеральные законы, законы субъектов Федерации и муниципальные правовые акты), а основополагающим документом является Федеральный закон № 131-ФЗ, который определяет общие принципы организации местного самоуправления.

В условиях СВО новые функции приобретают нормативные акты, с упором на обеспечение прав и социальных гарантий участников боевых действий и членов их семей, например, Федеральный закон от 13 июня 2023 года № 225-ФЗ предоставляет участникам СВО и их семьям право на бесплатную юридическую помощь [3].

Изменения законодательства под условия СВО сталкиваются с тем, что во-первых, требуется оперативно вносить изменения в нормативно-правовые акты для учета новых реалий, во-вторых, возникает необходимость гармонизации федерального и регионального законодательства, особенно в части регулирования правового статуса территорий с особым режимом.

Исследователи отмечают, что в условиях СВО внимание следует уделять правовому положению территорий с особым правовым статусом, таких как закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) и особые экономические зоны, Годовникова А.М. и Михайлов Р.Б. выделяют, что правовое регулирование таких территорий требует учета специфики их функционирования и особых условий, связанных с обеспечением безопасности и обороноспособности страны [5].

Структура и функции муниципальных образований в период СВО

В условиях специальной военной операции структура и функции муниципальных образований Российской Федерации претерпели изменения, которые в основном связаны с адаптацией под новые трудности и обеспечение управления на местах. Так, согласно Федеральному закону № 131-ФЗ «Об

общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», органы местного самоуправления (ОМСУ) обладают следующими полномочиями [2]:

- принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений;
- установление официальных символов муниципального образования;
- создание муниципальных предприятий и учреждений;
- организация тепло- и водоснабжения, водоотведения;
- утверждение генеральных планов и правил землепользования и застройки;
- дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения;
- организация транспортного обслуживания населения;
- обеспечение жителей услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания;
- подготовка и проведение местных выборов и референдумов;
- создание и утверждение программ комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры;
- участие в профилактике терроризма и экстремизма;
- организация мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне;
- организация мероприятий по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений;
- обеспечение проживающих в городском округе и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями;
- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия;
- создание и развитие лечебно-оздоровительных местностей и курортов местного значения.

Перечисленные полномочия позволяют ОМСУ самостоятельно решать вопросы местного значения и обеспечивать жизнедеятельность населения на соответствующих территориях.

Также наблюдаются изменения в организационной структуре муниципальных образований для повышения оперативности и эффективности управления, в частности, усиливается интеграция ОМСУ в единую систему публичной власти (отражено в поправках к Конституции РФ, принятых в 2020 году). Согласно этим изменениям, органы местного самоуправления наряду с органами государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ и осуществляют взаимодействие для наиболее успешного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [7].

Далее, в 2022 году был представлен проект закона о местном самоуправлении, который предусматривает упрощение правовых конструкций и уточнение компетенции органов местного самоуправления с целью устранения путаницы при пере-

распределении полномочий между ОМСУ и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В условиях СВО усиливается кооперация ОМСУ с государственными органами, например, ОМСУ участвуют в реализации мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории муниципального образования от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; они организуют и осуществляют мероприятия по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений, находящихся на территории муниципального района или городского округа.

Проблемы в гражданско-правовом регулировании деятельности муниципальных образований на территории Запорожской области в период СВО

После принятия Запорожской области в состав Российской Федерации в октябре 2022 года возникла необходимость интеграции ее правовой системы в российское законодательное поле, в связи с этим федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ установил, что законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации действуют на территории Запорожской области с момента ее принятия в состав РФ, однако нормативные правовые акты Запорожской области продолжают действовать до окончания переходного периода или до принятия соответствующих актов РФ или Запорожской области [4].

Такая ситуация приводит к правовым коллизиям, когда одновременно действуют нормы российского и местного законодательства, которые противоречат друг другу, например, в сфере гражданско-правовых отношений могут возникать разногласия по вопросам собственности, обязательств, ответственности, далее, существуют пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием четких норм, регулирующих специфические ситуации, возникающие в условиях переходного периода [9].

В условиях СВО и переходного периода внимание уделяется соблюдению гражданских прав и свобод населения Запорожской области – Конституция РФ гарантирует права и свободы человека и гражданина, но, с другой стороны, для их реализации на новых территориях появляются проблемы, например, процесс признания гражданства РФ для жителей Запорожской области требует принесения Присяги гражданина Российской Федерации (это вызывает сложности для отдельных категорий лиц) [8].

В период интеграции возникают случаи ограничения прав на свободу передвижения, выражение мнений и участие в общественной жизни, а органы местного самоуправления и государственные структуры должны обеспечивать защиту прав граждан, предотвращать их нарушения, оперативно реагировать на возникающие проблемы.

Здесь вытекают еще одни трудности для органов местного самоуправления, во-первых, существует проблема недостаточной правовой определенности в вопросах компетенции и полномочий органов

местного самоуправления. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает общие принципы, но их применение на новых территориях требует изменений с учетом местных особенностей.

Во-вторых, во время СВО возникают сложности в обеспечении правопорядка, органы местного самоуправления должны кооперироваться с правоохранительными органами для поддержания общественного порядка, а недостаток опыта затрудняет эффективное выполнение этих задач.

В-третьих, существует проблема кадрового обеспечения органов местного самоуправления, то есть требуется замещение должностей квалифицированными специалистами, знакомыми с российским законодательством и практикой, а это требует времени и усилий.

Заключение

В условиях проведения специальной военной операции и принятия Запорожской области в состав Российской Федерации гражданско-правовое положение муниципальных образований на данной территории оказалось в состоянии кардинальных изменений. Исторический анализ показал, что система местного самоуправления в регионе неоднократно менялась под влиянием политических и социально-экономических факторов.

И сейчас в процессе интеграции в российское правовое пространство муниципальные образования Запорожской области сталкиваются с такими проблемами, как правовые коллизии, вызванные одновременным действием российских и местных нормативных актов (создают сложности в регулировании гражданско-правовых отношений, особенно в сферах собственности, обязательств и ответственности), недостаточная правовая определенность и наличие пробелов в законодательстве, которые затрудняют функционирование органов местного самоуправления и реализацию прав и свобод граждан.

С другой стороны, этими вопросами занимаются органы местного самоуправления, которые обеспечивают жизнедеятельность населения, поддерживают общественный порядок и реализовывают социальные гарантии, особенно в условиях особых правовых режимов, связанных с СВО.

Так, для успешного преодоления существующих проблем требуется привести в гармонию федеральное и региональное законодательство с учетом местных особенностей и потребностей населения, например, путем оперативного внесения изменений в нормативно-правовые акты, уточнения компетенций и полномочий органов местного самоуправления, обеспечения их кадрового потенциала квалифицированными специалистами, знакомыми с российским законодательством и практикой.

В перспективе развитие гражданско-правового положения муниципальных образований в Запорожской области связывают с укреплением кооперации федеральных и местных органов власти. Далее, со-

вершенствование правового регулирования и повышение эффективности работы органов местного самоуправления, чтобы обеспечить стабильность, правопорядок, благополучие населения региона. Особенно следует уделить внимание защите прав и свобод граждан, их социальной поддержке, созданию условий для участия в общественной жизни.

Литература

1. Указ временно исполняющего обязанности Губернатора Запорожской области от 3 марта 2023 г. N 20-у "О статусе и границах муниципальных образований Запорожской области" от 03.03.2023 N 20-у.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
3. Федеральный закон от 13.06.2023 № 225-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации"».
4. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. N 7-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области" (с изменениями и дополнениями).
5. Годовникова А. М., Михайлов Р. Б. Правовое положение территорий с особым правовым статусом // Территория науки. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-territoriy-s-osobym-pravovym-statusom> (дата обращения: 06.11.2024).
6. Запорожская область: страницы истории [Электронный ресурс]. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2024. URL: <https://www.prilib.ru/collections/1916553> (дата обращения: 05.11.2024).
7. Мартынов М. Ю., Сердюков Д. В. Институт местного самоуправления в структуре гражданского общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mestnogo-samoupravleniya-v-strukture-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 04.11.2024).
8. Павлова Е. В. Особенности административно-правового статуса граждан Российской Федерации вновь присоединенных субъектов // Закон и право. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativno-pravovogo-statusa-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-vnov-prisoedinennyh-subektov> (дата обращения: 06.11.2024).
9. Рылская Н. С. Некоторые вопросы административно-территориального устройства Российской Федерации на современном этапе // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-administrativno-territorialnogo-ustroystva-rossiyskoy-federatsii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 07.11.2024).

Features of the civil status of municipalities in the zaporozhye region during the SMO

Levadnaya K.I.

Melitopol State University

The article examines the features of the civil status of municipalities in the Zaporizhzhya region during the special military operation (SMO) and their integration into the legal system of the Russian Federation. A historical analysis of the formation of local self-government in the region is conducted, modern legal changes are analyzed and the main problems associated with the legal regulation of the activities of local governments in the transition period are identified. Ways to improve the legislation and practice of functioning of municipalities to ensure effective governance and protection of citizens' rights are proposed.

Keywords: Zaporizhzhya region, municipalities, civil status, local self-government, special military operation, legal regulation, integration, local governments.

References

1. Decree of the Acting Governor of the Zaporizhzhya region dated March 3, 2023 N 20-u "On the status and boundaries of municipalities of the Zaporizhzhya region" dated 03.03.2023 N 20-u.
2. Federal Law dated 06.10.2003 N 131-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024).
3. Federal Law dated 13.06.2023 N 225-FZ "On Amendments to Article 20 of the Federal Law "On Free Legal Aid in the Russian Federation"".
4. Federal Constitutional Law of October 4, 2022 N 7-FKZ "On the Admission of the Zaporizhzhya Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Zaporizhzhya Oblast" (with amendments and additions).
5. Godovnikova A. M., Mikhailov R. B. Legal Status of Territories with Special Legal Status // Territory of Science. 2013. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-territorii-s-osobym-pravovym-statusom> (date accessed: 06.11.2024).
6. Zaporizhzhya Oblast: Pages of History [Electronic resource]. Federal State Budgetary Institution "B.N. Yeltsin Presidential Library", 2024. URL: <https://www.prlib.ru/collections/1916553> (date of access: 05.11.2024).
7. Martynov M. Yu., Serdyukov D. V. Institute of Local Self-Government in the Structure of Civil Society // Russia: Development Trends and Prospects. 2022. No. 17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mestnogo-samoupravleniya-v-strukture-grazhdanskogo-obschestva> (date of access: 04.11.2024).
8. Pavlova E. V. Features of the administrative and legal status of citizens of the Russian Federation of newly annexed subjects // Law and Right. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativno-pravovogo-statusa-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-vnov-prisoedinennyh-subektov> (date of access: 06.11.2024).
9. Rylskaya N. S. Some issues of the administrative-territorial structure of the Russian Federation at the present stage // The rule of law: theory and practice. 2023. No. 3 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-administrativno-territorialnogo-ustroystva-rossiyskoy-federatsii-na-sovremennom-etape> (date of access: 07.11.2024).